

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
БУКОВИНСКИЙ ЦЕНТР АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПРИ ЧЕРНОВИЦКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. ЮРИЯ ФЕДЬКОВИЧА

И. П. Русанова

ИСТОКИ СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫЧЕСТВА

Культовые сооружения
Центральной и Восточной Европы
в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.

Черновцы
Издательство "Прут"
2002

ББК 63.4(4)
Р 89

Ответственный редактор: кандидат исторических наук **Л.П. Михайлина**

Рецензенты: кандидат исторических наук **С. В. Пивоваров**
кандидат исторических наук **И. Г. Чеховский**

Составитель: кандидат исторических наук **Б.Т. Ридуш**

Русанова И.П.

Р 89 Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э. / Институт археологии РАН, Буковинский центр археологических исследований при Черновицком национальном университете им. Юрия Федьковича. - Черновцы: Прут, 2002. - 172 с., ил..
ISBN 966-560-153-9

В книге анализируются археологические свидетельства о языческих культурах народов Центральной и Восточной Европы - кельтов, германцев, скифов, фракийцев и др., которые оказали влияние на сложение язычества древних славян.

Книга рассчитана на археологов, историков, всех, кто интересуется вопросами истории материальной и духовной культуры древних народов Европы.

ББК 63.4(4)

На первой странице обложки: серебряный культовый котел, найденный в 1891 г. в торфянике. Гундеструп, Ютландия. Национальный музей в Копенгагене.

На последней странице обложки: фрагмент золотой пекторали из скифского кургана Толстая могила Днепропетровской обл. Киевский музей исторических драгоценностей.

ISBN 966-560-153-9

© Институт археологии Российской Академии наук, 2002
© Буковинский центр археологических исследований при Черновицком национальном университете им. Юрия Федьковича, 2002

Содержание

ЯЗЫЧЕСКАЯ ЕВРОПА ГЛАЗАМИ АРХЕОЛОГА.....	6
ПРЕДИСЛОВИЕ И. П. РУСАНОВОЙ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ РАБОТЫ "КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ VI ТЫС. ДО Н. Э. - I ТЫС. Н. Э.".....	10
1. КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ КЕЛЬТОВ.....	12
1.1. Вера и организация культов.....	13
1.2. Данные археологии о культовых сооружениях.....	14
1.2.1. "Княжеские" курганы.....	16
1.2.2. Круглые святилища.....	18
1.2.3. Жертвенные площадки.....	20
1.2.4. Жертвенные ямы.....	20
1.2.5. Городища-убежища.....	21
1.2.6. Четырехугольные городища-святилища.....	23
1.2.7. Пещеры.....	29
1.2.8. Священные колодцы.....	30
1.2.8. Храмы.....	55
1.2.9. Скульптура.....	40
1.2.10. Культ головы и жертвы человека.....	41
1.2.11. Жертвы животных.....	44
1.2.12. Другие жертвы.....	44
2. КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГЕРМАНЦЕВ.....	46
2.2. Жертвенные места в болотах и торфяниках.....	49
2.2.1. Жертвенные площадки.....	50
2.2.2. Жертвы озёрам и рекам.....	60
2.2.3. Человеческие жертвы.....	61
2.3. Огненные жертвенники.....	64
2.4. Круговые рвы.....	64
2.5. Строительные жертвы.....	66
2.6. Храмы.....	66
3. КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАРОДИНЫ СЛАВЯН (НА ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ ПОЛЬШИ).....	70
3.1. Лужицкая культура.....	70
3.1.1. Жертвенные ямы.....	77
3.1.2. Почитание воды.....	72
3.1.3. Городища и жертвенные колодцы.....	72
3.1.4. Городища-святилища с каменными валами.....	75
3.2. Позднелатенский и римский периоды.....	78
3.2.1. Почитание воды и колодцев. Жертвенные ямы.....	78
3.3. Влияние кельтов.....	80
3.3.1. Молельни.....	81
3.3.2. Круговые рвы.....	90
3.4. Влияние германцев.....	93
3.4.1. Жертвы в болотах.....	93

4. КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЛЕСОСТЕПИ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ (VII-III ВВ. ДО Н. Э.)	99
4.1. Религиозные представления степных скифов	100
4.1.1. Курганы, <i>майданы</i> , зольники	101
4.1.2. Курганы-жертвенники	118
4.1.3. Глиняные и каменные жертвенники	121
4.1.4. Жертвенные ямы	126
4.1.5. Культовые постройки	130
Большие общественные дома	130
4.1.6. Моельни	134
4.2. Культовые сооружения сарматов	143
4.3. Культовые сооружения фракийского населения	148
4.3.1. Святилища	149
БИБЛИОГРАФИЯ К МОНОГРАФИИ И.П.РУСАНОВОЙ	152
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ	161
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	164
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ	167

От составителя

Предлагаемая вниманию читателя книга является посмертным изданием последнего труда выдающейся исследовательницы славянской археологии Ирины Петровны Русановой. В связи со скоропостижной кончиной автора, публикуемая работа не была завершена. Из трех предполагавшихся частей - "Культовые сооружения Центральной Европы", "Культовые сооружения лесостепной зоны Восточной Европы" и "Культовые сооружения лесной зоны Восточной Европы", - полностью законченной оказалась лишь первая часть. К ней имеется полный текст и черновые иллюстрации. Вторая часть была завершена частично: текст и черновики иллюстраций имеются только для скифских и фракийских памятников. Что касается готовившегося включения в этот раздел памятников культур поянешти-лукашевской, липицкой, карпатских курганов, сарматской, зарубинецкой, позднезарубинецкой, киевской, воыно-подольской, вельбарской и Черняховской, то к ним имеются лишь черновики иллюстраций, а текст либо не был завершен, либо утерян. Поэтому этот материал в книгу не вошел. К предполагавшейся третьей части, которая должна была вместить сведения о культовых сооружениях славян лесной зоны, а также балтов и финнов, также имеются лишь разрозненные черновики иллюстраций.

Сама исследовательница считала, что эта работа "ещё не предназначена для печати, нуждается в редактировании, сокращении и перекомпоновке материала" (см. с. 11). Однако, учитывая огромную ценность проделанной И. П. Русановой работы, издатели приняли решение опубликовать её в том виде, в каком её оставил автор. Поскольку в имевшихся текстовых материалах отсутствовало "Введение" ко всей книге, было решено в качестве авторского введения использовать предисловие И.П. Русановой ко второй части работы (с. 10-11), которое раскрывает общий замысел автора, и в котором содержатся также пути решения поставленных задач. Кроме того, материал книги предваряется замечательным предисловием А. В. Назаренко и А. Л. Хорошкевич "Языческая Европа глазами археолога" (с. 6-9), которое вводит читателя в курс проблемы.

Отсутствие "Выводов" мы попытались компенсировать помещением в конце работы двух схем, в которых автор в графической форме подытожила использование различных культовых объектов теми или иными культурами (схема на с. 151), а также преемственность и взаимное влияние между культурами в использовании разных видов культовых сооружений (схема на с. 152). Черновики этих двух схем показали нам наиболее законченными. Несмотря на то, что в имеющемся тексте отсутствуют ссылки на них, очевидно, что они предназначались для итоговой части работы. (Другие иллюстративные материалы, на которые отсутствовали ссылки в тексте, в книгу не включены).

Деление имеющегося материала на четыре главы проистекало из авторской разбивки иллюстративного материала. Наиболее трудоемкой задачей оказалась проверка аппарата ссылок, поскольку имевшийся в нашем распоряжении список литературы не был полным, а некоторые источники, на которые ссылалась автор, были недоступны составителю. Учитывая это, заранее приносим извинения за возможные отдельные неточности в ссылках, а также за отсутствие ссылок под некоторыми иллюстрациями, заимствованными И.П. Русановой у других авторов, и воспроизведенными нами лишь по её черновикам (ксерокопиям).

Несмотря на незавершенность данного исследования, оно, на наш взгляд, является крупным шагом в научном осмыслении археологических свидетельств языческих культов народов Европы и славян в частности, а также послужит толчком к дальнейшим исследованиям. Намеченные Ириной Петровной направления в исследовании данной темы несомненно будут продолжены усилиями её многочисленных учеников и последователей из разных стран.

ЯЗЫЧЕСКАЯ ЕВРОПА ГЛАЗАМИ АРХЕОЛОГА

Замысел монографии (часть которой ныне издается посмертно) известного русского археолога-слависта Ирины Петровны Русановой (1929–1998)¹ родился в ходе раскопок восточнославянских языческих святилищ на Збруче, проводившихся ею вместе с Б. А. Тимошуком в 1984–1989 годах. Нелегким был путь к публикации добытых данных² и не менее тяжелой для обоих борьба за признание этих данных как свидетельства сравнительно позднего этапа в истории древнерусского язычества³. Обобщившая результаты раскопок книга о языческих святилищах древних славян заполнила собой заметную лакуну в изучении археологических памятников дохристианских верований на славянской территории Восточной Европы. До этого история русского язычества изучалась по преимуществу на основе письменных источников и этнографических наблюдений (наиболее известное исключение составляют некоторые работы В. В. Седова⁴).

Раскопки на Збруче, в местах, где в свое время было обнаружено знаменитый Збручский идол, выявили несколько взаимосвязанных археологических памятников, названных И. П. Русановой

и Б. А. Тимошуком "городищами-святилищами". Это, пожалуй, наиболее обширный на восточнославянских землях комплекс древностей, которые могут быть интерпретированы как остатки языческих культовых сооружений. Многие в этих древностях оказалось неожиданным, в том числе и для самих первооткрывателей. Прежде всего, это датировка функционирования святилищ X–XIII веками и масштаб культового строительства. Все это вносит принципиальные коррективы в представления о судьбах древнерусского язычества в первые века после крещения Руси, о степени его организационной и культовой оформленности, а также позволяет поставить археологические памятники славянского язычества из Верхнего Приднестровья в один ряд с относящимися к той же эпохе данными о развитых формах языческого культа у полабских и поморских славян, подчеркивая в то же время и принципиальные отличия между ними.

Выясняется, что наступление христианства сказывалось на судьбах язычества двояким образом. С одной стороны, последнее было обречено мельчать, отступать в сферу бытовых обрядов и верований, становясь элементом так называемого "двоеверия". Тогда как с другой стороны, конфронтация с христианством, особенно с его дифференцированной обрядовой практикой, местами приводила к своеобразным "всплескам" языческой активности, к дополнительной консолидации все еще оставшихся компактных групп языческого населения (вроде того, что обитало близ збручских святилищ), к ускоренной эволюции языческого ритуала и культового строительства, к усложнению мифологических представлений⁵. Именно это обстоятельство сближает восточнославянскую ситуацию, как она вырисовывается на основе збручских раскопок, с прибалтийско-славянской. Представляется, к примеру, убедительной предложенная И. П. Русановой и Б. А. Тимошуком интерпретация больших нежилых домов как мест общинных ритуальных сходок-пиров, подобных тем, которые известны при храмах прибалтийских славян⁶ и мн. др.

¹ Биографические очерки и библиографию работ И. П. Русановой см.: *Плетнева С. А.* Памяти Ирины Петровны Русановой // РА. 1999, № 2. С. 246–252; *Хорошкевич А. Л.* Судьба - археология: Исследователи раннего славянства - Ирина Петровна Русанова и Борис Анисимович Тимошук // Археологічні студії. Т. 1. Київ; Чернівці, 2000. С. 4–21; то же // *Slavia Antiqua*. Т. 41, 2000. S. 191–210 (несколько расширенный вариант, но без фотоиллюстраций); *Гавритухина И. О., Обломский А. М.* Русанова Ирина Петровна (1929–1998) // Институт археологии: История и современность. Сборник научных биографий. М., 2000. С. 207–210.

² *Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Языческие святилища древних славян. М., 1993. Выход книги совпал с периодом развала прежних издательств, поэтому издание было осуществлено лишь благодаря усилиям учеников Ирины Петровны - И. О. Гавритухина и А. М. Обломского и, к сожалению, на невысоком полиграфическом уровне.

³ Ср., например, рецензию В. В. Даркевича на книгу 1993 г. (РА. 1996, № 4. С. 200–209) и ответ авторов (*Русанова И. П., Тимошук Б. А.* Еще раз о славянском языческом центре на реке Збруч // РА. 1998, № 2. С. 234–243), а также встречающуюся в зарубежной археологической литературе сдержанную оценку результатов раскопок на Збруче (*Shupceki L. P.* Au déclin des dieux slaves // *Clovis: Histoire et mémoire. Le baptême de Clovis, son écho f travers l'histoire*. Т. 2. Paris, 1997. P. 303, 306).

⁴ См. прежде всего: *Седов В. В.* Древнерусское языческое святилище в Перыни // КСИИМК. Вып. 50, 1953. С. 92–103; *он же.* Языческие святилища смоленских кривичей // КСИА. Вып. 67, 1962. С. 57–64.

⁵ См., например, соображения о христианском влиянии на сложение славянской культовой скульптуры: *Rosik G.* Udział chrześcijaństwa w powstaniu policefalnych posągów kultowych u Słowian zachodnich. Wrocław, 1995.

⁶ *Herbordi* Dialogus de vita s. Ottonis episcopi Babenbergensis I, 32 / Ed. J. Wikarjak, K. Liman // Monumenta Poloniae Histórica. Nova series (далее: MPHNS). Т. 7/3. Warszawa, 1974. P. 123–126.

Однако при всей несомненной интенсивности религиозной жизни у верхнеднепровских славян-язычников, при всей достаточно ярко выраженной разработанности языческих мифологем (о чем свидетельствует такой сложный памятник, как Збручский идол), здешние древности, в сравнении с языческими древностями прибалтийских славян, в целом производят впечатление заметно более примитивных. Если Збручский идол сопоставим с описаниями изображений языческих божеств балтийских славян, как они сохранились у западных писателей XI-XII вв. (Титмара Мерзебургского, Саксона Грамматика, Эбоновом житии Оттона Бамбергского)⁷, то, например, культовые сооружения, судя по их вскрытым на Збруче остаткам, не идут ни в какое сравнение с развитым храмо-строительством у руян или лютичей, подтвержденном не только историческими описаниями известных святилищ в Ретре или Арконе⁸, но и сравнительно недавними раскопками немецких археологов - прежде всего в Грос-Радене⁹. Для верхнеднепровских языческих святилищ, как показали изыскания И. П. Русановой и Б. А. Тимощука, типичны встречающиеся и в других местах Славянщины округлые каменные вымо-стки под открытым небом с остатками столбовых ям (служивших, вероятно, основанием для идолов) и жертвенных колодцев или ям, живо напоминающих ямки, использовавшиеся для гаданий в конце X - начале XI в. жрецами Ретры, согласно Титмару. В то же время у прибалтийских славян известны настоящие храмы в виде крытых деревянных сооружений, достаточно богато украшенных резьбой.

Совершенно очевидно, что существенно более высокоразвитые формы языческого культа у прибалтийских славян объясняются тем, что в ходе длительной конфронтации с христианством оно превратилось в своего рода государственную религию с храмами. В последних хранились государственные (племенные) святыни и казна, им выплачивалась ежегодная дань, вокруг них складывалось обширное прихрамовое

⁷ Die Chronik des Bischofs *Thietmar von Merseburg* und ihre Korveier Überarbeitung VI, 23-24 / Hg. R. Holtzmann. Berlin, 1935. S. 302, 304; *Saxo Grammaticus. Gesta Danorum* IV, 39, 2-3 / Ed. J. Olrik, H. Raeder. T. 1. Hauniae, 1931. P. 464-465; *Ebonis Vita s. Ottonis episcopi Babenbergensis* III, 9 / Ed. J. Wikarjak, K. Liman. Warszawa, 1969 (MPH NS. T. 7/2).

⁸ См. указания на источники в предыдущем примеч.

⁹ *Schuldt E. Gross-Raden: Ein slawischer Tempelort des 9./10. Jahrhunderts in Mecklenburg*. Berlin, 1985. По остаткам керамики храм датируется IX-X вв., по дендрохронологическим данным - третьей четвертью X в.

хозяйство (прослеживающееся порой даже археологически¹⁰), с влиятельным жречеством, власть которого иногда соперничала с княжеской (так что уместно даже задаться вопросом, не стало ли загадочное упразднение княжеской власти у лютичей следствием далеко зашедшей эволюции жречества). Ничего подобного этому среди збручских древностей не обнаруживается. Противостояние христианству (там, где такое противостояние было) вело к консолидации язычества, но противостояние с государственной властью, которая стояла за христианством, вело к общественной маргинализации оставшихся языческих общин.

Таким образом, вопросы, поднятые раскопками И. П. Русановой и Б. А. Тимощука на Збруче, уводят в сферу общеисторических и методологических проблем, принципиальных для понимания славянского язычества в целом, его происхождения и истории. Коль скоро все данные о языческих верованиях славян (не исключая даже известных сведений Прокопия VI в.) относятся к периоду их сосуществования и противоборства с христианством, то в какой степени оправданы реконструкции на основе этих данных, относящиеся к эпохе *sit venia verbo* "стерильного" язычества? Существовала ли вообще языческая религия славян как цельный и общеславянский феномен или она представляла собой совокупность локально обусловленных специфических религиозных систем"? И как следствие - в какой мере правомерно распространять сведения о языческих древностях одних славянских племен на другие¹²? Как отличить (и можно ли это сделать) в реконструкциях древнейших языческих представлений славян собственно славянское от наследия более древних эпох, уводящего в глубь балто-славянских, общеевропейских, индоевропейских или каких-либо еще (в зависимости от концепции ис-

¹⁰ *Herrmann J., Lange E. Die Pferde von Arcona: Zur Pferdehaltung und Pferdezucht bei den slawischen Stämmen zwischen Elbe und Oder // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. 2. Berlin, 1982. S. 125-133; Die Slawen in Deutschland: Geschichte und Kultur der slawischen Stämme westlich von Oder und Neisse vom 6. bis 12. Jahrhundert. Ein Handbuch / Neubearbeitung, hg. J. Herrmann. Berlin, 1985. S. 74, 317.*

¹¹ Как склонен был считать, например, X. Ловмянский: *Lowmiański H. Religia Słowian i jej upadek*. Warszawa, 1979.

¹² Ср. мнение такого авторитета, как В. Н. Топоров, считающего, что о характере славянского языческого культа в целом "лучше всего судить по описаниям культовых ритуальных деталей, связанных с божествами балтийских славян, и по археологическим данным, относящимся к структуре святилищ и храмов" (*Топоров В. Н. Боги древних славян // Очерки по истории культуры славян. М., 1996. С. 174.*

следователя) этнических и религиозных общностей¹³? К примеру, что такое неоднократно фиксируемая и на Руси, и особенно у балтийских славян многоглавость идолов: архаическая черта (ведь она встречается и у кельтских божеств), или следствие самостоятельной эволюции славянского язычества (многоглавость как результат синкретичности функций поздних божеств), причем эволюции локальной (пантеону киевского князя Владимира такая многоглавость была, судя по общеизвестному описанию "Повести временных лет", чужда)? Какую роль в изучении язычества древних славян способны сыграть различные научные дисциплины - в частности, археология? Вопрос неспроста, если учесть, что среди археологов до сих пор нет единства относительно конкретных обстоятельств и хронологической глубины славянского этногенеза, как он воссоздается средствами археологической науки.

Ясно, что для ответа на эти, как и многие другие, общие вопросы необходимо рассмотреть имеющиеся в распоряжении науки сведения о язычестве славян на фоне, в сравнении и в контексте языческих древностей других европейских этносов и археологических культур. Именно такой целью и задалась И. П. Русанова. Безусловно, это делает честь научной последовательности и самоотверженности покойной исследовательницы, дерзнувшей приступить к освоению практически невозделанной целины - ведь в систематическом виде подобная задача до сих пор не ставилась. Хотя попытки того или иного сравнения такого рода и предпринимались, но ограничивались отдельными феноменами и потому были обречены оставаться малоубедительными. Приведем только один типичный пример - гипотезу И. Херманна о происхождении языческого храмопостроительства лютичей в результате рецепции соответствующей кельтской практики¹⁴, сочувственно принятую некоторыми археологами¹⁵, несмотря на свойственные ей очевидные недоразумения. Каким образом лютичи якобы со-

хранили заимствованные их предками у кельтов не позднее первых веков н. э. навыки храмопостроительства, чтобы "реанимировать" их более, чем через полутысячелетие?¹⁶ Как, далее, в таком случае объяснить черты едва ли оспоримого сходства между храмами балтийских славян и скандинавскими (языческими, а отчасти и деревянными христианскими)?¹⁷ Все эти, казалось бы, очевидные, лежащие на поверхности вопросы, которые оставляет безответными гипотеза известного немецкого археолога, свидетельствуют о неразработанности темы, что во всем ее объеме решила поставить перед собой И. П. Русанова.

В относительно законченном виде исследовательница оставила три раздела запланированной ею монографии. В первом анализируются памятники язычества кельтов и германцев, других наиболее близких соседей славян. Во втором - собраны и рассмотрены данные о культовых сооружениях в области славянской прародины (которую И. П. Русанова, вслед за рядом ученых, ищет в Повисленье), начиная с пшеворской культуры¹⁸. Третий посвящен с разной степенью подробности культовым сооружениям лесостепной зоны Восточной Европы в течение двух тысячелетий до официальной христианизации Руси, т. е. религиозным древностям скифо-сарматского и фракийского миров. Остался ненаписанным собственно славянский раздел, в котором планировалось исследование памятников всех предполагаемых славянских группировок*.

Однако, думается, и в таком явно незавершенном виде работа вызовет большой интерес. Помимо обильного фактического материала,

¹⁶ Наши возражения суммированы в работе: Назаренко А. В. О язычестве эльбо-одерских славян // Религии мира: История и современность, 2001. М., 2002 (в печати).

¹⁷ Ср. последнее, наряду с работой И. П. Русановой и Б. А. Тимошука, монографическое исследование славянских святилищ, в том числе и храмов: *Slupecki L. P. Slavonic Pagan Sanctuaries*. Warszawa, 1994. Особенно P. 95-119. О языческих корнях резного декора норвежских деревянных церквей см.: *Ruszczyk G. Średniowieczne kościoły drewniane w Norwegii // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. T. 40/1, 1993. S. 120-123.

¹⁸ Русанова И. П. Этнический состав носителей пшеворской культуры // Раннеславянский мир. Материалы и исследования. М., Наука, 1991. С. 119-150. Ср. вышедший под ее редакцией обобщающий том: Археология СССР с древнейших времен до средневековья. Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н. э. - первой половине I тысячелетия н. э. М., Наука, 1993.

* Кроме славянских памятников, предполагаемый раздел должен был также охватить языческие древности балтских и угро-финских культур. - *Прим. составителя.*

¹³ Так, скажем, развитая польским медиевистом А. Гейштором теория вписывает славянские языческие мифологические представления в популярную схему Ж. Дюмезиля о функциональной трехчастности индоевропейских обществ (*Gieysztor A. Mitologia Słowian*. Warszawa, 1982).

¹⁴ *Herrmann J. Zu den kulturgeschichtlichen Wurzeln und zur historischen Rolle nordwestslawischer Tempel des frühen Mittelalters // Slovenská Archeologia*. T. 26/1, 1978. S. 19-28; *Die Slawen in Deutschland*. S. 315 & Abb. 154 (S. 316).

¹⁵ См., например: *Седов В. В. Славяне в раннем средневековье*. М., 1995. С. 51.

систематизированного в каждом из разделов по единообразным тематическим рубрикам, несомненной заслугой автора являются формулирование и последовательное применение методических принципов, которые позволяли бы с большей или меньшей определенностью отнести памятник к числу культовых. Разработка общепринятого набора таких принципов - одна из насущных задач археологической науки. Достаточно сказать, что даже ставшая давно хрестоматийной интерпретация Перынского комплекса как языческого святилища, была недавно подвергнута критике именно с методической точки зрения¹⁹. Исследовательница предлагает следующие критерии, степень адекватности которых возрастает в той мере, в какой они оказываются применимы в комплексе: 1) расположение объекта на необычном месте; 2) необычная, сравнительно с окружающими сооружениями, форма и конструкция; 3) явно жертвенный характер находок; 4) аналогия с достоверно культовыми объектами; 5) сопоставление с описаниями культовых объектов в письменных источниках и с этнографическими данными (см. настоящую работу, с. 9).

Все сказанное позволяет надеяться, что выход в свет исследования И. П. Русановой, пусть и незаконченного, её опыт типологического обобщения материала не только станет заметным шагом в изучении истории язычества, но и стимулирует новые изыскания в этой области в предложенном направлении. Ведь окончательное выполнение задачи, поставленной И.П. Русановой, требует, прежде всего, составления полного и систематизированного по единым принципам корпуса европейских языческих древностей, которое под силу, естественно, только совместным координированным усилиям археологов многих национальных школ.

Как и все, что выходило из-под пера И. П. Русановой, её последняя работа написана лаконично, логично и строго, автор не позволяла себе фантазий и домыслов *pro domo sua*, произвольных, хотя и кажущихся соблазнительно правдоподобными, восполнений недостающих в источниках звеньев. Но в этом суховатом стиле, лишенном дерзких реконструкций и культурологических красот, свойственных некоторым

современным работам о язычестве, есть своя несколько математическая поэзия.

В собственной судьбе И. П. Русановой раскопки святилища на Збруче сыграли роковую роль. Они велись вскоре после Чернобыльской аварии, что явилось толчком для развития болезни, стоившей исследовательнице жизни. Кроме того, Ирина Петровна унаследовала от многих поколений священников, своих предков, трепетный страх перед святотатством, даже если речь шла о языческих верованиях. Ощущение, что археолог невольно совершает подобный грех, было для нее тяжким психологическим фоном, неотделимым от занятий историей язычества. Поэтому исследование языческих культовых памятников сопровождалось определенным душевным кризисом, который И. П. Русанова должна была постоянно преодолевать, ради того чтобы закончить работу, которую считала своим долгом. Как отличается эта духовная шепетильность ученого, всю жизнь имевшей дело с реальными остатками некогда живой веры, от агрессивных, бестрепетных и тенденциозно-фантастических форм, которые сплошь и рядом принимает ныне мертворожденное и популярное порой даже в околонуточных кругах неоязычество. Последнее порождено периодом крупных политических и социальных катаклизмов, когда широкие массы, разочаровавшись в прежних убеждениях, не выдержавших испытания временем, обращаются к иным, в том числе и архаичным верованиям, об угрозе возрождения которых Ирина Петровна неоднократно говорила. В этих условиях добросовестные строго научные изыскания в области славянского язычества, которым И. П. Русанова посвятила последний период своей жизни, приобретают большое общественное значение, далеко выходящее за собственно научные пределы.

Издатели надеются, что эта последняя работа Ирины Петровны Русановой станет, как и все её труды, достойным памятником этому замечательному ученому.

Рукопись хранится в архиве Института археологии Российской Академии наук в Москве. Компьютерный набор и оригинал-макет подготовлен Б. Ридушем, сверка с оригиналом произведена А. А. Юшко. Книга выходит в свет благодаря усилиям Буковинского центра археологических исследований и финансовой поддержки семьи И.П. Русановой - Б. А. Тимошука.

А. В. Назаренко,
А. Л. Хорошкевич

¹⁹ Клейн Л. С. О древнерусских языческих святилищах // Церковная археология. Ч. 1: Распространение христианства в Восточной Европе. Материалы I Всероссийской конференции. СПб.; Псков, 1995. С. 71-80; Конецкий В. Я. Некоторые аспекты источниковедения и интерпретации комплекса памятников в Перыни под Новгородом // Там же. С. 80-85.

ПРЕДИСЛОВИЕ И. П. РУСАНОВОЙ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ РАБОТЫ "КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЛЕСОСТЕПНОЙ ЗОНЫ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В I ТЫС. ДО Н. Э. - I ТЫС. Н. Э."

Плановая тема [Культовые сооружения лесостепной зоны Восточной Европы в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э., 1994-1995 гг.] представляет собой вторую часть работы "Культовые сооружения Центральной и Восточной Европы в I тыс. до н. э. - I тыс. н. э.". Первая часть этой работы "Культовые сооружения Центральной Европы" (плановая тема 1992-1993 гг.) включала сведения о культовых сооружениях кельтов, германцев, населения Польши, оставившего лужицкую, поморско-подклевшевую и пшеворскую культуры. Предстоит ещё третья часть работы о памятниках лесной зоны Восточной Европы (балтов, финнов, славянских групп)¹. Данная часть работы посвящена культовым сооружениям в лесостепных культурах скифского времени, фракийских культурах, поянешти-лукашевской, липицкой, культуре карпатских курганов, сарматской, зарубинецкой, поздnezарубинецкой, киевской, воыно-подольской, вельбарской и черняховской.

В окончательном виде в работу будут включены сведения о культовых памятниках всех предполагаемых славянских группировок, их предшественников и соседей. Задача работы состоит не в составлении полного перечня всех культовых сооружений, что сделать невозможно, так как это потребовало бы привлечения архивных материалов из разных стран и всей иностранной литературы, часто нам не доступной. Такой каталог могут сделать только специалисты по отдельным культурам. Цель работы в другом: выявить памятники характерные для каждой культуры и этнической группы и сопоставить их между собой.

Работа в какой-то мере должна решить несколько вопросов.

Первое. Показать, что для открытых на Збруче славянских святилищ, которые на первый взгляд кажутся необычными и ни на что не похожими, при рассмотрении на общем фоне культовых памятников разного времени свойственны тот же состав жертвоприношений и

такие же сооружения, как на святилищах других народов, и что культовый центр на Збруче является закономерным итогом долгого развития языческой религии, её высшим этапом.

Второе. Несмотря на в целом общие для всех народов, а особенно для индоевропейских, верования (культы сил природы, предков, огня, домашнего очага, сельскохозяйственной магии и т.д.), и даже почти одинаковый состав жертвоприношений, выражение этих верований, проводимые обряды и отражающие их культовые сооружения были у всех разными, хотя бы в отдельных деталях. Это вызывалось разными обстоятельствами: 1) традициями, сложившимися в древности у каждого этноса и сохранявшимися очень долгое время; 2) тем, что особенности культовых сооружений не заимствовались у соседей, как вещи, а могли распространяться только при непосредственном общении вместе с расселением населения, с проникновением пришельцев на чужую территорию; 3) тем, что характер культовых сооружений отражает общественное развитие жителей, существующие у них объединения и степень сплочённости общества. От состояния общественного развития зависело возникновение общих для всего объединения культовых мест (для племени, родовой, большесемейной, соседско-большесемейной, соседской общин или для государства в целом), или распространение индивидуальных жертв, связанных с появлением отдельных семейных хозяйств. При этом новые типы сооружений могли привиться на новой почве только в том случае, если по развитию население было подготовлено к этому. Так, собственно святилища, где присутствовали боги - открытые капища с идолом и храмы, характерны для развитых обществ, создающих своё государство. Все эти свойства культовых сооружений позволяют ставить вопросы о непосредственном общении разных этнических групп и об уровне их социального развития. Конечно, эти вопросы могут быть решены только гипотетически, в совокупности с другими данными материальной культуры и результатами исследований других наук. Изучение культовых сооружений является одним из направлений в решении этих вопросов.

¹ К сожалению, последняя третья часть работы И.П. Русановой не была окончена и в нашем распоряжении имелся только иллюстративный материал к ней. - прим. сост.

Данная работа представляет собой лишь первую попытку обобщить доступные археологические материалы, отражающие религиозные верования, и привлечь к ним внимание исследователей. Этой категорией памятников на территории Восточной Европы занимались очень мало. В литературе обычно рассматриваются погребальные сооружения, отдельные, связанные с культурами предметы, амулеты, привлекаются этнографические сведения. Более обобщены данные о культовых сооружениях эпохи бронзы на Украине [Березанская С. С.], античные памятники Северного Причерноморья, каменные бабы. Некоторые памятники упоминаются в статьях Д.Н. Козака. В Европе отдельным культовым объектам посвящена огромная литература, хотя обобщающих работ по всей территории нет. В последние годы появились сводки культовых памятников на территории Сибири и Дальнего Востока [Тиваненко, 1989; Волков, 1981; Мазин, 1994, и др.]

Самым сложным и необоснованным является вопрос, какие же памятники считать культовыми? У древнего населения вся жизнь от рождения до смерти, труд и праздники сопровождалась магическими действиями и обрядами. Культовых объектов повсеместно должно было быть очень много. Но их нужно специально искать, так как иногда они располагались в стороне от поселений и, кроме того, они часто оставались незамеченными при раскопках. На культовых объектах всех народов самыми массовыми находками служат черепки посуды и кости животных. К этому невыразительному "мусорному" материалу иногда добавлялись обычные бытовые вещи. Поэтому культовые объекты часто не имеют определенно выраженной функциональной направленности и рассматриваются исследователями наряду с жилыми и хозяйственными объектами, хотя в древности "мусору" придавалось особое магическое значение, кости животных повсеместно сохранялись и им приписывалась чудодейственная сила. Ямы с костями животных, открытые на поселениях, чаще всего считаются мусорными или погребями для хранения местной пищи, хотя в

этих ямах бывают сложены кости разных животных, в том числе и несъедобных (лошадь, собака, волк), или их пережжённые кости, уж никак не пригодные для еды. Кроме того, непонятно, почему мясные запасы во многих местах оставались не востребованными.

Для выделения культовых объектов можно предложить несколько критериев, которые необходимо привлекать не в отдельности, а по возможности комплексно. Такими критериями могут быть:

1) Расположение объекта, например, ямы или постройки: в необычном месте - на могильнике, на краю поселения. Или, напротив, в его центре, в стороне от заселённой территории, изолировано, рядом с другими явно культовыми сооружениями - зольниками, храмами, алтарями.

2) Необычная для окружающих построек форма или конструкция - круглые капища, круглая или длинная, без очага или с несколькими очагами постройка, каменные и многослойные глиняные алтари, особой формы вымостки, наличие сакральной границы.

3) Явно жертвенный состав находок - костяк человека, его череп или отдельные кости на поселениях, кости многих животных, собранные вместе, особенно черепа и челюсти, пережжённые кости в ямах и на очагах, наличие амулетов и идолов. Огонь.

4) Аналогии сооружениям, функция которых неясна, среди достоверно культовых объектов.

5) Сопоставление с этнографическими данными или описаниями в древних источниках.

Применяя эти критерии, в работе к культовым сооружениям отнесены жертвенники многих типов, жертвенные площадки и ямы, постройки-молельни, общественные дома, использовавшиеся в разных целях, культовые центры, капища, храмы, идолы, жертвы в жилых домах.

Данная работа ещё не предназначена для печати. Она нуждается в редактировании, сокращениях, некоторой перекомпоновке материалов. Литература представлена на карточках и будет напечатана при окончании всей работы.

1. КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ КЕЛЬТОВ

Кельтские племена выделились из массы первобытных народов в первой половине I тысячелетия до н. э. на территории к северу от Альп и первоначально занимали земли в верховьях Рейна и Дуная. С начала IV в. до н. э. кельты совершали набеги на этрусков и Италию вплоть до Рима, заняли часть Испании, Британию, Австрию, Чехию, Моравию, в III в. до н. э. проникли на Балканы и дошли до Малой Азии. В это же время кельты появились на территории Польши, расселились на землях Силезии, Малой Польши и на Куявах.

На протяжении II и I вв. до н. э. кельты вели ожесточённую борьбу с германцами и даками. В 60 гг. до н. э. западные земли кельтов были заняты Римом и здесь образована римская провинция Галлия. Восточные области кельтов (Чехия, Словакия, Австрия, Паннония) захвачены германскими племенами. Происходила постепенная романизация и ассимиляция кельтов другими племенами. Остатки кельтского населения и их язык сохранились лишь частично в Англии (в Валлии, Шотландии, Ирландии). Но влияние кельтов на историю и культуру всей Европы было очень велико и их традиции сохранились до современности [Rosen-Przeworska, 1964; 1981, с. 87].

Кельты находились на более высоком уровне развития хозяйственной и общественной жизни, чем более северные племена Европы. Помимо основных занятий земледелием и скотоводством, у кельтов выделилось металлургическое и гончарное ремесло, их производствен-

ные центры известны по всей территории обитания, в том числе в Малой Польше и в Закарпатье. Разнообразные изделия кельтов, влияние созданного ими особого художественного стиля в украшениях, скульптуре, орнаментике широко распространялись в соседних землях, что привело к возникновению целого круга так называемых "латенизированных" культур (пшеворской, поянешти-лукашевской, зарубинецкой). Так же существенно было воздействие кельтов на искусство, мифологию и верования европейских народов. В основу средневековой литературы легли кельтские легенды о короле Артуре, чаше Грааля, Тристане и Изольде [Филип, 1961, с.187].

Общественное устройство кельтов было известно римским писателям и восстанавливается по древним законодательным трактатам Ирландии, сохранившим много архаических черт [Шкунаев, 1989]. Кельты не имели единого государства, но у отдельных группировок племён существовал институт королевской власти, значение которой менялось со временем. В древнейший период король "чех", являвшийся военным вождем, выполнял и сакральные функции [Шкунаев, 1989, с. 16, 107]. Короли жили в укрепленных пунктах, обладали огромным богатством, в их могилах находятся многочисленные дорогие импортные вещи. В различных частях кельтского мира развитие происходило неодинаково. Если в самой отдаленной от средиземноморской цивилизации и консервативной Ирландии долго существовала кровнородственная община, то в Галлии сложилась большесемейная община и происходил переход к связям соседского типа [Шкунаев, 1989, с. 73-100, 154, 155]. Постепенно определялась строгая социальная градация: выделилась аристократия - всадники, священнослужители друиды и народ. Наряду со свободными земледельцами появились зависимые люди, хотя и обладавшие собственностью, - клиенты и рабы. Во II в. до н. э. возникали торговые и

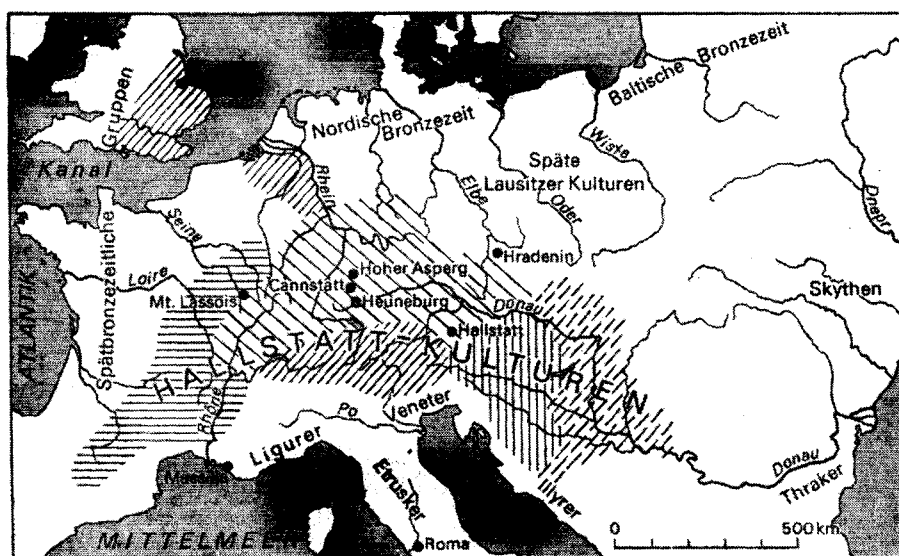

Рис. 1. Распространение гальштатской культуры (Schlette, 1980).

торговля и обмен. В Галлии сложилась большесемейная община и происходил переход к связям соседского типа [Шкунаев, 1989, с. 73-100, 154, 155]. Постепенно определялась строгая социальная градация: выделилась аристократия - всадники, священнослужители друиды и народ. Наряду со свободными земледельцами появились зависимые люди, хотя и обладавшие собственностью, - клиенты и рабы. Во II в. до н. э. возникали торговые и

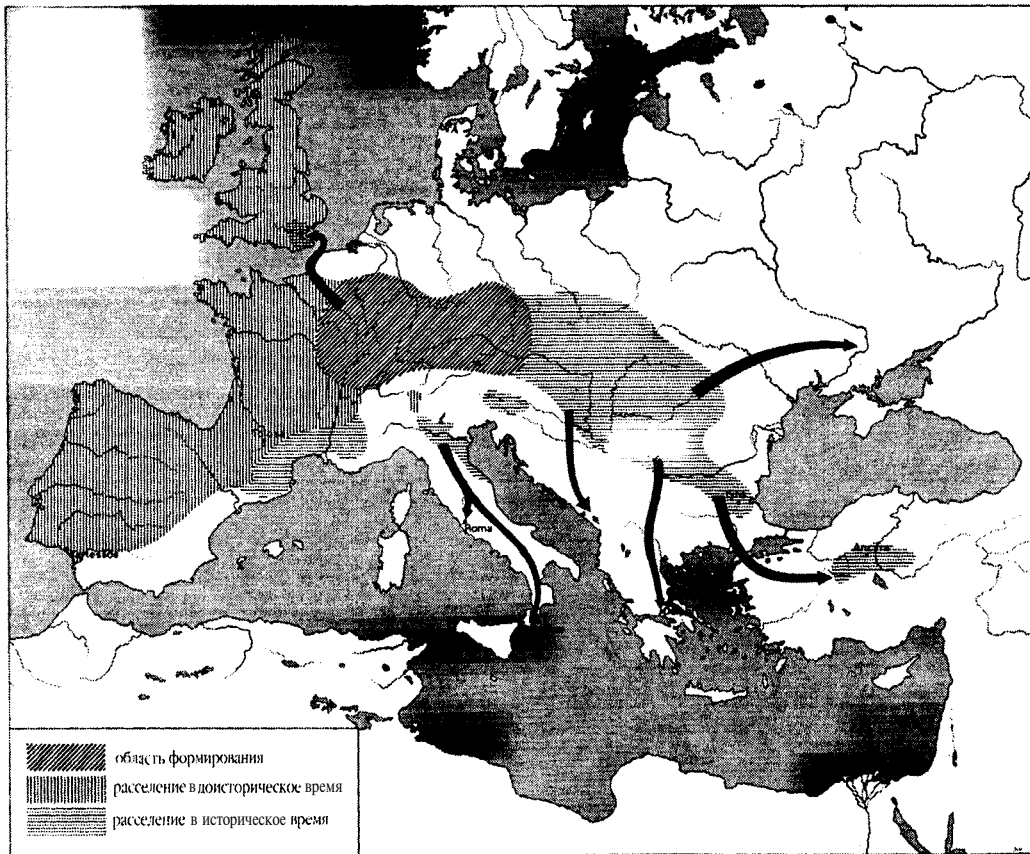

Рис. 2. Расселение кельтов (Bittel, 1981, abb. 15).

ремесленные центры - оппидумы, развивалось денежное обращение. При неоднородном по всей стране устройстве племен, во главе которых стояли всадники или король, последний потерял свои сакральные функции и его власть в значительной степени перешла к друидам. Дион Хризостом писал: "Королям не позволялось делать или замышлять что-либо без помощи этих мудрых людей (друидов), так что правили на самом деле они, а короли сделались их слугами и исполняли их волю, хотя и восседали на золотых тронах, жили в богатых дворцах и давали пышные пиры" [Шкунаев, 1989, с. 16]. По Цезарю, в Галлии известным значением и почётом пользуются только два класса - друиды и всадники [Цезарь, VI, 13].

1.1. Верования и организация культов

Друиды образовывали замкнутую хорошо организованную корпорацию, в которой существовала строгая дисциплина и иерархия [Филлип, 1961, с. 95]. Они жили обычной жизнью, но были освобождены от налогов и воинской службы. Друиды руководили всей религиозной жизнью независимой Галлии, хранили исторические сведения, обычаи и традиции, занимались жертвоприношениями и прорицаниями. Но

свои знания не записывали, передавали их устно, для чего создавались школы, где обучались в течение 20 лет юноши из аристократических семей [Широкова, 1984, с. 3, 28; 1989, с. 158].

По Цезарю "все галлы чрезвычайно набожны" [Цезарь, VI, 16]. Отлучение от культа считалось страшным наказанием, человек оказывался беззащитным: "Кто таким образом отлучен, тот считается безбожником и преступником, его все сторонятся, избегают встреч и разговоров с ним, чтобы не нажить беды точно от заразного; как бы он того ни домогался, для него не производится суд; нет у него и права на какую бы то ни было должность" [Цезарь, VI, 13].

Сведения о верованиях и мифологии кельтов, очень фрагментарные, содержатся в трудах античных писателей и отражены в ирландских сагах. Кельты были одним из индоевропейских народов и, по словам Ж. Дюмезиля, являлись "хранителями периферийного индоевропейского фонда" [Дюмезиль, 1986, с. 136]. Упоминаются боги кельтов - Езус, Таранис, Тевтат и около 400 имен племенных богов, существовал миф о поединке бога-громовержца со своим противником. Картина мира представлялась кельтам в виде плоскости со стоящим в центре деревом

[*Мифы...*, т. 2, с. 234]. Потусторонний мир - "остров блаженных", находился на западе, там остановилось время, царят изобилие, счастье, веселье и вечная молодость. Особенно сильна у кельтов была вера в бессмертие души и в продолжение жизни на том свете, в переселение душ: "Больше всего стараются друиды укрепить убеждение в бессмертности души, душа, по их мнению, переходит по смерти одного тела в другое" [*Цезарь*, VI, 14]. Потусторонняя жизнь была настолько осязаема, что можно было договориться о возвращении долга после смерти [*Широкова*, 1984, с. 15]. С культом мертвых и предков у кельтов были связаны разнообразные обряды.

Кельты почитали богов и силы природы, обращались к ним, пытаясь воздействовать на них, соблюдая определенные правила и обряды [*Rosen-Przeworska*, 1978, с. 267]. Богослужения часто совершались под открытым небом в священных рощах. Так было в Англии, где по сообщению Тацита, римляне "вырубали священные рощи, предназначенные для отправления свирепых суеверных обрядов" [*Тацит*, *Анналы*, XIV, 30]; в Ирландии долгое время сохранялся культ священных деревьев [*Мифы...*, т. 2, с. 634]; в Малой Азии у кельтов был "священный лес дубрав" [*Страбон*, IV, 4]. По сведениям Цезаря, "В определенное время года друиды собираются на заседания в освященное место в стране карнутов, которая считается центром всей Галлии. Сюда отовсюду сходятся все тяжущиеся и подчиняются их определениям и приговорам" [*Цезарь*, VI, 13]. Карнутская ассамблея проводилась в дубовом лесу [*Широкова*, 1984, с. 47].

Так же почитались реки, источники, родники, которые были связаны с подземным миром. Около источников возникали святилища, в воду бросали жертвы. В Англии с утеса вниз сбрасывали оружие, пленных и рабов [*Филип*, 1961, с. 166-167]. На территории кельтов при строительных работах иногда находят вещи в реках, оставленные там в качестве жертв. Так, в Чехии при строительстве моста под Прагой было обнаружено скопление вещей - 22 меча, 26 браслетов, сосуды, вполне возможно, оставленные там в жертву [*Filip*, 1970, с. 56, 57]. В русле Эльбы во многих местах случайно найдены латенские украшения, в основном фибулы, но Я. Филип предполагает разное толкование этих находок - потерянные случайно вещи или остатки кораблекрушений на оживленной торговой магистрале [*Filip*, 1970, с. 56, 57]. Во всяком случае, у кельтов в противоположность германс-

ким землям такие открытия единичны.

Большое значение придавалось камням. В каменных стелах обитали души героев и души еще не родившихся детей. По поверьям, друиды могли превращать человека в камень, а по бытовавшей в Британии легенде целое войско было превращено друидами в аллею менгиров [*Rosen-Przeworska*, 1979, s. 162]. Каменные ограждения и вымостки широко применялись на культовых объектах во все времена.

Культ огня, как и во всех религиях, имел доминирующее значение - огонь освящал культовое место, очищал от злых сил, уничтожал их. Над огнём друиды пели свои заклятия. Между огнями прогоняли скот для его сохранности [*Rosen-Przeworska*, 1978, s. 270]. Огонь разжигался при всех богослужениях.

1.2. Данные археологии о культовых сооружениях

Значительные дополнения и уточнения в наше представление о религии кельтов дают археологические материалы. Известным многочисленным культовым сооружениям кельтов, мелкая пластика, статуи богов, надгробия, которым посвящена огромная литература, как общего характера, так и отдельные издания памятников и находок. Но специальных работ, где были бы собраны и в какой-то степени систематизированы сведения о культовых сооружениях кельтов, нет. Представление о культовых памятниках кельтов содержится в многочисленных работах о религии кельтов, в частности в фундаментальной книге Я. Филипа "Кельты в Средней Европе" [*Filip*, 1956]. Наиболее полно изданы материалы, полученные при раскопках святилища Либенице в Чехии [*Rubová, Soudský*, 1962].

Религия кельтов быстро развивалась, что нашло отражение и в археологических материалах [*Filip*, 1970, s. 55]. Большое влияние на характер и устройство культовых сооружений оказало развитие и новая организация общества - усиление роли друидов, появление больших возможностей при культовом строительстве. На изменении обрядов и усовершенствовании культовых построек сказалось римское завоевание Галлии.

Среди культовых сооружений выделяются наиболее простые по устройству культовые места - жертвенные ямы (1) и жертвенные площадки (2), где кельты совершали жертвоприношения на протяжении всей своей истории, в периоды галлыштата и латена, и присущие собствен-

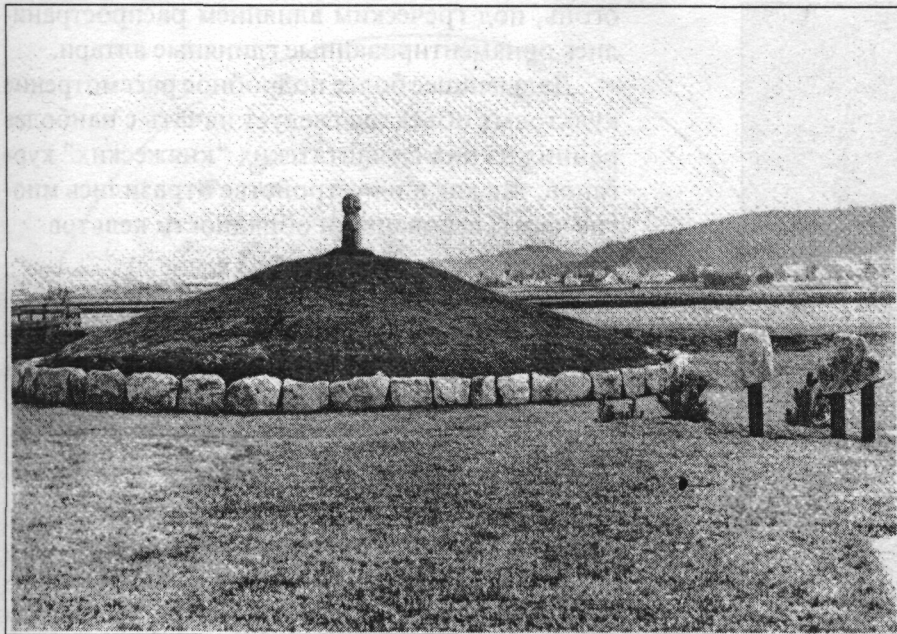

Рис. 3. Гальштатский курган Тюбинген-Кильхберг (Bittel, 1981, abb. 50).

но всем народам с периода бронзы и до позднего средневековья. Среди жертвенных ям особое значение имели глубокие "шахты" - священные колодцы (3), которые стали особенно многочисленными в эпоху латена.

Также в раннее и позднее время кельты устраивали небольшие святилища - круглые площадки (4), в центре которых стоял предмет поклонения - изображение божества, и которые

были отделены от окружающего мира символической защитой - кольцевым рвом. Долгое время использовались убежища (5), где народ находил спасение не только за оборонительными стенами, но и под защитой богов.

В ранний, гальштатский период истории у кельтов не известны большие святилища. В этот период вождь (король) выполнял и сакральные функции, а после смерти переходил в мир богов. Погребение вождя сопровождалось сложными ритуалами и жертвоприношениями, а

насыпанный над обожествленным предком курган, вероятно, почитался как святилище (6). В латенский период меняется погребальная обрядность, исчезают огромные "княжеские" курганы, распространяются грунтовые погребения, в которых имущественная и социальная градация менее отчетлива, хотя могилы выдающихся людей продолжали ограждать особым кольцевым или квадратным ровиком. Зато в латен-

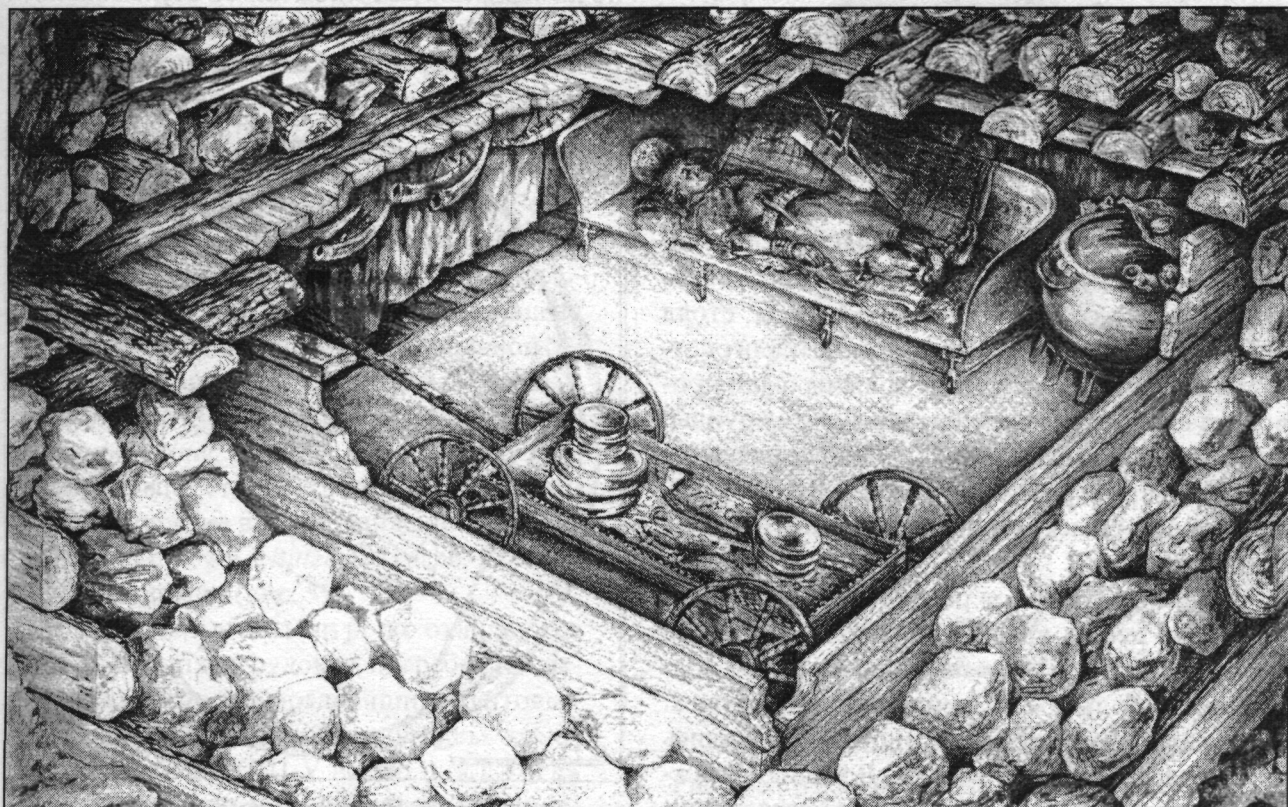

Рис. 4. Погребальная камера кургана Хохдорф, (Bittel, 1981, abb. 52).

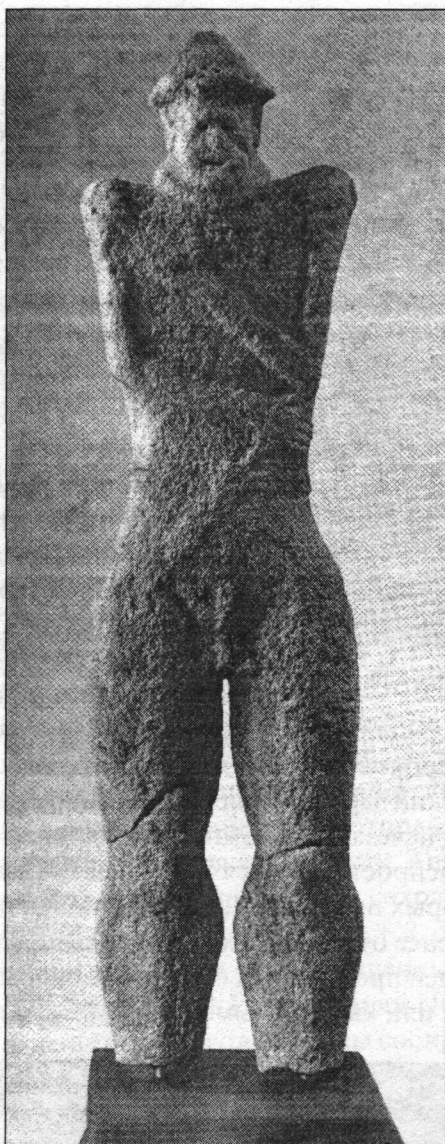

Рис. 5. Статуя на кургане Хиршланден.

ское время распространяются специально построенные большие святилища, окруженные валом и рвом, собственно по нашей терминологии городища-святилища (7). На таких святилищах могло собираться много народа, стоял храм и находился священный колодец. Богослужения на таких святилищах должны были проводить специальные служители культа друиды. В это же время получило дальнейшее развитие строительство храмов (8), сначала деревянных, а затем под римским влиянием и каменных на оппидумах.

Культовые объекты располагались в изолированных местах вдалеке от жилой застройки, но часто были связаны с могильниками, что подчеркивает большое значение культа мертвых. Лишь галло-римские храмы иногда возводились внутри заселенных оппидумов. В жилищах каждой семьи имелись свои культовые места - почитались домашние очаги и разжигавшийся в них

огонь, под греческим влиянием распространились орнаментированные глиняные алтари.

Дальнейшее более подробное рассмотрение культовых объектов следует начать с наиболее ранних из них гальштатских "княжеских" курганов, так как в их устройстве отразились многие черты верований и обрядности кельтов.

1.2.1. "Княжеские" курганы

Известны в древней кельтской земле - в верховьях Дуная и Рейна, в Швейцарии, части Франции, в Южной Германии (Бавария, Вюртемберг), Чехии [Filip, 1953, s. 205 - 233] (рис. 3). Эти огромные курганы, имевшие диаметр до 60 м и достигавшие высоты 6 м, содержали погребальную камеру с богатейшим инвентарём. Так, в кургане Хохдорф (Германия) (рис. 4) под насыпью сделано круглое углубление диаметром 11 м и на его дне установлена камера из дубовых бревен, окружённая еще деревянной стеной, а пространство между ней и камерой завалено большими камнями. Края насыпи укреплены деревянной стеной и камнями. В камере был погребен мужчина приблизительно 40 лет, положенный на специальный помост из бронзы и железа и ориентированный головой к югу. При нём находились золотые фибулы, гривна, пояс с бляхами, ручные и ножные браслеты, на голове одета коническая шапка. На стене камеры повешен колчан со стрелами и девять рогов для питья с бронзовой окантовкой. В ногах погребённого стоял огромный котел

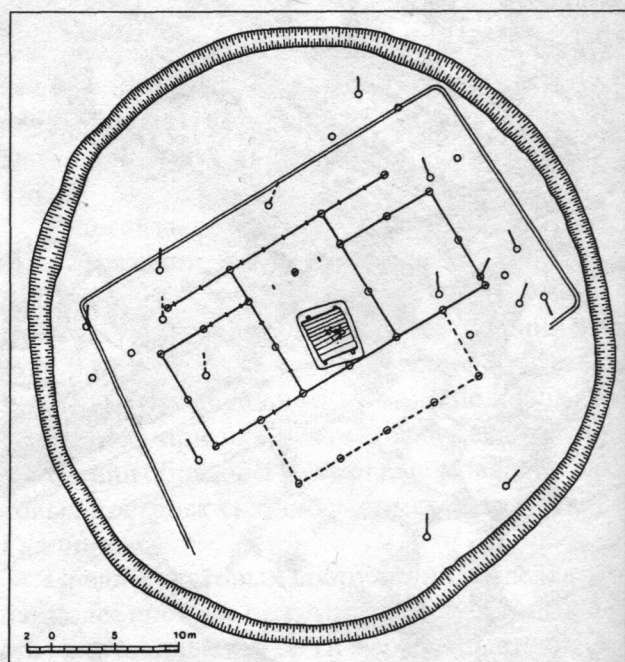

Рис. 6. План кургана Тальхау (Bittel, 1981, abb. 53).

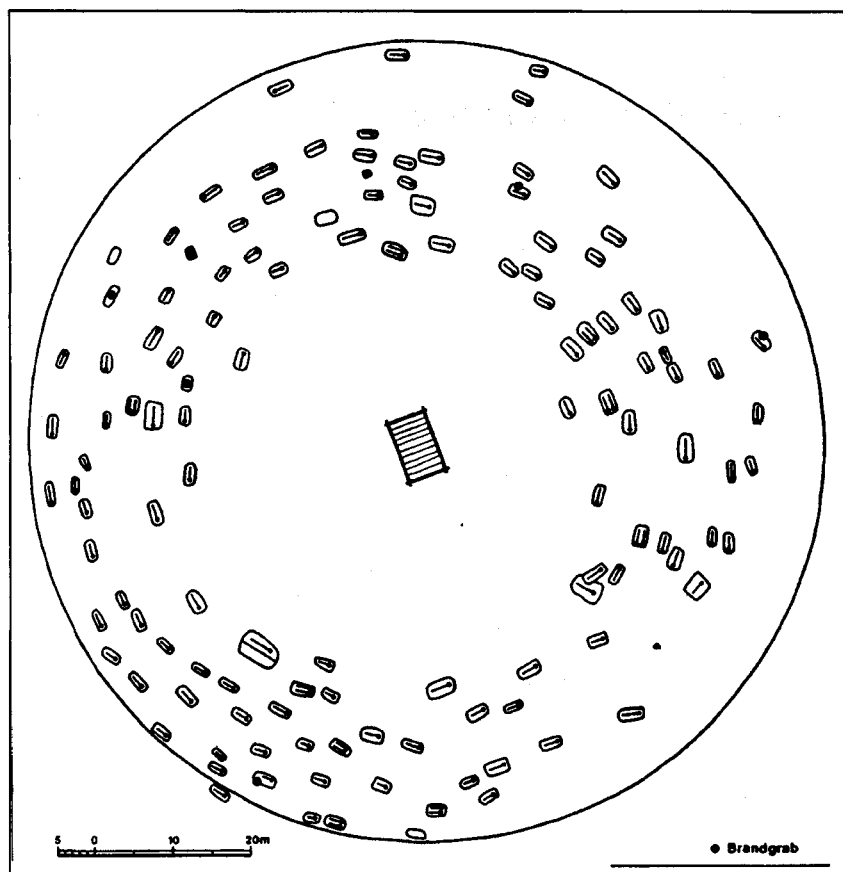

Рис. 7. План кургана Магдалененберг (Bittel, 1981, abb. 55).

(ёмкостью 500 литров). У противоположной стены камеры находилась повозка с четырьмя колёсами и в ней лежали нож, секира, конская узда. У подножия кургана и в его насыпи были помещены четыре погребения, вероятно, жертвы [Bittel, 1981, s. 122-124; Конопка, 1988, s. 102-110].

В деталях "княжеские курганы" имеют некоторые особенности. В Магдалененберге кругом деревянной камеры были уложены рядами до 120 погребённых (рис. 7). Погребальная камера в Хундерзинген была помещена внутри имитации дома с прямоугольной оградой и дополнительно ограничена круговым рвом (рис. 6). Вокруг камеры лежало 15 погребённых [Bittel, 1981, abb. 53]. На верш курганной насыпи ставились стелы или скульптуры. На кургане в Хиршланден стояла фигура воина с мечом [Bittel, 1981, abb. 27, 28] и торквесом на шее (рис. 5).

Эти огромные насыпи резко отличаются от окружающих их рядовых погребений - небольших курганов и позднейших грунтовых трупосожжений. "Княжеские курганы" относятся ко времени (VII-V вв. до н. э.), когда вожди выполняли и священные обязанности. Сложное устройство кургана, на соору-

жение которого как считается, требовалось не менее года, указывает на большое значение умершего, ставшего обожествлённым предком, помещенным в святилище. Со святилищами эти сооружения сближает ряд черт: наличие в центре объекта поклонения - божественного предка и его скульптуры наверху кургана; ограждение (в виде деревянной стены, завала каменной или рва) от окружающего мира; повозка, характерная для погребальной обрядности эпохи бронзы и раннего железа, служившая колесницей солнца и Матери Земли; котел, являвшийся характерным культовым атрибутом кельтов, с ним связаны многие легенды о бесконечном изобилии, над ним священнодействовали друиды; рога для питья - также символ изобилия; шейная гривна - торквес, - на погребённом и на скульптуре воина - знак привилегированного положения и святости; свастика, вышитая на материи, - знак солнца; люди, принесённые в жертву. Погребальные сооружения могли рассматриваться как святилища, так как это соответствовало господствовавшему у кельтов культу предков и отношению к смерти как к переходу к новой жизни.

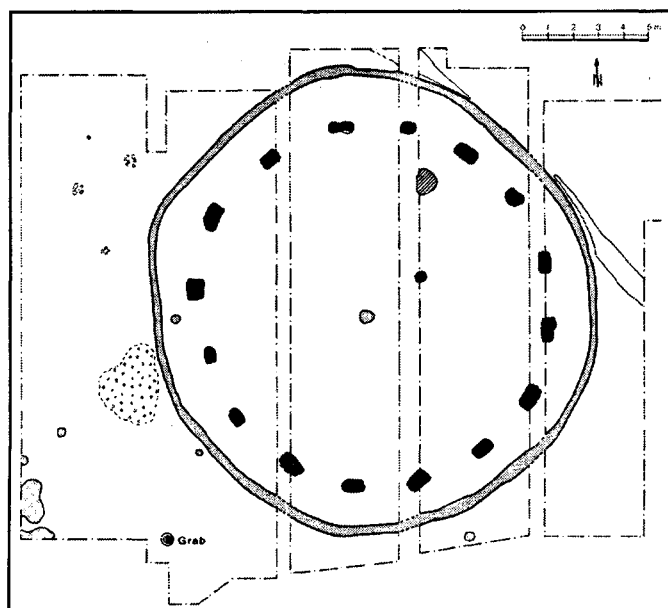

Рис. 8. Круглое святилище Треффенсбух периода гальштата и погребение с сожжением (Bittel, 1981, abb. 59).

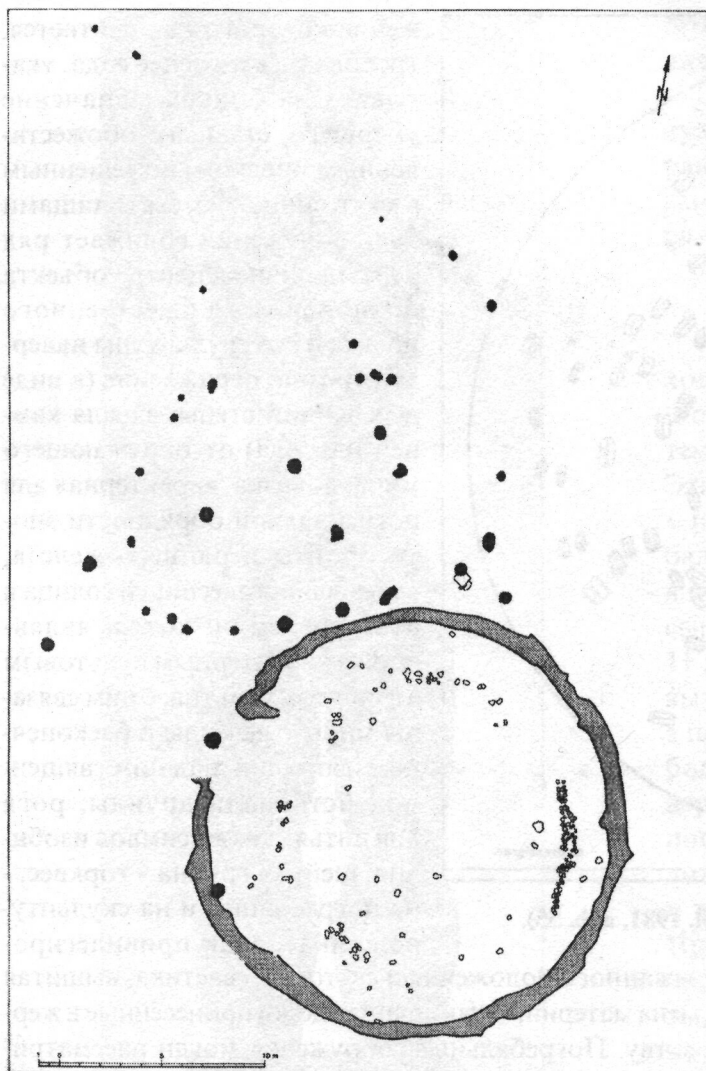

Рис. 9. Святилище Хайденхайм (Bittel, 1981, abb. 58).

1.2.2. Круглые святилища

Рядом с гальштатскими могильниками известны родовые святилища, представлявшие собой круглую площадку с ограждением, отделявшим священное место от окружающего мира. Так, в Хайденхайме около погребений с сожжением находилась круглая площадка диаметром 20 м (рис. 9), окружённая рвом и имеющая внутри ещё кольцо из камней. Такая же площадка диаметром около 15 м открыта в Трефенсбухе, в Верхнем Подунавье (рис. 8). Она окружена кольцевым рвом и внутри ещё рядом столбовых ям. В самом центре площадки сохранилась столбовая яма, вероятно, от стоявшего в ней изображения бога. Рядом

с площадкой находилось одно трупосожжение в ямке. Оба святилища датируются VI в. до н. э. [Bittel, 1981, s. 130, 131]. Этому же времени круглая площадка диаметром 17 м, окружённая ровиком и имеющая в центре каменную стелу, находилась около Праги (рис. 10) [Rybová, Soudsky, 1962, s. 247, 253; Filip, 1970, s. 63].

По плану эти святилища сопоставимы с подножиями курганов, также имевших круговое ограждение, но где вместо изображения бога в центре находилось погребение обожествлённого предка. Такого типа круглые святилища широко известны у разных народов в позднейшее время [Русанова, 1992, с. 56-58]. Во всех известных случаях непосредственно перед идолом не оставляли никаких жертв, все приношения (обломки посуды, кости животных) помещались кругом капища в кольцевом ровике. По славянским материалам можно предположить, что доступ на капище был закрыт для непосвящённых и принесённые дары предназначались для кормления бога.

Сама идея круглого святилища, отгороженного от окружающего мира и расположенного под открытым небом, появилась в глубокой древности. Круг представлялся магической фигурой, символом вечности, не имеющей ни начала, ни конца. Классическим образцом такого святилища, является Стоунхендж в Англии (2200-

Рис. 10. Чаковице около Праги. Культурная площадка с погребением и стелой, поздний гальштат (Rybová, Soudsky, 1962; Filip, 1970).

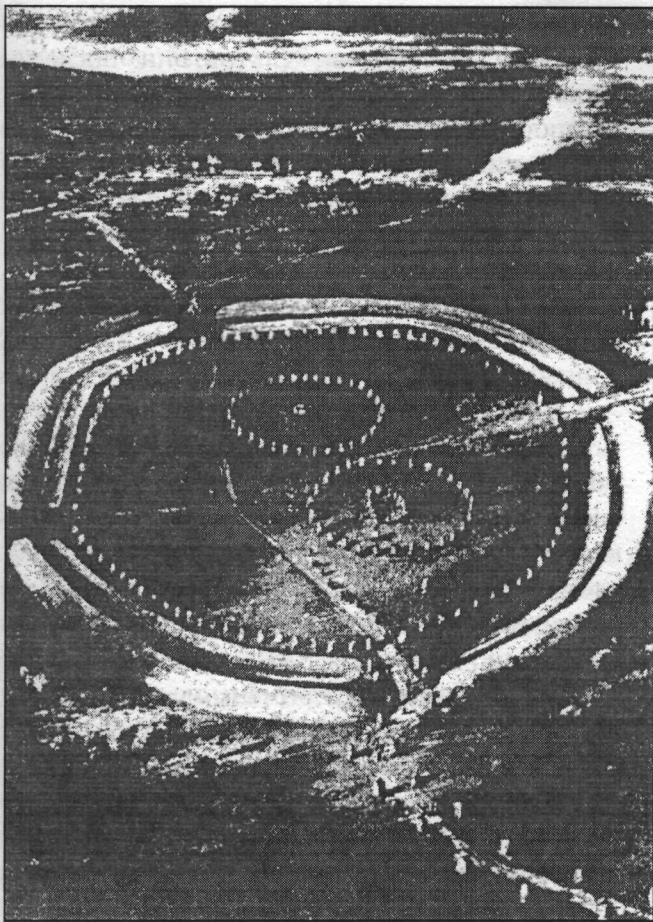

Рис. 11. Святилище Эйвбери, бронза (2600-1300 г. до н.э.), Англия (попытка реконструкции).

1400 г. до н. э.) - площадка диаметром 105 м, окружённая кольцевым валиком, двумя валами и рядами огромных камней. Это святилище считается хорошо спланированной астрономичес-

кой обсерваторией [Хокинс, 1977]. В окрестностях святилища насчитывается до 350 погребений. Подобное сооружение, но худшей сохранности находится в Эйвбери (рис. 11, 12) - здесь площадка диаметром 427 м опоясана двумя валами, рвом, рядами камней, а внутри расположены ещё два круга меньшей величины, в центре которых стояли обелиски. К святилищу с четырёх сторон подходят мощёные камнями дороги, а в окрестностях известен могильник с огромным, самым большим в Европе курганом (его диаметр 165 м и высота 40 м) [Sadowski, 1982, s. 71-80]. Во рвах обоих святилищ найдены каменные орудия труда, обломки посуды, кости животных и разрозненные кости людей (черепки, челюсти, плечевые и бедренные). Эти грандиозные древние обсерватории, быть может, оказали воздействие на учение друидов, которые "много говорят своим молодым ученикам о светилах и их движении, о величине мира и земли, о природе и о могуществе и власти бессмертных богов" [Цезарь, VI, 13]. Может быть, был прав Цезарь, когда писал: "Их наука, как думают, возникла в Британии и откуда перенесена в Галлию; и до сих пор, чтобы основательнее с ней ознакомиться, отправляются туда для её изучения" [VI, 14].

По такой же схеме святилищ в Британии устраивались фермы кельтов - дом в середине круглого двора был окружён двумя концентрическими оградами [Hawkes, 1943, s. 90-91]. По этнографическим материалам в Англии до современности

во время весенних праздников воспроизводили такие святилища: на горе вырывали круглый ров, в середине на площадке разжигали огонь, и все участники празднования целой процессией вместе со скотом шли кругами по дну рва [Гроздова, 1977, с. 99, 100].

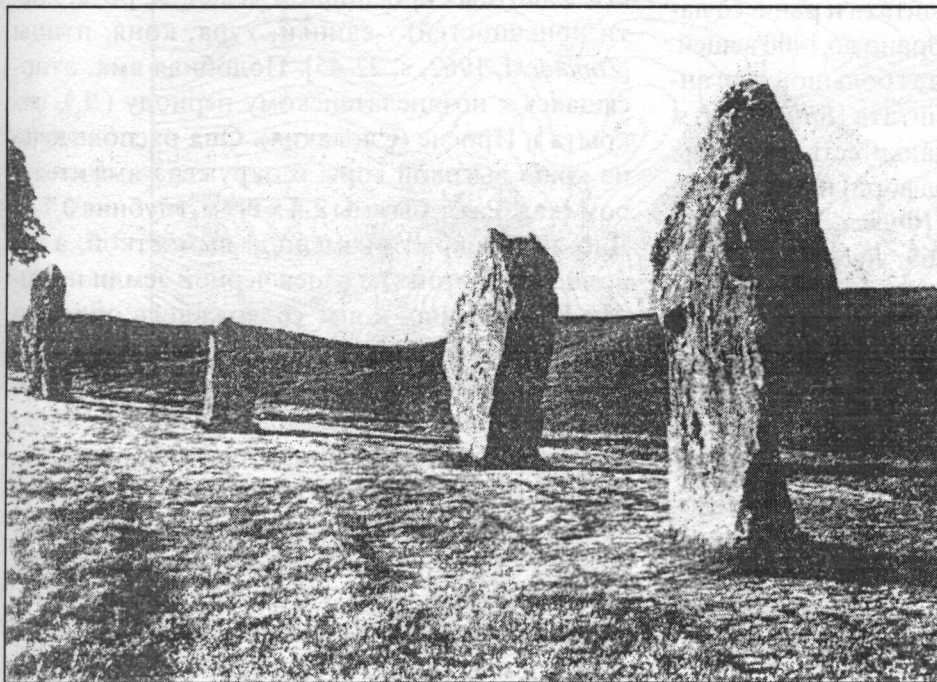

Рис. 12. Святилище Эйвбери, деталь.

1.2.3. Жертвенные площадки

Со столь же раннего времени, с периода гальштата, кельты приносили жертвы на специальных *площадках*, имевших разное устройство. На возвышенностях в предгорьях Альп известны площадки, на которых многократно разжигался огонь, их называют "зольными алтарями" [Metier, 1977, s. 29]. Пользовались такими площадками очень долгое время. Так, около Зальцбурга на Верхнем Дунае на площадке найдены обломки посуды эпохи бронзы, гальштата и раннего латена, здесь же в зольно-углистом слое лежали обожжённые кости животных (в основном черепа и кости конечностей свиньи и лошади) [Hell, 1974, s. 100-103]. В некоторых случаях накапливался зольный слой толщиной до 2 м (Кастелиер в Истрии), иногда площадка приобретала вид кургана. Так, в Йонциг в Тюрингии из чёрного углистого слоя, обгоревшего дерева, черепков и костей животных образовался курган диаметром 20 м и высотой 5 м [Menke, 1970, s. 115-122]. Такие "зольные алтари" довольно многочисленны, встречаются и в Карпатах вплоть до римского времени.

На жертвенных площадках другого типа, противоположность "зольникам" и круговым святилищам, приносили в дар богам самые разнообразные вещи и рядом вырывали жертвенные ямы. В Чехии на горе Бурковак расположена площадка диаметром 40 м, к которой примыкали жертвенные ямы. На площадке найдены пряслица, стеклянные и янтарные бусы, глиняные фигурки лошадей, многочисленные обломки посуды времени гальштата и раннего латена. Всего на площадке собрано до 1400 вещей. Рядом с площадкой находится большой курганный могильник эпохи гальштата [Filip, 1970, s. 58-61]. Такого типа площадки есть в Альпах (Ландакер), в Англии (Фрилфорд) на них лежали кости животных и рало [Филип, 1961, с. 164; Pieta, Moravczyk, 1980, s. 269; Rybova, Soudský, 1962, s. 248]. На площадке около знаменитого поселения Ла-Тен в Швейцарии находилось до 2500 металлических вещей и кости человека [Neugebauer, 1992, s. 9]. Также к латенскому и раннеримскому времени относится площадка в Ауерберге в Баварских Альпах. Она расположена на отроге плато и покрыта золистым слоем с пережжёнными костями (толщина слоя до 30 см). На материке был сложен круг из камней диаметром 4 м и рядом вырыта яма с чёрной землёй и пережжёнными костями в заполнении. Кости принадлежали свинье, оленю, но не к мясистым их частям [Kramer, 1966, s. 60-66]. Воз-

можно, именно такие площадки имел в виду Цезарь, описывая обычаи кельтов: они "после победы приносят в жертву всё захваченное живым, остальную же добычу сносят в одно место. Во многих общинах можно видеть целые кучи подобных предметов в освящённых местах; и не было случая, чтобы кто-нибудь, загнувшись в себе религиозное чувство, дерзнул оттащить у себя часть добычи или унести что-либо" [Цезарь, VI, 17].

1.2.4. Жертвенные ямы

Встречаются как в комплексе с другими объектами, так и самостоятельно. Их общая особенность состоит в многократном использовании и, в связи с этим, слоистом заполнении - слои жертвоприношений перемежаются стерильными прослойками засыпки. Для таких ям характерно наличие жертвенных вещей, костей животных и человека, применение огня. Подобные ямы известны в Ольне-на-Марне (Франция), Валертхайме-на-Рейне, где помимо отдельных человеческих костей и черепов, найдены пережжённые кости свиньи, птицы, латена и обломки посуды [Lantier, 1958, s. 457-458; Schermer, 1951, s. 252, 253]. Ямы иногда бывают очень большими, собственно целое жертвенное помещение. В Либковицах (Чехия) яма времён конца гальштата - начала латена имела размеры 5,5 x 12,5 м и глубину 2,7 м, её дно было сильно обожжено и покрыто углем. В заполнении ямы найдены черепки латенской посуды и амфор, шпоры и стрелы, неполный скелет ребёнка, кости животных (в основном челюсти, рога, кости конечностей) - свиньи, тура, коня, птицы [Zapotocki, 1962, s. 22-45]. Подобная яма, относящаяся к позднелатенскому периоду (D₁), открыта в Просне (Словакия). Она расположена на краю высокой горы и окружена амфитеатром скал. Размеры ямы 2,4 x 0,9 м, глубина 0,7 м. Дно ямы покрыто каменной вымосткой, а заполнение состоит из слоев чёрной земли и глины. Как обычно, в яме содержались обломки сосудов (в данном случае не менее, чем от 100 сосудов), золотые монеты, головные булавки, бусы, браслеты, поясные крючки, шпоры, а также кости животных (свиньи, овцы, коровы, лошади, птицы, медведя и волка - черепа и кости ног), и обожжённые кости не менее 5 взрослых человек - черепные крышки, кости конечностей [Pieta, Moravčzik, 1980, s. 245-280]. Исследователи рассматривают жертвенные ямы как отверстие в земле, вырытое для связи с подземным миром и для периодического принесения жертв

хтоническим божествам. Такое же значение придавалось особенно глубоким ямам - "шахтам", т.е. священным колодцам. Такие колодцы связаны с квадратными святилищами и будут описаны ниже. Жертвенные ямы многоразового использования характерны для всех святилищ более поздней поры, в том числе и для славянских.

Более сложный комплекс с жертвенной ямой в центре открыт в Паларикове (Словакия). Здесь, как это часто наблюдается и в других местах, долго сохранялась традиция священного места, в период латена воспользовались насыпью кургана эпохи бронзы и до сих пор по праздникам на вершине кургана жгут костры. На вершине огромного древнего кургана (диаметр 40 м, высота 5 м) в III-И вв. до н. э. была вырыта жертвенная яма прямоугольной формы и в ней ещё углубление для столба. Заполнение, как обычно, слоистое с большим количеством латенской керамики, костей человека и животных. У подножия кургана помещены три труположения с большим количеством вещей, причём мужской костяк сопровождался женскими вещами, что заставляет вспомнить обычай друидов одевать при проведении обрядов жен-

скую одежду [Rosen-Przeworska, 1964, s. 136-141]. Среди погребений находилась ещё яма с пережжёнными костями и яма, заполненная мужскими вещами (оружием). Весь курган и примыкающие к нему погребения и жертвенные ямы был окружён священной оградой. И, Поулик и Л. Захар считают, что в яме на кургане стояла стела, а у подножия были погребены друид, его родственники и прислужники. Всё святилище могло быть посвящено хтоническому богу Тевтата [Poulik, Zachar, 1975, s. 283-323].

Скопление жертвенных ям около округлой площадки, ограниченной рвом, обнаружено в Венгрии на Дунае, около Лака Веление. Ямы частично перерезают одна другую и центральную площадку, ими пользовались долгое время. В их слоистом заполнении найдены части черепа и бедра человека, в другом комплексе - человеческий череп и рёбра, в третьем - скелет собаки [Petres, 1972, s. 365, fig. 2].

1.2.5. Городища-убежища

Вероятно, религиозные обряды проводились на **городищах-убежищах**, где население находило укрытие за оборонительными валами во вре-

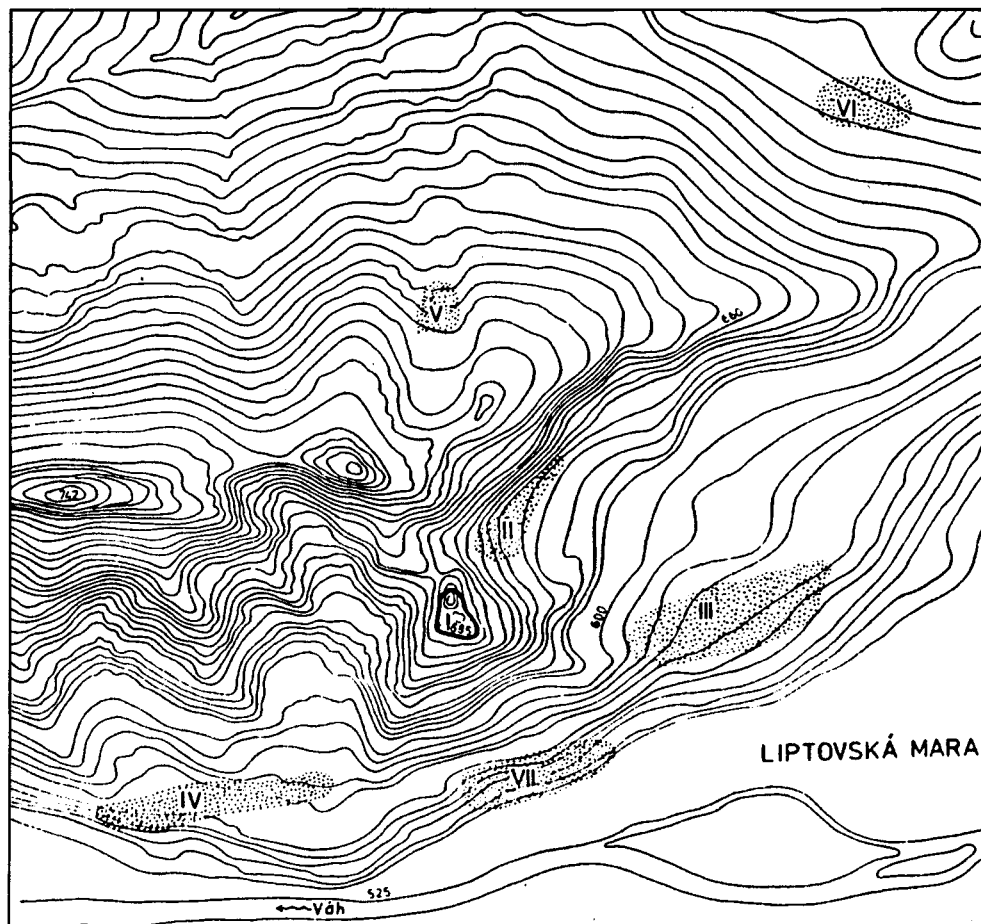

Рис. 13. Городище-убежище Липтовска Мара (I) и окружающие поселения (II-VII).

мя опасности и оказывалось под защитой богов. Такую роль городища-убежища выполняли и у других народов, в частности у славян в эпоху средневековья [Русанова, 1992, с. 59]. Кельтские городища-убежища времен гальштата и латена были расположены на высоких холмах, окружены валами и рвами, на их площадках нет жилых сооружений и культурного слоя, но в ряде случаев открыты культовые объекты. Так, на городище Кобенер Вальд в Германии, относившемся к периоду гальштата, в центре большой площадки (диаметр 200 м) находилась большая столбовая яма [Филип, 1961, с. 162], а посередине городища Конде в Нормандии из камней был сложен круг диаметром 10 м [Rybova, Soudský, 1962, s. 248], на позднегальштатском городище Голоринг на Майне, имевшем площадь около 3 га, стояла какая-то деревянная столбовая конструкция [Powell, 1960, s. 142-143]. Более основательно исследовано городище-убежище Липтовска Мара в Словакии, относящееся ко времени позднего латена и начала римского периода (I в. до н. э. - I в. н. э.) и принадлежащее пуховской культуре (смешение кельтской, дакийской и лужицкой культур). Городище занимает мыс высокой горы и окружено шестью синхронными поселениями. Вал городища сложен по кельтскому образцу - каменная стена с деревянными опорами и примыкающая насыпь из глины. Огромная площадь городи-

ща не была заселена, но в северо-восточной части к валу примыкала вытянутая постройка длиной более 30 м, имевшая стены столбовой конструкции (выявлено около 100 столбовых ям). Пол постройки местами вымощен камнями и покрыт золистым слоем с отдельными очагами и скоплениями костей, обломками посуды и вещей. Среди находок оказалось семь разомкнутых браслетов, семь гривн, бусы, фибулы, 33 монеты, ножи, наконечники стрел, шпоры, серпы. Разрозненные кости пяти человек лежали не в анатомическом порядке. Здесь же были разбросаны зёрна ячменя, проса и пшеницы. Исследователи рассматривают эту постройку как помещение для жертвоприношений, в том числе и человеческих, и для гаданий [Pieta, 1971, s. 326-334; Pieta, 1975, с. 3-14; Pieta, 1977, s. 283-294]. По своей конструкции, местоположению и находкам эта постройка в Липтовской Маре принадлежит к длинным общественным домам, известным на многих поселениях и позднейших городищах-убежищах славян, где они служили для собраний, общественных пиров и культовых обрядов, как известные контины у западных славян, описанные в Житие Оттона Бамбергского [Русанова, 1992, с. 58, 59].

Рядом с длинным домом в Липтовской Маре находились две глубокие ямы - "шахты" (глубина до 2,5 м), имевшие слоистое заполнение, в котором слои с углем, черепками, жерновами,

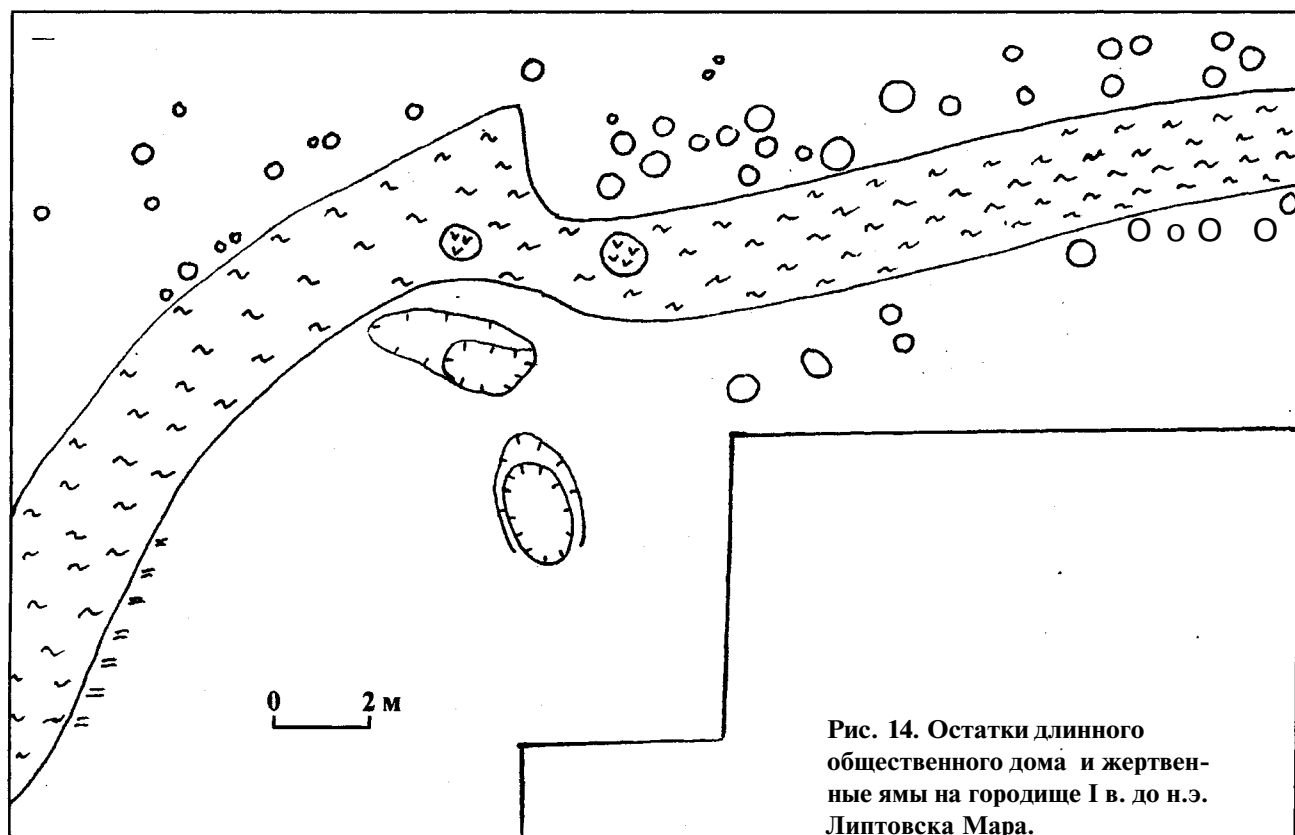

Рис. 14. Остатки длинного общественного дома и жертвенные ямы на городище I в. до н.э. Липтовска Мара.

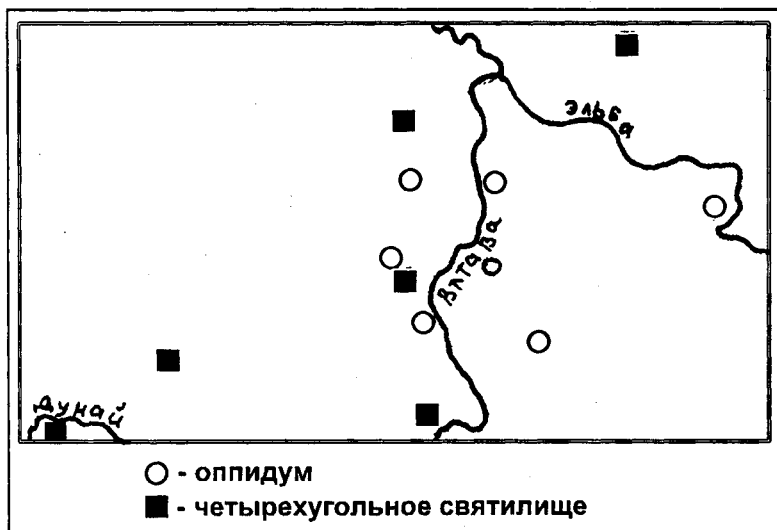

Рис. 15. Распространение четырехугольных святилищ (а) и оппидумов (б) на Влтаве.

костями животных и разрозненными костями 3-4 человек перемежались слоями чистой глины. Такое заполнение типично для жертвенных ям, использовавшихся при неоднократных жертвоприношениях. Рядом с ямами были сделаны каменные вымостки и разжигался огонь. Святилище здесь существовало недолго и, возможно, было разрушено квадрами [Пиета, 1975, с. 11]. Но какие-то воспоминания и традиции сохранялись долго. В XIII в. на городище был по-

строен костел, под фундаментами которого обнаружены остатки славянского святилища XII в. [Пиета, 1975, с. 13-14].

Убежища, которые могли являться и культовыми центрами, известны в Чехии, Баварии, Тюрингии, располагались на высоких скалистых холмах, были окружены каменными валами [Филип, 1961, с. 116, 117; Rosen-Przeworska, 1964, s. 179, 180]. Но эти памятники не исследовались и ничего более определенно про них сказать нельзя.

1.2.6. Четырехугольные городища-святилища

Новый тип культовых сооружений появился в период среднего латена и просуществовал до начала римского периода. Это так называемые Viereckschanz - большие (со стороной до 100 м) прямоугольные площадки, ограниченные валом и рвом. Известно их очень много, например, в Баварии около 250, в Вюртемберге до 70, но из них исследовано раскопками не более 10 [Schwarz, 1958, s. 205; Bittel, 1981, s. 70]. Этим памятникам уделяется большое внимание в на-

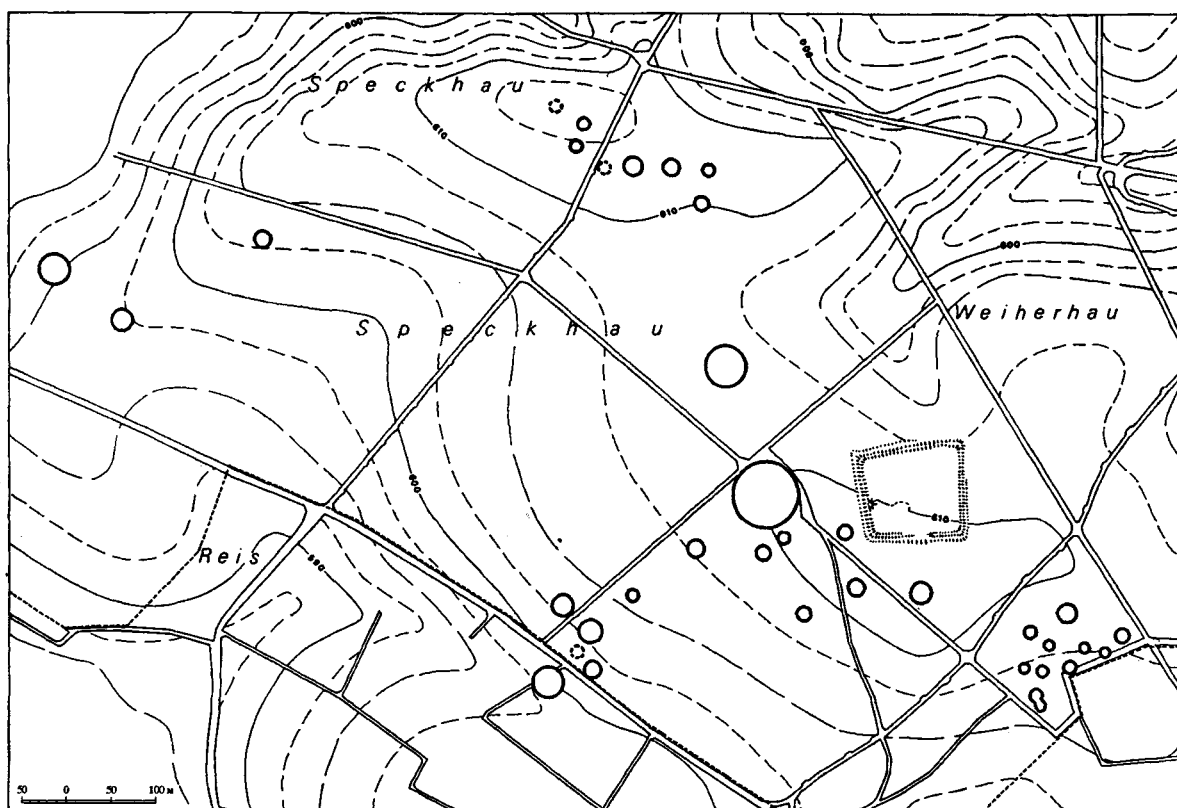

Рис. 16. Четырехугольное святилище и гальштатские курганы в Хайлигкройцаль (Bittel, 1981, abb. 31).

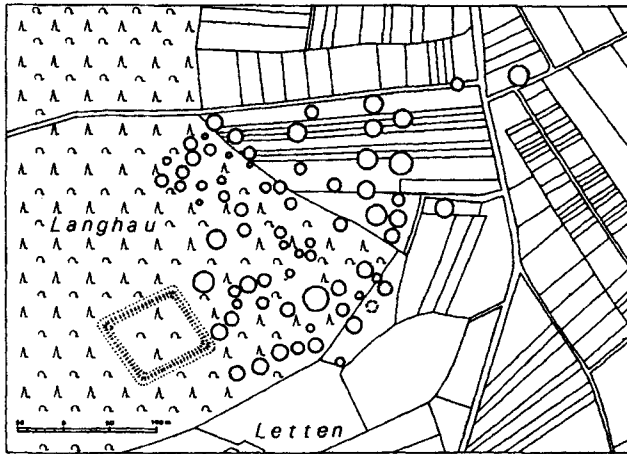

Рис. 17. Четырехугольное святилище и гальштатские курганы в Обермархтал (Bittel, 1981, abb. 30).

учной литературе, и по их поводу были высказаны разные суждения. Их считали военными укреплениями, усадьбами, загонами для скота [Filip, 1961, s. 129]. В последнее время большинство исследователей пришло к согласованному

мнению об их культовом значении [К. Шварц, Я. Филип, Л. Янсова, К. Битель, Ф.Шлетте, Я. Нойбауер и т.д.]. Это мнение основано на ряде данных, которые подтверждаются по мере дальнейших исследований:

1) невысокие валы и рвы этих городищ не приспособлены для обороны (рис. 15), да в ней и не было особой необходимости, так как рядом расположены синхронные и хорошо укрепленные оппидумы; 2) расположены прямоугольные городища на низких неудобных для обороны местах и, как правило, около курганных могильников времени гальштата, т. е. в древней священной зоне (рис. 16, 17); 3) на площадках городищ нет жилых и производственных построек и культурного слоя, но находятся остатки храмов и жертвенные ямы-“шахты” (священные колодцы) и другие явно культовые объекты.

Распространены четырехугольные городища-святилища в южной Германии, Австрии, Чехии и в северо-западной Франции (по нижнему течению Сены) (рис. 25), в местах удалённых от

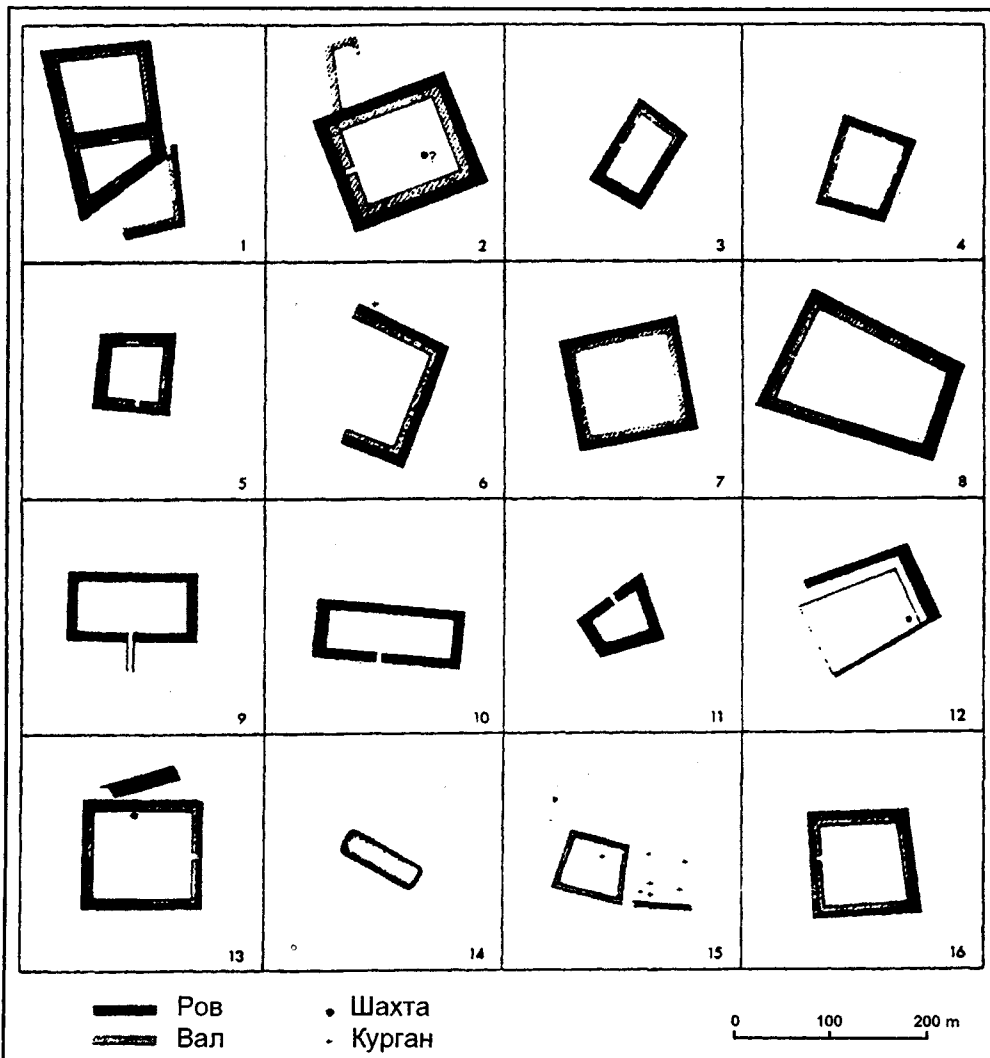

Рис. 18. Схемы четырехугольных святилищ.

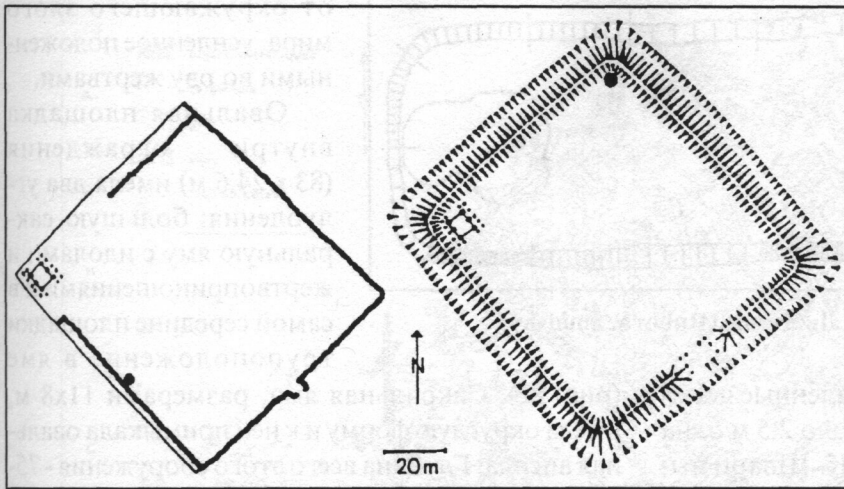

Рис. 19. Четырехугольное городище-святилище Хольцхаузен: две фазы постройки (Schwarz).

границ Римской империи [Schlette, 1980, s. 135]. Площадки городищ имеют форму квадрата, вытянутого прямоугольника, трапеции. Иногда площадки разделены валом или рвом на части или к ним сделана дополнительная пристройка (рис. 18), но значение этих разных частей городищ пока не установлено. Ориентированы

площадки по-разному, что, как считается, вызывалось связью с календарными праздниками. Валах городищ насыпаны из земли без всяких деревянных конструкций. В подножии валов обнаружен слой пепла или угля с обгоревшими ветками [Jansová, 1968, s. 480; Bittel, 1981, s. 325-327], вероятно, перед насыпкой вала место под ним обжигалось - очищалось и освящалось. На вершине вала в некоторых случаях замечена ровная площадка шириной 0,5-1 м, приспособленная для хождения по валу (рис. 20) [Schwarz, 1958, s. 206]. Во рвах наблюдается слоистое заполнение [Plank, 1982, s. 110-115] с находками обломков посуды и костей, связанными с периодическим забрасыванием рва во время обрядов. Вход на городища проложен по мосту через ров и под навесом или башней в разрезе вала, от чего со-

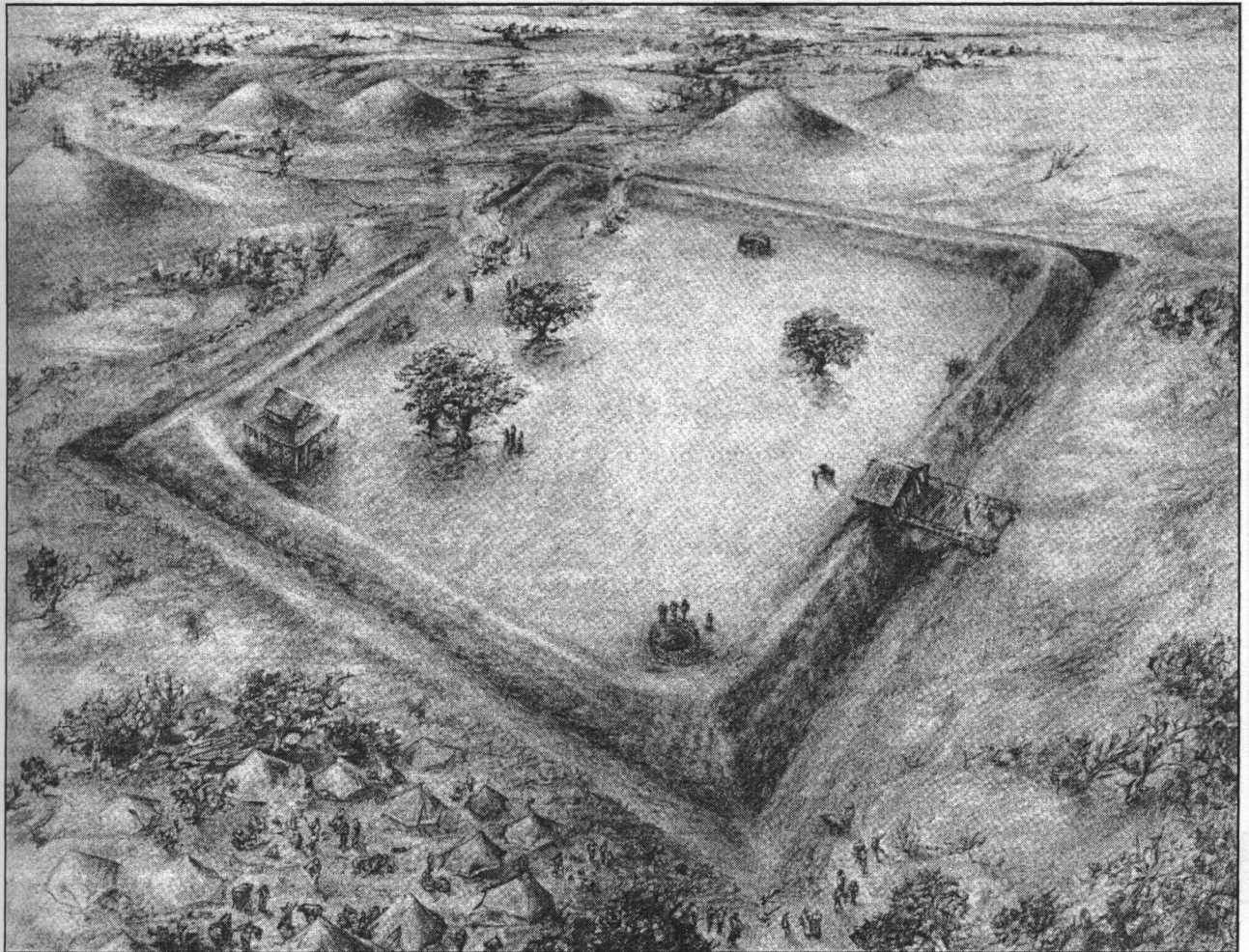

Рис. 20. Реконструкция четырехугольного городища-святилища (Bittel, 1981, abb. 44)

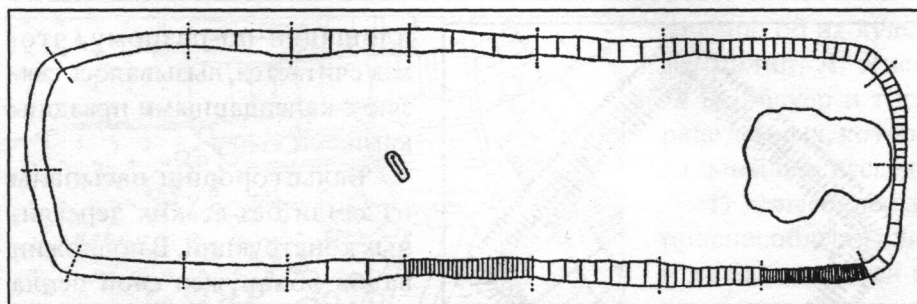

Рис. 21. План святилища в Либенице (Rubova, Soudsky).

хранились столбовые ямы, поставленные четырехугольником на расстоянии около 2,5 м одна от другой [Schwarz, 1958, s. 208]. К. Шварц выяснил, что в наиболее раннее время площадка в Хольцхаузене не имела кругом вала, а была огорожена палисадом из брёвен (рис. 19) [Schwarz, 1958, s. 208].

Наиболее раннее и полно исследованное святилище такого типа находится в Либеницах в Чехии [Rubova, Soudsky, 1962]. Оно расположено на плоской возвышенности и представляет собой прямоугольную площадку, окружённую рвом (шириной 1-1,5 м и глубиной 70 см) и частично валом (шириной 3 м), прерывающимся в северной части. Во рву встречаются черепки посуды, кости животных, зубы собаки и скелет ребенка. В целом это обычное ограждение святого места

от окружающего злого мира, усиленное положенными во рву жертвами.

Овальная площадка внутри ограждения (83 x 24,6 м) имела два углубления; большую сакральную яму с идолами и жертвоприношениями и в самой середине площадки труположение в яме

(рис. 22). Сакральная яма, размерами 11x8 м, имела округлую форму и к ней примыкала овальная апсида. Глубина всего этого сооружения - 75-100 см. В центре апсиды стояла каменная стена. По одной линии с ней на дне ямы был сделан каменный алтарь, диаметром 150 см, и под его камнями плоская яма, окружённая столбовыми ямками. Дальше по той же линии, вероятно, стояли два деревянных идола (от них сохранились столбовые ямки и лежащие тут же на дне бронзовые крученые гривны - торквесы, знак святости). На дне объекта несколько раз выкапывались и затем засыпались неглубокие ямы, в которых лежали кости взрослого и троих детей, расчлennенные скелеты, неполные, иногда только их правая часть. Наполнение всего сооружения слоистое, забрасывалось оно постепенно.

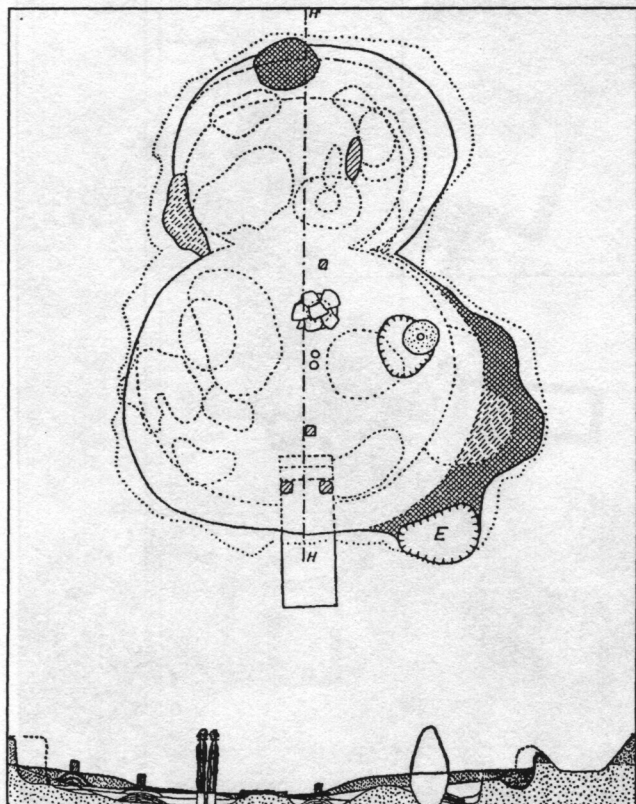

Рис. 22. Сакральная часть и реконструкция святилища в Либенице (Rubova, Soudsky).

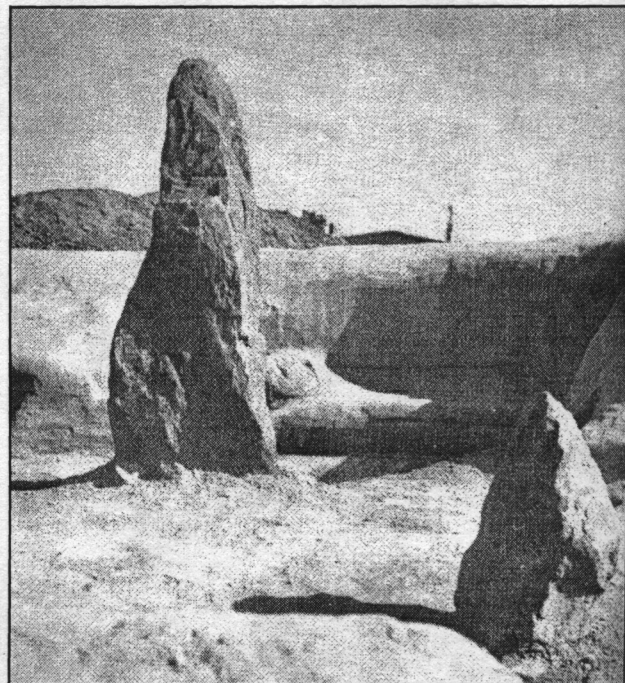

Рис. 23. Святилище в Либенице. Вертикально стоящие камни во внутреннем пространстве святилища.

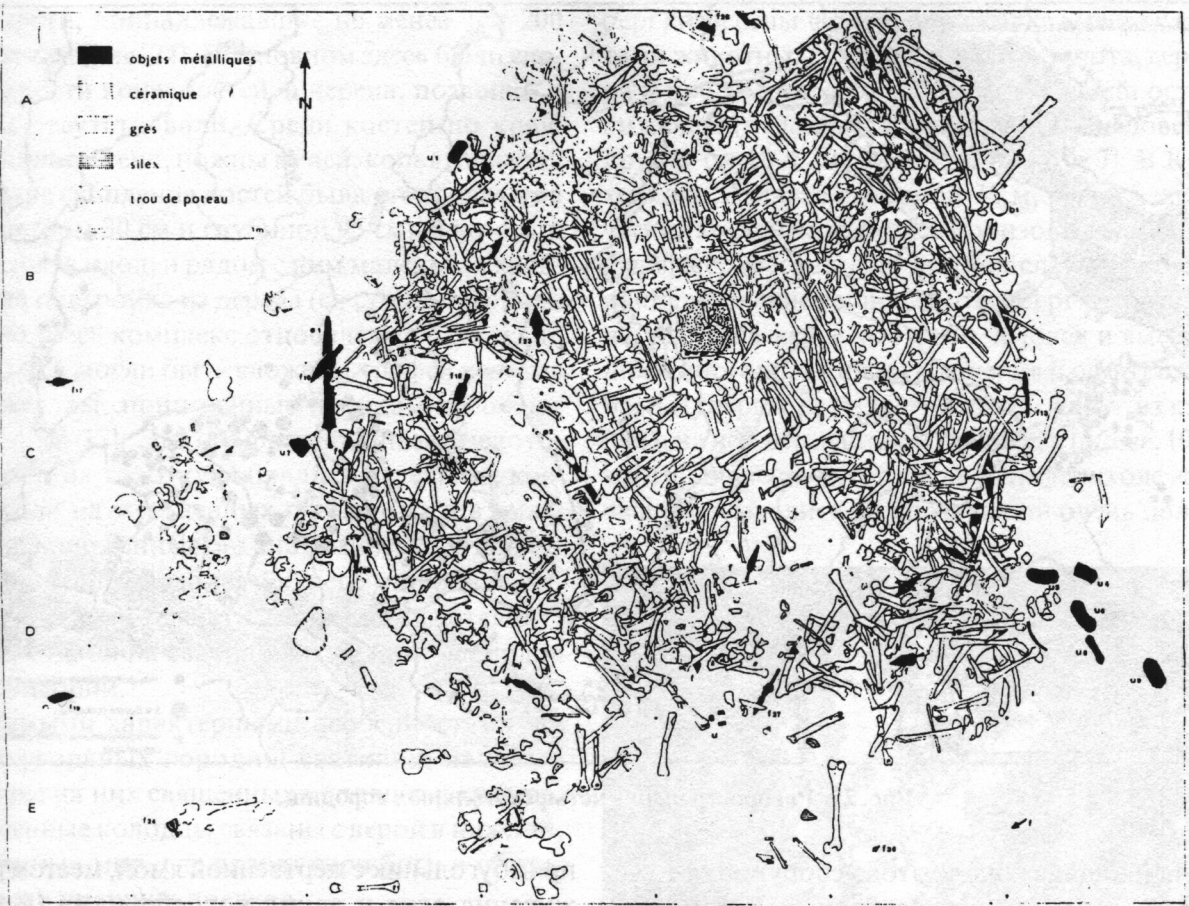

Рис. 24. Скопление костей на святилище Посюэр (Садoux).

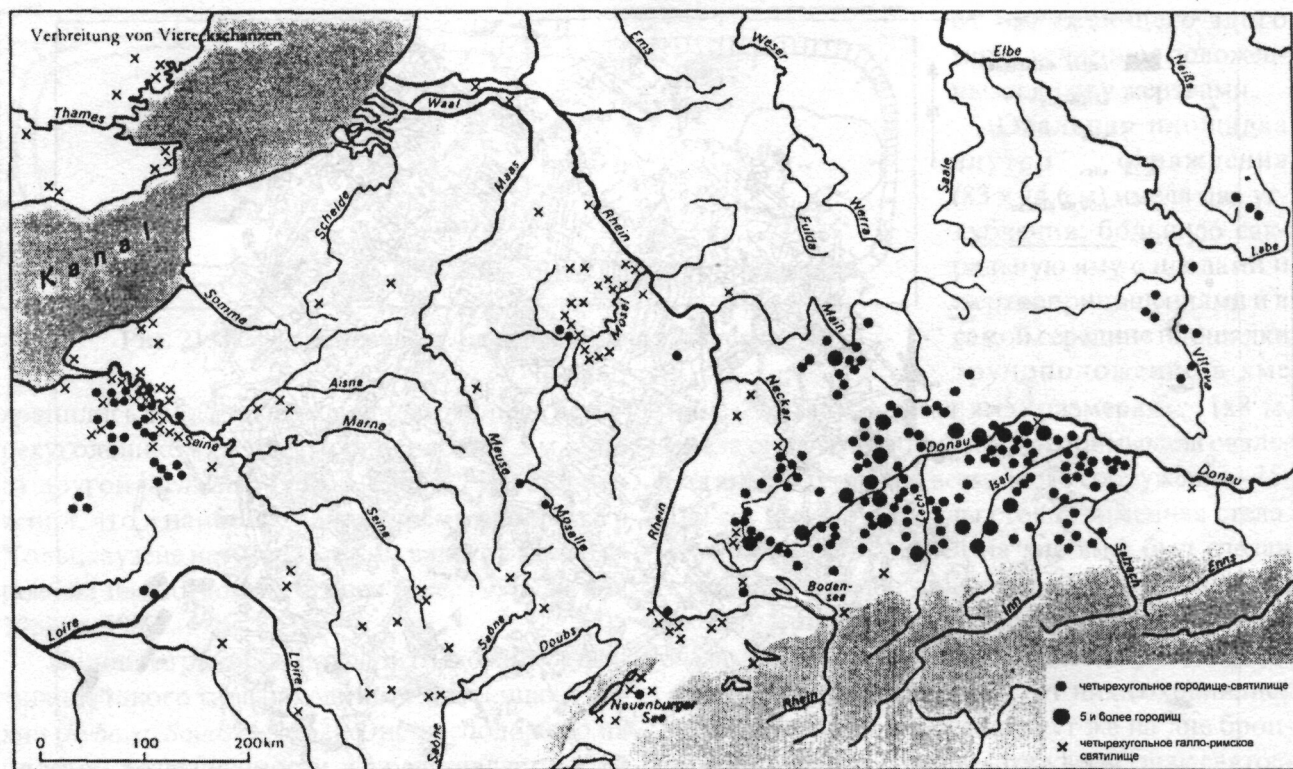

Рис. 25. Распространение четырехугольных городищ.

На площадке около этого сооружения тоже лежали кости животных (собаки, тура, поросёнка, лошади, в основном кости головы и конечностей) и разрозненные кости человека. В погребении, расположенном в центре ограждённой площадки, лежал костяк женщины лет 50, сопровождаемый богатым инвентарём - фибулами, ручными и ножными браслетами, перстнями, стеклянными и интарными бусами, ножом и куском воска, вероятно, применяемого при гаданиях. Вполне возможно, что так торжественно похороненная женщина была представительницей друидов (есть сведения не только о друидах, одетых при богослужении в женскую одежду, но и о женщинах-друидках) [Rosen-Przeworska, 1976, s. 103].

По наблюдениям А. Рыбовой и Б. Соудского основная ось святилища направлена на точку восхода солнца в ноябре, считавшуюся кельтами началом года [Rybova, Soudsky, 1962, s. 250], так что святилище имело и календарное значение. Интересно также, что все размеры и расстояния на святилище оказались кратными трём кельтским "локтям" (132 см). Авторы рассматривают весь комплекс как рядовое святилище земледельцев, посвящённое Матери Земле. Существовало оно не более двадцати лет в период между 300 и 250 гг. до н. э. [Rybova, Soudsky, s. 276].

Почти такое же сооружение известно в Аульнаи в Венгрии - вытянутый ограждённый рвом

прямоугольник с жертвенной ямой, местом разжигания огня и двумя погребениями [Petres, 1972, fig. 13]. По-видимому, у наиболее ранних прямоугольных святилищ ограждение состояло только из рва и палисада, валы стали насыпать позднее.

Основная масса прямоугольных святилищ относится ко II-I вв. до н. э. У них вполне выражены валы высотой 1-1,5 м, часто ещё возвышающиеся по углам прямоугольника. Как правило, когда проводились исследования, внутри были обнаружены остатки храма деревянного или каменного и "шахты" - священные колодцы. Кроме того, иногда выявляются некоторые дополнительные детали. Так, в Хольцхаузен около ворот горели огни - обнаружена обожжённая глина, зола, уголь, латенские черепки, а в Конд-сур-Рисль в Нормандии в центре прямоугольника был выделен круг диаметром 10 м, окружённый дополнительным валом [Schwarz, 1958, s. 208, 212]. Слой сожжения обнаружен около ворот в Альтхейме, в центре площадки в Хейденхейме находилась столбовая яма для идола [Bittel, s. 297, 346]. В Юденау (Австрия) на площадке было помещено трупосожжение человека [Neugebauer, 1992, s. 114].

Совсем необычной оказалась находка внутри прямоугольной площадки, окружённой рвом в Рибемоне (Галлия). Здесь на пространстве диаметром 5 м лежали друг на друге разрознен-

ные кости, принадлежавшие не менее чем 200 человекам (рис. 24). В основном здесь были сложены кости конечностей, а черепа, позвонки и рёбра отсутствовали. Среди костей по краю находились мечи, ножны мечей, копья, пряжки. В центре скопления костей была столбовая яма (диаметром 30 см и глубиной 95 см), в которой мог стоять идол, и рядом с ним маленькая квадратная постройка из дерева (со стороной около 1,60 м). Весь комплекс относился к 50-30 гг. до н. э. Здесь могли быть сложены трофеи кельтов или жертвы, принесённые друидами [Cadoux, 1984, s. 53-77]. Эта находка проливает некоторый свет на то, откуда брались отдельные кости людей на жертвенных площадках и в ямах. Кости, положенные без анатомического порядка и явно лишённые связующего материала, черепные чашки, челюсти человека являются частой находкой на святилищах разных периодов и территорий.

Самыми характерными особенностями четырехугольных городищ-святилищ является наличие на них священных колодцев и храмов. Священные колодцы связаны с верой в нижний, подземный мир, где правят свои боги и обитают души умерших предков.

1.2.7. Пещеры

В Приальпийской области (Иллирия, Австрия, Бавария, Тюрингия) ещё в эпоху бронзы были известны святилища в *пещерах*, точнее в глубоких расщелинах в скалах, куда бросали жертвы. Использовались эти шахты и позднее, в гальштате, латене, раннеримском периоде. Так, на горе Кифхеузер известно около 20 таких шахт, имеющих глубину 50-90 м, лишь иногда метров 15 (рис. 26). На глубине найдены вещи разного времени. Так, в Флюгенхоэ в расщелине глубиной 50 м найдены 220 наконечников копий, 22 стрелы, 17 топоров, 11 мечей, шлемы, ножи, булавки, фибулы, гривны, браслеты, 45 бронзовых чаш, относятся все эти вещи ко времени от Гальштата В до галло-римского периода [Behm-Blancke, 1962, s. 154-159]. В 200 м от этой пещеры также в расщелине глубиной до 70 м, помимо многочисленных вещей (копья, топоры, бронзовые сосуды и т. д.), находились разрозненные кости людей: обломки черепов, 19 костей рук и ног, рёбра, принадлежавшие мужчинам от 18 до 40 лет. Кости людей обнаружены и в других шахтах. В одной из них (глубина 15 м) лежали кости женщин и детей, скопившиеся там за долгое время [Behm-Blancke, 1962, s. 161, 222 - 232]. В Карлсхоле (Вюртем-

берг) известны четыре шахты, где вместе с костями животных, украшениями из золота, серебра и бронзы, черепками сосудов лежали остатки людей (в одной шахте не менее 50 человек, в других по 10 и 20) [Moser, 1968, s. 6, 7]. В Кнохенхоле, в шахте глубиной 35 м, среди человеческих костей находились бронзовые копья, сосуды, чертосская фибула, браслеты и другие раннелатенские вещи; в Дитерсбергхоле найдены кости не менее чем от 30 человек и вместе с ними многочисленные украшения и остатки хлеба; в Лупергхоле на дне находился круг из камней и на нём череп старого человека [Moser, 1968, s. 8-16]. В расщелину в скале Юнгфернхоле жертвы сбрасывались на протяжении очень долго-

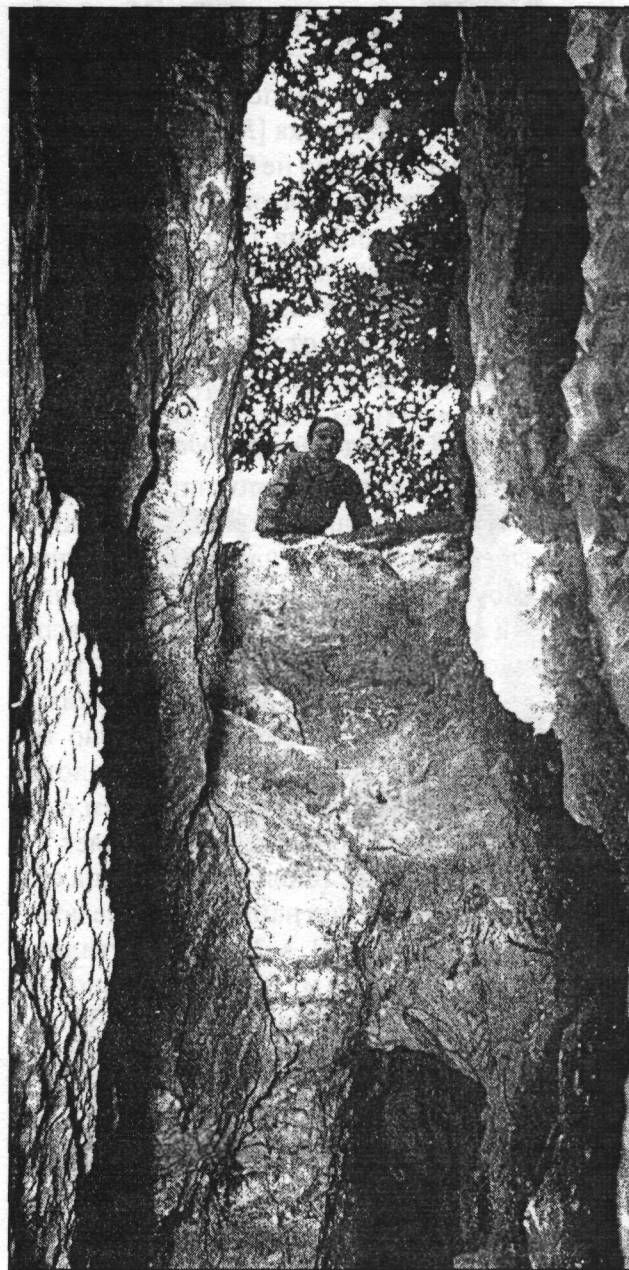

Рис. 26. Пещера с человеческими жертвами (Behm-Blancke).

го времени - в эпоху неолита, бронзы, гальшта-та, латена и в раннем средневековье. В нижнем слое среди древнейшей керамики лежали кости животных, беспорядочные кости человека и черепа, лишённые челюстей, был сброшен поро-сёнок. Затем всё завалено камнями. В верхнем слое в нескольких скоплениях находились кости, по крайней мере, 53 человек, у всех черепов отсутствовали передние зубы. На костях есть следы обжига. Рядом с отверстием пещеры была устроена площадка для ритуальных действий [Kunkel, 1958, s. 54-67].

Во всех случаях в пещерах найдены разроз-ненные кости, черепа, части черепных коробок людей, явно не захороненных здесь, а принесён-ных в жертву. В анатомическом порядке лишь иногда встречаются скелеты детей (Брунерс-шахт, Штейнбергсшахт, Лупергхоле), в шахте Виндлох в анатомическом порядке лежали части тела взрослого человека [Kunkel, 1958, с. 14]. Во всех этих шахтах явно не было обычных по-гребений, а в течение долгого времени совер-шались жертвоприношения. При этом вниз бро-сали кости и части тел людей, кости животных, оружие, украшения, бронзовые сосуды, битые горшки и миски, время от времени разжигался огонь, бросали камни.

1.2.8. Священные колодцы

Такую же функцию выполняли глубокие **колодцы**. Их вырывали на краю площадки, у вала четырехугольных святилищ. Так, на типич-ном прямоугольном святилище Томердинген (68 x 73 м), окружённом валом и рвом и распо-ложенном около курганного могильника, коло-дец был частично перекрыт напластованиями вала, в сооружении которого прослежено три последовательных периода. Наверху колодец выделяется воронковидным углублением с ди-аметром 7 м, внизу его диаметр составляет 2 м и углублен он до 5,5 м. Вдоль стен колодца сто-яли столбы, в заполнении найдены позднелатен-ские черепки [Bittel, 1981, s. 325]. На святилище в Хольцхаузен (55 x 60 м) было выкопано три колодца, имеющие глубины 6,5 м, 18,35 м и 35,3 м. Вверху колодцы имели диаметр до 5 м, ниже они сужались и имели круглую или ква-дратную форму с поперечником 1-1,2 м. В запо-лнении колодцев слои угля, костей животных и черепов человека перемежались с мощными чистой глины. В одной из шахт насчитывается около 20 разных слоев. При анализе было уста-новлено наличие в отдельных прослойках орга-нической примеси, как считают исследователи,

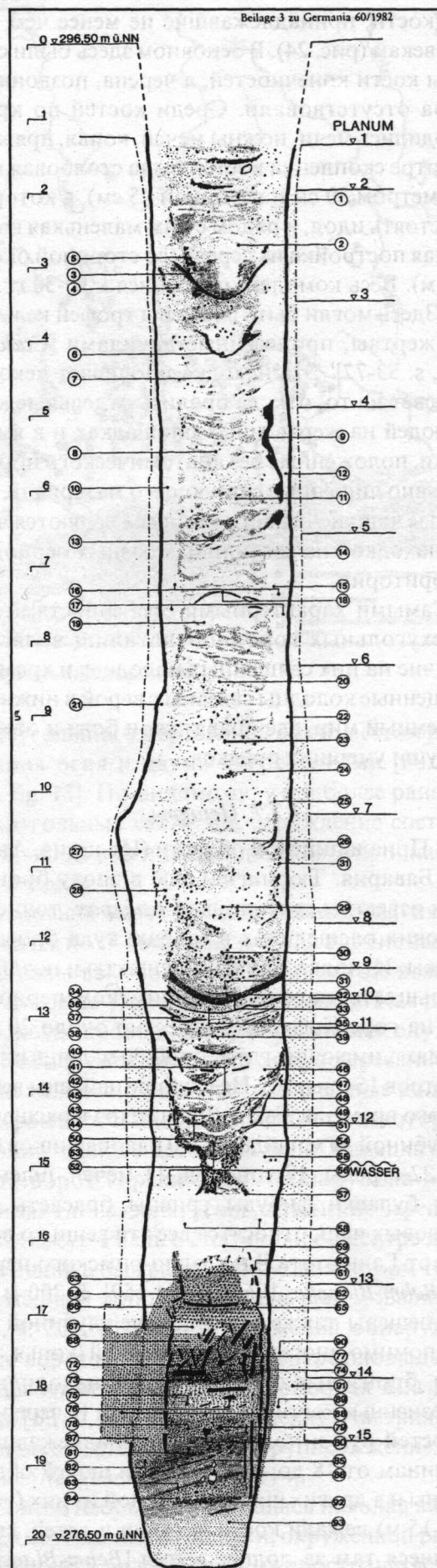

Рис. 27. Колодец Фельбах-Шмиден (Plank, 1982)

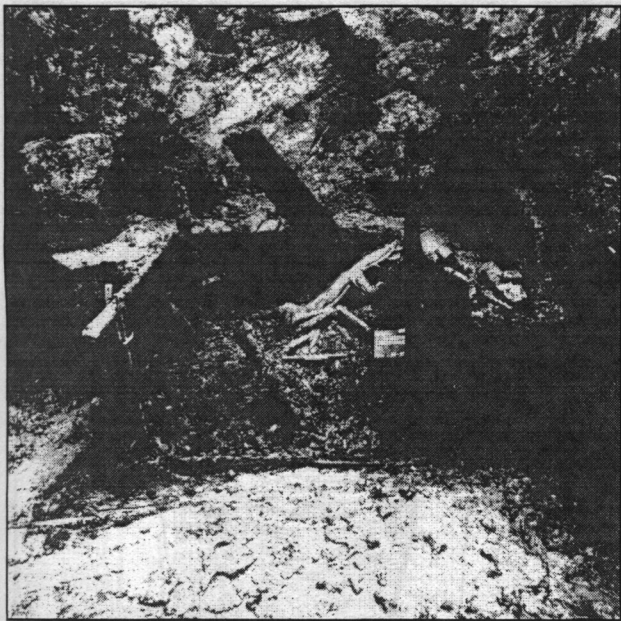

Рис. 28. Деревянные фигуры на дне колодца (Plank, 1982).

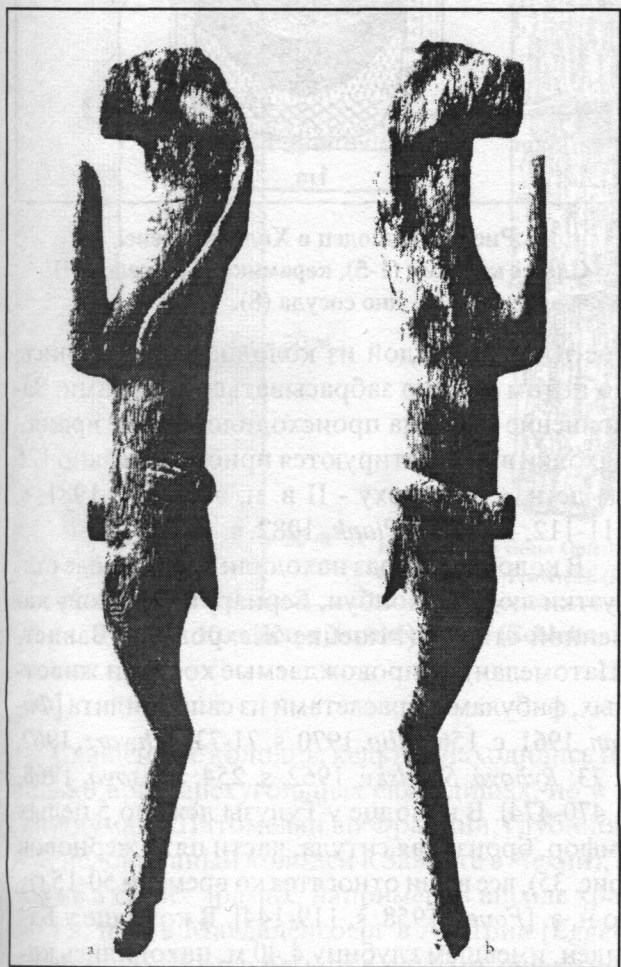

Рис. 29. Фигура из колодца Фельбах-Шмиден. Высота фигуры 87 см (Plank, 1982).

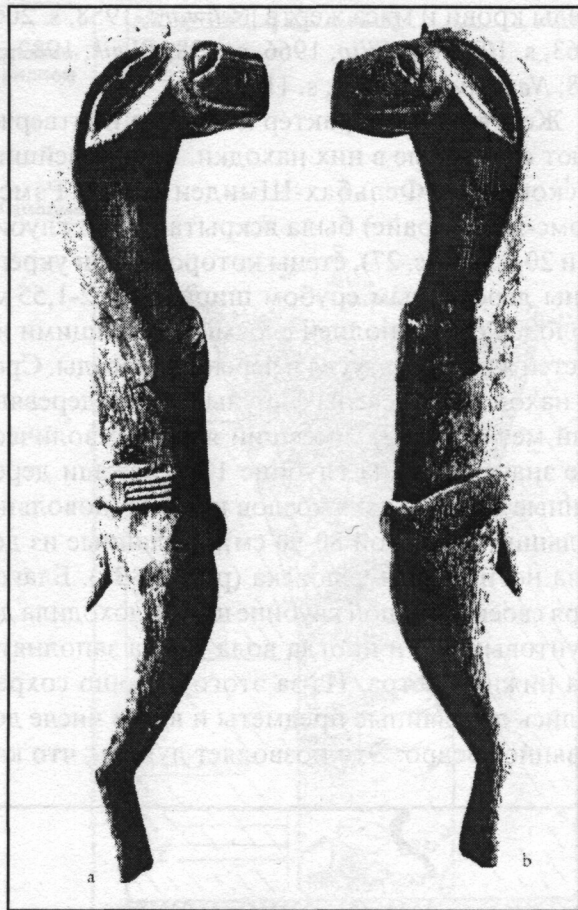

Рис. 31. Фигура из колодца Фельбах-Шмиден. Высота фигуры 76 см (Plank, 1982).

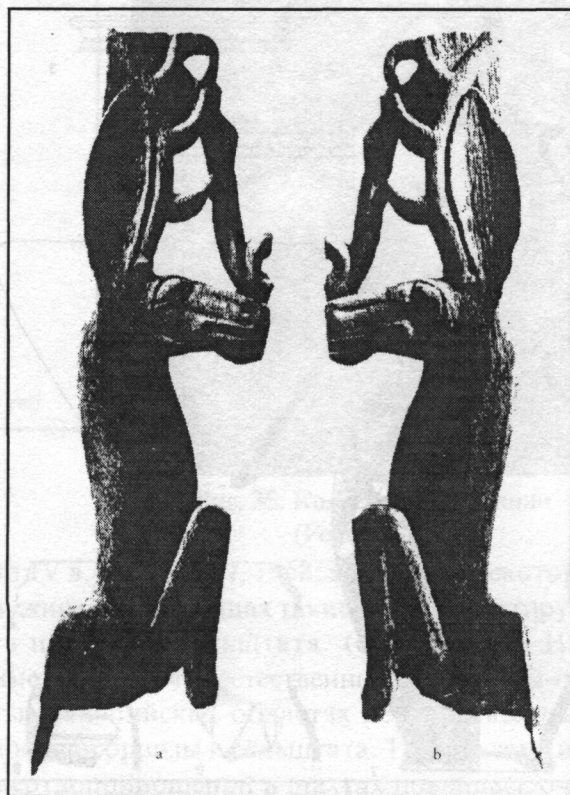

Рис. 31. Деревянная фигура из колодца Фельбах-Шмиден, высота фигуры 77 см (Plank, 1982).

следы крови и мяса жертв [Schwarz, 1958, s. 206; 1963, s. 105-108; Filip, 1966, с. 498; Plank, 1982, s. 108; Neugebauer, 1992, s. 114].

Жертвенный характер колодцев подтверждают сделанные в них находки. При новейших раскопках в Фельбах-Шмиден около Рэмса (Рэмс-Мур-Крайс) была вскрыта шахта глубиной 20,5 м (рис. 27), стены которой были укреплены деревянным срубом шириной 1,2-1,55 м. Колодец был заполнен слоями, состоящими из костей животных, угля и черепков посуды. Среди находок встречены фибулы, топор, деревянный меч (рис. 32), имевший явно символическое значение, а на глубине 18 м лежали деревянные фигуры двух козлов и оленя (довольно большие - высотой 80-90 см), сделанные из дерева ноги и руки человека (рис. 28-31). Благодаря своей большой глубине шахта доходила до грунтовых вод и иногда вода могла заполнять два нижние метра. Из-за этого хорошо сохранились деревянные предметы и в том числе деревянное ведро. Это позволяет думать, что ка-

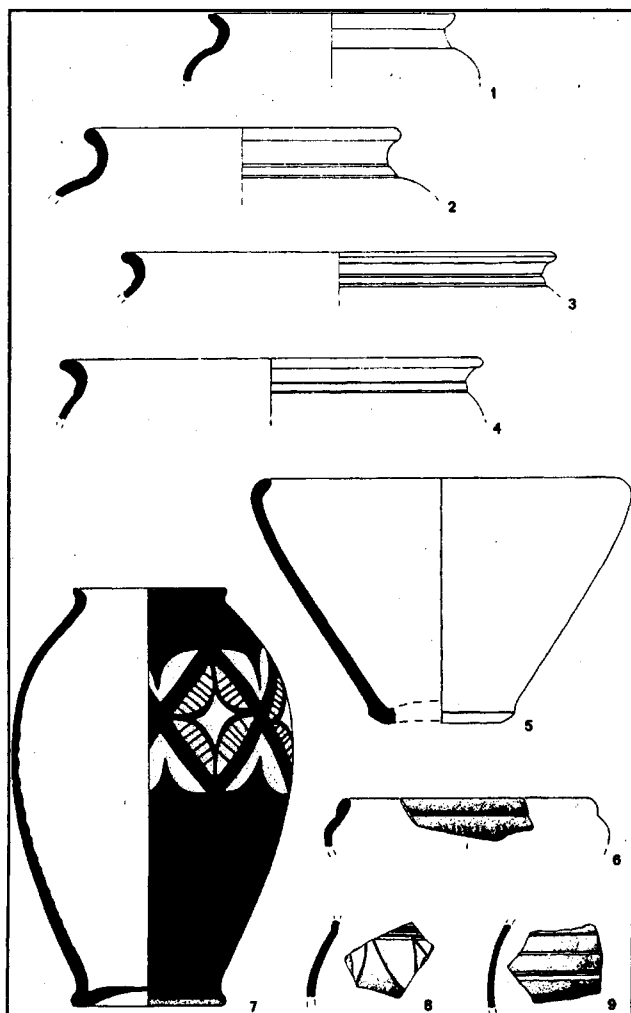

Рис. 32. Фельбах-Шмиден. Гончарная керамика из заполнения рвов (Plank, 1982).

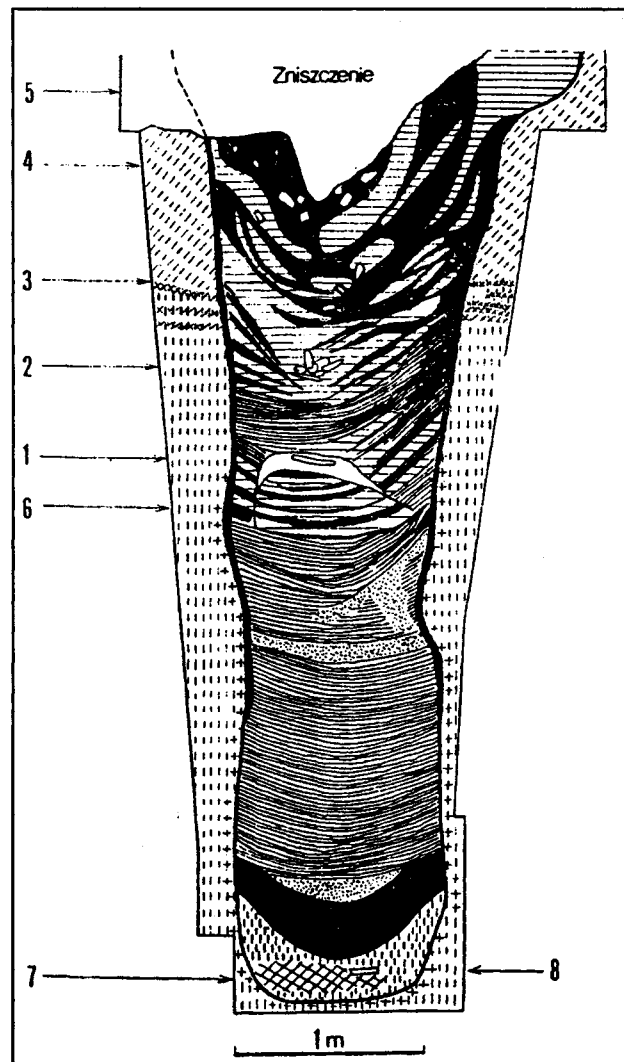

Рис. 33. Колодец в Хольцхаузене. Слой с костями (1-5), керамика (6), скелет (7), дно сосуда (8).

кое-то время водой из колодца пользовались, но потом он стал забрасываться жертвами. Заполнение колодца происходило долгое время - находки внизу датируются приблизительно 125 гг. до н. э., а сверху - II в. н. э. [Bittel, 1981, s. 111-112, 332-335; Plank, 1982, s. 109-150].

В колодцах не раз находили деревянные статуэтки людей (Монбуи, Бернар) или голову каменной статуи (Мшецке Жехровице, Завист, Шатомелан), сопровождаемые костями животных, фибулами, браслетами из сапропелита [Fulmin, 1961, с. 156; Filip, 1970, s. 71-73; Schwarz, 1962, s. 73; Rybová, Soudský, 1962, s. 254; Jansová, 1968, s. 470-474]. В колодце у Тулузы лежало 5 целых амфор, бронзовая ситула, части пяти жерновов (рис. 35), все вещи относятся ко времени 50-15 гг. до н. э. [Fouet, 1958, s. 119-144]. В колодце у Базилеи, имевшем глубину 4,40 м, находились кости животных, детей и череп женщины (рис. 36) [Rybovd, Soudský, 1962, s. 254].

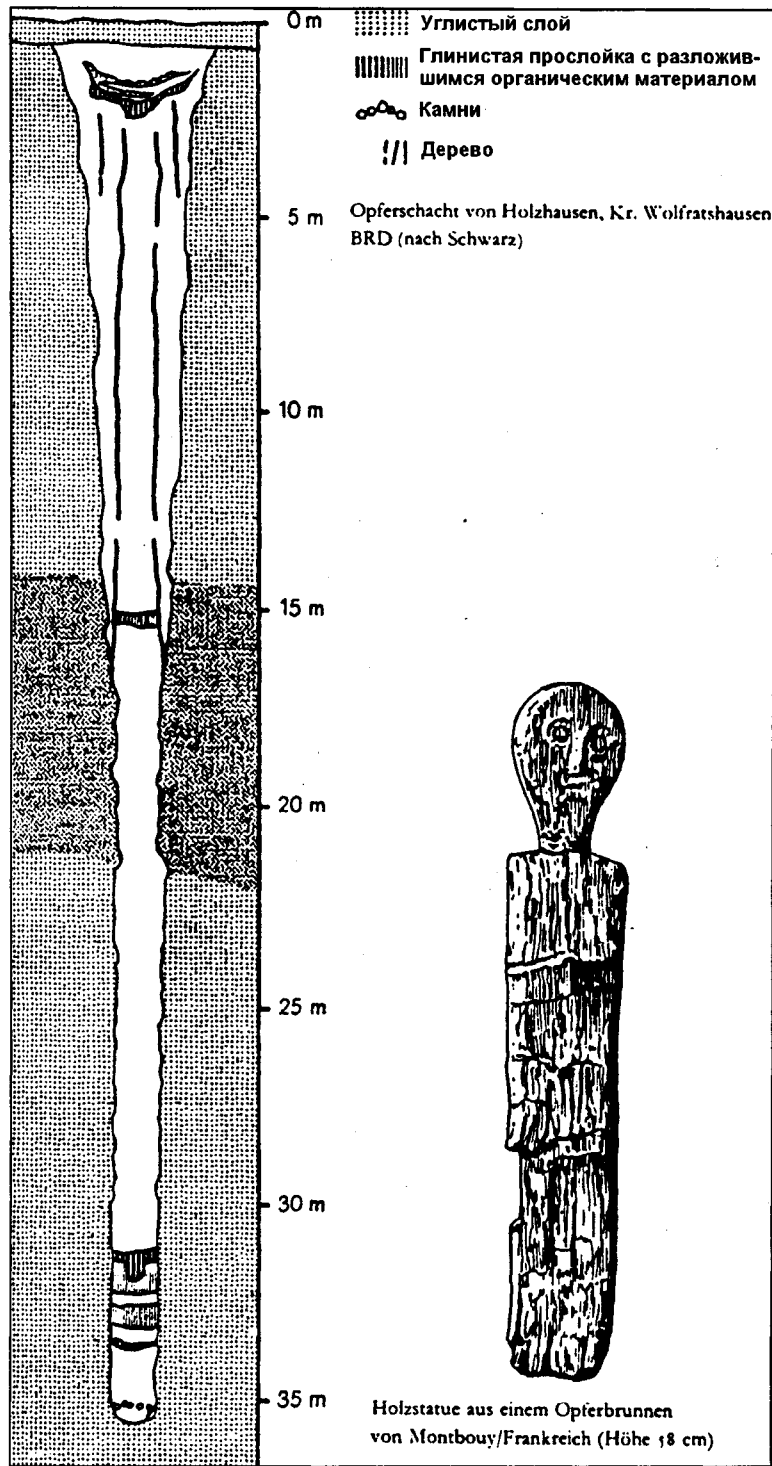

Рис. 34. Колодец в Хольцхаузене (Schlette, 1980).

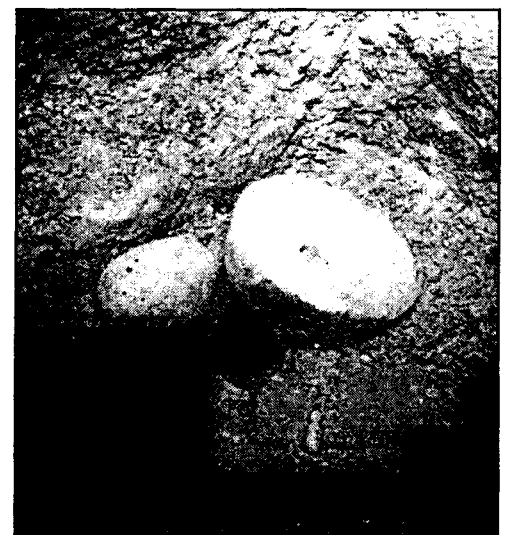
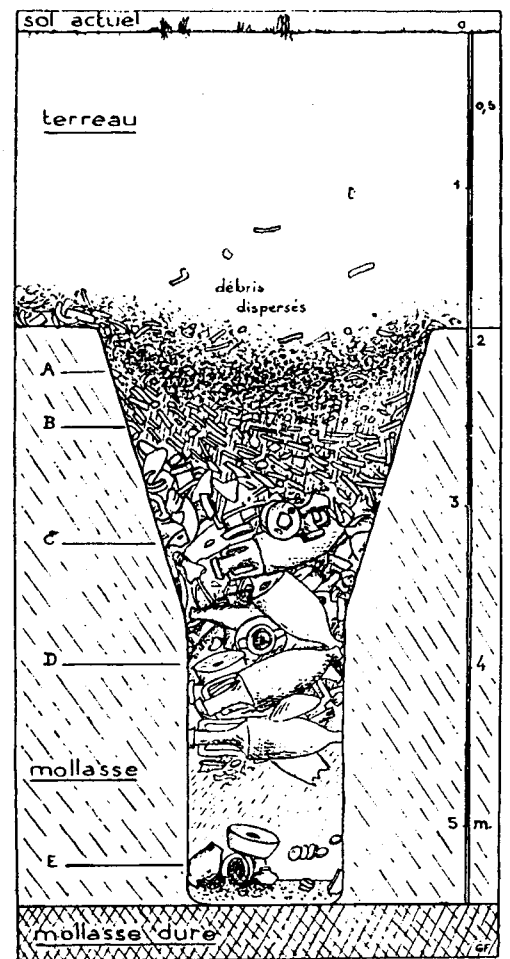

Рис. 35. Колодцы во Франции (Fouet, 1958).

Священные колодцы кельтов находились не только в четырехугольных святилищах, но и в оппидумах (Шатомелан во Франции, глубиной 4 м, недокопанный колодец в Зависте в Чехии), а также в самих храмах, например, в апсиде храма I в. н. э. в Магдаленсберг в Австрии [Egger, 1959, s. 18]. В большинстве случаев они относятся ко времени со II в. до н. э. по I в. н. э., но в колодцах встречаются и более поздние вещи -

до IV в. н. э. [Fouet, 1958, s. 185]. На некоторых лужицких городищах такие колодцы датируются периодом гальштата (см. главу 3). Надо иметь в виду, что естественные расщелины-шахты Вальпийских областях использовались со времени бронзы и гальштата. Так что сама идея жертвоприношений в шахтах появилась очень рано и продолжалась долгое время. Той же цели служили колодцы на славянских городищах-

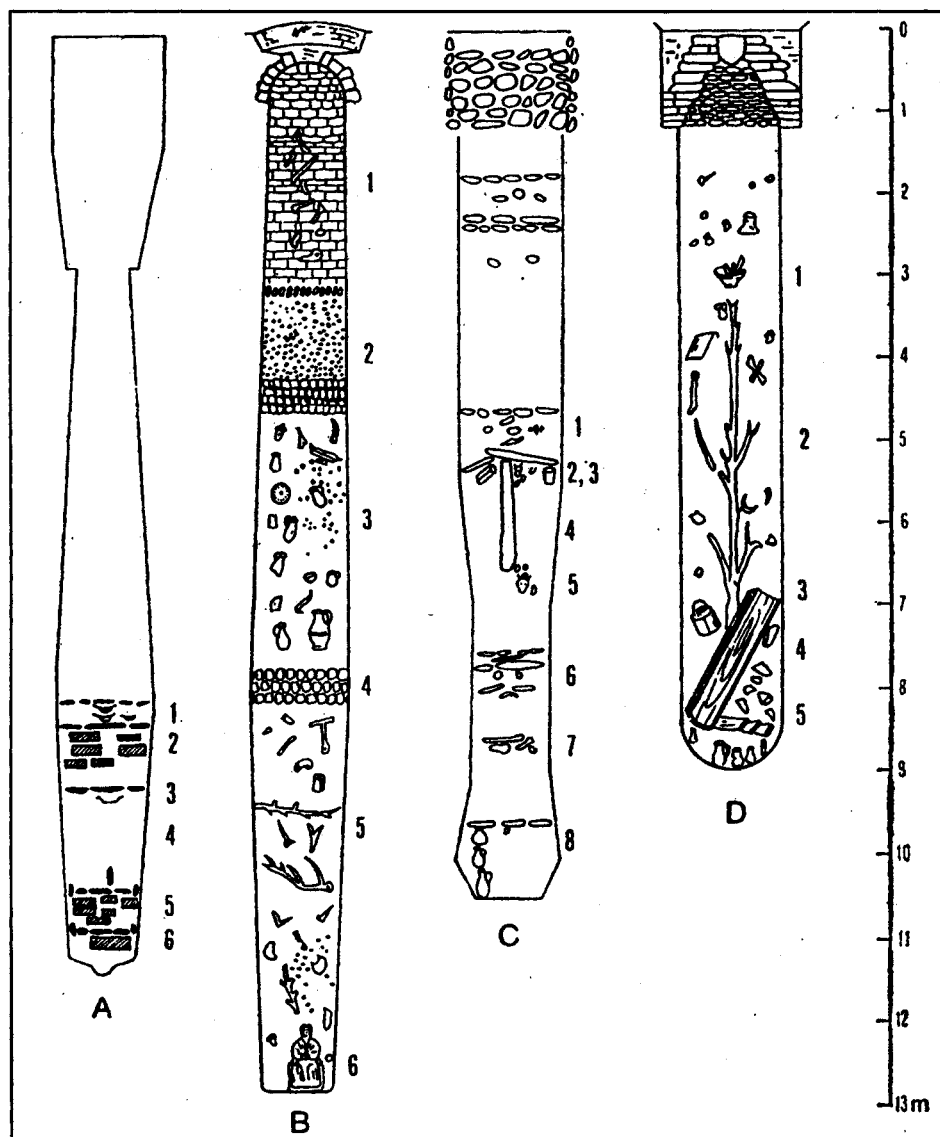

Рис. 36. Колодцы во Франции (Schwarz).

- А:** Черепа КРС (1). Свинья, козел, конь, собака, поросенок, олень (2). Сосуды (3).
 Заполнитель не содержащий находок (4). 2 собаки, свинья, коза, лось, заяц (5). Свинья (6).
- В:** Кладка из рваного камня (1). Многочисленные древесные угли (2). Кости КРС, свиньи, овцы, козы, собаки, лошади, зайца, а также сосуды и скорлупа (3). Каменные слои (4). Рога оленя (5).
 Деревянная статуя (6).
- С:** Древесный уголь (1). Черепа КРС и козы (2). Деревянное ведро (3). Деревянный кол (4).
 Череп КРС (5). Кости козы (6). Фрагменты сосудов и кости КРС (7). 6 керамических сосудов (8).
- Д:** Миска керамическая с сожженными человеческими костями (1). Тис или кипарис (2).
 Оковка ведра (3). Вывороченный ствол дуба с покровом, содержащим кости (4). Черепицы,
 6 керамических сосудов, бронзовое ведро, 2 монеты: Антонина Пия и Септимия Севера (5).

святилищах XII - XIII вв. [Русанова, 1992, с. 60].

Само расположение колодцев на святилищах и характер их заполнения свидетельствуют о культовом назначении. Священные колодцы существенно отличаются от бытовых, известных на оппидумах. Такие бытовые колодцы открыты на оппидуме в Страдоницах (Чехия), кроме того, здесь почти у всех домов имелись цистерны для сбора воды. На оппидуме Гражани колодцы были выкопаны на наиболее низком месте в седловине между холмами. Исследовано

пять таких колодцев, имевших прямоугольную форму со сторонами 100-180 см и глубину от 80 до 150 см. Стенки колодцев иногда были выложены камнями. На дне колодцев найдены, вероятно, попавшие туда случайно обломки сосудов, нож и бусина [Jansová, 1959, s. 557-566]. Глубокие священные колодцы на святилищах тем более не являлись источниками воды, так как через некоторые святилища или в их рвах текли ручьи [Bittel, 1981, s. 115; Filip, 1970, s. 74].

1.2.8. Храмы

Вторым характерным для четырехугольных святилищ объектом являлись **храмы**. Часто их остатки находятся в углу святилища, оставляя его центральную часть для проведения собраний и церемоний. От храмов сохраняются лишь столбовые ямы, расположенные прямоугольником, что позволяет реконструировать здесь деревянную постройку. В Хольцхаузене постройка имела двойной ряд стен, что было обычным явлением у каменных храмов (рис. 37-39) (размеры вписанных друг в друга прямоугольников 10,5 x 11 м и 6,5 x 7,0 м), внутри храма горел огонь [Schlette, 1980, s. 138]. В Экюри-ле-Репо от постройки сохранились четыре столбовых ямы и яма в центре между ними, где, возможно, стоял идол [Schwarz, 1958, s. 212; Lantier, 1958, s. 457-458; Rybová, Soudský, 1962, s. 248, 274]. Храм в Обереслинген имел размеры 8 x 10 м, в Хардхейме стены постройки были обмазаны глиной [Bittel, 1981, s. 110, 346]. Внутри храма в Маркватице было рассыпано зерно и помещено одно трупосожжение [Drda, Waldhauser, Cizmar, 1971, s. 288-291]. Особенности этих построек: двойные стены, иногда обмазанные глиной, место для идола в середине помещения, употребление огня, рассыпание зерна - имеют аналогии в деревянных храмах средневековых славян [Русанова, 1992, с. 60-61].

Я. Филип высказал мнение, что храмы у кельтов появились лишь в галло-римское вре-

мя под влиянием римской архитектуры [Филип, 1961, с. 184]. Но простые деревянные храмы появились на четырехугольных святилищах в среднем латене и были распространены за пределами непосредственно подчинённой Риму территории (например, в Англии [Vries, 1961, s. 192]). Постепенно деревянные храмы сменялись каменными (Хардхейм, возможно, Манхинг) [Bittel, 1981, s. 346; Gerdson, 1982, s. 560-564]. При этом каменные храмы сохраняли некоторые черты деревянных — двойные стены, четырехугольную защитную ограду в виде рва или каменной стены. И в то же время приобрели особенности римской храмовой архитектуры — храм окружается колоннадой, украшается рельефными изображениями и скульптурой, стоит храм в центре ограждённой площадки и о на поселениях-оппидумах. Распространены были галло-римские храмы на территории Франции до Рейна (рис. 25) [Schlette, 1980, s. 135] (за исключением нижнего течения Сены) и в Англии - там, где власть и влияние Рима были особенно сильны.

Храм III в. до н. э. в Гурнэ (Франция) имел центральный прямоугольный зал 8 x 10 м и галерею кругом 16 x 18 м и был ограждён прямоугольником ограды (шириной 40 м). Около храма найдены меч, фибула, кости домашних животных [Branlaux, Mancel, Rapin, 1980, pl. 2]. Подобный каменный храм с двойными стенами, вписанный в прямоугольник каменной ограды, известен в Магдаленсберге (I в. до н. э. - I в. н. э.).

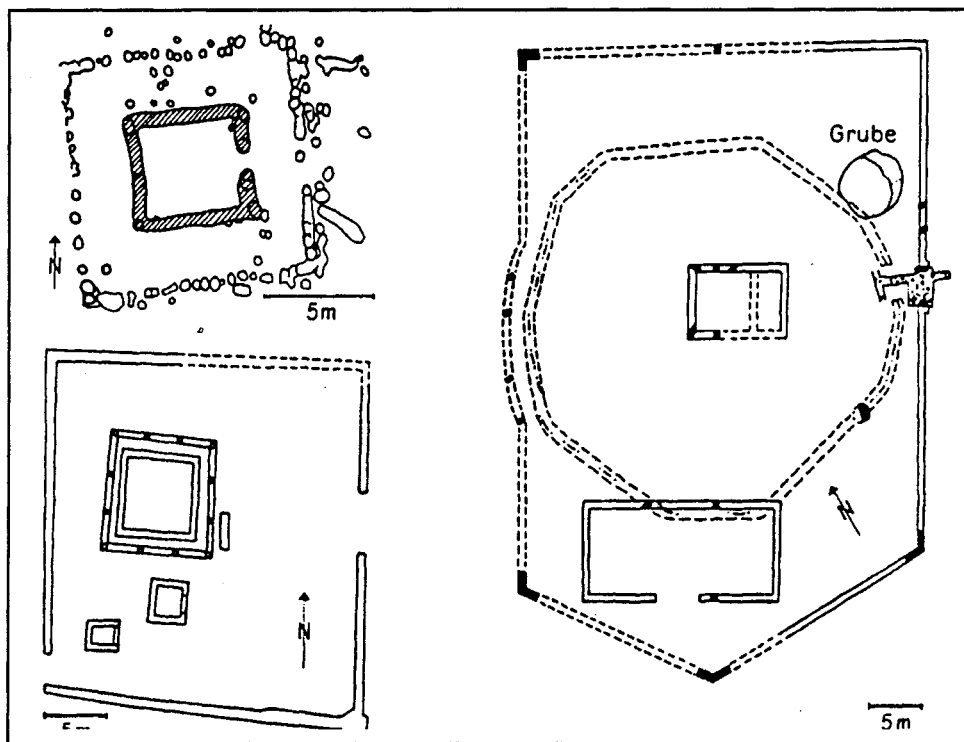

Рис. 37. Планы храмов в Британии и Швейцарии (Schlette, 1980).

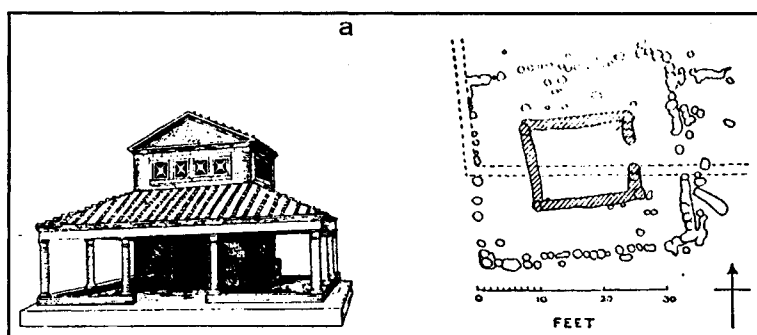

Рис. 38. а. Реконструкция романо-кельтского храма в Британии; б. План храма раннего железного века в Хитроу, Мидлсекс (Ross).

В его апсиде находится священный колодец, а рядом с храмом в ямах положены мужские черепа. Храм стоял на оппидуме и несколько раз перестраивался. В средневековье здесь был построен католический храм [Egger, 1961, abb. 1-7]. Многократно перестраивался храм около оппидума Манхинг. Здесь храм стоял в центре почти квадратной площадки (16 x 17 м), окружённой тремя рядами плохо сохранившихся рвов. Сам храм перестраивался не менее трех раз — в двух первых разгах он имел круглую форму и его стены опирались на столбы, затем на этом же месте был возведён квадратный храм. Вся серия построек относится к среднему и позднему латенским периодам, но в одном из рвов был воткнут в землю меч гальштатской культуры, т. е. на несколько столетий более ранний, чем храмовый комплекс.

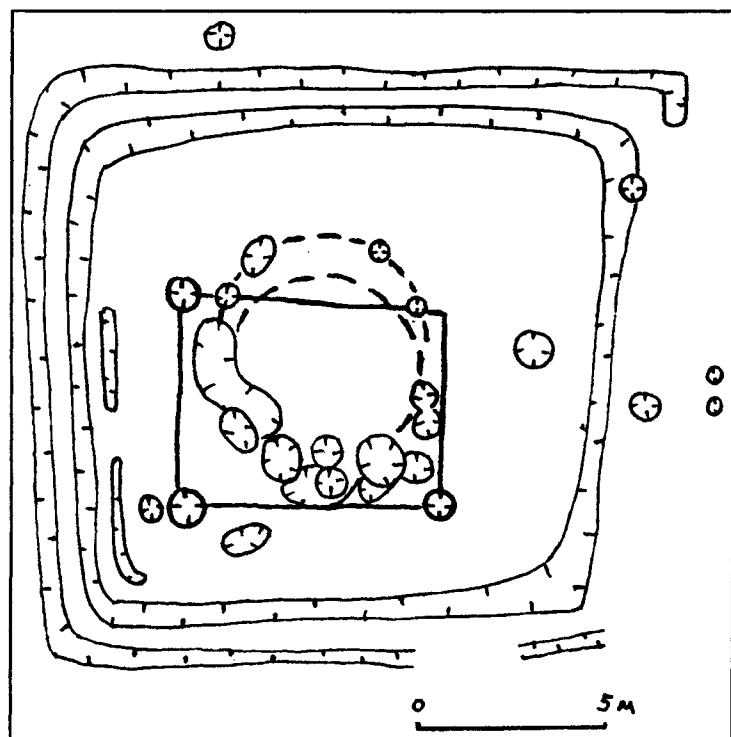

Рис. 39. План храма в Манхинге, с перестройками.

Объяснений может быть несколько: или меч случайная находка, использованная на святилище, или на этом месте и в более раннее время находился культовый комплекс [Gerdson, 1982, s. 560-564]. Может быть, в ранний период здесь ещё сохранялась старая гальштатская традиция круговых святилищ, которые были заменены квадратным храмом [Vries, 1961, s. 196]. Так же около храма Кэмалодунум в Англии со временем круглая деревянная ограда была заменена

прямоугольной каменной [Schlette, 1980]. При дальнейшем развитии в I в. н. э. ограда в виде рвов, стен, как на четырехугольных святилищах, заменяется колоннадой, как в римских храмах (рис. 40-41) [Souton, 1967, s. 111-151].

Начало храмового строительства знаменует существенные изменения в религиозных представлениях. Вместо стоявшего под открытым небом и всем видимого бога, хотя к нему и нельзя было приблизиться вплотную из-за сакральной круговой ограды, появляется закрытый дом, где бога могли видеть лишь избранные и посвящённые. Сам храм был очень мал и молящихся в него не впускали, как это практиковалось в Греции. Это могло привести к изменению статуса самих богов, они становятся таинственными и менее доступными, общение с ними стало возможным лишь при посредничестве

друидов. В то же время более дифференцированными могли стать функции богов - часть из них осталась на открытых и доступных святилищах. Эти боги, скорее всего, были связаны с повседневными делами населения, с заботой об урожае и плодородии.

Важное, хотя и не совсем понятное, значение имело появление наряду с круглыми прямоугольных святилищ. I Круг с изображением бога в центре соответствовал представлениям о мире божьем, за ограду которого доступ был запрещен. Квадратная ограда повторяла собственно форму божьего дома - храма, а внутри этой ограды можно было входить, приближаясь к божьему храму. Правда, со временем огромные четырехугольные святилища, за ограду которых могло собраться очень много молящихся, постепенно сменялись сравнительно небольшими площадями вокруг каменных храмов.

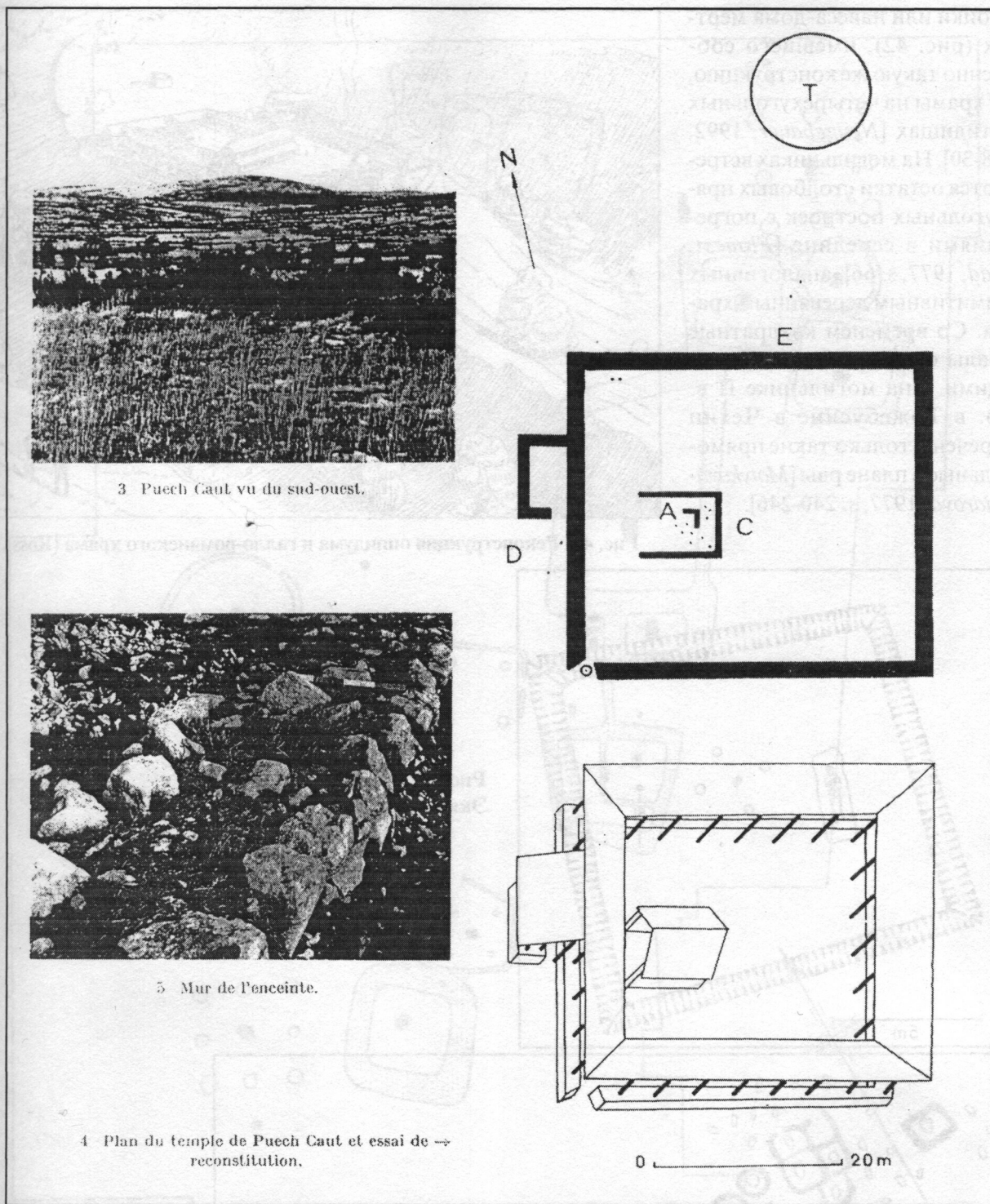

Рис. 40. Галло-романские храмы во Франции (Souton).

Такая линия развития, от круглой к квадратной ограде, подтверждается на могильниках. Кольцевые ограды, в виде ряда или ряда камней, известны в курганах с глубокой древности, в частности на гальштатских могильниках, хотя бы в Вербах (Вюртемберг) [Bittel, 1981, s. 502-504]. На грунтовых могильниках латенского времени отдельные наиболее выдающиеся (но не обязательно самые богатые) погребения были окружены кольцевым или квадратным

рвом [Filip, 1953, s. 205-233; 1956, s. 296-298, 422; Motyková-Šneidrová, 1977, s. 240-247]. Диаметр или длина стены оградки бывает 10-15 м, но сами рвы довольно внушительны - их ширина и глубина около 1,5 м. В плане они почти полностью повторяют круглые и четырехугольные святилища, только в меньшем размере и вместо изображения бога в их центре помещено погребение. Сходство еще усиливается тем, что в квадраты иногда вписаны четыре столба от по-

стройки или навеса-дома мертвых (рис. 42), имевшего собственную такую же конструкцию, как храмы на четырехугольных святилищах [Neugebauer, 1992, s. 28-30]. На могильниках встречаются остатки столбовых прямоугольных построек с погребениями в середине [Flouest, Stead, 1977, s. 66], аналогичных примитивным деревянным храмам. Со временем квадратные ограды становятся преобладающими и на могильнике II в. н. э. в Тржебусице в Чехии встречены только такие прямоугольные в плане рвы [Motyková-Šneidrová, 1977, s. 240-246].

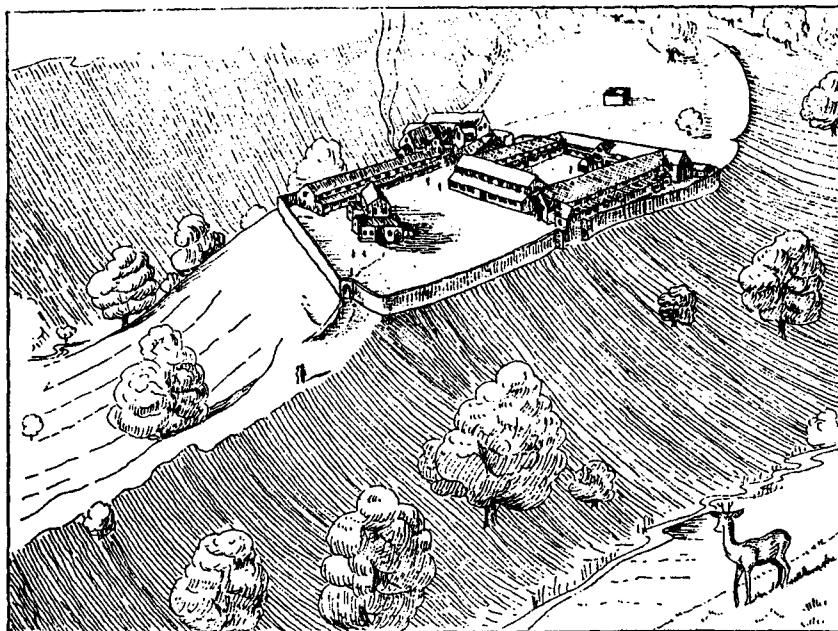

Рис. 41. Реконструкция оппидума и галло-романского храма (Ross).

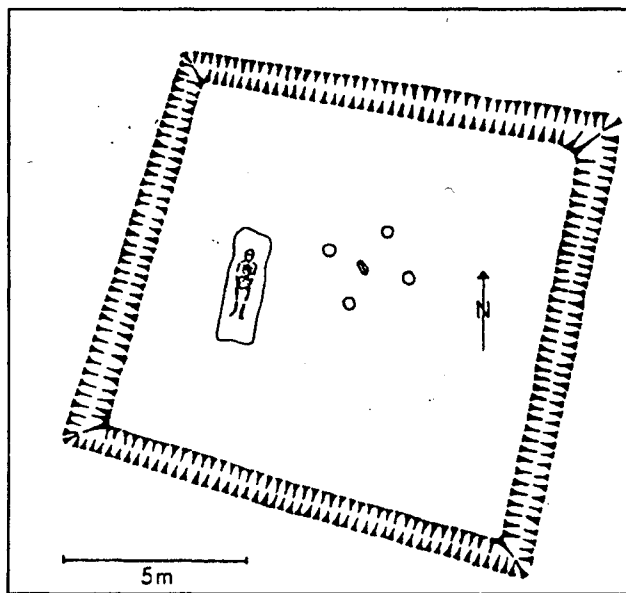

Рис. 42. Ограда у погребения Экюри-ле-Репо.

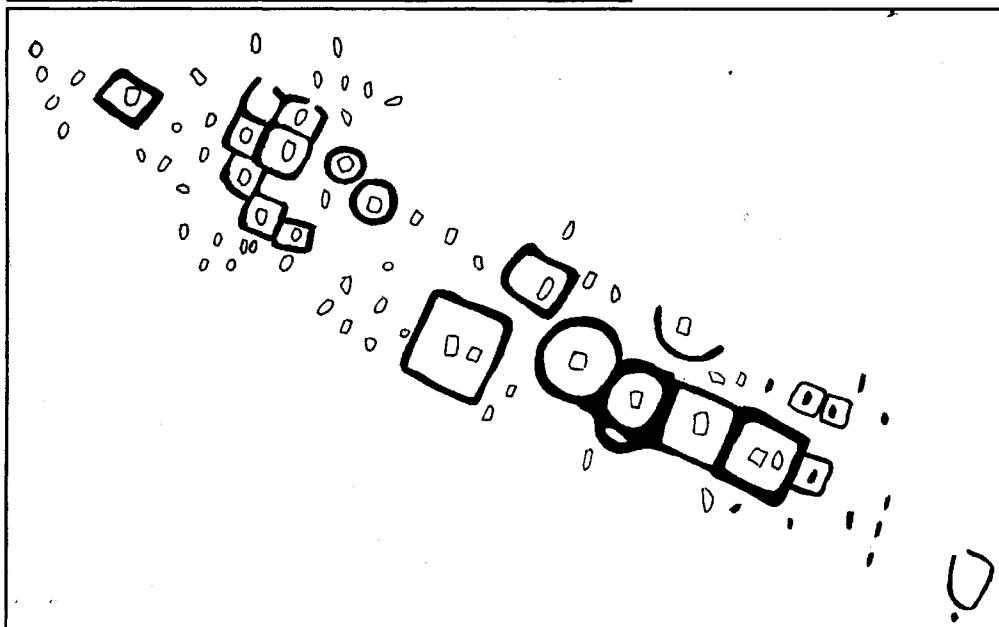

Рис. 43. Ограда у могильника Манерсдорф.

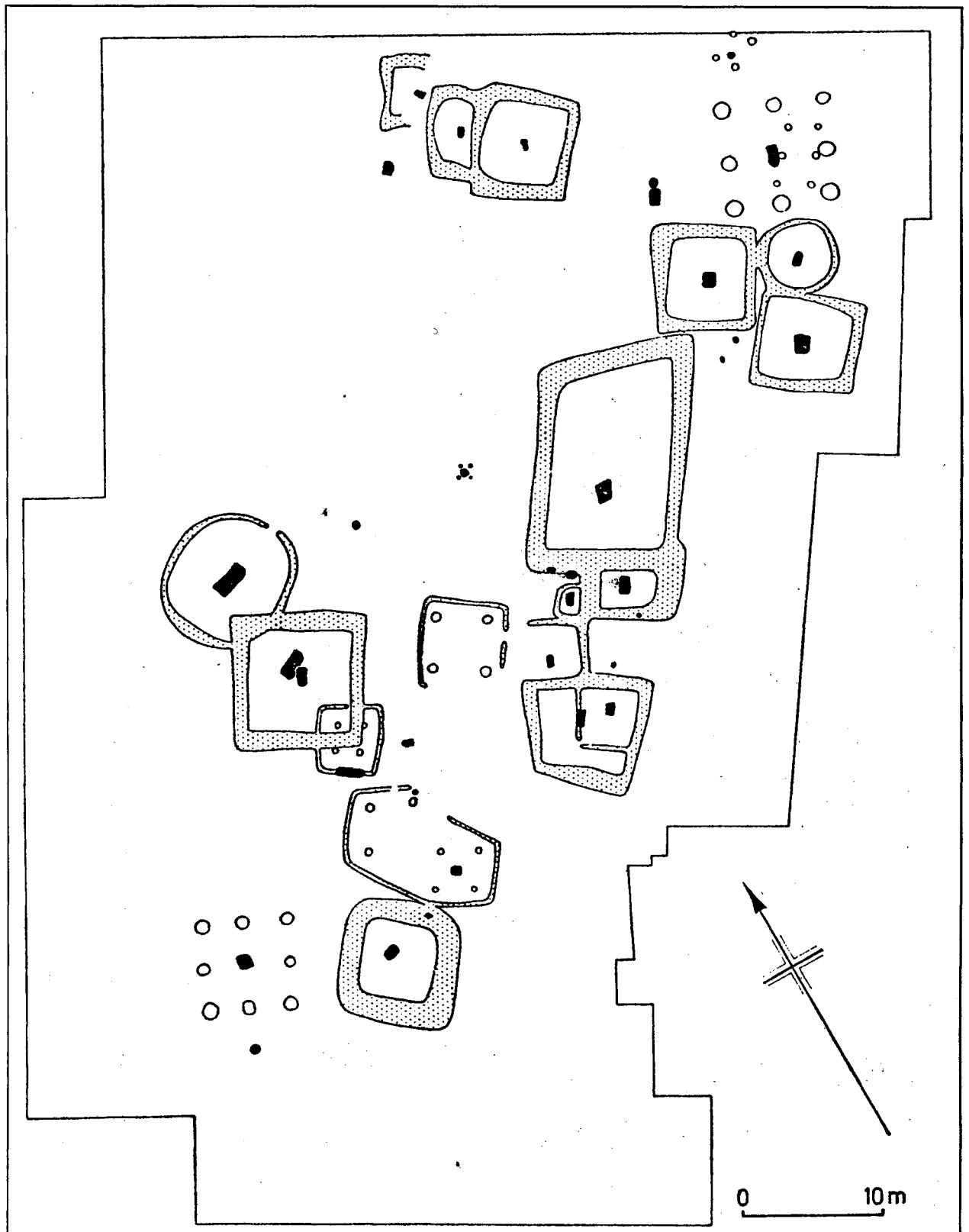

Рис. 44. Ограды на могильнике Менил-Аннеле (Flouest, Stead).

1.2.9. Скульптура

Каменные храмы, стоявшие в оппидумах были украшены скульптурами и резьбой по камню. На оппидуме Энтремон III в. до н. э. (Франция) храм находился на самом высоком месте и к нему вела дорога длиной 100 м, вдоль которой стояли скульптуры героев. Четырехугольный храм называется "залом голов" (рис. 49), так как здесь стояли квадратные столбы с вытесанными на них головами. На одном из них было изображено 12 голов, на другом четыре. В столбах были сделаны ниши и в них помещены отрубленные человеческие головы. У входа скульптурная фигура, сидящая в позе Будды, держала в руке отрубленную голову [Benoît, 1957, s. 7-36].

Глиняный обожжённый пол святилища был покрыт в центре орнаментом в виде прорезанных кругов (рис. 50). Орнаментированные алтари на глиняном полу берут своё начало в Греции, известны у скифов и даков, в дальнейшем они появились на кельтских памятниках во Франции, Англии, и под кельтским влиянием проникли в Германию, Данию и Польшу [Makiewicz, 1976].

Близко от Энтремона на оппидуме Рокепертус также известен храм. В столбах его портика

были сделаны ниши для человеческих черепов, а наверху помещена фигура с двумя головами и изображение птицы - символа пути на тот свет [Филип, 1961, с. 153].

Скульптура и резьба по камню были высоко развиты у кельтов. Особенно много такого рода находок во Франции и Англии, реже они встречаются в восточных областях кельтики. Скульптуры богов и героев стояли в храмах и на вершинах курганов. Древнейшие из них относятся к VII/VI вв. до н. э., позднейшие - к первым векам н. э. Каменные фигуры были монументальны и статичны, как, например, статуя воина из Хиршландена в Германии (рис. 5), на которой реалистично изображены коническая шапка, торквес на шее, пояс и меч [Schlette, 1981, abb. 28], или каменная плита с двумя лицами, смотрящими в разные стороны, и с характерным головным убором в виде "рыбьих пузырей", часто встречавшимся на кельтских изображениях. Наряду с реалистическими скульптурами существовали примитивные изображения с чуть намеченными лицами или вовсе необработанные стелы [Rosen-Przeworska, 1976, s. 105-109].

Многоголовые изображения были распространены у кельтов с V в. до н. э. (рис. 48, 49), существовали в Европе очень долго, встречаются

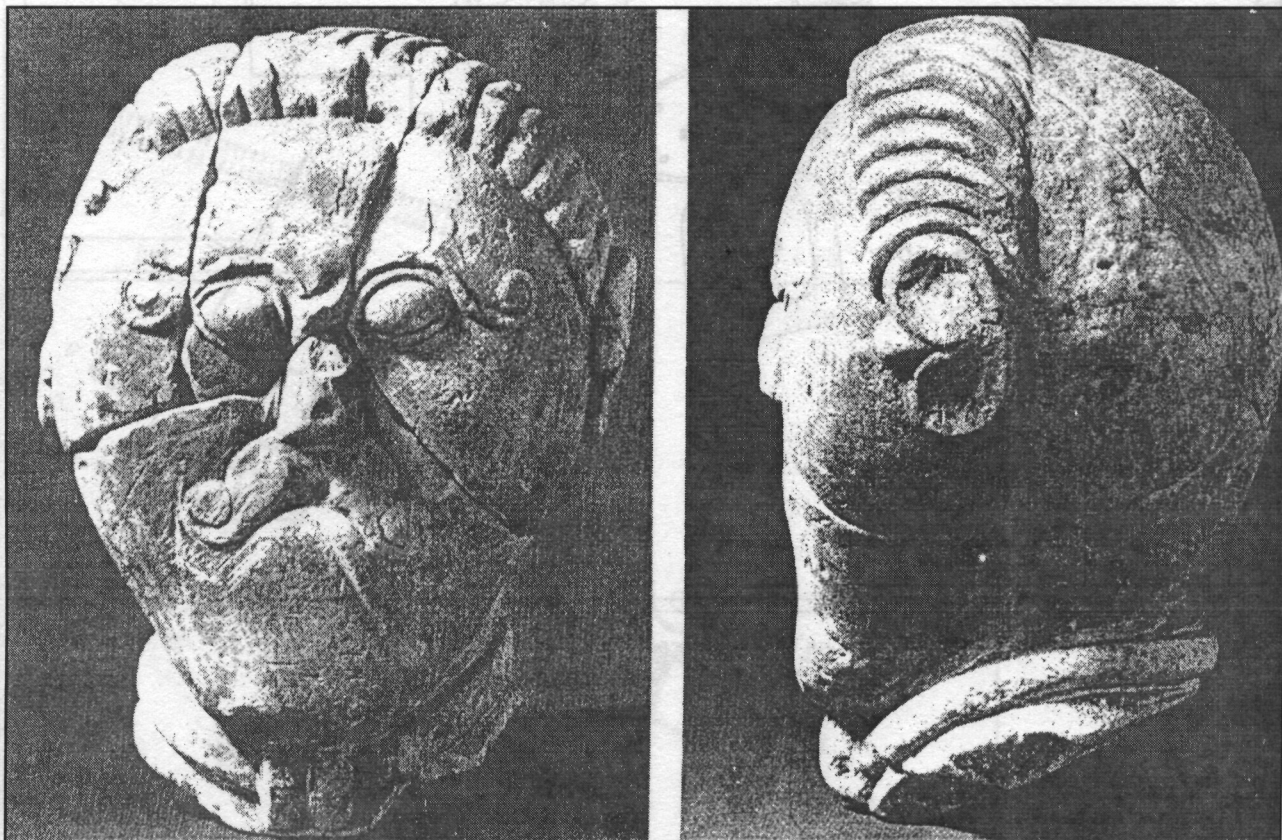

Рис. 45. Мшецке Жехровице около Нове Страшеци. Мраморная голова. Высота 25 см.

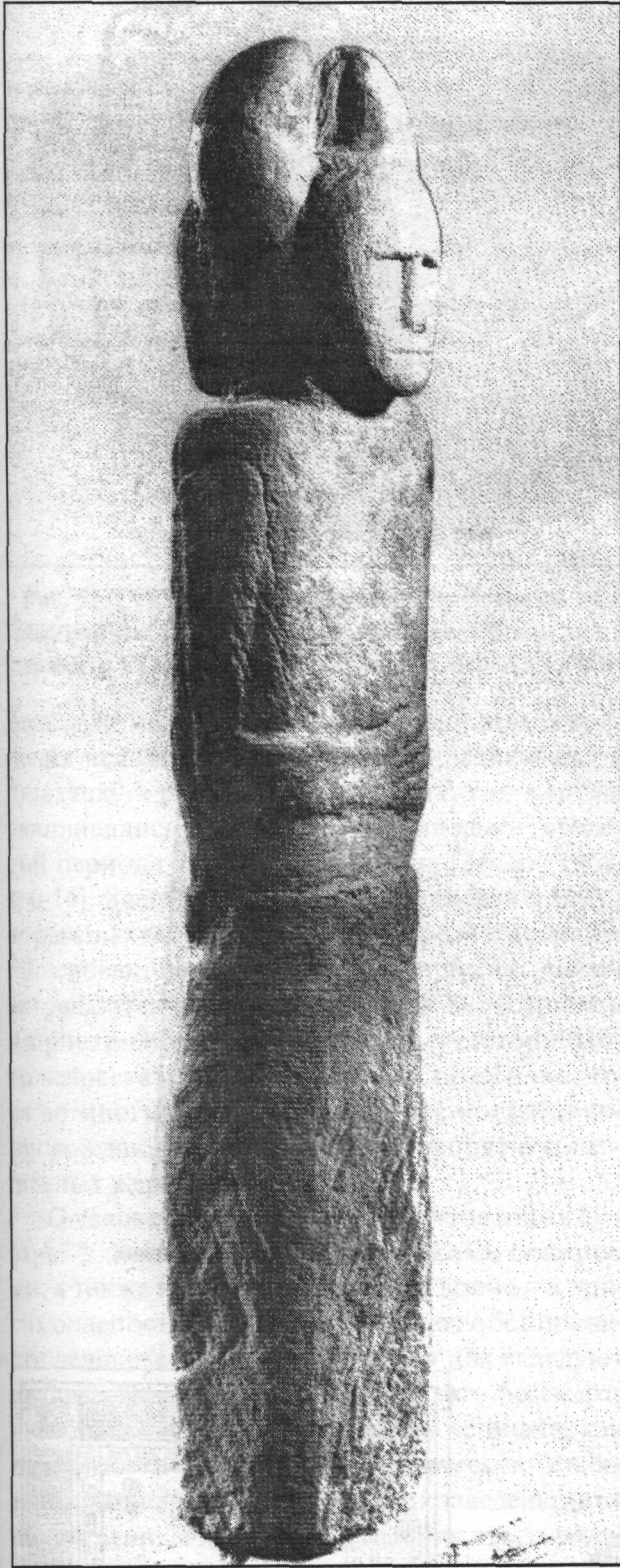

Рис. 46. Holzgerlingen (Schlette, abb. 32).

ся ещё на романских соборах [Rosen-Przeworska, Szafranski, 1981, s. 256-260]. Голова человека была излюбленным мотивом в изобразительном искусстве, её помещали на рукояти мечей, на поясах, на торквесах, бронзовых сосудах. На металлических украшениях были распространены фантастические мотивы, стилизованные живот-

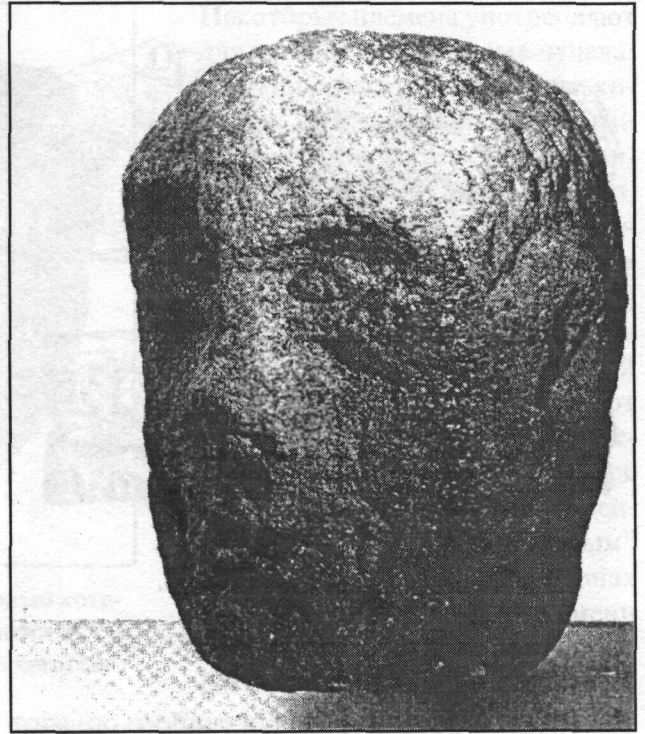

Рис. 47. Завист под Збраславом, южнее Праги. Каменная человеческая голова, найденная на акрополе. Высота 18 см.

ные и драконы создавали магические переплетения, в которых был зашифрован определенный смысл, понятный только для посвященных [Rosen-Przeworska, 1979, s. 158-164]. Например, на золотой пластинке, найденной в Дании изображены солнце, звёзды, рыбы, коровы, козлы и кабаны, растения и в центре фигура мужчины с тремя головами и с топором в руке (рис. 52) [Ross, 1968, fig. 49].

1.2.10. Культ головы и жертвы человека

Изобразительное искусство кельтов свидетельствует о распространении у них *культа отсечённой головы*. О существовании такого культа сообщали и письменные источники [Диодор Сицилийский, IV, 20; V, 26; Тит Ливий, XXIII, 24], из которых следует, что кельты делали чаши из черепов убитых врагов. Молодой кельт чтобы попасть в сословие всадников должен был убить врага, его череп прикрепить к седлу, а затем хранить его дома, или в месте, посвященном культу мертвых [Rosen-Przeworska, 1964, s. 232-233]. Голова считалась сосредоточением жизненной силы, символом человека.

Во многих культовых сооружениях кельтов находились человеческие черепа, части черепных коробок и разрозненные кости многих скелетов (на площадке четырехугольного святилища в Рибемоне лежали кости 200 человек, в Ли-

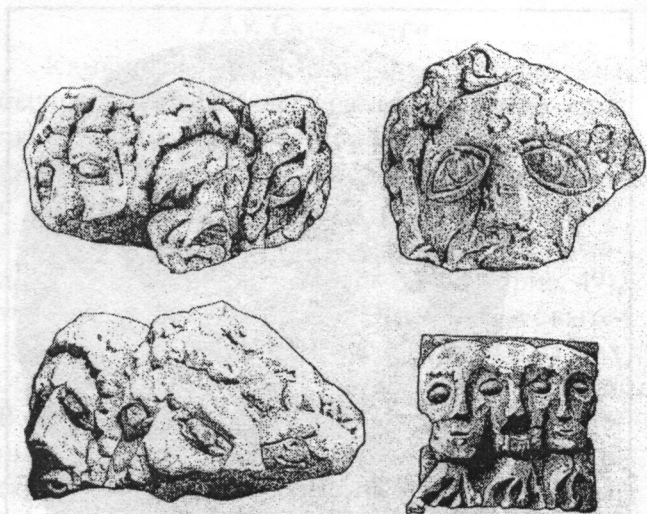

Рис. 48а. Резьба по камню.

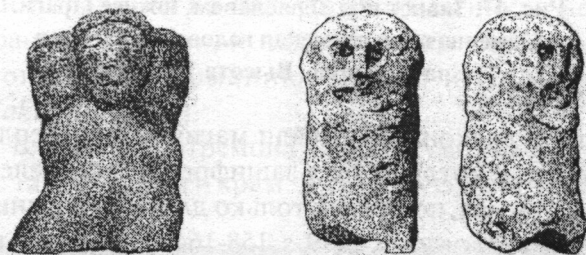

Рис. 48б. Резьба по камню.

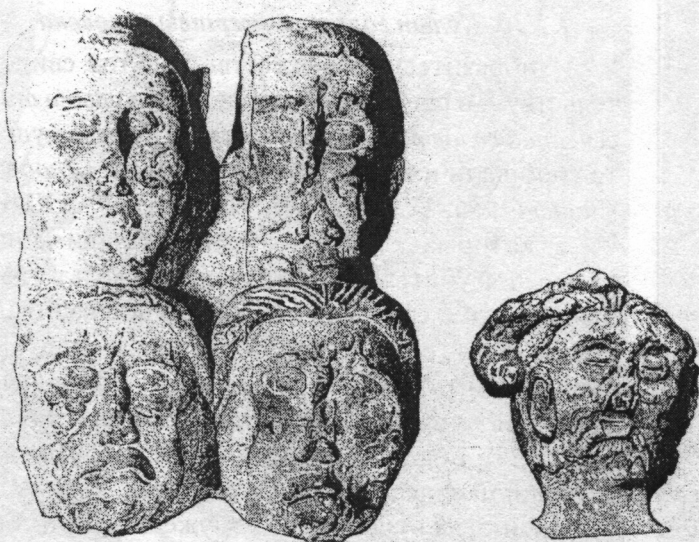

Рис. 48с. Резьба по камню.

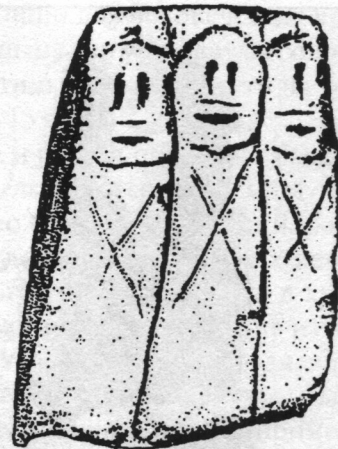

Рис. 48д. Резьба по камню.

Рис. 49. Резьба по камню.

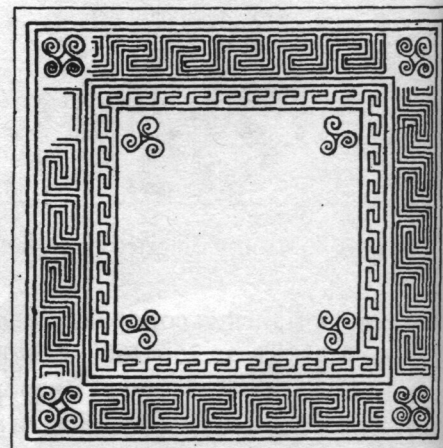

Рис. 50. Орнамент на полу дома, Ла Рок (Франция).

Рис. 51. Гундеструп, Ютландия. Серебрянный культовый котелок, найденный в 1891 г. в торфянике. Общий вид. Высота 42 см, диаметр 69 см, вес 8,86 кг. Национальный музей в Копенгагене.

бенице не менее пяти человек). Чаще всего скопления человеческих костей обнаруживаются в "шахтах" - расщелинах в скалах, где жертвы скапливались на протяжении нескольких столетий периода гальштата и латена [Moser, 1968, s. 6-16]. Здесь, среди других предметов в некоторых шахтах сосредоточены черепа и кости 30-50 человек, но целые скелеты взрослых людей встречаются редко (например, в Зильберлох в Тюрингии на глубине 5 м лежал скелет молодого человека), тогда как скелеты детей находятся во многих местах. Положение костей и сопровождающие их вещи явно говорят о совершённых жертвоприношениях.

О человеческих жертвах у кельтов писал Цезарь: "...люди, поражённые тяжкими болезнями, а также проводящие жизнь в войне и в других опасностях, приносят или даю обет принести человеческие жертвы; этим у них заведуют друиды. Именно галлы думают, что бессмертных богов можно умиловить не иначе, как принесением в жертву за человеческую жизнь также человеческую жизнь. У них заведены даже общественные жертвоприношения этого рода.

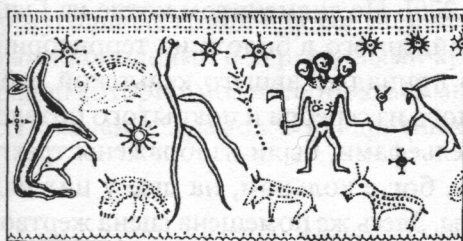

Рис. 52. Золотая пластинка из Дании (Ross)

Некоторые племена употребляют для этой цели огромные чучела, сделанные из прутьев, глины, которых они наполняют живыми людьми; они поджигают их снизу и люди сгорают в пламени. Но, по их мнению, еще угоднее бессмертным богам принесение в жертву попавшихся в воровстве, грабеже или другом тяжёлом преступлении; а когда таких людей не хватает, тогда они прибегают к принесению в жертву даже невинных" [Цезарь, VI, 16]. После победы приносят в жертву пленных - "всё захваченное живым" [Цезарь, VI, 17], а при похоронах "незадолго до нашего времени даже более любимых слуг и клиентов" [Цезарь, VI, 19]. Кроме

того, по сообщению Цезаря "...мужья по отношению к своим жёнам точно так же, как и к детям, имеют право жизни и смерти" [Цезарь, VI, 19], по-видимому, и их могли приносить в жертву. О кровавых жертвах у кельтов писал и Тацит: "... у них считалось благочестивым оросить кровью пленных жертвенники богов и испрашивать их указаний, обращаясь к человеческим внутренностям" [Тацит, Анналы, XIV, 30]. Есть сведения о разных способах принесения жертв отдельным богам: богу Езусу через повешение на дереве, богу Таранису жертвы сжигались, богу Тевтату топились в воде [Мифы..., т. 1, с. 634].

А.Я. Гуревич считал возможным по древним ирландским сагам вычленить фрагменты ритуала жертвоприношений [Гуревич, 1979, с. 55]. Так, конунг Аун принёс в жертву своих сыновей, чтобы продлить себе жизнь; человека закапывали в землю "ради урожая"; при убийстве девочки её несли к яме (шахте?); после поединка богов остатки тела побежденного разбрасывают по всей Ирландии для благополучия и процветания страны. В сагах иногда говорится об одноногом, одноруком, одноглазом чело-

Рис 53.Навершие золотого торквеса из Фраснэ-ле-Бюссенал (Бельгия)

веке, а половинчатость в кельтской традиции означает причастность к потустороннему миру [Шкунаев, 1989, с. 165]. Пережитки человеческих жертвоприношений и расчленение жертв прослеживаются в играх, проводимых в Британии во время традиционного ещё с кельтских времён праздника 1 мая [Гроздова, 1977, с. 100].

Археологические материалы дают наглядное представление о культах и жертвоприношениях кельтов, известных по обрывочным и разрозненным сведениям письменных источников и традиционно сохранившимся в сагах. Остатки человеческих жертвоприношений встречаются почти во всех местах, где проводились жертвоприношения - на жертвенных площадках, в ямах и колодцах, во рвах четырехугольных святилищ. Остатки человеческих жертв редко представлены в виде целых скелетов, в основном в "княжеских" курганах гальштата ("незадолго до нашего времени", как писал Цезарь). Преобладают находки человеческих черепов, отдельные кости и, иногда, неполные скелеты в анатомическом порядке ("причастные к потустороннему миру"). Вряде случаев отмечены и пережжённые кости (сжигание жертв в "чучелах" или корзинах). Черепа - средоточие мощи и жизненной силы человека, отсекались во время жертвоприношений, отдельные кости для обрядов, вероятно, изымались из специальных скоплений такого типа, как на святилище в Рибемоне [Cadoux, 1984, s. 53-77].

О большом значении, которое кельты придавали расчленению жертв, свидетельствует сенсационное открытие, сделанное в 1963 г. у Дижона во Франции [Dąbrowski, 1972, s. 133-136]. Здесь в воде около святого источника лежало 190 деревянных (дубовых) скульптур, закрытых сверху галькой, ветками и соломой и, по-видимому, спрятанных при уничтожении кельтского святилища, в середине I в. н. э. Среди скульптур есть две целые фигуры, одетые в плащ и тунику, но основная масса находок представлена специально выточеными частями тела, сделанными в натуральную величину: 40 голов человека, 16 изделий из соединённых вместе 2-3 голов, 14 частей торса, 27 ног, 3 руки с ладонями, а также головы быка и коня. Вероятно, в конце кельтской цивилизации такие изображения заменяли при обрядах прежние кровавые жертвы.

1.2.11. Жертвы животных

Во всех жертвенных местах найдены кости животных. Вероятно, их убивали и разрубали на части тут же, так как в заполнении ям при

анализах отмечается присутствие органических веществ, как считают исследователи, мяса и крови. Преобладают кости домашних животных, реже оленя, медведя, волка, собаки. Волк и собака по ирландским сагам (Эдда?) принадлежали миру богов и в грядущей катастрофе всё должно погибнуть в борьбе с мировым волком [Гуревич, 1975, с. 18, 19]. Излюбленным животным кельтов был кабан. Он олицетворял силы природы, белый кабан являлся символом друидов, свинина была обязательна при ритуальной еде [Rosen-Przeworska, 1964, s. 196]. В сагах хороший король "без изъяна" уподоблялся "кабану, идущему перед желудями" [Шкунаев, 1989, с. 172]. Охота на кабана в сагах приводит в подземный мир [Мифы... т. 2, с. 636]. Двойственное значение имел конь - с одной стороны он был солярным символом и защитником, с другой, являлся проводником в подземный мир и предвестником смерти [Мифы... т. 2, с. 636]. По мясу и внутренностям быка гадали во время специального "праздника Быка" [Шкунаев, 1989, с. 160]. Фигурки этих животных делались из камня, бронзы и золота.

1.2.12. Другие жертвы

Жертвенные вещи представлены обычными бытовыми предметами: сосуды, часто специально разбитые, как символ перехода в другое состояние и последующего возрождения, бусы, браслеты, также разломанные или разогнутые, фибулы, шейные гривны - торквесы, которым придавалось особое сакральное значение, мечи (символ меча - деревянный меч найден в шахте Фельбах-Шмиден) [Bittel, 1981, s. 112]. Большую роль играло копье. Друид мог обвести копьем круг и, воткнув острие в землю, вызвать воду [Rosen-Przeworska, 1964, s. 97]. Особое положение занимал котёл - символ изобилия, бессмертия, в нём варилась пища богов, собиралась кровь жертв, над ним давалась присяга в верности и совершался обряд побратимства, при помощи котла гадали - рука невинного не должна была пострадать в кипящей воде котла [Bittel, 1981, s. 171; Rosen-Przeworska, 1964, s. 170; 1978, s. 270]. На знаменитом котле из Гундеструпа (найденного в болоте на территории Дании, но принадлежавшего кельтской работе), сделанного из серебра и покрытого позолоченными рельефами, были изображены трёхголовый бог, бог с кольцом, на шее у них надеты торквесы. Здесь же помещена сцена жертвоприношения, на которой человека бросают в котёл. Котёл огромный - его диаметр почти 70 см, вме-

стимость около 90 литров. Он вполне мог представлять "неиссякаемый" котёл богов, от которого происходила и священная чаша Грааля [Bittel, 1981, s. 168; Vries, 1961]. В Лагоште (Чехия) в котле найден богатейший клад, состоящий и 2000 предметов - монет, фибул, браслетов [Филип, 1961, с. 166].

Как земледельческий народ, кельты поклонялись силам природы и их магическая деятельность, прежде всего, была направлена на получение хорошего урожая и плодовитости животных. На оппидуме Манхинг были найдены золотые ветви с золотыми листьями, служившие при проведении аграрных культов [Maier, 1990, s. 129-165]. На святилище Либенице были рассыпаны зёрна проса, пшеницы, гороха. Зерна, были разбросаны и по полу храма в Маркватице, а в шахте Дитерсбергхоле найдены остатки хлеба. Зерна хлеба - источник жизни, и сам хлеб почитался многими народами. В Британии сохранился древний, ещё кельтский обычай на рождество выпекать круглые булочки, которые сохранялись в течение всего года и по поверьям предохраняли дом от огня, нечистой силы и болезней [Гроздова, 1977, с. 95]. Такие же обычаи у славян были связаны с круглым караваем. Ка аграрной магии относятся жернова, найденные в жертвенных ямах Липтовской Мары и колодце около Тулузы. Саграрными циклами был связан культ Великой матери Земли, дающей жизнь. Её атрибутом был ключ, символизировавший власть над родом и всем его имуществом [Rosen-Przeworska, 1964, s. 246].

* * *

В культовом строительстве кельтов заметны хронологические изменения, связанные с развитием общества, религиозных представлений и организацией культа. В богослужении место князей и королей, курганы которых в гальштате служили святилищами, занимают друиды. Наряду с жертвенными площадками и ямами, небольшими круглыми святилищами общинного характера распространяются большие четырёхугольные городища-святилища со священными колодцами и деревянными храмами, за оградой которых могло собираться много народа. Появление храмов и квадратных святи-

лищ знаменует коренное изменение взглядов на мир, на богов и установление их иерархии. Прямоугольные городища-святилища свойственны только кельтам и не встречаются у других народов Европы.

Второй особенностью кельтских культовых сооружений можно считать их связь с погребальными памятниками, чему способствовало акцентированное внимание к культу умерших предков, придание загробной жизни не меньшего значения, чем земной. С культом умерших героев, торжественными захоронениями представителей культа на святилищах (Либенице), с приданием костям человека значения священной реликвии, особенно его голове (черепам), связаны человеческие жертвоприношения и расчленение жертв на части.

Третьей особенностью кельтских святилищ является их ограждение от окружающего мира, чего не известно на кельтской территории в предшествующее время. Возможно, ограждение вызывалось верой в то, что боги не должны непосредственно общаться с людьми и спускаться в их "срединный" мир.

Место пребывания богов представлялось как идеализированное жилище, может быть, типа храма. Иной мир представлялся в виде пиршественного зала, в котором стоял неиссякаемый котел, собиралось изобилие пиршественной пищи, главным образом свинины, проводились жертвоприношения. Таким залом был длинный дом, открытый в Липтовской Маре [Гуревич, 1975, с. 18; Мифы... т. 2, 1988, с. 635].

Четвёртой особенностью кельтских культовых сооружений можно считать длительное, в течение нескольких столетий существование святилищ на одном и том же месте, иногда непрерывно, иногда с более или менее продолжительными интервалами. Это особенно хорошо видно по заполнению шахт и священных колодцев, слои жертвоприношений в которых чередовались с запустением и засыпкой на протяжении нескольких столетий периодов гальштата и латена. Возобновление святилища после перерыва, а также иногда постройка на священном месте через несколько веков христианской церкви немецкий исследователь Г. Бем-Бланке назвал "флюидами богов" [Behm-Blancke, 1962].

2. КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ГЕРМАНЦЕВ

Многочисленные германские племена занимали северные области Европы, сталкивались с кельтами и римлянами (рис. 54), испытывали сильное воздействие латенской, а затем римской культур. В конце I тысячелетия до н. э. - начале I тысячелетия н. э. у континентальных германцев происходили бурные события, частые передвижения племён и постоянные войны, движение к югу в пределы Галлии и Римской империи. В этот период, хотя и с разной интенсивностью, происходили общественные преобразования. На рубеже эр германцы объединялись во временные быстро распадающиеся союзы племён, внутри которых процветали кровнородственные отношения. Уже со II-III вв. н. э. создаются большие и устойчивые союзы племен и складываются условия для возникновения государства. В этот период наблюдается постепенный переход к новой форме общины - большесемейной ("земледельческой"), а затем к территориальной - "марке" [Грацианский, 1960; Корсунский, 1963; 1965; Неусыхин, 1956; 1967]. Медленнее развитие шло в Скандинавии, удалённой от сложных исторических коллизий южной Европы.

Довольно рано к германцам проникло христианство. Его распространение шло двумя волнами и с двух сторон (рис. 55, 56): в 376 г. христианство (арианство) приняли готы и его влияние распространялось с востока на запад, а в 498 г. христианство восприняли франки и их воздействие происходило в южном и восточном направлениях [Seyer, 1983, s. 279-282]. Но ещё в течение нескольких веков существовало смешение языческих и христианских представлений, сохранялись языческие символы и амулеты. Даже во Франции в VII-VIII вв. продолжали действовать миссионеры, пропагандирующие христианскую веру [Seyer, 1983, с. 283-287]. В Скандинавских странах христианство было принято лишь в начале XI в. (в Дании - сер. X в.). Еще в середине X в., когда Хакон Добрый прибыл в Норвегию, вся страна была языческой и ему пришлось исповедовать христианство втайне [Стурлусон, Сага о Хаконе Добром, гл. 13]. Распространение христианства вызывало сопротивление: "Удивительное требование, чтобы мы отказались от веры, которой придерживались наши отцы и наши предки, сначала во времена сожжения и теперь во времена погребения".

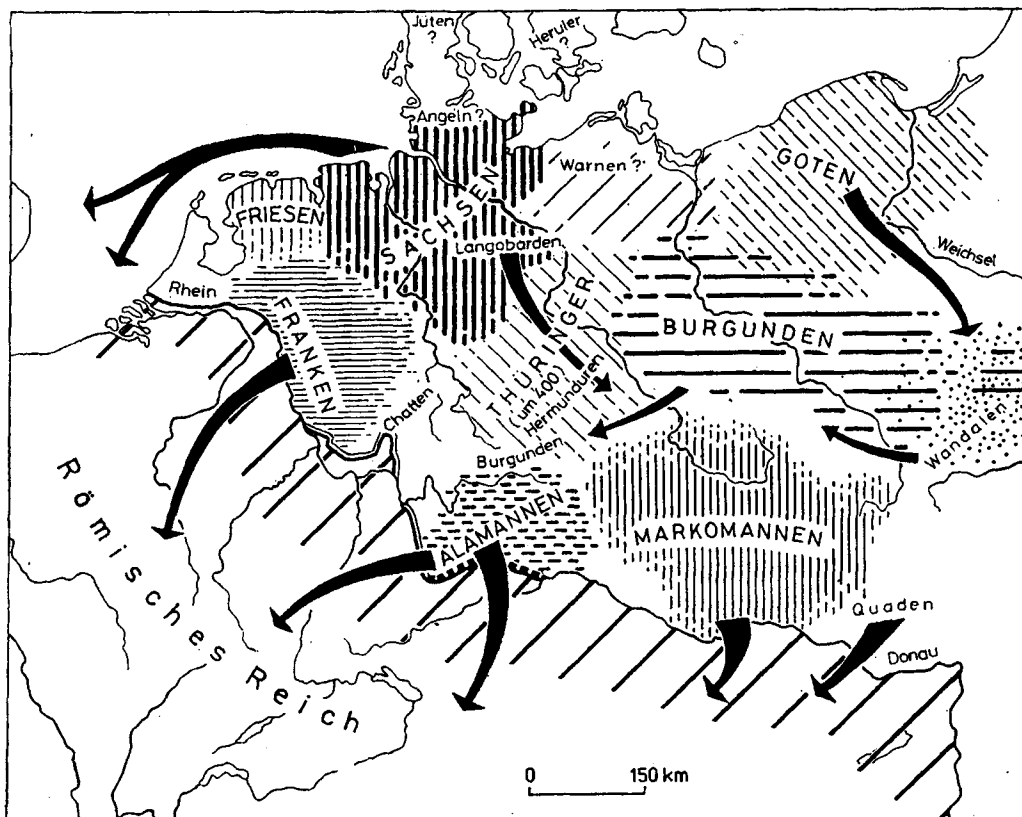

Рис. 54. Распространение германских племен в позднеимперское время (Die Germanen, b. 2).

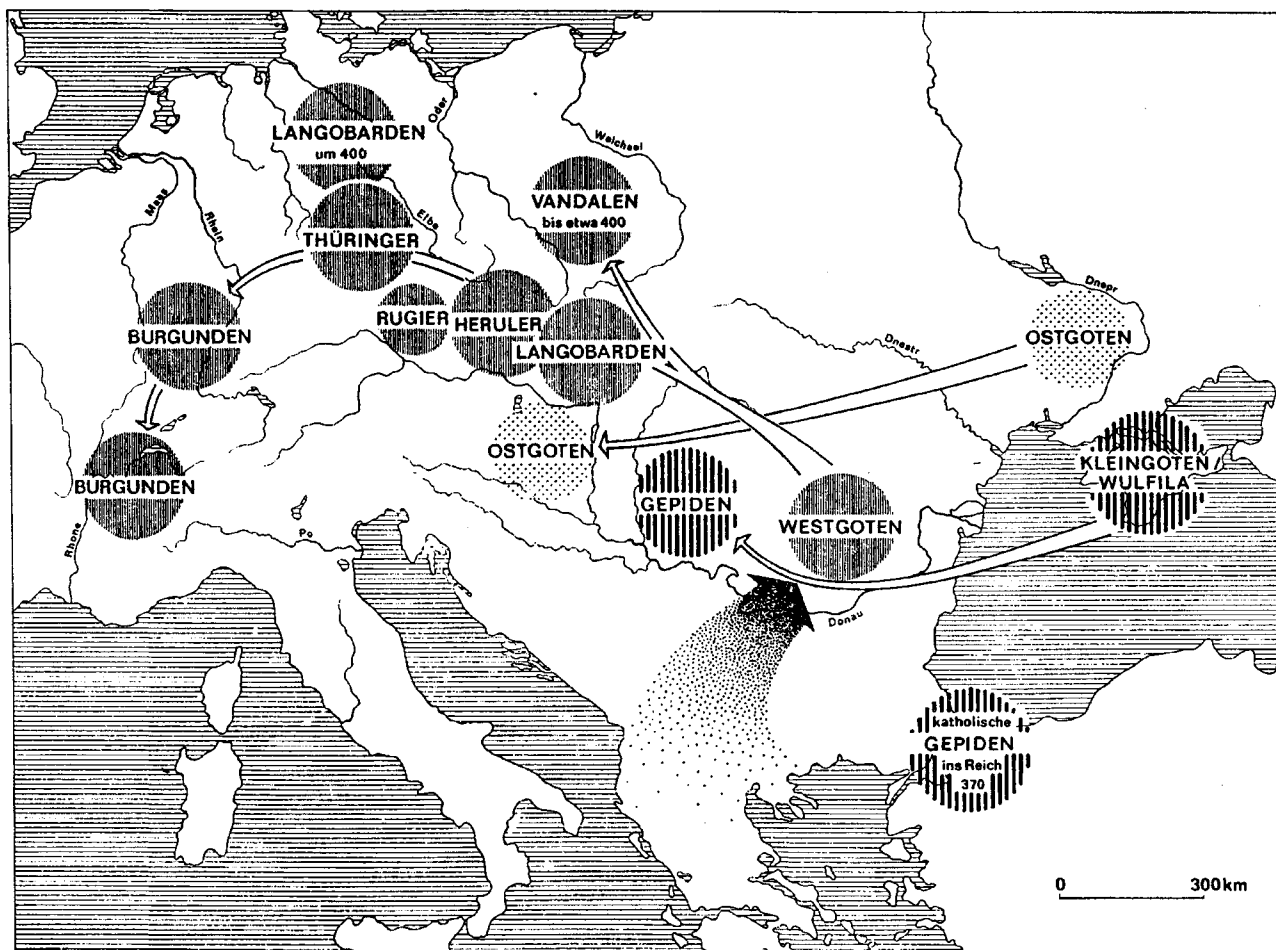

Рис. 55. Распространение арианства от готов (Die Germanen, b 2, abb. 63).

бения покойников, а они были много могущественнее нас, и эта вера до сих пор нам помогала". Конунги боролись с язычеством силой, разрушали храмы, забирали их богатство [Стурлусон, гл. 15].

Благодаря такому позднему сохранению языческих верований в Скандинавии, в северных сагах, записанных в XIII в., содержится много сведений о древней религии и они являются ценным источником для изучения язычества. Языческий храм в Упсале описан в XI в. Адамом Бременским. О язычестве континентальных германцев сведений меньше, они более краткие (Цезарь, Тацит, Иордан, Фредегар, Павел Диакон и др.).

Модель пространственного представления о мире у германцев такая же, как и у других индоевропейских народов. В центре находится земля "Миргард", обитаемая людьми и окружённая пустыней и океаном с чудовищами. Царство мёртвых "хель" расположено на севере или в преисподней, откуда берут начало все источники. Мировое дерево связывает Миргард с небом - "Асгард", где живут боги и находится рай для воинов и героев - "вальхалла". Мир возник

при взаимодействии воды и огня и гибнет в пожаре [Мифы..., т. 1, с. 287-289].

Цезарь заметил, что у германцев нет друидов и такой религиозности, как у галлов (кельтов), они "мало придают значения жертвоприношениям. Они веруют только в таких богов, которых они видят и которые им явно помогают, именно: в солнце, Вулкана и луну, об остальных богах они не знают и по слуху" [Цезарь, VI, 21]. Тацит дополнил эти сведения: "...вследствие величия небожителей, богов невозможно ни заключить внутри стен, ни придать им какие-либо черты сходства с человеческим обликом. И они посвящают им дубравы и рощи и нарекают их именами богов; и эти святилища, отмечены только их благочестием" [Тацит, Германцы, 9]. Но в рощах всё же что-то хранилось: "они берут с собой в битву некоторые извлеченные из священных рощ изображения и святыни" [Тацит, Германцы, 7], вероятно, какие-то небольшие фигурки и амулеты. У членов племени семинонов благоговение перед рощей было "связано с представлениями, что именно здесь получило начало их племя, что тут местопребывание властвующего над всеми бога и что всё

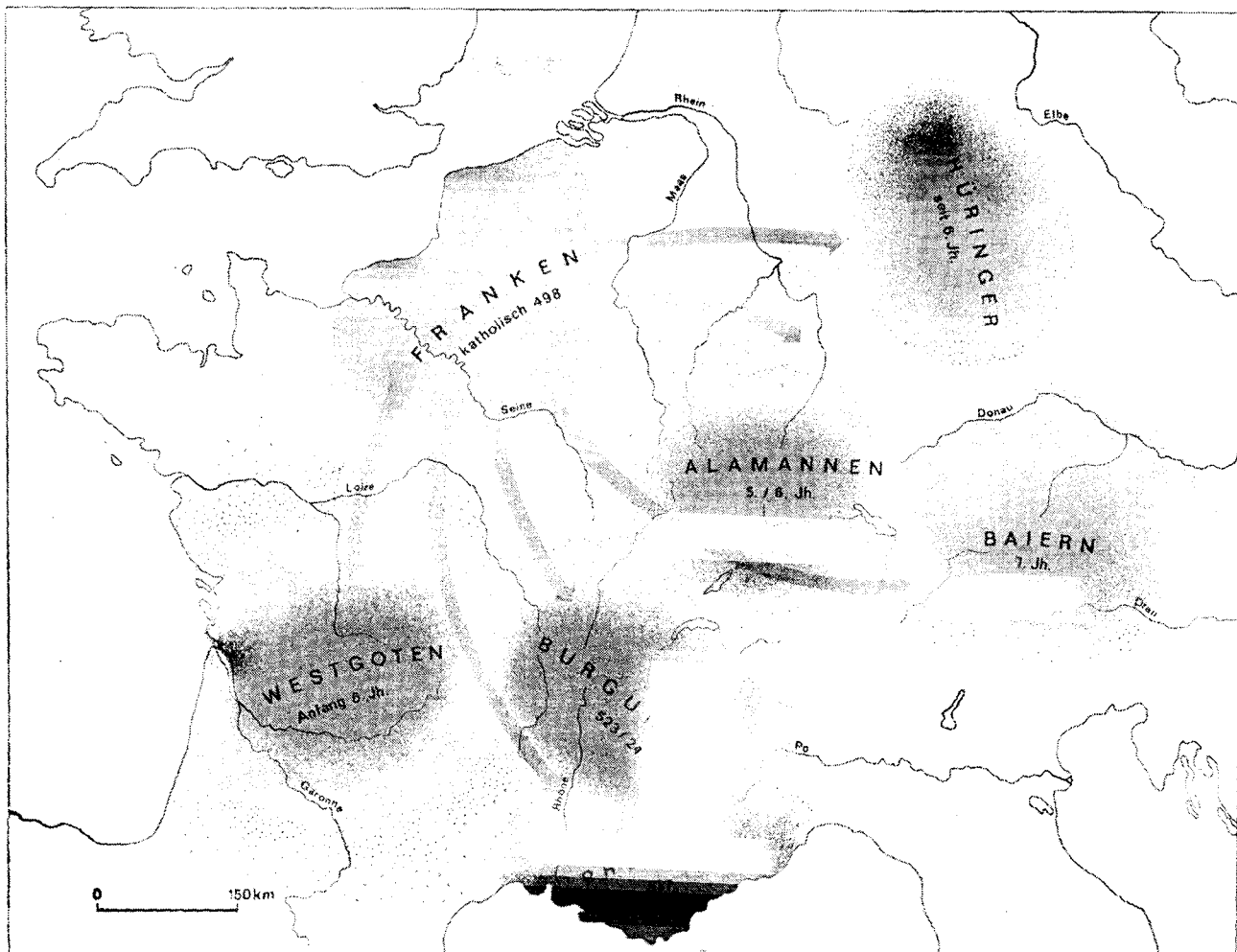

Рис. 56. Распространение христианства от франков (Die Germanen, b. 2, abb. 64).

прочее - в его воле и ему повинуются" [Тацит, Германцы, 39]. По Тациту у германцев были и жрецы, наделённые довольно большими полномочиями. Если обряды проводятся в общественных целях, то их возглавляет жрец племени, если в частных, то глава семьи [Тацит, Германцы, 10]. В то же время налагать наказания "ни карать смертью, ни налагать оковы, ни даже подвергать бичеванию не дозволено никому, кроме жреца, да и они делают это как бы не в наказание и не по распоряжению вождя, а якобы по повелению бога" [Тацит, Германцы, 7]. У племени наганарвалов в роще, "освящённой древним культом", обряды проводил жрец в женском наряде, а о богах, которых в ней почитают, они говорят, что если сопоставить их с римскими, то это - Кастор и Поллукс. Такова их сущность, а имя им Алки. Здесь нет никаких изображений, никаких следов иноземного культа" [Тацит, Германцы, 43]. В некоторых обрядах принимали участие и женщины: "...германцы считают, что в женщинах есть нечто священное и что им присущ пророческих дар, и они не оставляют без внимания подаваемые ими советы и не пренебрегают их прорицаниями" [Тацит, Германцы, 8].

В сведениях Цезаря и Тацита есть некоторые противоречия. Так, по Цезарю германцы поклонялись только силам природы и других богов не знали, тогда как у Тацита есть великие боги, властвующие над всем, и менее значительные, их можно сопоставить с богами римлян, По Цезарю у германцев не было жрецов-друидов и мало внимания обращалось на жертвоприношения, у Тацита описаны жрецы, имевшие большое влияние, и разнообразные обряды жертвоприношений. С одной стороны, эти различия могли быть вызваны тем, что Тацит больше внимания уделял германцам, а не галлам, сила которых в его время уже сходила на нет. С другой стороны, некоторые изменения в обычаях германцев могли произойти за тот промежуток времени в 150 лет, который отделял Тацита от Цезаря. Хронологические изменения несомненно были, они прослеживаются археологически и подтверждаются появлением роскошных храмов в X-XI вв. в Швеции, описанных Адамом Бременским.

Из имеющихся сведений следует, что у континентальных германцев в первые века н. э.

было крупных изображений богов-идолов, а имелись лишь какие-то небольшие фигурки. Германцы не строили храмов, свои моления проводили под открытым небом в священных рощах. Здесь же совершались общественные и частные жертвоприношения, иногда очень торжественные и многолюдные, сопровождавшиеся кровавыми жертвами. Руководили обрядами жрецы, отцы семейств и женщины, но не было такой прочной организации, как у друидов в Галлии.

Культовые объекты на территории Германии раскопаны в огромном количестве, а результатам исследований посвящена многочисленная литература, в основном публикационного характера. Предварительно и в самом общем виде можно отметить такие особенности культовых сооружений германцев: в отличие от кельтов, здесь отсутствуют большие четырехугольные святилища, нет глубоких жертвенных шахт, храмы появляются лишь в конце I тысячелетия н.э.; также, сравнительно поздно известны круглые площадки с окружающими их рвами, но зато повсеместно встречаются у воды, в болотах, в торфе жертвенные места, имеющие разные размеры, устройство, состав и качество жертвенных даров. Эти жертвенные места являются самой характерной особенностью языческих ритуалов германцев.

2.2. Жертвенные места в болотах и торфяниках

Жертвенных мест в болотах и торфяниках известно около 500 на территории Дании, Голландии, северной Германии, Швеции [Jankuhn, 1958, s. 254]. Открывали их случайно при строительных работах, осушении болот или при геологических и специальных археологических исследованиях. Находки в болотах относятся ко времени от неолита и бронзы и до средневековья, но основная их часть датируется латенским и римским периодами [Becker, 1970, s. 120]. Конечно, часть находок могла попасть в болото и торфяники случайно - быть потерянной, или в результате несчастного случая, но само расположение находок, их состав, сопровождающие их кости людей и животных, остатки специальных построек, каменных вымосток, примитивные деревянные фигурки - всё это свидетельствует о преднамеренном помещении предметов в болото с какой-то магической целью.

Находки, обнаруженные в болотах, торфяниках, среди грязи и воды к тому же часто встреченные случайно и должным образом не зафик-

сированные, конечно, далеко не всегда могут дать представление о стратиграфии и планиграфии жертвенного места. В каждом культовом месте проявляются свои особенности, заметны свои детали и нюансы. Поэтому сделать типологию этих мест и сколько-нибудь связно и понятно дать им общую характеристику очень трудно. Г. Бем-Бланке [Behm-Blancke, 1957] разделил их на места частных (семейных) и общественных жертвоприношений, которые различаются между собой по количеству и составу находок, по величине занимаемого места, по сложности обустройства и длительности пользования. Беккер [Becker, 1970] в дополнение к этому попытался разработать крайне дробную типологию, основанную на наличии отдельных деталей: найдены целые или разбитые сосуды, есть при них кости животных или человека, лежали кости в сосудах или рядом, присутствуют лишь отдельные кости или части тел в анатомическом порядке или целые скелеты и т.д. В целом такое рассмотрение материалов не привело к каким-либо существенным и ясным выводам [Becker, 1970, s. 119-164].

Более перспективными и интересными кажутся разработки Бем-Бланке, так как каждая из выделенных им групп культовых мест имеет свои четкие особенности и, что самое главное, даёт представление о направленности культовых действий и о социальном составе населения. Среди этих групп: 1) семейные жертвы или целой деревни состояли из сосудов с едой (масло, жир, мясо), целых животных или их частей (бык, лошадь, свинья, собака), деревянных сосудов, жерновов, деревянных фигурок, следов огня на костях; направлены были все эти дары на обеспечение плодородия, жизни и здоровья; 2) большие племенные жертвоприношения включали, кроме того, украшения, оружие, целые сосуды; 3) жертвы военных отрядов - оружие, снаряжение воина, иногда помещённые в ладью со II-III вв.; 4) некоторые особые жертвы, например, сосуды с женскими волосами, что было принято у греков, римлян, гуннов, как знак покаяния, обращения к хтоническим божествам; 5) специальные человеческие жертвы, которые совершались обществом в ответственные моменты жизни [Behm-Blancke, 1957, s. 129-135]. Конечно, в чистом виде эти группы жертвоприношений выступали редко, многие из них пополнялись долгое время и их характер мог меняться.

Для сравнения культовых сооружений германцев и других народов такого общего деле-

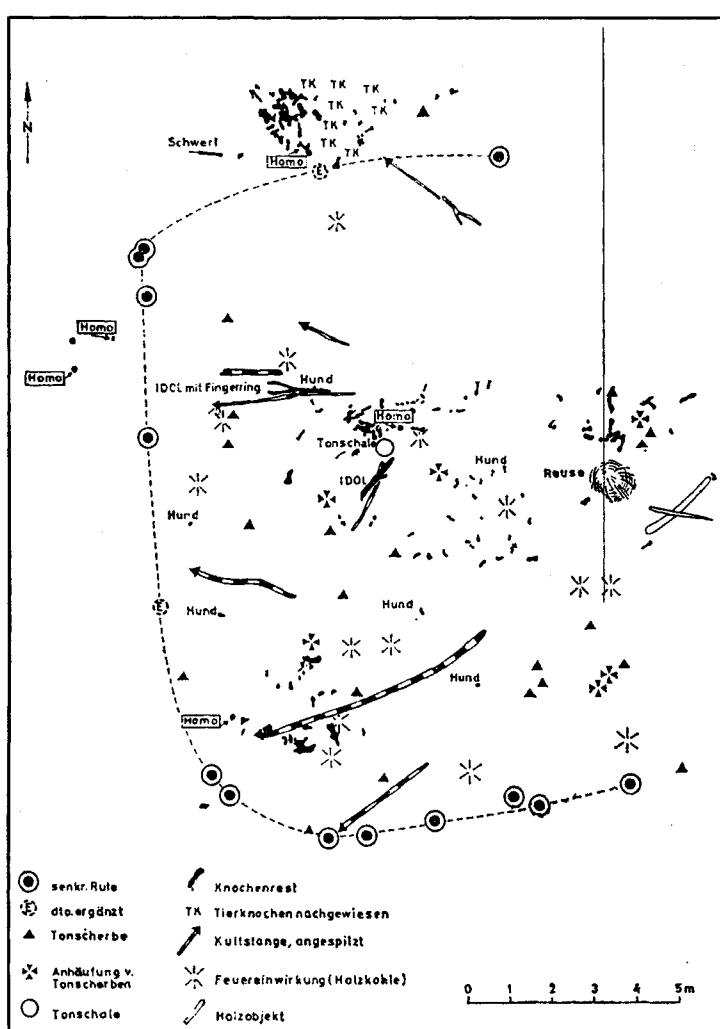

Рис. 57. Святилище в Обердорле, I в. до н.э. - II-VII вв. (Die Germanen, b.1, abb. 100).

ния не достаточно, оно почти одинаково у разных народов, стоящих на более или менее близком уровне развития. Большое значение имеют конструктивные особенности культовых объектов, отражающие специфику обычаев и обрядов, своеобразие верований народа.

2.2.1. Жертвенные площадки

Х. Янкун выделял простые жертвенные места в болотах и площадки с особым устройством [Jankuhn, 1967, s. 121-143]. Наиболее выразительны большие жертвенные места, использовавшиеся на протяжении нескольких веков и отражающие основные особенности остальных культовых мест. Самое известное из них расположено в Обердорле (Средняя Германия, около Мюльхаузена) (рис. 57) на низком торфянистом берегу Святого озера. Уровень воды в озере неоднократно менялся и вода то затопляла жертвенную площадку, то отступала, и в результате образовалось не менее девяти слоев торфа, на которых оставляли жертвоприношения со II по

VIII вв. Кроме того, под нижним слоем найдены ещё латенские черепки и кельтский меч I в. до н. э. Наиболее интенсивно площадка использовалась во II-IV вв. Она имела прямоугольную форму с закругленными углами и трех сторон была ограждена плетнем и вертикально стоявшими брёвнами, открытой оставалась лишь сторона, обращённая к воде. Приблизительные размеры ограждения 15 x 14 м. В центре площадки находился примитивный деревянный идол женской богини - прямоугольный брус с головой, грубо вытесанным лицом, намеченной грудью и тоненькими ручками (рис. 58a) [Die Germanen, 1983, taf. 40]. Рядом стоял большой сосуд, лежали кости лошади и часть скелета 15-летней девочки. По всей площадке были разбросаны кости животных, в основном черепа и кости ног лошадей и рогатого скота, уголь, черепки сосудов, длинные палки с заостренными концами (одна из них длиной 7 м), имевшими культовое назначение, верша из прутьев для ловли рыбы, связки льна, вёсла, руль и части деревянных лодок (рис. 60). В отдельных скоплениях лежали кости более чем 40 человек, но в основном, черепа, кости рук и ног, тогда, как рёбра и позвонки отсутствовали. В пяти местах находились скелеты собак. Среди деревянных палок и сучьев выде-

ляется ещё два примитивных идола - один в виде палки с выделенной головой без всяких изображений, а другой с туловищем и ногами из раздвоенной ветки (рис. 59a) [Die Germanen, 1983, taf. 52], а также церемониальные жезлы - палки с круглым навершием длиной 60 - 80 см. Из металлических вещей найден только бронзовый спиральный перстень.

К северу от огороженной площадки лежали части туш домашних животных без черепов, здесь же находился череп человека и был воткнут меч. Кости двух человек лежали к западу от ограды [Behm-Blanke, 1958; 1960; 1964; 1965; Die Germanen, 1983, s. 254].

В Обердорле периодически в течение нескольких столетий приносили в жертву богам мясные части туш домашнего скота, головы и кости ног (вероятно, со шкурой) лошадей и коров, как символ целого животного, сосуды с едой, продукты сельского хозяйства (лён, зерно), здесь же оставались собаки, расчленённые части тел людей и их черепа. Все это происхо-

Рис. 58. а. Деревянная богиня из Обердорля; б. Культовый поясной крючок с маленькой пряжкой, монетой, наконечником копья эпохи бронзы с фибулой. Кирххайм, IV/V вв.; с. Жертва собаки, Валгерсдорф, IV/V вв. (Die Germanen, b. 2, taf. 40).

дило перед изображением богини, вероятно, Нертус - богини плодородия, растительности и земли. Едва ли можно считать, что здесь находилось родовое или семейное жертвенное место, как считал Бем-Бланке [Behm-Blancke, 1958, с. 378]. Повсем признакам - длительное использование и цикличное возобновление обрядов на одном и том же месте, большое количество приношений и присутствие идолов богов, - на берегу Святого озера существовало хоть и не очень большое, но всё же постоянное племенное святилище.

Целый ряд особенностей святилища Обердорля - нечёткость планировки, небрежное ограждение из столбов и веток, расположение жертвенных даров отдельными скоплениями, состав этих даров из разрозненных черепов, костей человека и преимущественно лошади и собаки, длительное использование святилища, -

характерен и для многих других культовых мест германцев. Эти особенности повторены на пяти маленьких жертвенных площадках, расположенных в непосредственной близости от центрального святилища на берегу того же Святого озера. Они также ограждены полукруглой оградой из веток и колышков, на них стоят примитивные идолы, сделанные из сучьев, разбросаны кости молодых женщин и животных, лежат кости собаки, а на высоких колышках, вероятно, были повешены шкуры животных с головами и конечностями. Эти маленькие святилища существовали недолгое время, датируются I и IV вв. н. э., ими, вероятно, пользовались небольшие группы людей [Behm-Blancke, 1971, с. 945-948].

Подобная жертвенная площадка расположена на берегу озера в Керингшён в Дании. Площадка вымощена камнями и деревом (рис. 61) и

Рис. 59. а. Фалосоподобный деревянный идол из Обердорля; б. Идол из Посендорф (Die Germanen, b. 1, taf. 52).

на ней стояли целые сосуды с жиром (рис. 62), лежали арбалетовидная фибула, бронзовая ситупа, деревянная борона, невод и деревянная лодка-долблѣнка. Весь комплекс датируется II

- V вв. н. э. [Arbman, 1945, s. 116-120].

Такие площадки, вымощенные деревом и камнями или покрытые кучами камней, между которыми лежат жертвенные дары - сосуды, кости человека и животных, типичны для поздне-латенского и раннеримского времени у континентальных германцев и в Дании. Здесь всегда находится много сучьев, палок, заостренных шестов и среди них иногда попадаются примитивные фигурки идолов, сделанных из сучьев, дощечек, брусков с едва намеченными головами и приделанными вместо рук ветками. Высота таких фигур около 1 м (например, Росбьергор в Дании, Браак в Германии (рис. 63) [Becker, 1970, s. 162; Jankuhn, 1958, s. 252]). На площадках встречается по 20-40 скоплений жертвенных даров с сосудами, а в Варбо (Дания) найдено 114 сосудов, 11 скелетов собак, кости коня, быка и овцы [Becker, 1970, s. 150]. В Раппендам (Дания) на жертвенной площадке, выложенной ветками, в семи скоплениях лежало 40 деревянных колѣс со спицами и детали повозки (оси длиной 186 см), здесь же скелет женщины 30-35 лет (без нижней челюсти), отдельные кости человека, быка, лошади, целый скелет овцы, три плуга. По радиоуглеродному методу находка датируется 70 (± 110) г. до н. э.: [Kunwald, 1970, s. 100-113].

На этих же площадках или отдельно от них в торфе бывают вырыты ямы, небольшие (диаметрами 1,5-3 м и глубиной 1,0-1,5 м), содержа-

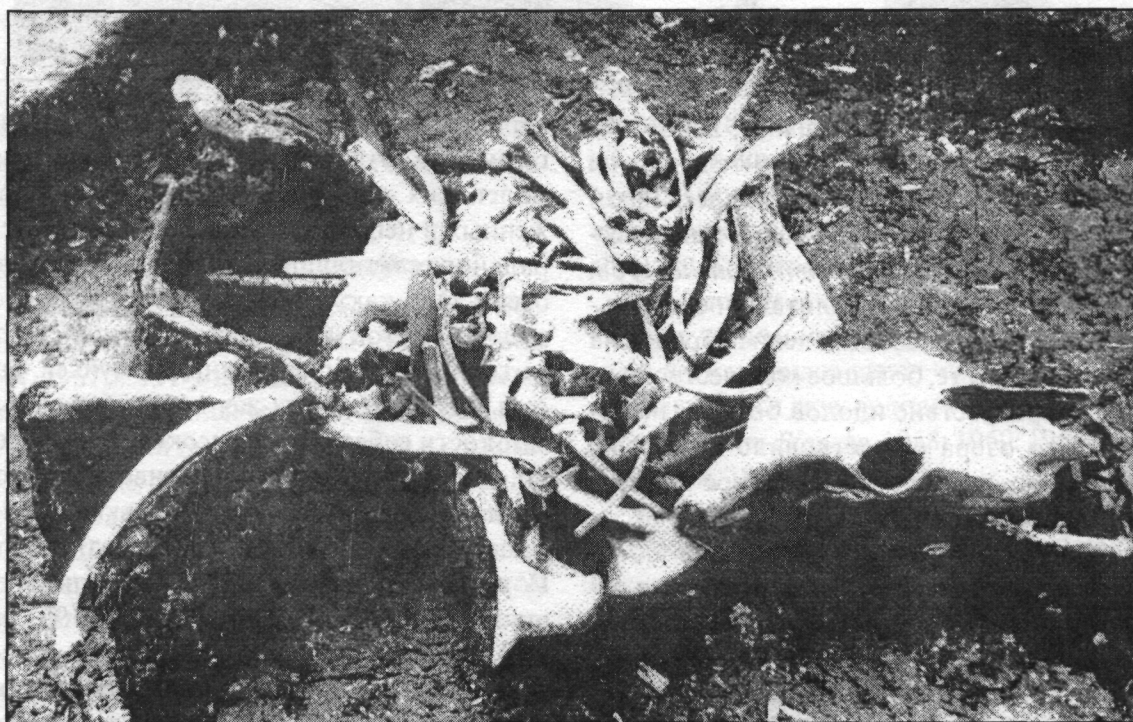

Рис. 60. Жертвы животных в Обердоля (Die Germanen, b.1, taf. 50).

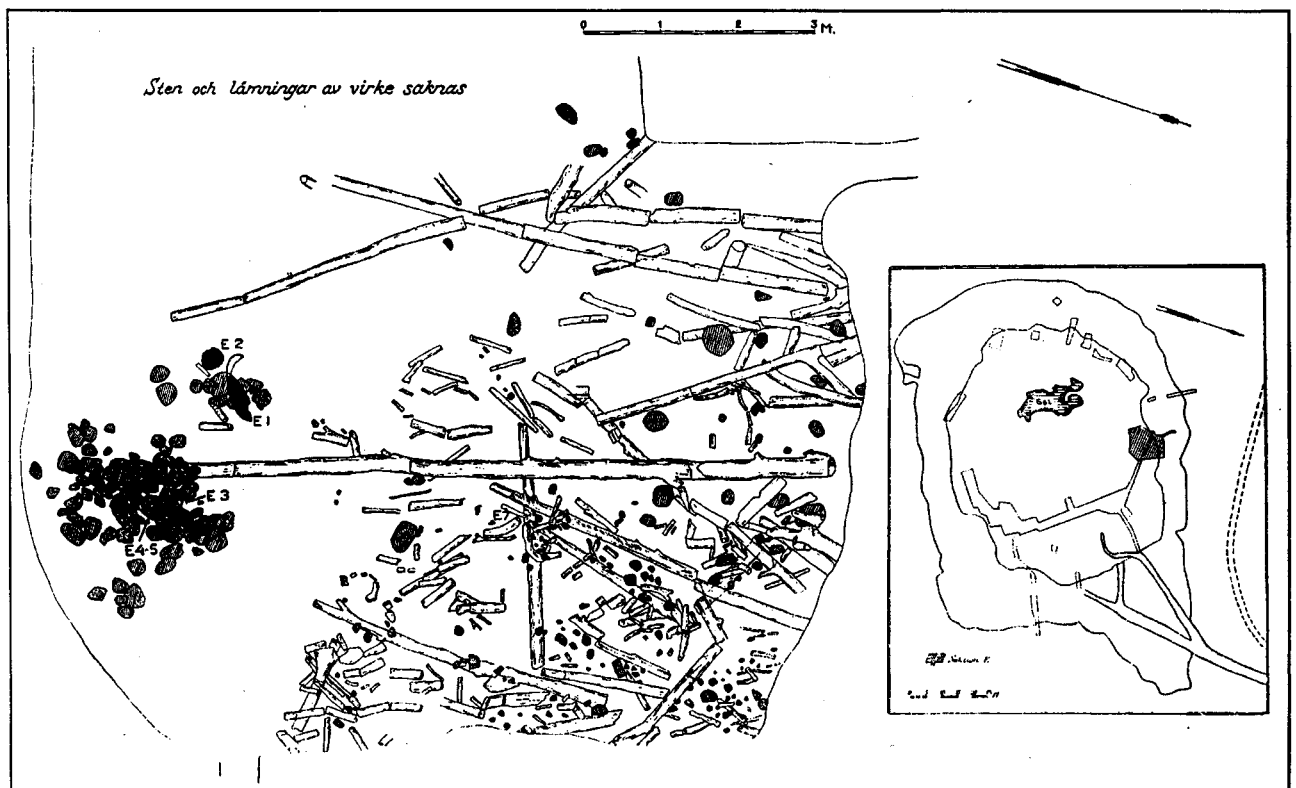

Рис. 61. Жертвенная площадка в Керингшён, II-IV вв.

Рис. 62. Площадка в Керингшён, Дания.

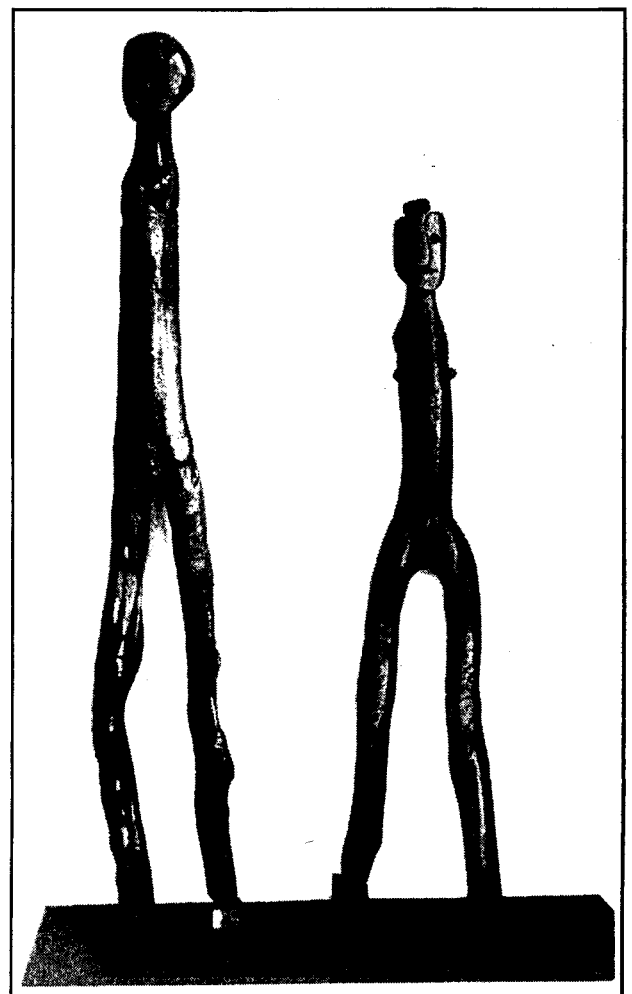

Рис. 63. Деревянные фигурки из Браак, Германия.

шие черепки, целые сосуды и кости животных. Так, в Скаевинге на болоте была набросана куча камней диаметром 2 м и высотой 30 см, а под ней находилась яма диаметром 1,1 м и глубиной 1 м, в которой на разном уровне лежало семь целых сосудов, и был сложен круг из черепков [Becker, 1970, s. 146-147]. На большой жертвенной площадке в Ульдум Каер стояло до 100 сосудов позднелатенского времени, а в одной из вырытых тут же небольших ям лежал скелет человека [Becker, 1970, s. 140]. В Квостед Мосе к четырём ямам, вырытым в торфе на болоте, вела дорога длиной 44 м и шириной 7 м, вымощенная камнями [Becker, 1970, s. 132].

Такие жертвенные площадки и ямы, предназначенные как для общественных, так и для частных жертвоприношений, известны в Германии ещё с периода бронзы [Hoffmann, 1959, s. 270-273], широко использовались в латенский и раннеримский периоды, продолжали встречаться и в позднеримском периоде и в эпоху переселения народов (Бюсторф, Нидердорля, Фьяльтринг и т. д. [Die Germanen, 1983, s. 257; Behm-Blancke, 1957, s. 133; Becker, 1970, s. 160]). Так, например, жертвенная площадка в Валмо-

се IV-V вв., размерами 6,5 x 9 м, с трёх сторон была ограничена рвом, а с четвертой стороны переходила в болото. Поверхность площадки покрыта сучьями и камнями, и на них лежали черепа и кости конечностей 11 лошадей (на шести черепах есть следы сильных ударов), 7 быков, трёх собак, отдельные кости козы и свиньи, и здесь же два скелета молодых женщин и ребёнка лет 15 (неполный скелет), и отдельные кости четырёх человек [Jankuhn, 1967, s. 122-125]. В болотах находят сосуды и отдельные вещи и позднейшего времени VIII и XII вв. [Orsnes, 1970, s. 184], которые, конечно, могли попасть туда и случайно, но на фоне большой серии явно жертвенных находок, хотя бы часть этих единичных находок можно считать также жертвенными.

Во всех описанных выше латенских и раннеримских жертвенных местах, встречающихся и позднее, найдены лишь продукты и предметы связанные с сельским хозяйством - сосуды сёдой (жиром), хлеб в Ирландии [Jankuhn, 1958, s. 250], деревянные плуги и лемехи (в Дании обнаружено 18 плугов, Kunwald, 1970, s. 110), мясо для еды богов, головы и кости конечностей, возможно, со шкурами домашних животных (бог Тор мог

воссоздавать по этим останкам животных). Вероятно, магические действия и жертвоприношения в этих местах были направлены на умиловление богов, к которым обращались с просьбами о плодородии, плодовитости скота и домашнего благополучия живущим. Этой же цели служили жертвы женщин и детей, как правило, расчленённых. По широкому распространённым представлениям, смерть приводит к воскресению и возрождению природы [Пропп, 1963, с. 71; Фрезер, 1986]. Разрубание, расчленение человеческого тела играло большую роль во многих религиях. В индоевропейской мифологии бог-громовержец расщепляет своего противника на части и разбрасывает их в разные стороны, освобождая этим скот и воду [Мифы..., т. 2, с. 530]. То же самое происходило с телами умирающих и воскресающих богов растительности и плодородия Осирисом,

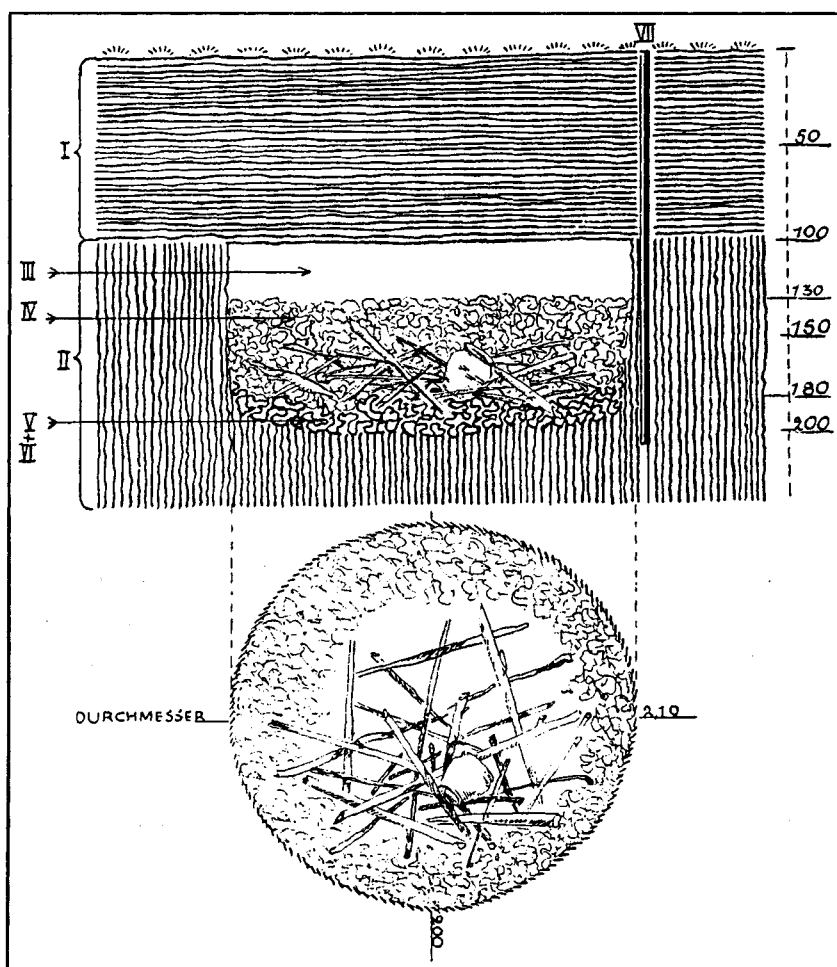

Рис. 64. Жертвенная яма в Дамендорф.

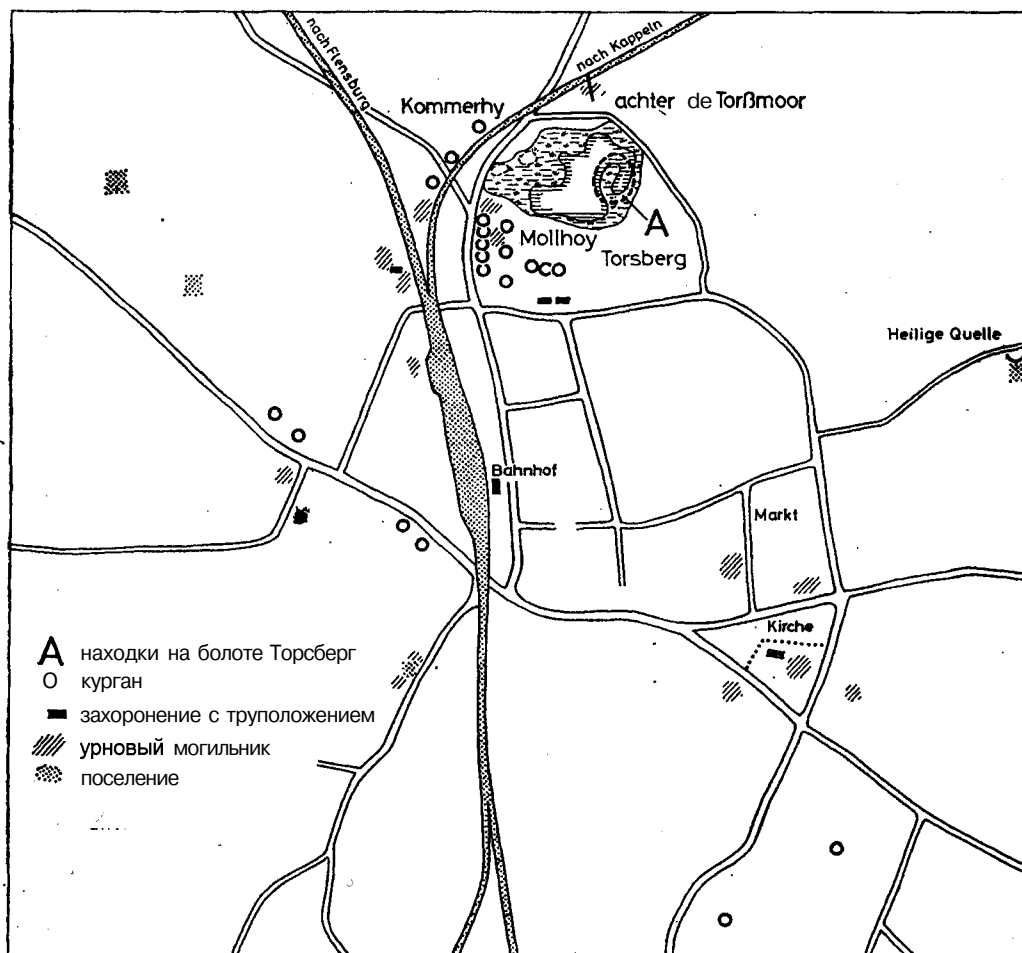

Рис. 65. Окрестности болотного жертвенного места Торсберг (Die Germanen, b. 2, abb. 56).

Дионисом, Адонисом [Фрезер, 1986, с. 404-420]. В Скандинавии существовало посмертное ритуальное расчленение трупа конунга и погребение частей его тела в разных концах державы для равномерного одарения подданных лаской и талантом господина [Гуревич, 1972, с. 235, 236].

Возможно, моления были направлены богине плодородия, растительности и земли Нертус, которая была связана с водной стихией и с торжественной ездой на повозке. Тацит так описывает это: лангобарды и ряд других племён "все вместе поклоняются матери-земле Нерте, считая, что она вмешивается в дела человеческие и навещает племена. Есть на острове среди Океана священная роща и в ней предназначенная для этой богини и скрытая под покровом тканей повозка; касаться её разрешено только жрецу. Ощувив, что богиня прибыла и находится у себя в святилище, он с величайшей почтительностью сопровождает её, влекомую впряженными в повозку коровами. Тогда наступают дни всеобщего ликования, празднично убираются местности, которые она удостоила своим прибытием. В эти дни они не затевают походов, не берут в руки оружия; все изделия из железа у них на за-

поре; тогда им ведомы только пир и покой, только тогда они им по душе, и так продолжится, пока жрец не возвратит в капище насытившуюся общением с родом людским богиню. После этого и повозка, и покров, и, если угодно поверить, само божество очищаются омовением в уединённом и укрытом ото всех озере. Выполняют это рабы, которых тотчас поглощает то же самое озеро" [Тацит, Германия, 40].

Болотные святилища, расположенные на берегах озёр, почти полностью соответствуют этому описанию Тацита. На некоторых из них найдены остатки повозок (Раппендам) и остатки лодок, в которых богиня двигалась по озеру [Керингшён, Стенгабэ Мосе - Becker, 1970, s. 137]. На святилищах отсутствуют вещи из железа. В некоторых случаях к святилищам ведёт мощная дорога - в Квостелд Мосе шириной 7 м, в Торсберг, Виттенмоор. К последнему святилищу от поселения шла мощёная брёвнами дорога, на которой стояли священные ворота в виде арки, а в начале и конце пути разжигался огонь. По обе стороны дороги находились примитивные фигуры идолов, вырезанных из досок, - справа мужской и слева женский. Рядом с идо-

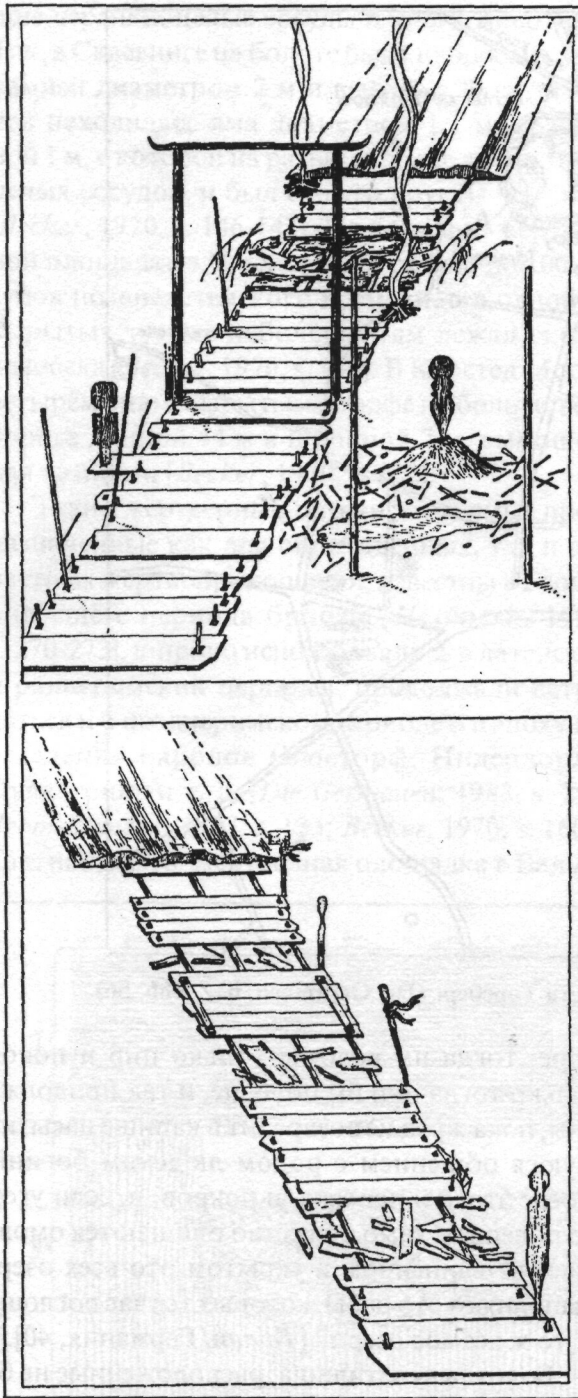

Рис. 66. Дорога к болоту Витге Moor
(Die Germanen, b. 1, abb. 101, 102).

лами набросаны колья и сучья с заострёнными концами. Датируется это сооружение III в. до н. э. [Die Germanen, 1978, s. 373]. Вероятно, по таким дорогам двигались к святилищам торжественные процессии.

Наличие на святилищах и жертвенных площадках большого количества веток, сучьев и палок находит объяснение в сообщениях Тацита. Утопленных "в грязи и болоте" германцы забрасывали сверху валежником [Тацит, Германия, 12], а по веткам и палочкам гадали: "Нет никого, кто был бы проникнут такую же верою

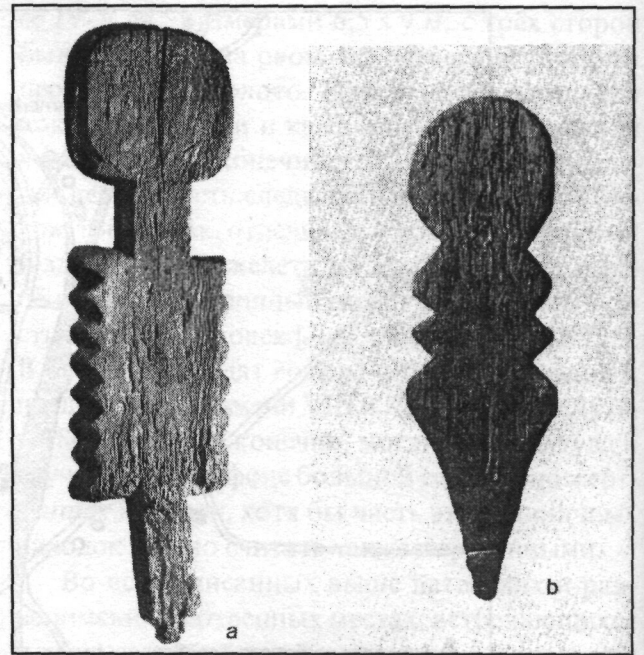

Рис. 67. Идолы у дороги Витге Moor
(Die Germanen, b. 1, taf. 21).

в приметы и гадания с помощью жребия, как они. Вынимают же они жребий безо всяких затей. Срубленную с плодового дерева [подразумевается бук или дуб, которые считались у германцев плодовыми деревьями - примечание, с. 435] ветку они нарезают плашками и, нанеся на них особые знаки, высыпают затем, как придётся на белоснежную ткань. После этого, если гадание производится в общественных целях, жрец племени, если частным образом - глава семьи, вознеся молитвы богам и, устремив взор в небо, трижды вынимают по одной плашке и толкуют предрекаемое в соответствии с выскобленными на них заранее знаками" [Тацит, Германия, 10]. Кроме того, жрецы пользовались церемониальными жезлами - деревянными палками с заострёнными или закругленными концами. Проследить такое широкое применение дерева при обрядах удаётся лишь благодаря его хорошей сохранности в торфе и в воде.

Своеобразен у германцев и состав жертвенных животных. Х. Янкун проследил соотношение костей на поселениях и болотных святилищах. На поселениях рогатый скот составляет более 60 %, а свиньи до 17 %, тогда как на святилищах кости крупного рогатого скота составляют 11-25 %, а свиньи всего лишь 1 %. В то же время костей собак на поселении только 0,2 %, лошадей не более 6 %, на святилищах соотношение другое - костей собак насчитывается до 73 %, и лошадей 40 % [Jankuhn, 1967, s. 131]. Собака у германцев считалась очень эффективной жертвой, так как была наиболее близким и пре-

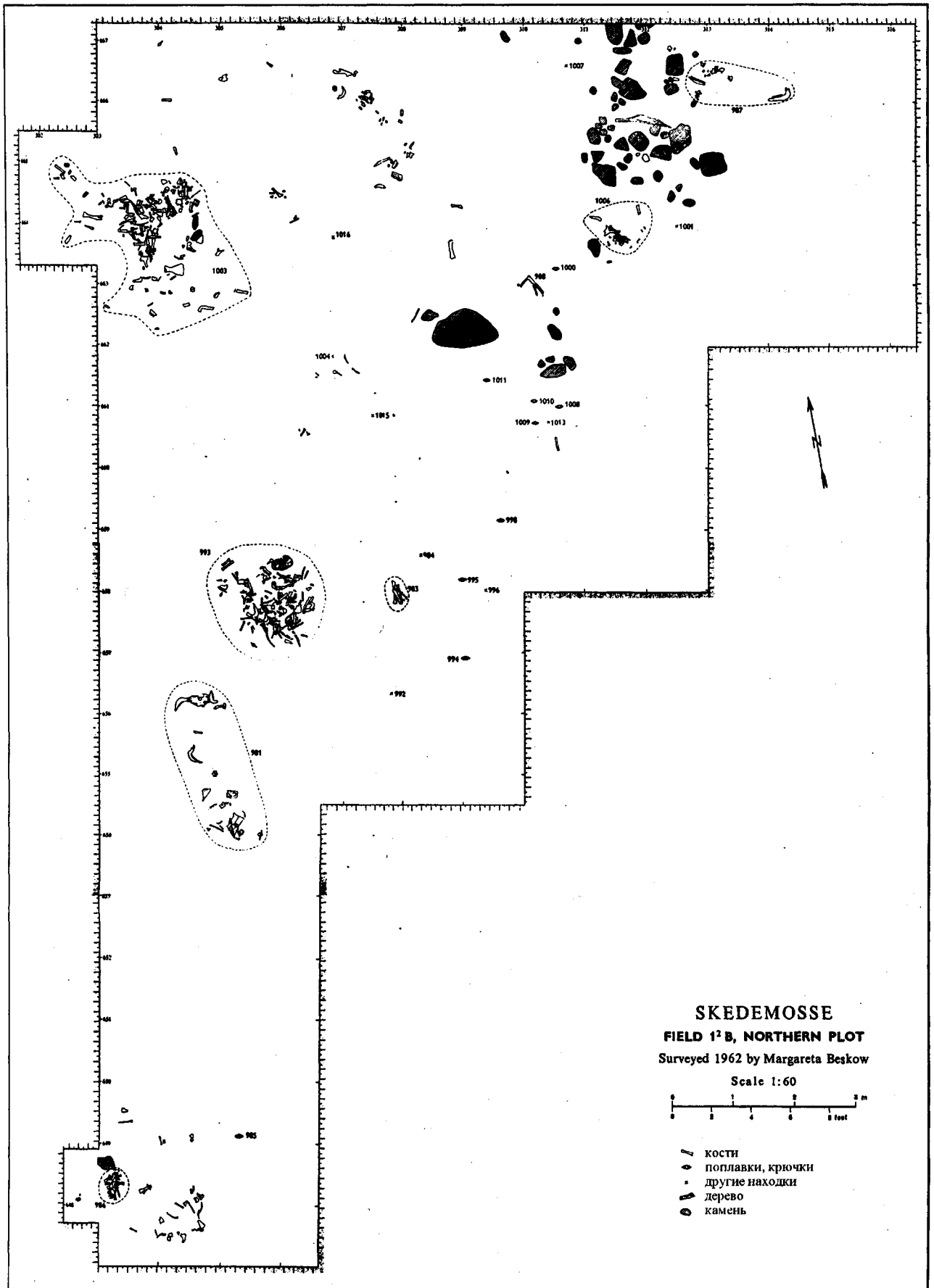

Рис. 68. Часть жертвенной площадки Скедемоссе на о. Эланд (Швеция), I-VI вв. (Hagberg).

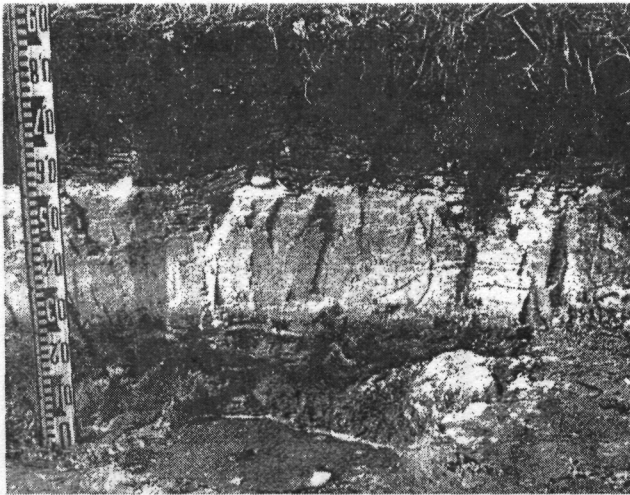

Рис. 69. Раскопки в Скедемоссе.

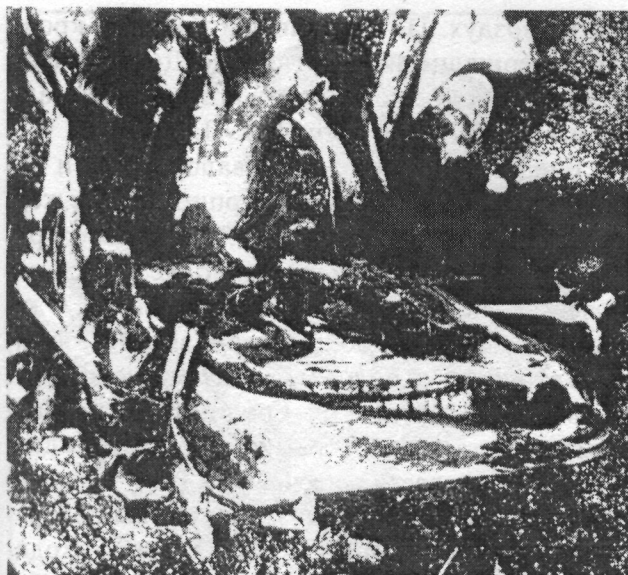
данном человеку животным. Собака служила Одину и вместе с лошастью провожала мёртвых в Вальхаллу [Jankuhh, 1967, с. 146]. Конь почитался священным животным. Кони "принадлежат всему племени, они выращиваются в тех же священных дубравах и рощах, ослепительно белые и не понуждаемые к каким-либо работам земного свойства; запряжённых в священную колесницу, их сопровождают жрец с царём или вождём племени и наблюдают за их ржанием и фырканьем. И никакому предзнаменованию нет большей веры, чем этому, и не только у простого народа, но и между знатными и между жрецами, которые считают себя служителями, а коней - посредниками богов" [Тацит, Германия, 10]. По Тациту богов "Геркулеса (германский бог Донар-Тор) и Марсу (Циу) они умилоствляют заклятием обрекаемых им в жертву животных" [Тацит, Германия, 9]. Бог Тор ездил на колеснице, запряжённой козлами, они же были связаны с плодородием и являлись неиссякаемой пищей Тора - он их съедал, оставляя кости, и затем возвращал их к жизни [Мифологический словарь, 1991, с. 546]. Кости коз часто присутствуют на святилищах.

Со II-III вв. на болотных культовых местах в составе жертвенных даров появилось большое количество оружия и украшения [Behm-Blancke, 1957, s. 134; Jankuhn, 1967, s. 135; Raddatz, 1970, s. 193-197]. Обычно это связывают с ещё большей милитаризацией германцев, усиливавших в это время борьбу с Римской империей, создававших большие и прочные союзы племён. Ещё во времена Тацита "Любые дела - частные и общественные - они рассматривают не иначе как вооружённые" [Тацит, Германия, 13], но оружия в жертву не приносили. Перемены в составе жертвоприношений особенно хорошо замет-

ны на долго существовавших святилищах. В болоте на краю озера Торсберг (Германия) в позднелатенском и раннеримском периодах жертвы состояли из костей животных и сосудов с едой. Со II в. и позднее появляются фибулы, римские монеты, римский импортный меч, стрелы, бронзовая ситула, конское снаряжение, продолжали сюда помещать и обычные бытовые вещи - деревянные сосуды, грабли, борону. К VI в. относятся массивные золотые кольца (до 200 штук), но нет поздней керамики [Raddatz, 1970, s. 188-197; Die Germanen, 1983, s. 252]. В окрестностях озера расположены многочисленные поселения и могильники от 100 г. до н. э. до 500 г. н. э. Традиционно здесь у г. Зюдербаруп религиозный и хозяйственный центр сохранялся очень долго, и сейчас существуют названия "Гора пиров" и "Святой источник".

Также продолжались старые традиции и появились в позднеримском периоде новые жертвенные вещи на площадке, открытой в Скедемоссе на о. Эланд в Балтийском море у берегов Швеции. На болоте столбами и завалом веток была окружена площадка размером 270 кв. м (рис. 68). На площадке отдельными скоплениями лежали скелеты (рис. 68), части скелетов и отдельные кости (черепа, челюсти, конечности) домашних животных, преимущественно лошадей - до 50 особей, а также быка, овцы/козы, собаки и свиньи (всего приблизительно 17000 костей) и здесь же остатки 38 человек, тоже в основном, черепа и кости рук и ног (рис. 70 а, б). На двух черепах - юноши 18 лет и женщины лет 50 видны следы смертельных ударов. На площадке сохранились палки, ветки, камни, каменные вымостки, а также обожжённое место, где долго горел огонь. Площадка датируется с начала нашей эры до VI в., но вещи, в основном, относятся к III-IV вв. н. э., что подтверждают и радиоуглеродные анализы. Здесь найдены: копья, мечи, 50 умбонов щита, римские монеты, трехслойный костяной гребень, поясной набор, семь золотых колец со штампованным орнаментом. Кругом расположены поселения и могильники разного времени, а на саму площадку вела мощёная дорога. Здесь, как в Обердорле и Торнсберге долго существовал культовый центр большой округи [Hagberg, 1967; 1970; Die Germanen, 1983, s. 254].

Многие жертвенные площадки, появившиеся в позднеримское время, обычно заполнены оружием. На болоте Ньюдам в Дании находки лежали в двух скоплениях: на первом из них лежали остатки двух лодок (длиной до 23 м), вес-

а

б

в

г

Рис. 70. Кости жертвенных животных (конский череп), Скедемоссе.

ла, импортные мечи, многочисленные копья и стрелы, лук, уздечка, украшения, фибулы, пряжки, булавки, бусы, пуговицы, гребни, ножи, шилья, римские монеты, стояли глиняные и деревянные сосуды, находились скелеты лошади и быка; на втором скоплении - до 100 предметов, в том числе серебряные с позолотой навершия мечей [Die Germanen, 1983, s. 252 - 253]. Все предметы относились ко времени со II-III до середины V вв. Военное жертвоприношение в Ейсбель было совершено на берегу озера в торфе и состояло из двух скоплений на площадке 2x10 м. Одно из скоплений датируется IV в. (меч, копье, сбруя лошади, поясной набор), во втором лежали вещи V в. (60 мечей, столько же пряжек, ножей, 9 шпор и 9 гарнитуров лошадиного убора, части деревянной лодки) [Ørsnes, 1970, s. 172-187]. Много оружия находилось в болоте Крагехюльмосе, здесь жележали сосуды с седой и кости животных, всё датируется V - VII вв. [Die

Germanen, 1983, s. 253]. На большой жертвенной площадке Рислеф в Зеландии (площадь 60 м²), с трёх сторон ограниченной рвом, в несколько слоев (общая мощность слоя 70-30 см) лежали кости животных и людей; два скелета женщин 18 и 30 лет, неполный скелет подростка 15 лет, разбросанные на большом пространстве черепа и крупные кости четырёх человек и здесь же черепа и кости конечностей 11 лошадей, трёх собак и почти целые скелеты семи коров и пяти овец. В слое найдены наконечники стрел IV-V вв. и обломки посуды [Jankuhn, 1967, s. 121-127]. Как и во многих других местах, в Корбейле (Германия), помимо оружия найдены и украшения. Здесь находилось 25 мечей, 67 копий, 10 кирок, 24 булавки, три браслета [Raddatz, 1957, s. 76]. Встречаются находки только оружия - в Дании найдены 9 мечей V-VI вв. и в другом месте 5 мечей VII-VIII вв. [Geisslinger, 1970, s. 203].

Жертвы, сопровождаемые оружием и, как правило, убитыми лошадьми, вероятно, приносились какими-то воинскими группами перед военными походами, чтобы привлечь на свою сторону богов, или в виде благодарности им за одержанную победу. Так, по сведениям римского историка IV в. Орозия, кимвры и тевтоны после победы во исполнение данной клятвы всю полученную добычу - золото и серебро бросили в реку, лошадей уничтожили, а пленных повесили на дереве [*Die Germanen*, 1978, s. 353].

На жертвенных площадках северной Германии, по побережью Северного и Балтийского морей часто находят лишь украшения и предметы быта. В Вимозе лежали остатки повозки, топор, нож, наковальня и различные кузнечные инструменты; в Бурге в Германии - бронзовый котёл, лемех плуга, лодка и рядом 18 человеческих черепов; в Хоэндорфе - 1200 янтарных и стеклянныхбусин, бронзовые украшения, римские монеты II-IV вв. [*Die Germanen*, 1973, s. 368; 1983, s. 256, 257; *Jankuhn*, 1966, s. 385-397]. Количество дорогих золотых украшений особенно велико было в IV-VI вв. в Северной Германии и в Скандинавии [*Behm-Blancke*, 1971, s. 945]. В составе жертвенных даров отражались все стороны человеческой жизни и деятельности, от повседневных забот и военной опасности до мифических представлений, сказывалось и социальное расслоение общества, и разный образ жизни. По-видимому, в римское время создавалась иерархия богов, и на первое место вышел воинственный бог Вотан (Один в Скандинавии).

В германской мифологии важную роль играл неиссякаемый котёл, из которого ели боги. Котлы многократно встречаются в болотных жертвенных местах и среди них самый знаменитый котёл ещё I в. до н. э., найденный в Дании в болоте Гундеструп. Это огромный серебряный котёл кельтского изготовления с изображениями богов, сцены жертвоприношения - человека вниз головой опускают в жертвенный котел, сражения людей и животных, среди них бог с тремя головами и бог в позе Будды [*Vries*, 1970, s. 392]. Такое жертвоприношение описано Страбоном у кимвров: "жрицы-предсказательницы, седовласые, в белых одеждах, в полотняных, застёгнутых [фибулами] мантиях, в медных поясах и босые. Они выходили навстречу пленным с обнажёнными мечами, надевали на них венки и вели их к медному кратеру вместимостью в 20 амфор. Там была лестница; по ней всходила [одна из них] и, распростёршись над котлом, перерезала горло каждому из них, подняя

его на воздух. По натекавшей в кратер крови они совершали какое-то гадание. Другие рассекали их трупы и по внутренностям предрекали своим победу" [*Страбон*, VII -II, 3].

Большое значение придавалось мечу и копью Одина, которым он совершил первое жертвоприношение, молоту Тора, который возвращался к богу, как бумеранг, его же чудесному поясу, удваивавшему силу своего хозяина. Ожерелья, символизирующие плодovitость, являлись атрибутами богов и за них боги вели борьбу [*Мифы...*, 1980, с. 239]. Гривны были знаком знатности и чести фамилии, их потеря должна была привести к несчастью. Их иногда находят в болотах Дании (4), две гривны обнаружены в воде на о. Борнхольме. Гривны входили в состав жертв ещё в эпоху бронзы и до VI в. н. э. Гривны найдены в кладах времён викингов на о. Готланд [*Capelle*, 1970, s. 214-218; *Geisslinger*, 1970, s. 200-202].

2.2.2. Жертвы озёрам и рекам

К болотным жертвам близки находки в источниках и реках. Источники почитались многими народами (греками, кельтами, римлянами, славянами и др.), им приносили жертвы со времён неолита и бронзы, особенно много их в северных и южных областях Германии, в Дании, Голландии, Швеции, Финляндии. В воде находят сосуды, черепки битой посуды, кости человека и животных, металлические изделия. Находки в воде можно было бы считать случайными (уроненными случайно или оставшимися после кораблекрушения), но часть предметов была брошена в воду явно преднамеренно - они найдены вдали от населённых пунктов, часто вместе лежат разновременные вещи, т. е. на одном и том же месте жертвы приносились неоднократно, часто в течение длительного периода, кроме того, в ряде случаев вещи размещены в определённом порядке и около них бывают сделаны специальные устройства. По подсчётам Б. Штернквист к 70-м гг. насчитывалось 22 достоверно жертвенных мест в воде [*Stjernquist*, 1970, s. 80].

В знаменитом "кипящем" источнике Бад Пирмонт найдены вещи позднеримского периода и III в. н. э.: около 200 германских и римских фибул, множество римских монет, бронзовый сосуд [*Die Germanen*, 1983, s. 257]. В Реекиллурна в Швеции в воде была сделана вымостка из камней. Источник кругом обставлен камнями. Вещи сюда бросали с эпохи бронзы и до викингов. На глубине 2 м найдены кости лошади, собаки, быка, овцы, свиньи и 44 кости и

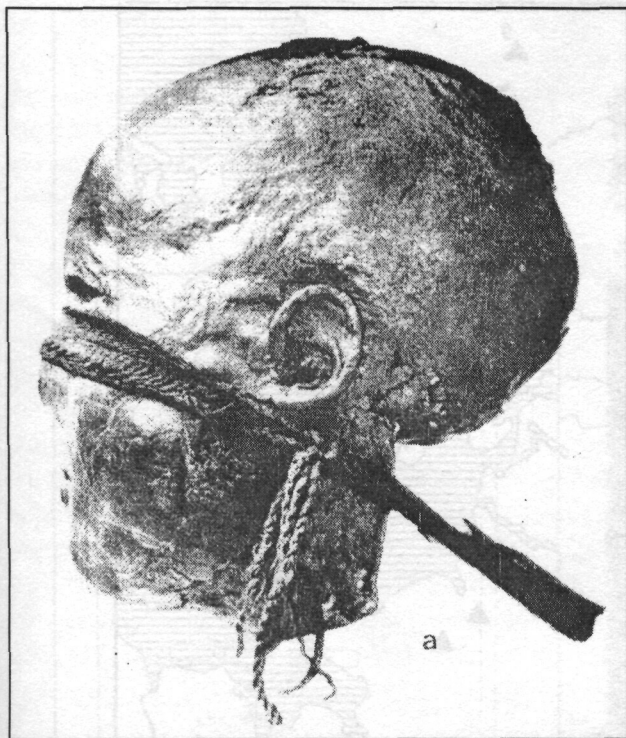

Рис. 71. Голова утопленной в болоте девушки, Виндеби, Германия (Die Germanen, b. 1, taf. 50).

частей черепа человека, много разновременной керамики, фибула и нож. В Йорлеса имеются три источника, уходящие в землю, и на их дне найдены обломки посуды, кости животных, стеклянный кубок. Кругом жертвенного места долгое время разжигались костры [Stjernquist, 1970, s. 87-97]. В Германии в озеро у впадения р. Рекнищ различные предметы бросали начиная с неолита и кончая средневековьем. Кримскому времени здесь относятся фибулы, булавы, пряжки, лошадиная утварь, а к средневековью - мечи, копья, топоры, стрелы и череп человека [Lampe, 1974, s. 247-294]. В Люезанд-на-Эльбе в воде лежало до 500 копий. Особенно много находок - копья, мечи, бронзовые сосуды, шлемы, якорь - вдоль берегов Нижнего Рейна от Рура до Нидерландов [Driehaus, 1970, s. 40-47]. Но следует иметь в виду, что хотя Рейн считался у германцев священной рекой, по нему шла оживлённая торговля и моментом случайности здесь очень велик.

Такое пристрастие германцев при совершении жертвоприношений и других культовых действий к воде, низинам и болотам в какой-то мере объясняется природными условиями: "Хотя страна кое-где и различается с виду, всё же в целом она ужасает и отвращает своими лесами и топиями" [Тацит, Германия, 5]. Но основная причина заключалась, конечно, в мировоззрении населения. По представлениям гер-

манцев, вода являлась не только источником плодородия, но и местом обитания сверхъестественных сил. Водные источники на земле связаны с подземным миром и окружающим океаном, населённым чудовищами и великанами, с которыми ведут борьбу боги. Мир был создан в результате борьбы воды и огня из тела великана Имира, вышедшего из подземных вод. В поднятии земли и устройстве среднего мира Мирагарда принимает участие Один, испивший из медового источника Мудрости [Мифы..., 1980, с. 288-289; Мифологический словарь, 1991, с. 410, 411]. На берегах вод жертвоприношения могли приносить и богине плодородия Нертус, и Одину - покровителю воинских дружин, и подземному миру мёртвых, и самому мировому пространству, где происходила борьба богов. Знаменитый клад Нибелунгов был скрыт в водах Рейна [Гуревич, 1975, с. 22].

2.2.5. Человеческие жертвы

Ещё одна форма зловещих жертв в болотистых торфяниках - мумифицированные трупы людей. Всего к 60-м гг. XX в. таких находок насчитывалось 465, из этого числа больше всего приходится на Германию (167 мест), относительно очень много в болотах Дании (163), меньше в Нидерландах (44), есть в Англии, Ирландии, Шотландии, Норвегии и Швеции (рис. 72). Относятся эти находки ко времени с раннего железного века до конца I тысячелетия н. э., но большая часть - около 300 находок приходится на III-IV вв. н. э. [Dieck, 1958, s. 96-106]. В торфе хорошо сохранился кожный покров, волосы, одежда. Так, на маленьком болоте Виндеби в торфе были вырыты две ямы, размерами приблизительно 1,5 x 2,5 м и глубиной до 1,5 м (рис. 71). В одной яме лежала девочка 14 лет с завязанными глазами и задушенная шнурком. Во второй яме на спине был уложен пожилой мужчина, но часть тела у него отсутствовала [Schlabow, 1958, s. 180-185]. На болоте Домландсмоор в торф были погружены мужчина с прутком орешника вокруг шеи и девушка, на грудь которой положен большой камень. У обоих погребённых были сбиты волосы с левой половине головы [Jankuhn, 1958a, s. 216].

Эти находки соответствуют описанию смертной казни у Тацита: "предателей и перебежчиков они вешают на деревьях, трусов и оплошавших в бою, а также обесчестивших своё тело - топят в грязи и болоте, забрасывая поверх валяжником" [Германия, 12]. Вполне возможно, что в торфе находят казненных преступников,

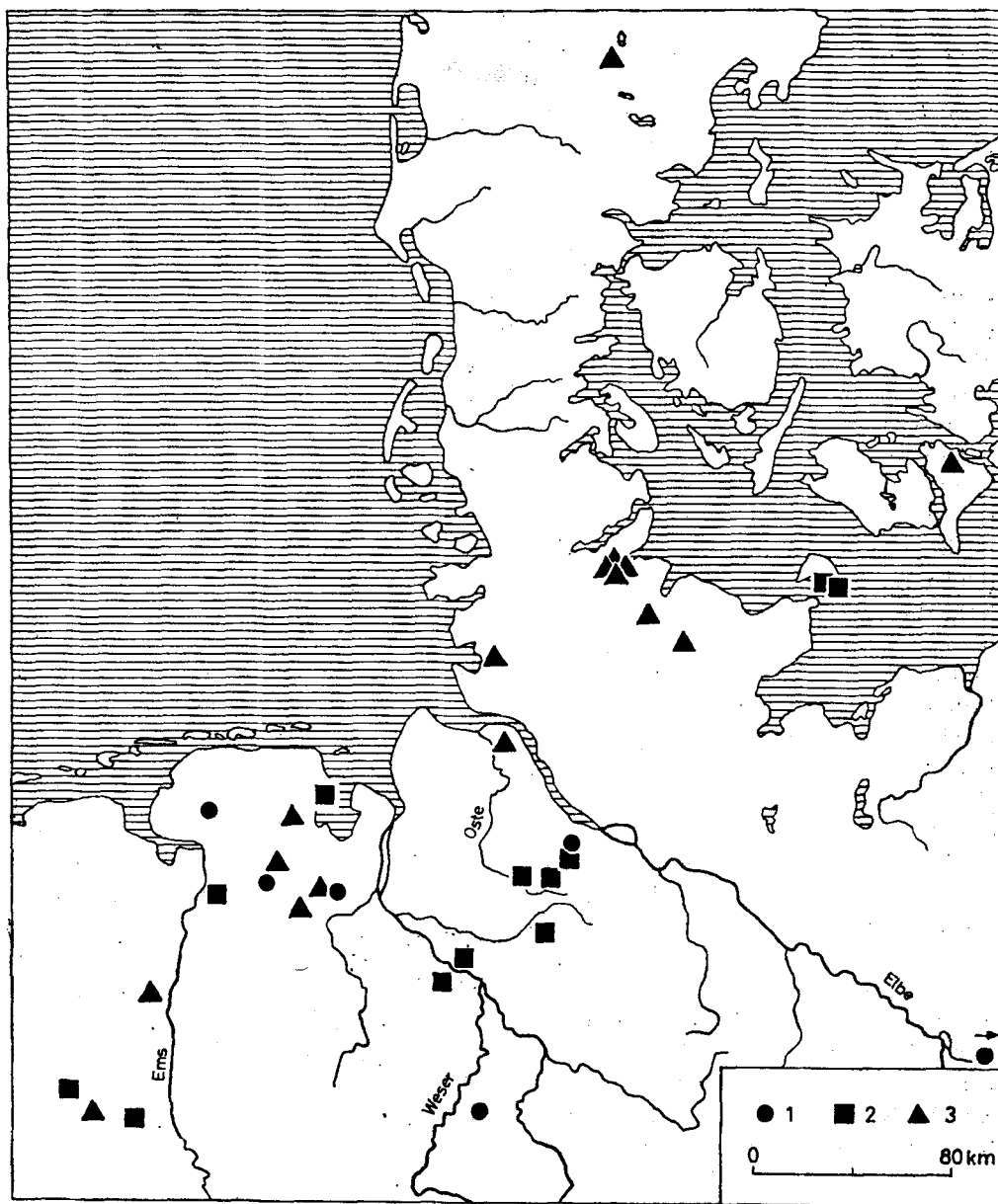

Рис. 72. Находки трупов в болотах Дании и Шлезвиг-Гольштейна, VI в. до н.э. - V в. н.э. (Die Germanen, b. 2, abb. 125).

но в то же время, учитывая распространённый у германцев обычай жертвоприношений в болотах, можно думать, что погружение убитых в торф и воду тоже являлось жертвой богам. Тем более, как считают немецкие исследователи, таких находок в торфе слишком много для казнённых преступников, к тому же среди них есть женщины и дети [Jankuhn, 1958, s. 254].

О человеческих жертвоприношениях у разных германских племён много сведений в древних письменных источниках. Выше уже упоминалось о сообщении Страбона, описавшего жертвоприношение у кимбров, совершаемое жрицами над котлом, заполняемым кровью [Страбон, VII - II, 3]. Тацит писал, что германцы "больше всего чтут Меркурия [отождествляется с Вотаном - примечание, с. 435] и счита-

ют должным приносить ему по известным дням в жертву также людей" [Германия, 9]. То же происходило у свебов: "В установленный день представители всех связанных с ними по крови народностей сходятся в лес, почитаемый ими священным, поскольку в нем их предкам были даны прорицания и он издревле внушает им благочестивый трепет, и, начав с заклятия человеческой жертвы, от имени всего племени торжественно отправляют жуткие таинства своего варварского обряда" [Германия, 39]. Подобные данные есть о готах у Иордана: "Марса готы постоянно ублажали жесточайшим культом (жертвой ему было умерщвление пленных), полагая, что возглавителя войн пристойно умиловать пролитием человеческой крови. Ему посвящалась первая добыча, в

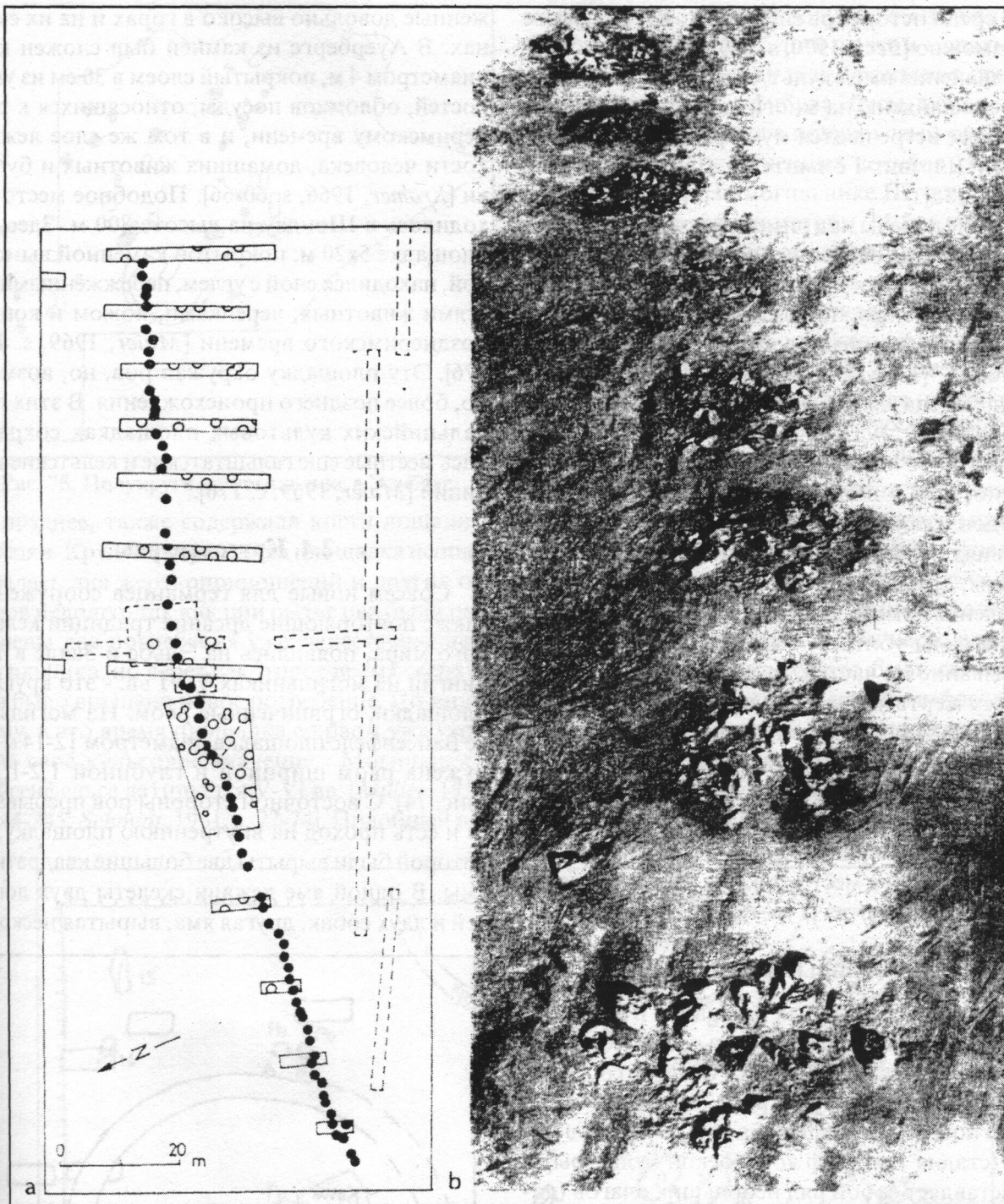

Рис. 73. Ряд каменных очагов поселения поздней бронзы и раннего железа.

его честь подвешивали на стволах деревьев трофеи" [Иордан, 41]. В Швеции человеческие жертвоприношения продолжались до XI в. и описаны Адамом Бременским, как современником этих деяний: "Для жертвоприношения от всего живого берётся по девять жертв мужского пола; их кровь служит для умиловлиения богов. Тела умерщвлённых долго после жертвоприношения висят на деревьях в священной роще, недалеко от храма. О святости этой рощи язычники такого высокого мнения, что считают каждое дерево в ней божествен-

ным. Рядом с людьми здесь висят также трупы собак и лошадей; один из христиан рассказал мне, что он сам видел на деревьях священной рощи семьдесят два таких трупа, висящих друг против друга" [Андерсон, 1951, s. 48].

При жертвоприношениях применяли разные способы умерщвления жертв - отсечение головы, повешение, утопление в болоте, рассечение тел. Собственно все эти способы нашли отражение в археологических материалах, настолько многочисленных, что отрицать человеческие жертвы у германцев, как это было распростра-

нено среди историков еще в 50 гг. XX в., просто невозможно [Beck, 1970, s. 240]. Особенно большое значение имел культ человеческой головы - черепа найдены на многих культовых местах, а в торфе встречаются мумифицированные головы (Шлезвиг-Гольштейн, Дания) [Jankuhn, 1958, s. 255].

После победы над римским полководцем Варом германцы оставили "человеческие черепа, пригвождённые к древесным стволам. В ближних лесах обнаружили жертвенники, у которых варвары принесли в жертву трибунов и центурионов" [Tacitum, Анналы, 1, 61]. В Германии культ черепа сохранялся по крайней мере до XVI в. [Schott, 1982, s. 467].

Смысл человеческих жертв у германцев, вероятно, был в общем таким же, как у других народов: для ублажения богов в экстремальных условиях необходимы были самые действенные жертвы; они же требовались для сохранения и продления жизни, для вечного обновления, для взятия силы убитого. Рассечение жертв и разбрасывание их частей, что наблюдается почти на всех жертвенных площадках, должно было приводить к возрождению жизни и плодородию, особенно для этого были эффективны жертвы женщин и детей. Человеческие жертвы приносились и в менее важных случаях. Так, Саксон Грамматик приводит рассказ о том, что флот не мог сдвинуться с места, пока не была принесена человеческая жертва [Гуревич, 1979, с. 22].

2.3. Огненные жертвенники

Помимо жертвенных площадок и ям на болотах, сведения о других культовых сооружениях германцев минимальны. Одно из сооружений Цедау в Германии (рис. 73) расположено около поселения поздней бронзы и раннего железа (стадия Рипдорф ясторфской культуры) и представляет собой ряд небольших очагов (диаметром около 1 м), сложенных из камней и вытянутых в один ряд на протяжении 79 м (всего в одну цепочку расположено 29 каменных очагов) [Horst, 1971, s. 22-25]. В Ютландии около Росбьергад культовое место в лесу среди деревьев существовало с эпохи бронзы до позднеримского времени. Здесь среди куч, сложенных из камней, лежала разновременная керамика, рог для питья, бронзовые сосуды римского времени и рога коров. На самой большой каменной куче был воткнут деревянный кол, может быть, изображение идола? [Jankuhn, 1967, s. 135].

В южных областях Германии, в предгорьях Альп известны жертвенные площадки, располо-

женные довольно высоко в горах и на их склонах. В Ауерберге из камней был сложен круг диаметром 4 м, покрытый слоем в 30 см из угля, костей, обломков посуды, относящихся к раннеримскому времени, и в том же слое лежали кости человека, домашних животных и булавки [Krämer, 1966, s. 60-66]. Подобное место находилось в Шондау на высоте 800 м. Здесь на площадке 5x20 м, покрытой каменной вымосткой, находился слой суглём, пережжёнными костями животных, черепками, ножом и копьем позднеримского времени [Maier, 1969, s. 173-176]. Эту площадку окружал ров, но, возможно, более позднего происхождения. В этих предальпийских культовых площадках сохранялись местные еще гальштатские и кельтские традиции [Maier, 1969, с. 176].

2.4. Круговые рвы

Совсем новые для германцев сооружения, также повторяющие древние традиции кельтского мира, появились на Эльбе и Заале в Тюрингии на могильниках V-VI вв. - это круглые площадки, ограниченные рвом. На могильнике Вайсенфелс площадка диаметром 12-14 м окружена рвом шириной и глубиной 1,2-1,3 м (рис. 74). С восточной стороны ров прерывается и есть проход на внутреннюю площадку, на которой были вырыты две большие квадратные ямы. В одной яме лежали скелеты двух лошадей и двух собак, другая яма, вырытая несколь-

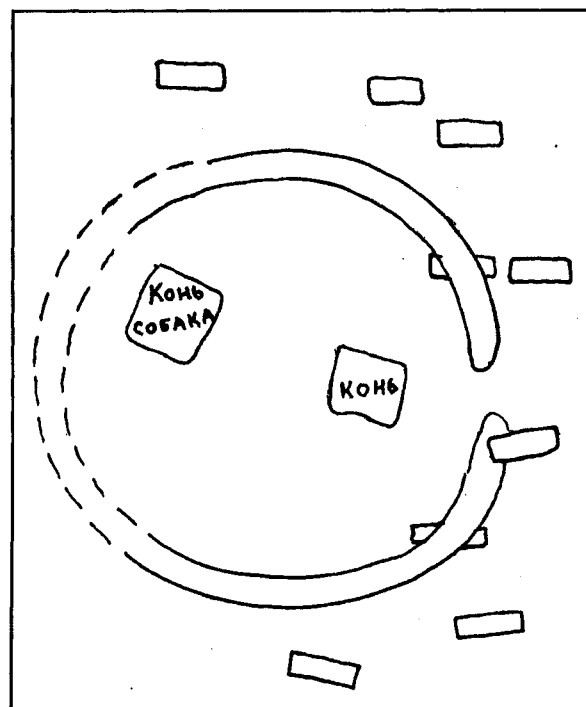

Рис. 74. Круговой ров на могильнике Вайсенфелс, V-VI вв.

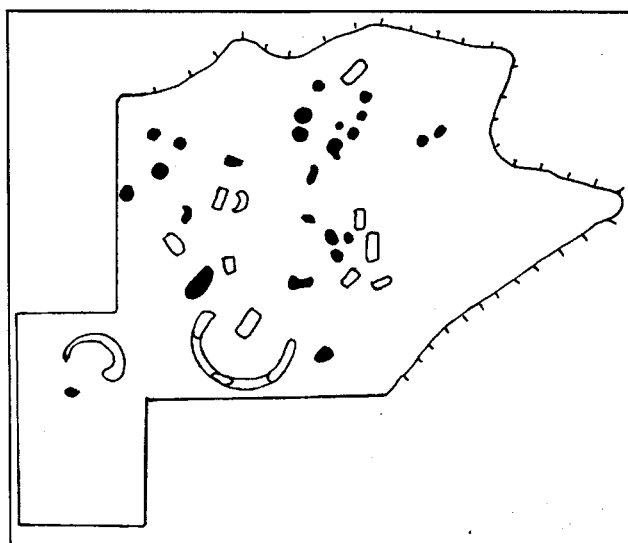

Рис. 75. Полукружки на могильнике в Эльбауе.

ко позднее, также содержала кости лошади и черепки. Круглая жертвенная площадка использовалась для жертвоприношений и других обрядов недолго, так как при рытье рва были разрушены два погребения уже существовавшего могильника, но через некоторое время сверху в ров было впущено новое погребение. По-видимому, в это время площадка со рвом уже утратила своё культовое значение. Могильник в Вайсенфельсе датируется V-VI вв. [Muller, 1957, s. 244-245; Schmidt, 1961, s. 72-74]. Подобный ров

на могильнике Эльбауе полукругом огибал одно из богатейших погребений на этом могильнике (в погребении находились бронзовая гривна, бронзовые сосуды, фибула, бусы, копыя, нож) (рис. 75). На этом же е полукруглый ров окружал скопление жертвенных сосудов [Schlette, 1951, s. 80-100]. На могильнике Штосен внутри рва на площадке диаметром 14,5 м ничего не было, но рядом на свободной площади были вырыты три жертвенные ямы, содержавшие черепа и кости конечностей лошадей. Круглая площадка диаметром 8 м, окруженная рвом (ширина его 80, глубина 25 см) (рис. 76), расположена на могильнике Гюбс и также была пустой внутри [Schmidt, 1961, s. 73; 1965, s. 39-42]. Сооружение таких площадок не было свойственно местному населению свебов в предшествующее время и, вероятно, эту традицию принесли продвигнувшиеся на Эльбу племена саксов и франков, заимствовавших её в свою очередь у кельтов [Schlette, 1951, s. 100]. Но германцы использовали эти ограниченные площадки несколько иначе, чем кельты. У кельтов это были святилища со стоявшими внутри изображениями богов, тогда как германцы совершали на площадках жертвоприношения и какие-то другие обряды. Обычай окружать рвом погребения наиболее выдающихся лиц также берет свое начало у кельтов.

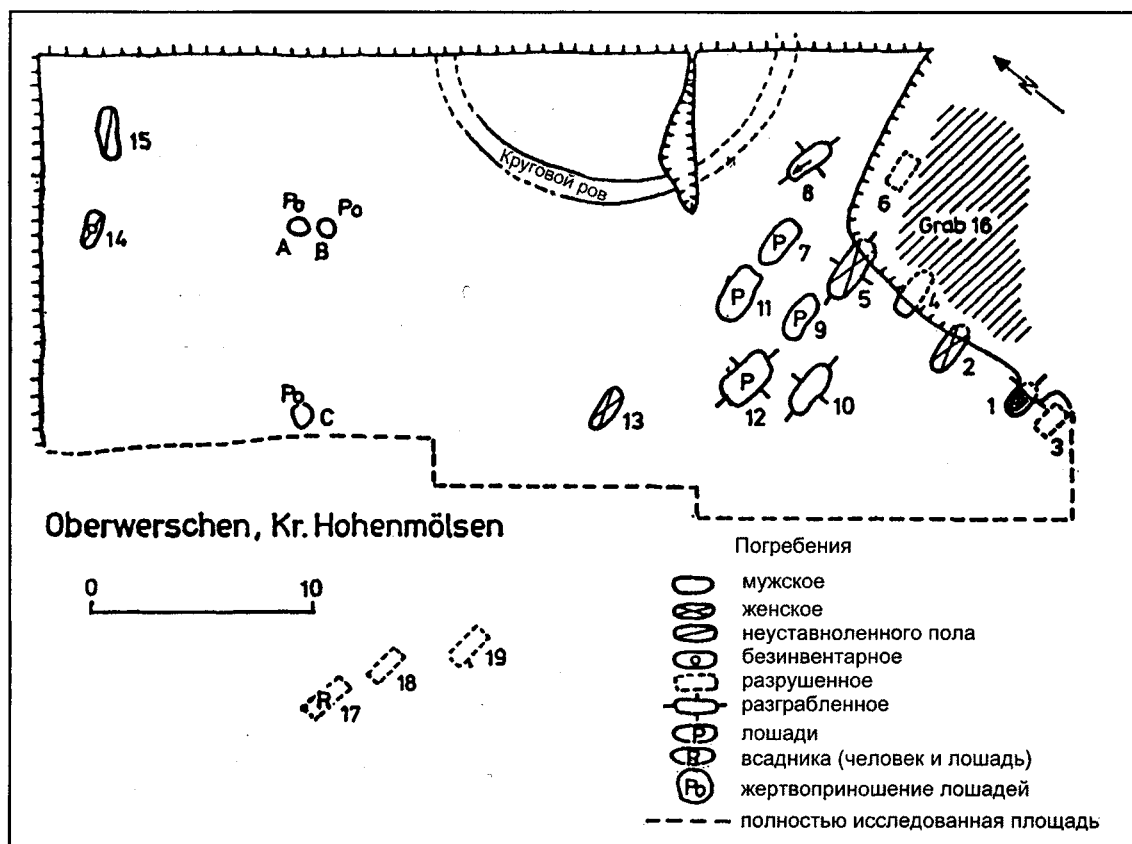

Рис. 76. Часть кругового рва на могильнике Обервершен, V-VI вв. Ямы с жертвами лошадей.

2.5. Строительные жертвы

Как и у многих народов, у германцев были распространены строительные жертвы, обеспечивавшие защиту и благополучие дому и живущим. Такие жертвы известны от времени латена до VIII-IX вв. Чаще всего у порога дома закапывали собаку или в амбаре, в колодце. На поселении Федерсен Верде у порога дома IV в. была закопана собака, а за печью свинья. Под печью поселения Каблов (позднелатенское время) были уложены полукругом кости ног двух быков. В римское время и до эпохи меровингов в стены построек вмуровывали людей, чаще детей. На поселении Варт Нессенс под пол был положен 6-месячный ребёнок, завернутый в платок, а рядом стоял сосуд; в Варфт Тофтинг ребенок был помещен в корыто [Die Germanen, 1978, s. 373; 1983, s. 256, 258]. В нескольких местах в Дании и Германии на полу домов встречены орнаментированные очаги - прочерченные круги, овалы, вписанные один в другой прямоугольники. Считается, что они распространились под кельтским влиянием и имели культовое значение. В Нере Фянд в Дании такой очаг относится к позднему латену, в Гиндеруп в Германии к позднему римскому периоду, в этом же доме у порога была закопана собака [Makiewicz, 1976, s. 126-131]. На поселении Сорто Мульд на о. Борнхольм в яме перед входом в дом зарыты череп и четыре ноги лошади, кости быка, свиньи, овцы и собаки

[Geisslinger, 1970, s. 210-212]. Есть сведения о почитании костей животных и принесении их в жертву ещё в 1462 г. В Тюрингии кости укладывали в мешок с зерном, чтобы оно лучше проросло [Behm-Blancke, 1965, s. 239].

2.6. Храмы

При всех длительно сохранявшихся обрядах и поверьях постепенные изменения в германских культах все же намечаются. Уже говорилось о переменах в социальном устройстве племён во II-III вв. н. э. и, в связи с этим, о появлении воинских жертвоприношений, об изменении статуса и иерархии богов. Постепенно менялось и культовое строительство. Так, в V-VI вв. распространились круглые жертвенные площадки, ограниченные рвом. Во времена Тацита у германцев не было храмов - "богов невозможно заключить внутри стен" [Германия, 9]. В позднеримское время в западных областях Свободной Германии появились подражания провинциально-римским и галло-римским храмам (Лувен в Голландии, Лоэшке в Германии, Себол в Исландии) [Vries, 1970, s. 377-379]. Но, в основном, в Германии сохранялись святилища под открытым небом. В 772 г. Карл Великий уничтожил святилище Ирмизуль, где стояло большое дерево, и под ним колода с золотыми и серебряными вещами [Франкские анналы, Die Germanen, 1983, s. 267, 468]. Какие-то небольшие постройки могли выполнять культовые функции. Так,

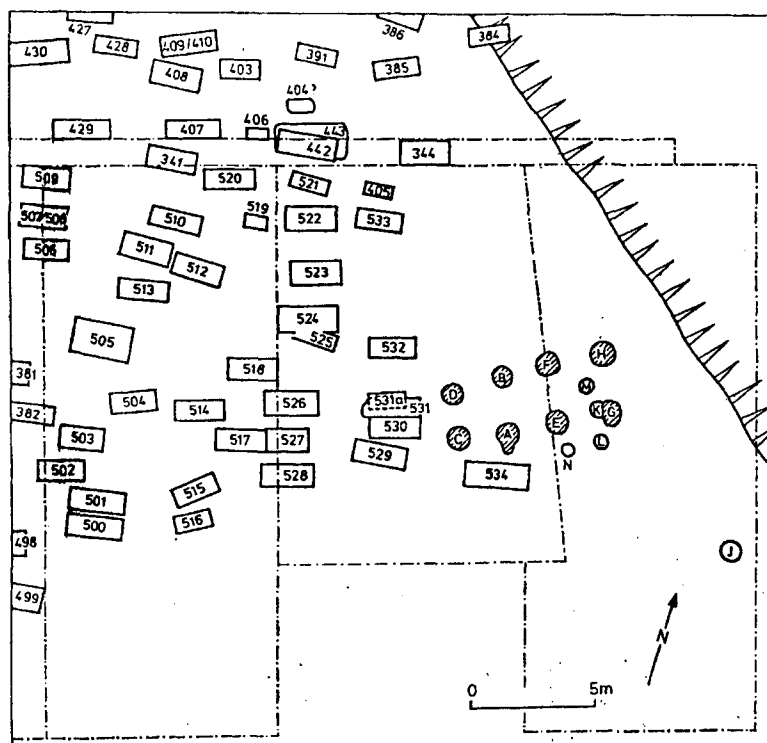

Рис. 77. Столбовая постройка на могильнике Аубинг, VII в.

в Германии на могильнике VII в. Аубинг около Мюнхена стояла столбовая постройка 7x3,4 м, которая могла быть как языческим, так и христианским храмом (рис. 77). В Германии рано начало распространяться христианство и традиция храмового строительства у язычников не успела сложиться. Даже идолы времени переселения народов и "раннего средневековья у германцев были римскими, сделанными из бронзы и серебра. Каменных идолов у германцев неизвестно [Vries, 1970, s. 385-390]. В Швецию и Норвегию обычай сооружать храмы был занесён с юга переселенцами времен викингов. Храм в Упсале описан Адамом Бременским (около 1070 г.): "Это святилище всё украшено золотом и в нём народ молится перед изображениями трех богов; Тор, могущественнейший из них, возвыша-

ется на своём троне посреди храма, по обеим сторонам его - Водан (Один) и Фрикко (Фрейр). Отличительные черты этих богов следующие: Тор, как говорят, является властелином воздуха. Он управляет громом и молнией, бурей и дождем, и хорошей погодой для урожая. Один (что означает ярость) - бог войны. Он наделяет мужчин храбростью в бою с врагами. Фрейр посылает людям мир и сладострастие. Один выступает вооружённым, как у нас Марс, а Тор со своим скипетром [тут речь, очевидно, идет о молоте бога грома - *И.А.*] похож на Юпитера. Каждый из этих богов имеет своих жрецов, которые принимают от народа жертвы. Когда угрожает болезнь и голод - приносят жертвы богу Тору, если угрожает война - Одину, перед празднованием свадьбы - Фрейру. Каждые девять лет в упсальском храме, обычно устраивается один общий для всей Швеции торжественный праздник в честь трёх богов, и никто не может быть освобожден от участия в этом празднестве. Все, начиная от короля и кончая самым простым и бедным крестьянином, посылают в этот день дары в Упсалу, а те, кто уже принял христианство, должен присылать выкуп за освобождение от упсальской церемонии" [*Андерсон, 1951, с. 47, 48*]. Снорри Стурлусон (1178-1241) часто упоминает храмы, где стояли боги, украшенные золотом и серебром. Конунг Олав приказал разрушить языческий храм, всё имущество и драгоценности, принадлежавшие храму и жрецам, он взял себе [*Стурлусон, гл. 67*]. Стурлусон описывает обряд богослужения в храме: там убивали разный скот, а также лошадей. Кровью надо было окропить все жертвенники и стены храма, и людей. Огонь следовало разводить на полу посреди храма, а над ним должны были кипеть котлы [*Стурлусон, гл. 14*]. Важным атрибутом церемоний было кольцо - символ солнца и верного союза. Одно такое кольцо было найдено в Швеции (Вушеруд) диаметром 26 см. Во время церемоний жрец держал его в руках и опускал в кровь жертвенных животных [*Vries, 1970, с. 390*]. Все эти храмы являлись, по-видимому, культовыми центрами большой округи.

В Упсале в 1926 г. под романской церковью были обнаружены остатки языческого храма. От него сохранились столбовые ямы, ограничивающие два вписанных один в другой квадрата с периметрами 8 и 25 м (рис. 80). Сделано восемь реконструкций этого храма, существенно отличающихся друг от друга: это или постройка с двойными стенами и возвышающейся средней башней, заканчивающейся двускатной

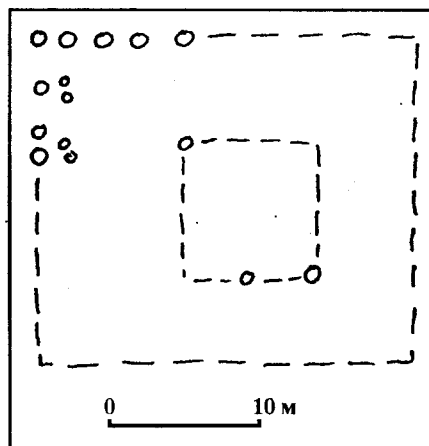

Рис. 78. Остатки храма в Упсале.

крышей с резными изображениями, или маленький дом также с двускатной крышей, окружённый оградой (рис. 79) [*Olsen, 1970, s. 261-268, abb. 1, 2*]. По своей планировке, он собственно такой же, как храмы кельтов и подражающие им храмы Исландии. На их месте христиане строили церкви: "... кто же не возрадуется, видя кресты на высоких местах, где прежде приносили в жертву бесам людей, закалывая своих сыновей и дочерей" [*Козма Пресвитер, 1961, с. 309*].

Иногда храмами считают длинные наземные постройки, встречающиеся на поселениях [*Dąbrowski, 1957, s. 316*]. В Хофстар дир (Исландия) раскопан длинный наземный дом (36 x 8 м), северная часть которого отделена (6 x 4 м) (рис. 80). Вдоль его стен проходили широкие скамьи для сидения, в центре сохранились остатки трёх печей и по всей длине пол обожжён и покрыт золой и углем. На полу найдены черепки, точильные камни. Как считает О. Ольсен, здесь находился пиршественный зал, типа длинных домов викингов, где происходили тинги - общие собрания [*Olsen, 1970, s. 272 - 278*]. Такое назначение дома подтверждается многочисленными археологическими открытиями на поселениях римского и позднейшего времени, вплоть до славянских памятников XIII в. В таких домах, конечно, совершались и культовые действия, хранилось имущество общины, но главное их назначение состояло в проведении собраний и пиров [*Тимощук, 1990, с. 34-37; Jankuhn, 1967, s. 130*]. По А. Я. Гуревичу, тема пира - это сосредоточие социальной жизни героической эпохи [*Гуревич, 1979, с. 59*]. На праздник все бонды должны были принести с собой еду, которой хватило бы на всё время, пока длится пир [*Стурлусон, гл. 14*].

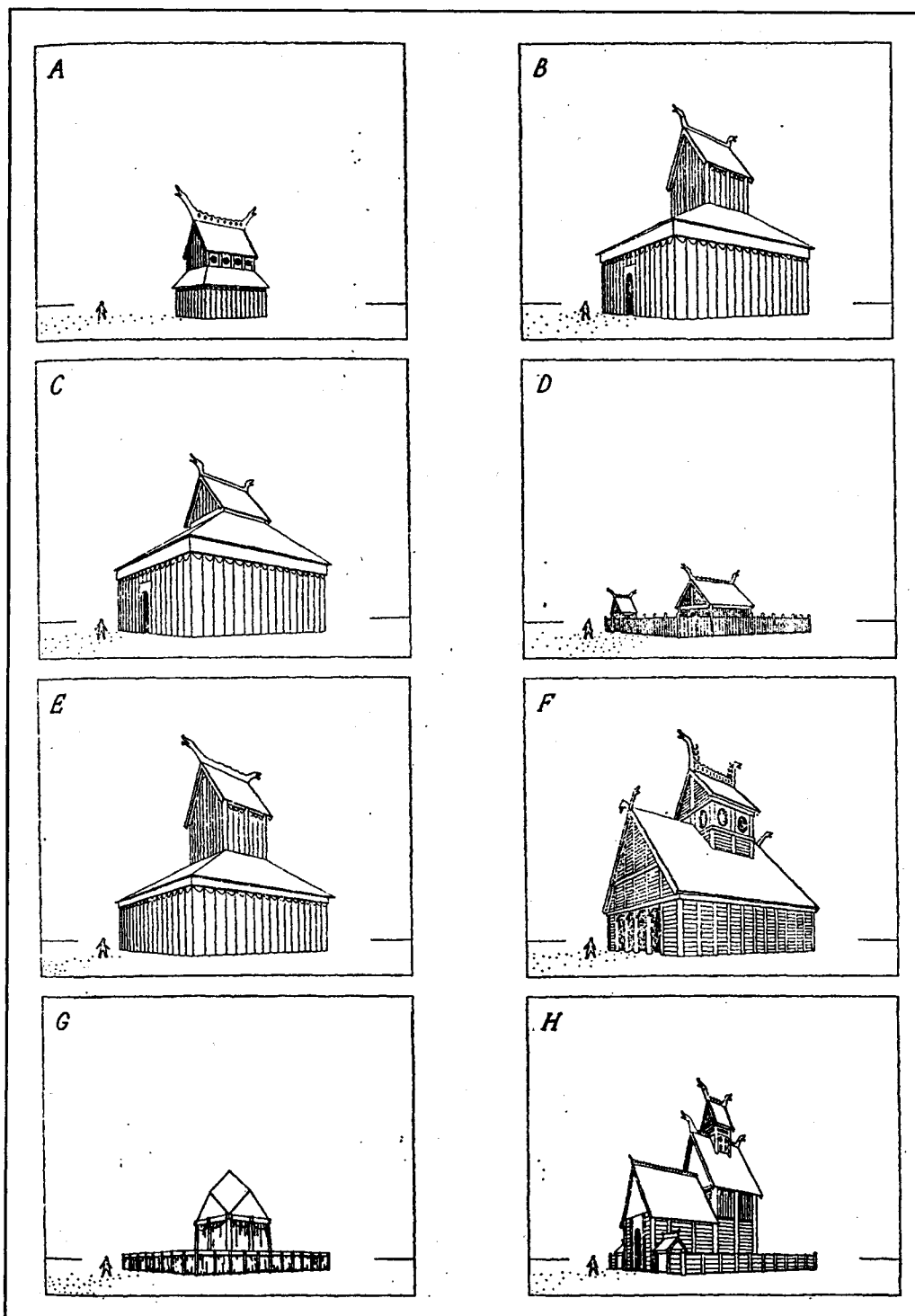

Рис. 79. Варианты реконструкции храма в Упсале.

Индоевропейские верования и представления о мире, присущие многим народам Европы, нашли своеобразное преломление в обрядах и в культовом строительстве германцев. Языческая религия германцев кажется более примитивной и отсталой при сравнении с религией кельтов. Это было вызвано отдалённостью германских земель от центров тогдашней европейской культуры, более медленными темпами развития общества, сравнительно ранним пере-

ходом к христианству, что приостановило эволюцию языческой религии на низком уровне. Её дальнейшее усложнение происходило в Скандинавских странах, дольше сохранивших языческую веру. Своеобразие обуславливалось и особенностями германской мифологии и восприятия мира.

Первой особенностью германских культовых сооружений является их расположение в низких местах; в болотах, непосредственно

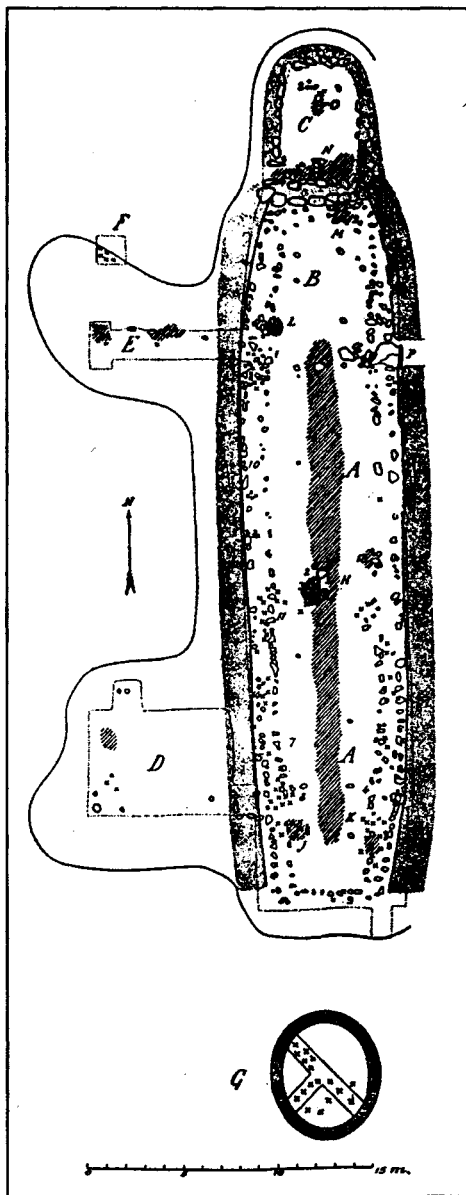

Рис. 80. Длинный общественный дом в Хофстатире, Исландия.

около воды, что было вызвано чрезмерным поклонением воде, как источнику возникновения и продолжения жизни. Горы для культового строительства использовались редко, может быть, из-за того, что они представлялись окаменевшими великанами, которые вели борьбу с богами.

Второй особенностью представляется более редкое по сравнению с другими язычниками использование огня, его следы видны далеко не на всех культовых местах. Правда, в болотистых местах разжигать его было трудно, и он оставлял мало следов. Но и на возвышенных местах святилища с применением огня (Цедау) известны в исключительных случаях. К огню в мифологии было двойственное отношение: и как кочищающей и согревающей силе, но и как

к всёуничтожающей стихии - мир должен погибнуть в огне.

Третья особенность состоит в самой конструкции культовых сооружений. Они не имели, в большинстве случаев, четкой формы, их ограда из столбов и веток была небрежна и составляла одну сторону ограниченного ею жертвенного прямоугольника открытой со стороны воды. Собственно у германцев нет святилищ, где бы недоступно и торжественно стояли боги, а были распространены жертвенные площадки, где оставлялись дары. При этом и дары складывались необычно - отдельными изолированными скоплениями, почти не сливаясь вместе. То же наблюдается и в жертвенных ямах, в которых жертвы помещались всего один, изредка два раза и нет ничего похожего на глубокие колодцы-шахты кельтов, которые заполнялись слоями жертв в течение нескольких столетий. В составе самих жертв заметны резкие социальные разграничения - есть маленькие семейные дары, но есть и большие общественные жертвоприношения, выделяются чисто земледельческие жертвы и богатые воинские приношения. В четвертых, очень часто в жертву приносили лошадей и собак, животных наиболее близких к богам и являвшимся их посредниками, тогда как костей свиньи, излюбленного животного кельтов, очень мало.

Пятой особенностью германского язычества можно считать довольно сильное воздействие кельтской религии. Оно проявилось в распространении в V-VI вв. круговых рвов на могильниках, хотя внутри них не было святилища с богом, а совершались жертвоприношения, и вход на площадку был открыт. С кельтским влиянием можно связывать круговые рвы около наиболее выдающихся погребений - особенность появившаяся и на других землях и сохранившаяся у славян до христианских времен. Хотя какую-то, вероятно значительную роль в жизни общества играли жрецы, их организация не идет ни в какое сравнение с обществом друидов. Не было у германцев и солидных каменных идолов, были распространены лишь примитивные деревянные фигурки высотой около 1 м. Не было в континентальной Германии и храмов. Они появились не раньше VII в. в Скандинавии и тоже явно под влиянием более южных традиций, повторяя планировку кельтских сооружений. Такие крупные храмы, как в Упсале, могли возникнуть лишь в период, когда усилилось государство и окрепли торговые связи и единство страны [Beck, 1970, s. 244].

3. КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРАРОДИНЫ СЛАВЯН (на территории центральной и южной Польши)

По одной из существующих гипотез сложение славянской общности происходило в середине I тысячелетия до н. э. на территории Повисленья и древнейшей славянской культурой может считаться подклешевая (V - начало II вв. до н. э.), возникшая на основе лужицкой при взаимодействии с поморской культурой [Седов, 1979, с. 44-52; 1993, с. 30, 31]. Дальнейшее развитие славянской культуры так же гипотетично. Во всяком случае, следующая по времени пшеворская культура (II в. до н. э. - начало V в. н. э.), считавшаяся прежде славянской, теперь рассматривается как германская или полиэтническая. Делаются попытки выделить в ней кельтские элементы и их вклад в пшеворскую культуру [Rosen-Przeworska, 1964, s. 9], доказано присутствие кельтов в Силезии и в Малой Польше [Woźniak, 1970], спор о чём вёлся ещё несколько десятилетий тому назад [Gromnicki, 1976], выявлено их проникновение на Куявы [Cofia-Broniewska, 1976, s. 120-123]. Высказано предположение о выделении в ареале пшеворской культуры двух разных регионов - Висленского, принадлежавшего славянам, и Одерского, в значительной части заселённого восточными германцами [Седов, 1979, с. 71]. Сделана попытка определить на ряде пшеворских памятников отдельные комплексы, оставленные славянами, кельтами и германцами [Русанова, 1990, с. 119-150]. Лишь после ухода германцев с территории Польши здесь в V в. складывается более или менее однородная культура - пражская.

В особенностях культовых сооружений и обрядов населения на территории Польши могли найти отражение религиозные традиции различного населения, жившего здесь в своё время. Если удастся выделить различные культовые традиции, то это поможет в какой-то мере понять и состав населения, оставившего пшеворскую культуру. Для решения такой задачи необходимо рассмотреть археологически изученные культовые сооружения лужицкой, поморско-подклешевой и пшеворской культур, в целом синхронных рассмотренным выше памятникам кельтов и германцев.

Вышедшие сравнительно недавно специальные исследования о славянском язычестве почти не затрагивают археологических материалов и посвящены в основном теоретическим вопросам, уровню развития религии и мифоло-

гии славян по письменным и этнографическим данным [Bruckner, 1985; Gieysztor, 1986; Lowmiański, 1986]. Хорошо раскопанных культовых сооружений в Польше сравнительно мало, они не всегда полностью опубликованы, но многократно упоминаются в обобщающих работах археологов [Antoniewicz, 1958; Hensel, 1973; 1974; Neustupný, 1940; Szafranski, 1979; 1987; 1988; Urbańczyk, 1968, 1981]. В этих работах делается упор на язычество средневековых славян и большое внимание уделяется погребальному обряду, различным мелким находкам, амулетам, орнаментам. О конкретных сооружениях написано много статей, наиболее солидные работы, основанные на большом фактическом материале, изданы [Cofia-Broniewska, 1981; 1988; Węgrzynowicz, 1982].

3.1. Лужицкая культура

Лужицкая культура (XIII/XII - III вв. до н. э.) занимала территорию Польши, восточные области Германии (по Эльбе), северные районы Чехии, Моравии, Словакии и небольшую часть Западной Украины (Побужье). Лужицкая культура принадлежала к средневропейской общности полей погребальных урн эпохи бронзы [Седов, 1993, с. 20, 21], но продолжала существовать и в эпоху гальштата. Как часть полей погребальных урн, лужицкая культура относилась к древнеевропейской языковой общности, но испытывала влияния иллирийского, балтийского, кельтского, и ираноязычного населения. Со временем лужицкая культура распалась на ряд локальных групп.

Как у всех индоевропейских народов, верования лужицкого и поморско-подклешевского населения были связаны с обожествлением сил природы, солнца, луны, огня, воды, были развиты культы мёртвых и магические действия, направленные на развитие плодородия. Наиболее полные данные обо всех этих культах получены при изучении могильников [Gediga, 1976], отдельных предметов, знаков и рисунков на посуде. На сосудах распространены знаки в виде круга, колеса со спицами, свастики, косоугольного креста, что продолжает древние традиции, сложившиеся ещё в неолите [Malinowski, 1985, s. 145]. Известны фигурки человека с головой животного и с маской птицы, деревянные человеческие маски [Hensel, 1973, s. 238, 244]. В несколь-

ких местах найдены маленькие повозки, сделанные из дерева, глины или бронзы с помещённой на них фигуркой богини и птиц - солнечная колесница, связанная с хтоническими верованиями. Появились такие повозки ещё в эпоху неолита [Malinowski, 1985, s. 335]. Солнечные повозки, везущие в бессмертие, были широко известны в цивилизациях Древнего Востока [Boybel, 1972, s. 112-113; Garstecki, 1979, s. 164-168]. Особенно выразительны рисунки повозок с богинями, всадников, отдельных фигур, помещённых на поморских лицевых урнах [Hensel, 1973, s. 302; Łuka, 1973].

На лицевых урнах отражена вся религиозная доктрина поморцев: мировое древо жизни (с иголками, вечнозелёное), знаки солнца, бесконечности - спирали, сам сосуд с портретным изображением умершего мог рассматриваться как чрево матери, дающей возрождение и обновление жизни [Kwapiński, 1988, s. 114-131].

3.1.1. Жертвенные ямы

Специальные устройства для культовых действий встречаются на могильниках. Это места для сожжения покойников в виде каменных кругов, вымостоки из камней, плоских удлинённых ям [Hensel, 1973, s. 309]. На возвышении могильника Нагловице сделана прямоугольная каменная мостовая, покрытая слоем угля и со всех сторон окружённая трупосожжениями (рис. 81) [Malinowski, 1962, s. 57]. Среди погребений на могильниках бывают расположены небольшие огнища, ямы с углём (Кженцине), иногда лежат

большие камни (Партынице) [Malinowski, 1962, s. 68, 69], встречаются отдельные погребения целых скелетов животных (на могильнике в Глинянах было погребено шесть животных (крупный рогатый скот, овцы), обставленных кругом камнями и обсыпанных черепками). Такой обычай был распространён и в тшинецкой культуре эпохи бронзы - на могильнике Злота Сандомерская в яме лежали семь скелетов собак и сверху был положен череп свиньи [Wegrzynowicz, 1982, s. 31, 39].

Жертвенные ямы известны и на поселениях. В Витове в одной из ям находился череп лошади и кругом него черепки, в другой яме - череп оленя и рядом с ним очаг, выложенный черепками. В Крушвице в яму были помещены сожжённые кости животных и сосуды. В яме на селище Лонцки лежали два черепа мужчины и женщины, лишённые нижних челюстей, челюсть лошади и скелет собаки. Традиция жертвоприношений в ямах на поселениях существовала ещё в неолите, в тшинецкой культуре - на селище Злота Пинчовска в жертвенной яме находились скелеты семи овец [Wegrzynowicz, 1982, s. 30-34], на возвышении на краю поселения Бискупин-2а были вырыты три ямы со слоистым заполнением, в одной из которых на дне было скопление керамики, а выше лежал скелет собаки [Dąbrowski, 1957, s. 244-248]. Жертвы оставались и в самих домах под печью - в Стжельце кости человека и животных, под полом в Бискупине скелет пса, черепа скота и лошади

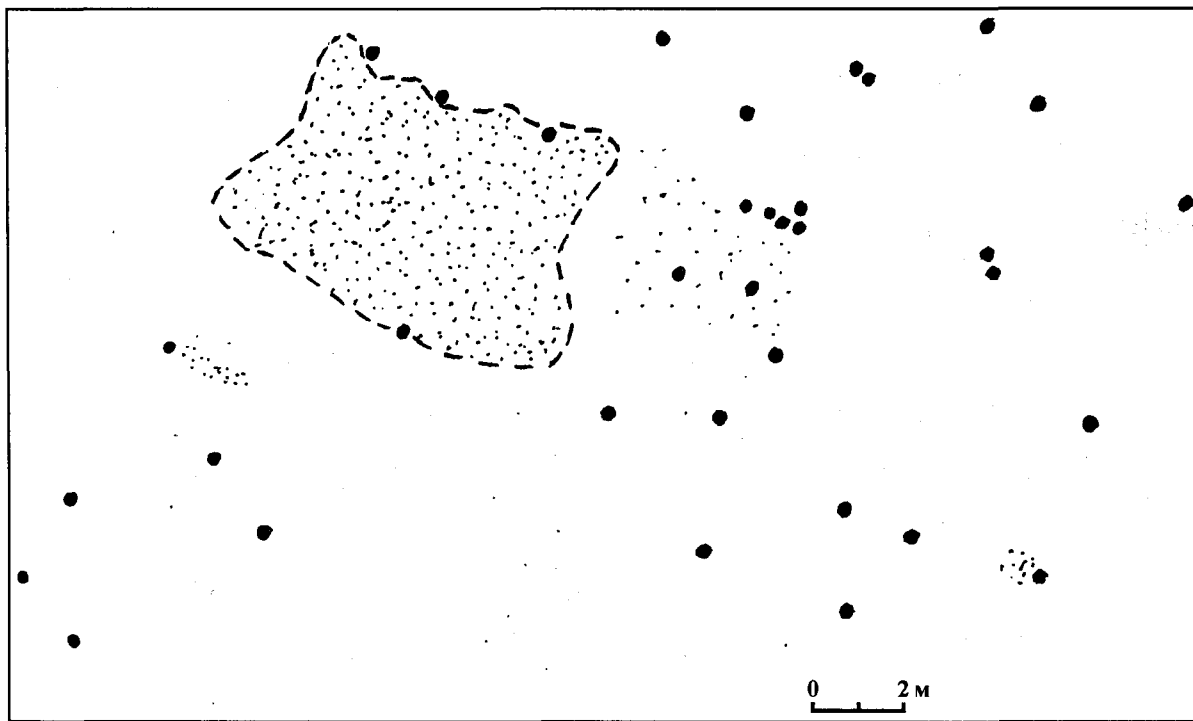

Рис. 81. Каменная вымостка на могильнике Нагловице.

[Dąbrowski, 1957, с. 137; Rajewski, 1972, s. 33]. Эти жертвы можно считать строительными и как выражение почитания огня и домашнего очага.

Жертвы в ямах позднее складывало население подклешевой культуры. Так, в Хацьках в яме глубиной 1,5 м, датирующей ранним латеном, лежали конские черепа и части скелетов крупного рогатого скота и овцы. Кости были разделены глиняной прослойкой и яма использовалась несколько раз. Такое многократное жертвоприношение в ямах встречалось и раньше, но особенно оно характерно для жертвенных ям позднейшего времени [Węgrzynowicz, 1982, s. 53; Szymański, 1973, s. 257].

3.1.2. Почитание воды

Вода и водные источники, конечно, чтится лужицким населением, иногда поселения были отделены от могильника рекой. Но жертвоприношений воде или болотам, как это повсеместно наблюдалось в Германии, в лужицкой культуре почти нет, за исключением одного случая.

В Бискупине-15а из земли бьёт родник и около него сделано углубление, которое заполнено несколькими слоями каменной вымостки (рис. 82), в самом низу под камнями и слоем ила лежали черепки и бронзовая булавка с лебединой шейкой гальштатского времени. Источник почитался очень долго - в латенское, римское время, в период средневековья, есть в нём находки XVIII в. [Rajewski, 1957, s. 235-243].

3.1.3. Городища и жертвенные колодцы

Ряд польских исследователей предполагает, что в лужицкое время произошла "революция" в верованиях — начался процесс персонификации и антропоморфизации богов [Szafranski, 1964, s. 477; Hensel, 1973, s. 238; Gediga, 1976, s. 139; Węgrzynowicz, 1982, s. 236-237]. Об этом судят только на основании рисунков на керамике и по мелкой пластике. Идолов - изображений богов, которым бы поклонялись и приносили жертвы, в это время не известно, нет и никаких культовых построек. Но произошло одно важное

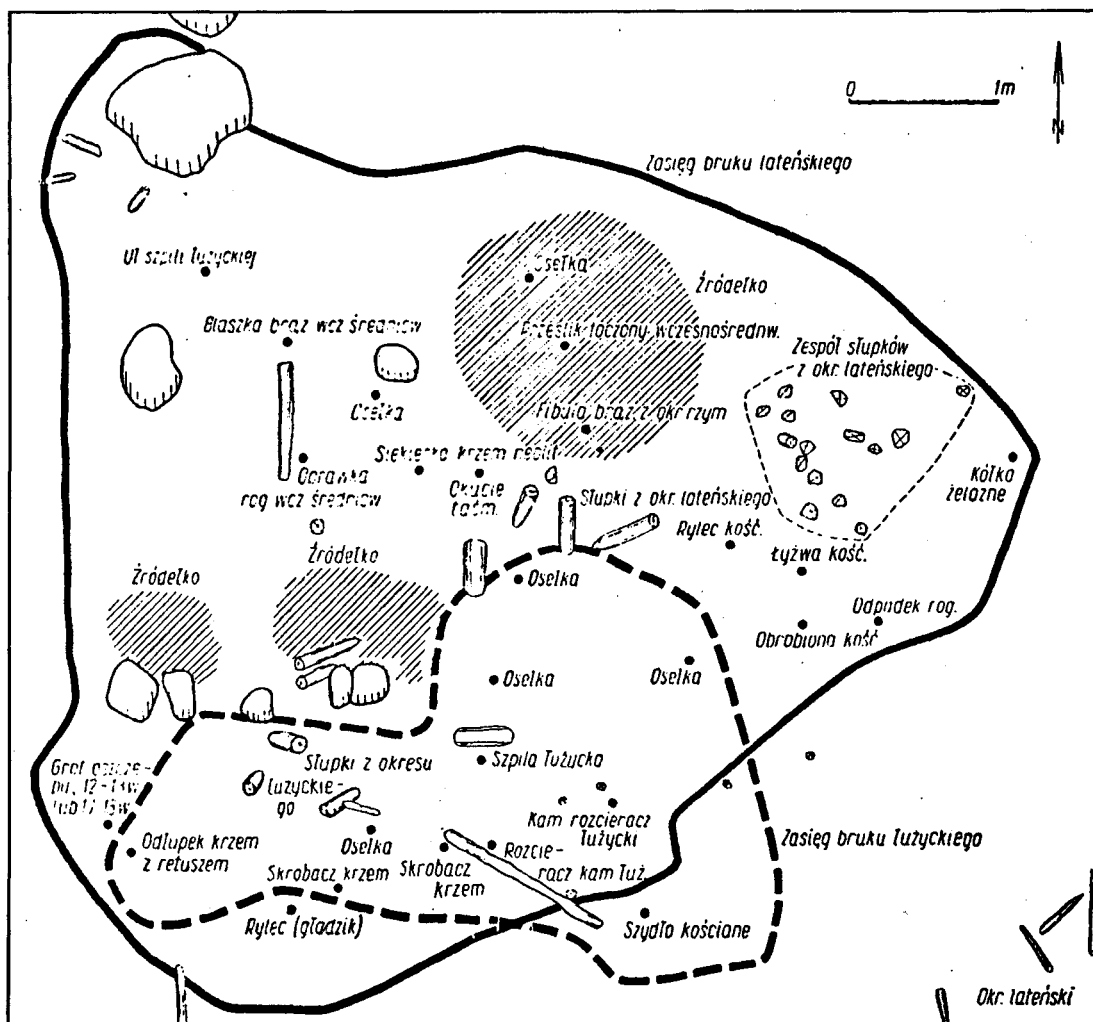

Рис. 82. Святой источник у Бискупина 15а. Граница в лужицкое (пунктир) и латенское (сплошная линия) время.

изменение - появились священные места для жертвоприношений, обособленные от поселений, то есть началось отделение сакрального от мирского. Такими священными местами стали некоторые городища.

Городища в лужицкой культуре появились в конце эпохи бронзы и, главным образом, в начале железного века, то есть, не на самом раннем этапе культуры, и концентрируется их масса в средней и западной частях Польши и в Германии. В южных предгорных районах городища располагались на высоких холмах, севернее - на возвышенностях среди долин около рек и озер, они имели округлую форму или повторяли конфигурацию холма, спускаясь и на его склоны. Среди городищ выделяются жилые (самое знаменитое в Бискупине), убежища и сакральные. Возможно, на всех городищах совершались какие-то культовые действия. Так, в Бискупине среди 11 параллельных улиц, застроенных жилыми домами, выделяется большая площадь, вымощенная деревом и предназначенная для общих собраний, а на ней стояла небольшая постройка, может быть, связанная с культом [Rajewski, 1972, s. 16, 17]. На этом же городище было найдено деревянное корыто со специальными приспособлениями для укрепления его на ножках, считается, что это был жертвенник [Hensel, 1973, s. 244]. На некоторых городищах (Янково, Вишино) дома были расположены вдоль оборонительной линии, оставляя в центре большую пустую площадь, где иногда находился колодец [Hensel, 1973, с. 222-223]. Такие городища могли служить убежищами. Убежища же обычно выполняли культовую роль, заменяя собой святилища [Русанова, 1992, с. 59]. Оборонительные валы городищ имели разную конструкцию - чаще всего это был часток или плетень, к которому присыпалась земля, или ставились деревянные срубы, забитые землёй, но встречаются валы, сложенные из рваного камня без связующего материала. Хотя на всех этих городищах и могли выполняться какие-то культовые действия, сами они имели другое назначение.

Но известно несколько городищ, выполнявших только сакральные функции и отдалённые от жилой застройки. Одно из таких городищ расположено на высоком мысу левого берега Одера у Лосова. Исследования здесь велись ещё в 1909 г., 1920-х гг. и в 1968 г. Городище со всех сторон окружено валом высотой 5 м, с деревянными срубами внутри, забитыми землёй и камнями. На поверхности довольно большой

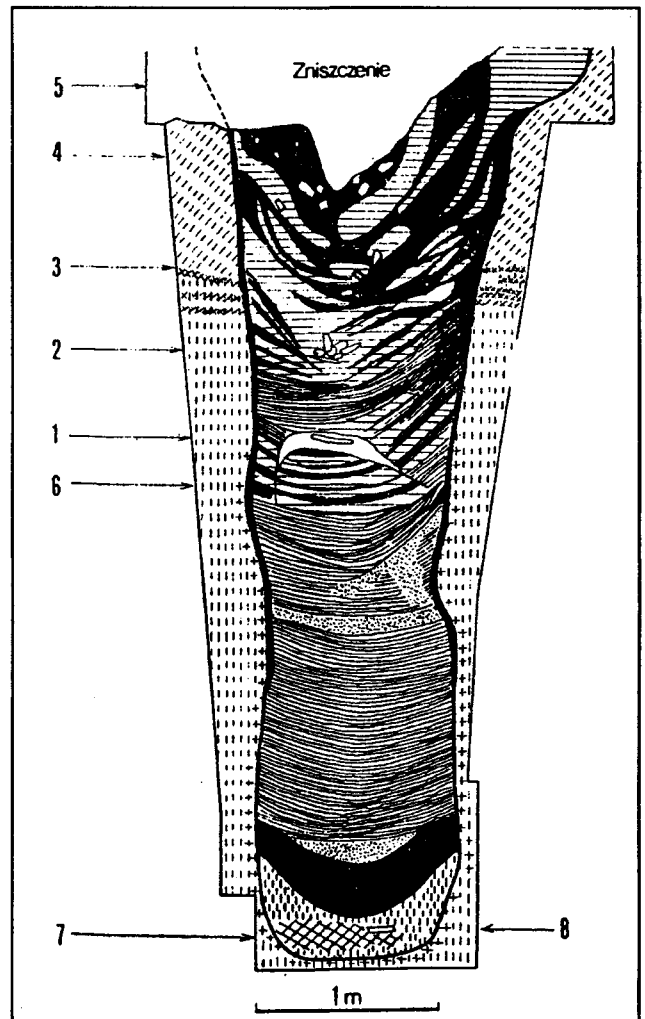

Рис. 83. Культовый колодец на городище Лосов. Слои с костями (1-5), керамика (6), скелет (7), дно сосуда (8).

овальной площадки городища (40 000 м²) видно до 60 конусовидных углублений. При раскопке трёх из них обнаружены глубокие жертвенные колодцы (шахты). В южной части площадки таких углублений нет, и она была совсем свободной (для собраний). В одном из колодцев (глубина его 5 м, диаметры: сверху 2 м, внизу 1,1 м) (рис. 83) на дне лежал скелет связанного человека, брошенный лицом вниз. Он был засыпан слоем углистой земли и чистой глиной. Примерно на середине глубины колодца лежал сосуд, и выше заполнение состояло из слоев песка, глины, угля и между ними выделялось пять прослоек с костями людей и животных. Во втором колодце на разной глубине были набросаны разрозненные кости пяти человек и животных, в основном черепа и кости конечностей, иногда обожжённые. В третьем колодце находился целый скелет оленя. Среди костей животных в колодцах преобладает крупный рогатый скот, лошади, овцы, совсем мало свиней, есть

бобёр и олень. Из вещей был найден только пластинчатый бронзовый браслет, обломки лужицкой посуды. По данным радиоуглеродного анализа (C_{14}) колодцы датируются VII и X вв. до н. э. [Geisler, 1969, s. 132-140; 1978, s. 307-311; Coblenz, 1978, s. 308].

Второе городище Гзин находится на моренной каменистой возвышенности среди лесов. Городище окружено валом сложной конструкции: на каменном основании установлены деревянные ящики, забитые землёй и камнями, снаружи вал защищён горизонтально лежащими брёвнами, обмазанными глиной, с внутренней стороны - плетнем. Площадка городища четырехугольной формы, с закругленными углами (180x112 м), в средней части не застроена, углубленное в землю жилище обнаружено около вала. На площадке открыто 82 ямы, часть из которых имеет малые размеры и глубину (около 50 см) и заполнена костями животных. Но 24 ямы имели вид глубоких колодцев (до 3,5 м) и слоистое заполнение, включающее кости животных и людей. В яме № 1 (диаметр 1,6 м, глубина

2 м) сверху лежали перемешанные кости скелета человека и череп быка, на глубине 1,4 м также смешанные кости скелета девочки 14 лет (рис. 84), кости животных, железная гривна и пряслице, на дне много обломков посуды. Остальные из 24 ям имели приблизительно такие же размеры и заполнение (яма № 64 - глубина 3,5 м, ширина сверху 2,4 м и вниз сужается до 1 м). Среди костей и человека, и животных встречаются, главным образом, черепа и черепные крышки, длинные кости конечностей. В отдельных ямах лежали кости разных людей (например, в пяти ямах кости принадлежали 13 скелетам), преобладали останки женщин и детей, и лишь в одной яме находились кости мужчины. Кости животных принадлежали, прежде всего, крупному рогатому скоту, затем овце, лошади и свинье. В основном ямы с человеческими костями относятся к периоду раннего латена, лишь одна из них может датироваться гальштатом (Д). Кругом городища расположены синхронные поселения и могильник с трупосожжением [Chudziakowa, 1972a, s. 15-22; 1972b, s. 286-290; 1975, s. 291-295].

Подобный колодец раскопан на городище Лебус на Одере. Его глубина 5 м, ширина уменьшается от 2 м сверху до 1 м внизу. Колодец заполнен костями многих людей, преимущественно встречаются черепа взрослых и скелеты детей. Все это забросано большими камнями. По обломкам лужицкой посуды яма датируется ранним железным веком [Unverzagt, 1958, s. 121].

Жертвенные ямы-колодцы на лужицких городищах полностью соответствуют священным колодцам кельтов, хотя последние иногда достигают глубины 20,35 м. И лужицкие, и кельтские колодцы использовались многократно долгое время, в их слоистом заполнении содержатся расчленённые тела людей и животных, черепа и кости ног, жертвы забрасывались чистой глиной и камнями. Колодцы кельтов появились в гальштате, но особенно широко были известны уже в позднем латене и раннем римском периоде, то есть позднее, чем лужицкие. Но в предальпийских областях ещё с эпохи бронзы были распространены жертвоприношения собственнотакже состава, брошенные в расщелины между скалами, выполнявшие такую же функцию отверстия в земле для связи с подземным миром. По-видимому, с юга идея священных колодцев проникла и на лужицкую территорию, при этом на более южных городищах на Одере колодцы появились раньше, в гальштате, чем на севере в Гзине, расположенном на Ку-

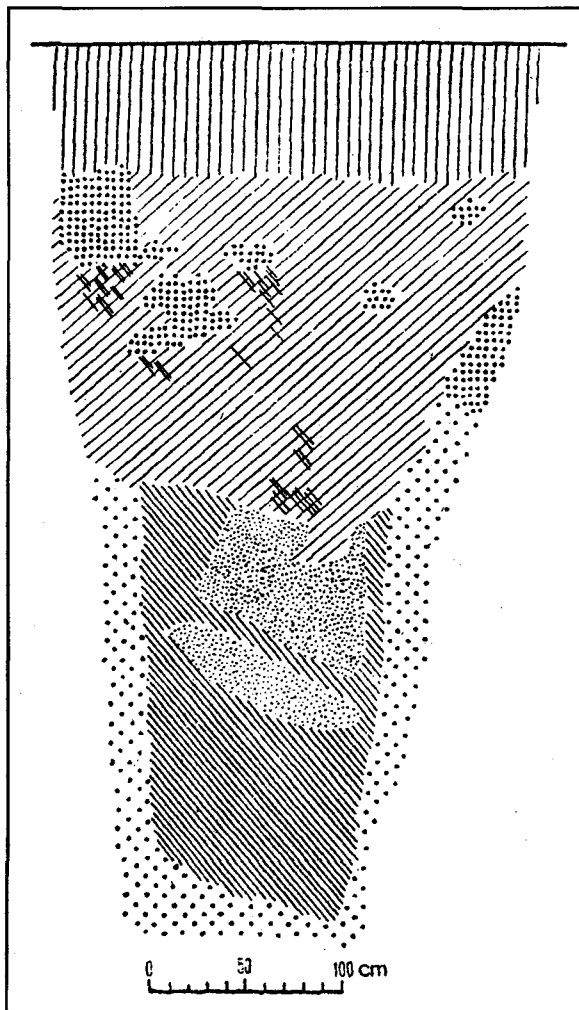

Рис. 84. Культовый колодец на городище Гзин.

явах, в северной части Великой Польши.

Особенностью лужицких городищ является скопление вместе большого количества жертвенных колодцев. По-видимому, их вырывали по мере заполнения старых, во время каких-то праздников или в экстраординарных случаях. На городищах нет никаких других культовых сооружений, нет идолов или хотя бы места, где они могли бы стоять. Вряд ли правомерно считать эти лужицкие городища святилищами, тем более предполагать на них руководящую роль жрецов [Węgrzynowicz, 1982, s. 238]. На городищах собственно находился центр для жертвоприношений целой округи, ведать им могли старейшины, вожди, главы семей. Сами же городища вполне могли выполнять роль убежищ в случае опасности. В принципе это были первые на территории Польши сооружения, построенные специально для культовых целей.

В польской литературе распространено представление о каннибализме у лужицких племён. Оно основано на частых находках разрозненных костей человека вместе с костями животных, как бы предназначенных для еды [Malinowski, 1961, s. 108; 1985, s. 149; Hensel, 1973, s. 245]. Подтверждением этого мнения считаются материалы городища Гзин, где на костях видны удары острым предметом или следы очищения мяса [Chudziakowa, 1975, s. 291-292]. И. Худзякова перечисляет случаи находок человеческих костей в ямах лужицких поселений и считает, что они связаны не с религиозной практикой, а с ритуальной едой, как у многих народов мира, и просто с лакомством. При ритуальных жертвах, по её мнению, должны были использоваться целые трупы [Chudziakowa, 1975, с. 295]. Кажется, что для утверждения о людоедстве у лужичан нет никаких оснований. Обычай расчленения жертв имел магическое значение у разных народов вплоть до средневековья, разбиение, разделение на части и разбрасывание имело смысл возрождения жизни, плодородия, как при убийстве и расчленении Осириса, так и при ломании и разбиении вещей и посуды. Культ отсечённой головы, вера, что в ней заключены таинственные силы, известны почти всем народам мира. На лужицких могильниках часто встречаются погребения отдельных черепов или сожжения трупа без головы, иногда череп умершего положен между ног [Łuczak, 1979, s. 172-176]. В обряде погребения и почитания отдельных костей и черепов скрыт гораздо больший смысл, чем просто поедание жертв.

3.1.4. Городища-святилища с каменными валами

Самым известным и таинственным городищем в Польше остаётся памятник на горе Шлёнжа (Сьлёнжа) (рис. 85), занимающий самую высокую вершину Силезской возвышенности. Городище особенно знаменито благодаря каменным скульптурам, стоящим у подножия, по северному склону и на вершине горы - изображения кабана, медведя, фигуры с рыбой, монаха, "сфинкса", гриба, кегли, на многих из фигур и на скалах прочерчены косые кресты в виде "X". О принадлежности этих скульптур давно ведётся дискуссия - древние ли они, германские, славянские или кельтские, или принадлежали построенному в XII в. на горе романскому костелу, или в XIII в. монастырю. Наиболее убедительны сопоставления части этих изображений с кельтской скульптурой, аналогии многим изображениям есть в искусстве кельтского мира. У германцев и славян не известно таких объемных и выразительных изображений [Rosen-Przeworska, 1964, s. 189-212; Woźniak, 1970, s. 65-71]. Наверху горы у входа на городище найдены обломки кельтской посуды, но здесь же есть и раннеславянская, и лужицкая керамика.

Вершина горы окружена каменным валом - "кругом каменным", второй вал проходит по склону, но есть ещё дополнительные отрезки и ответвления валов. Все валы сделаны из камня, но имеют неодинаковую конструкцию - из небрежно набросанных больших и малых камней без связующего материала или сделана более правильная кладка в виде стен (рис. 88), вероятно, её можно сопоставлять со строительством монастыря. Несмотря на то, что раскопки на городище велись, хотя и с перерывами, начиная с 1903 г. и до 60-х гг., до сих пор не выяснен план городища, расположение разновременных валов и нет соответствующих публикаций, хотя написано о Шленже очень много [Holubowicz H. i M., 1949, s. 119-147; Cehak-Holubowiczowa, 1955, s. 1-19; 1957, s. 149-157; 1959, s. 51-97; 1968, s. 69-73; 1979, s. 7-34; Rosen-Przeworska, 1964, s. 174-208]. Выяснено, что некоторые участки вала на вершине насыпаны на тонком слое с лужицкой керамикой (рис. 86, 87), что часто применялось для освящения места, как строительная жертва. Среди найденной керамики 66,5 % приходится на гальштатское время. Вероятно, городище возникло в конце периода гальштата - в начале латена.

На площадке городища нет культурного слоя и не выявлено никаких построек. Жить

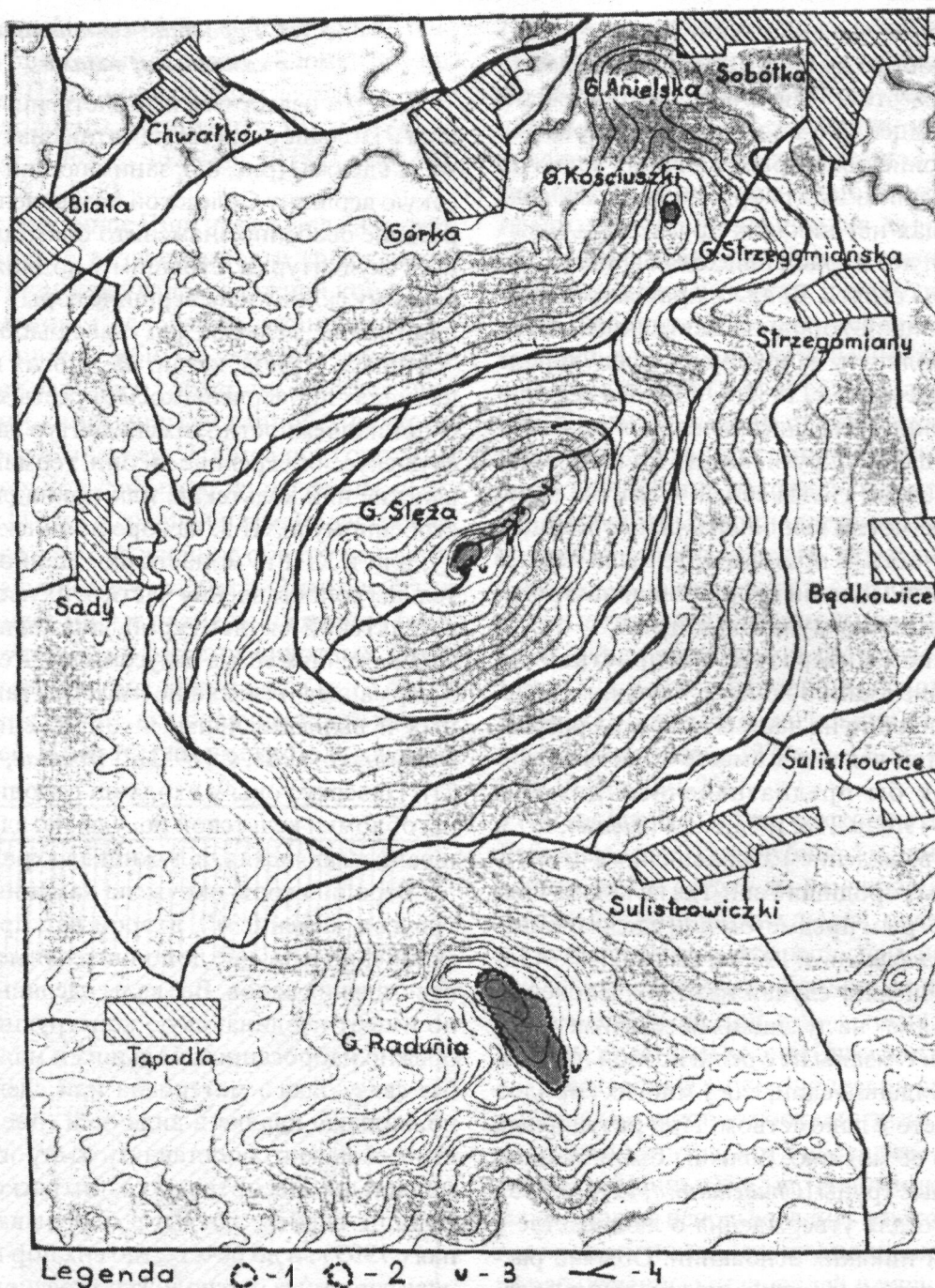

Рис. 85. План Шлёнского массива с обозначением древних каменных конструкций на горах Шлёнге, Радуне и Косцюшке (X-XII в.).
1-2 - каменные конструкции; 3 - источники; 4 - обычные дороги.

здесь было невозможно из-за каменистой почвы, неровной поверхности, выступающих скал, отсутствия воды. По сообщению Титмара Мерзебургского в начале XI в., гора Шлёнга пользовалась у жителей особым почётом из-за своей величины и назначения, на ней, "отправляли проклятые поганские обряды" [Leciejewicz, 1987, s. 125]. В это же время вал в некоторых местах был подправлен и обожжён, на нём оставлена славянская керамика и вещи X - XI вв. Такое использование валов святилищ для дополнительного ограждения от злых

сил и принесения здесь же жертв является одним из признаков славянских городищ-святилищ. При кельтах, проникших в Силезию в III в. до н. э., на Шлёнге тоже было святилище, о чем свидетельствуют многочисленные кельтские скульптуры. Они все теперь перенесены со своих первоначальных мест и выяснить планировку кельтского святилища невозможно. Кельты воспользовались лужицкими валами для своих целей. Сами кельты применяли другие приемы при постройке валов - правильную каменную кладку на деревянных опорах

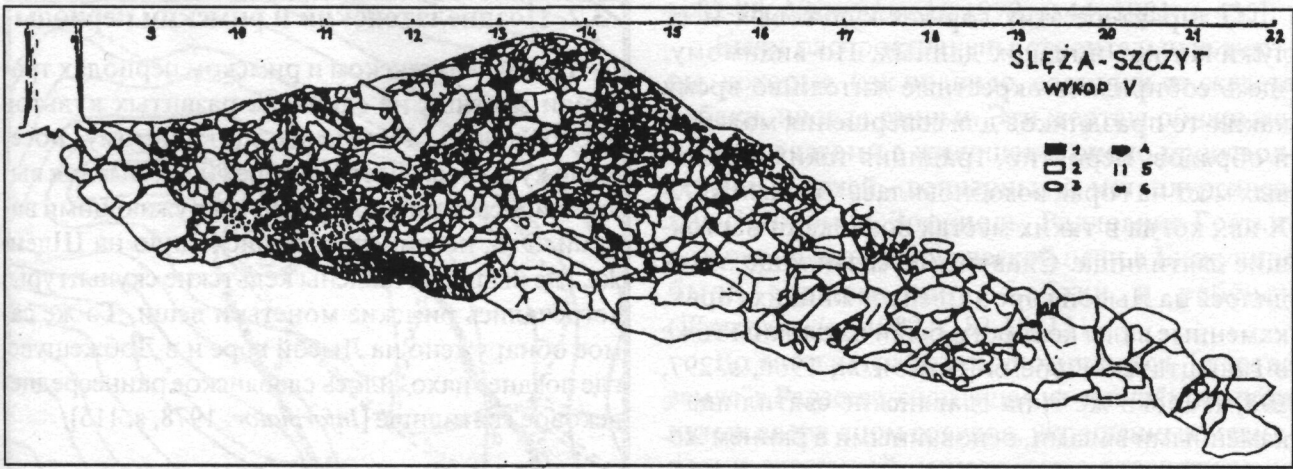

Рис. 86. Каменные валы на вершине Шленжи.

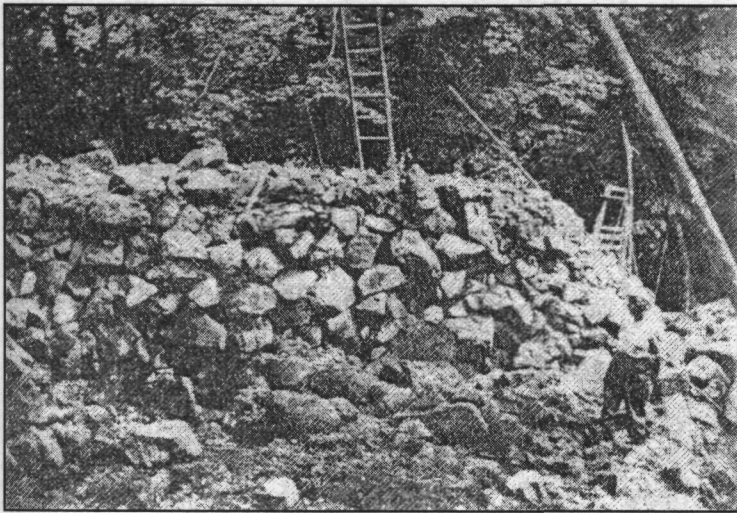

Рис. 87. Каменные валы на вершине Шленжи.

разрывы между отдельными участками делали невозможным их использование для обороны. Они имели чисто символическое значение и были построены в культовых целях как ограда вершины горы.

Рядом со Шлэнжей на горах находятся ещё два подобных городища - Радуня и гора Костюшко (рис. 90). На их вершинах расположены такие же "каменные круги", как их называют польские исследователи, небрежно сложенные из необработанных камней разной величины. В подножии вала также есть лужицкая посуда. На городищах найдена лужицкая и немного латенской керамики и круги из камня с

(рис. 89) [Dechelette, 1914, s. 988-992]. Вероятнее всего, и во времена лужицкой культуры на горе находилось святилище, и она служила культовым центром для окрестных жителей. Построенные лужичанами низкие каменные валы (высотой 0,5-1,0 м), расположение их по склонам,

отверстием - изображение колёс - принадлежат священной повозки. Городища не имели оборонительного значения (высота их валов 40-60 см) и, вероятно, тоже служили культовыми местами лужичан [Cehak-Holubowiczowa, 1957, s. 151; 1959, s. 51-80].

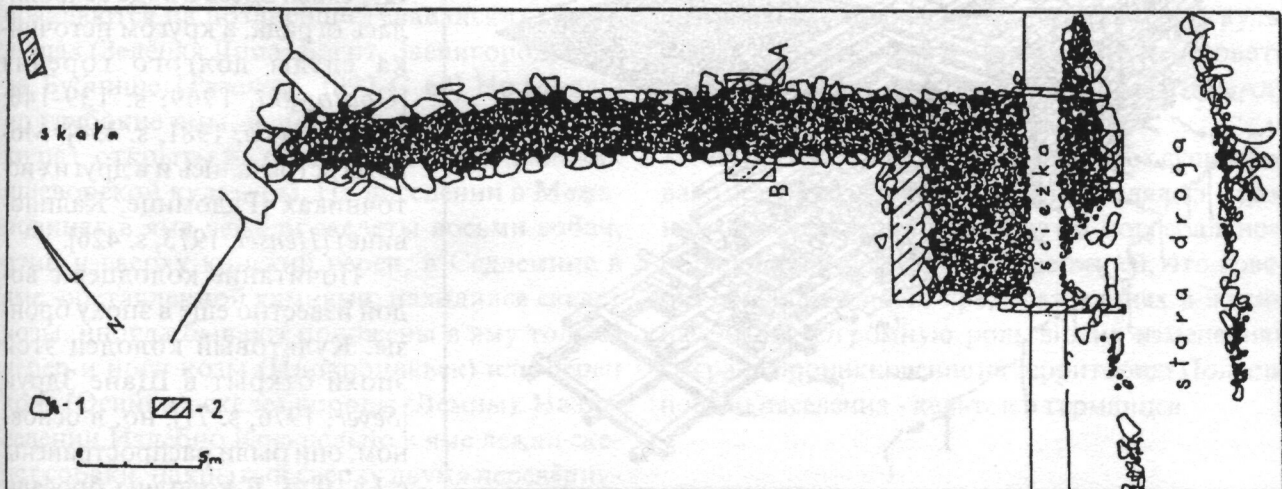

Рис. 88. Вал на склоне Шленжи.

О характере этих горных культовых мест лужичан нет никаких данных. По-видимому, здесь собирались окрестные жители во время каких-то праздников для совершения молений и обрядов. Вероятно, традиция таких культовых мест на горах возобновилась у славян в IX-X вв., когда в таких местах возникали настоящие святилища. Славянское святилище находилось на Лысой горе в Свентокжицких горах, каменные валы которого были насыпаны тоже в гальштатское время [Gassowski, 1960, s. 297, 298]. Такого же типа славянские святилища с каменными валами, основанными в раннем железном веке, расположены на каменистых холмах в Медоборах на р. Збруч.

3.2. Позднелатенский и римский периоды

В позднелатенском и римском периодах традиции местных не слишком развитых культов продолжались. Население, по-видимому, посещало культовые места на горах, которые так выделялись своими размерами и окружающими валами. Это, несомненно, происходило на Шлёнже, где были поставлены кельтские скульптуры, встречались римские монеты и вещи. То же самое обнаружено на Лысой горе и в Добжешуве, где позднее находилось славянское раннесредневековое святилище [Informator, 1978, s. 115].

3.2.1. Почитание воды и колодезев. Жертвенные ямы.

Почитание воды в одних и тех же источниках продолжалось иногда в течение тысячелетий.

В углублении около родника в Бискупине-15а, на дне которого лежали черепки ещё лужицкой культуры, в позднелатенском и римском периодах были выложены последовательно две каменные вымостки и устроен сток для воды, а в XVII-XVIII вв. источник был обставлен большими камнями. Здесь были найдены обломки посуды позднелатенского, римского, раннесредневекового периодов, XVII-XVIII вв., а также фибула с подвязанной ножкой III-IV вв., бронзовая бляшка, пряслице, оселки, копье XII-XIII вв. [Rajewski, 1957, s. 235-242]. Тысячи кельтских и римских монет I в. до н. э. - IV в. н. э. найдены в источнике у Новой Цереквы. Здесь в воде сохранилась ограда, а кругом источника следы долгого горения [Godlowski, 1969, s. 139-140; Niewęłowski, 1981, s. 434]. Монеты встречались и в других источниках (Радомице, Калиновеце) [Hensel, 1973, s. 426].

Почитание колодезев с водой известно ещё в эпоху бронзы. Культовый колодец этой эпохи открыт в Шане Здруй [Seyer, 1976, s. 71], но, в основном, они были распространены с I в. н. э. В колодцы бросали отдельные предметы (пряслица,

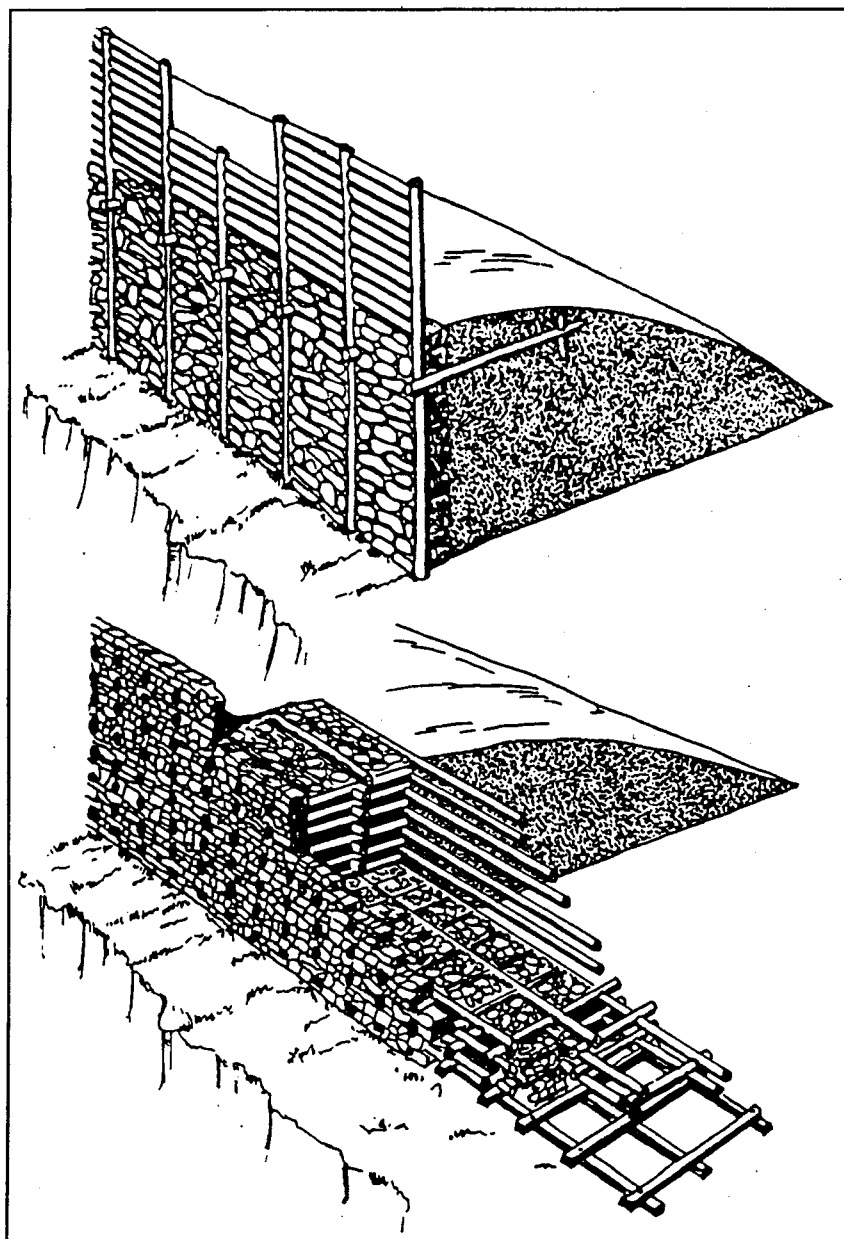

Рис. 89. Конструкция кельтского каменного вала.

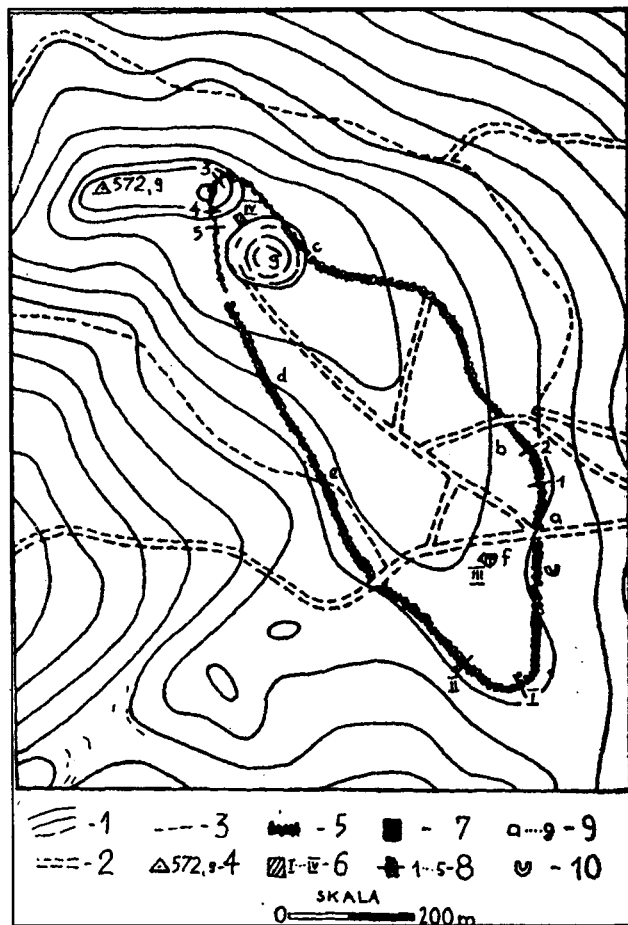

Рис. 90. План каменных валов на горе Радуня.

оселки), керамику, кости животных и человека [Węgrzynowicz, 1982, s. 145]. Обломки посуды, оселки, череп свиньи лежали в колодце на поселении Вулька Лясецкая, имевшем глубину 190 см и укрепленном деревянным срубом [Bender, 1980, s. 349]. Позднее колодцам поклонялись славяне, и почитают их до сих пор.

Глубоких жертвенных колодцев-шахт, как на лужицких городищах и в кельтских святилищах, на рубеже и в первых веках н. э. на территории Польши не известно, хотя они опять появляются на позднейших славянских святилищах (Зелёная Липа, Богит, Звенигород, Говда, Бубнище) [Русанова, 1992, С. 60]. Но довольно глубокие ямы, использовавшиеся несколько раз, открыты на поселениях и могильниках пшеворской культуры. На поселении в Межановицах в яме лежали скелеты восьми собак, птиц и сверху конский череп, в Седлемине в яме, обставленной камнями, находился скелет козы, иногда бывают положены в яму только череп и ноги козы (Иновроцлавек) или череп коня (Осинки), скелет коровы (Лемны). На поселении Издебно Косьцельно в яме лежал скелет собаки, накрытый сверху двумя перевернутыми вверх дном сосудами [Węgrzynowicz, 1982,

s. 82-88; Niewęłowski, 1979, s. 44; 1981, s. 435].

Были распространены строительные жертвы, которые, как правило, состояли из скелета собаки, иногда свиньи. Эти жертвы обнаружены под очагами в жилищах и около производственных печей - гончарных и металлургических (Иголомия, Зофиполь, Радловице-Гостково), около металлургической печи в Бискупине были зарыты конь, собаки и ребёнок [Węgrzynowicz, 1982, s. 83-85, 151].

Во многих работах упоминается "жертва земле" в Радзееве, состоящая из четырёх перевернутых вверх дном сосудов, украшенных меандром и свастикой, некоторые с отверстием на тулове. Они найдены вдалеке от поселений и могильников и считается, что в них находилась пища для Матери-Земли [Gabałówna, 1962, s. 233-238; Niewęłowski, 1978, s. 266; 1981, s. 435].

* * *

Все отмеченные на пшеворских памятниках культы (поклонение огню, воде, колодцам), маловыразительные культовые сооружения (жертвенные ямы на поселениях и могильниках, строительные жертвы), хотя и были свойственны носителям лужицкой культуры, но столь же характерны для многих других культур и не могут свидетельствовать о непосредственных генетических связях населения двух эпох - периодов гальштата и раннего латена, и периодов позднего латена и римского. Тем более, что культовые сооружения промежуточного периода поморско-подклешевой культуры почти совсем неизвестны. Можно предположить только, что долгое время сохранялись воспоминания о древних культовых местах на горах и в источниках, продолжалось почтительное отношение к ним. Религиозные представления лужицкого и пшеворского населения слабо представлены в культовых сооружениях и можно констатировать только тот факт, что они были близки и между ними не было противоречий.

В материальной культуре этих эпох существовало резкое различие, которое проявлялось в разном домостроительстве, другом погребальном обряде, иной посуде и наборе вещей, что говорит о существенных преобразованиях в жизни населения. Огромную роль в этих изменениях сыграло проникновение на территорию Польши нового населения - кельтов и германцев.

3.3. Влияние кельтов

Проникновение кельтов началось в III-II вв. до н. э., что привело к появлению ремесленных гончарных и металлургических центров, распространению ингумации, сопровождению погребений большим набором предметов, в том числе оружия, согнутого или вбитого в землю, своеобразных украшений - фибул, браслетов, гривен, изменению форм и технологии выработки сосудов. По мнению Я. Розен-Пшеворской, "традиции кельтов в обряде и мифологии живут до сих пор, их так много, что нельзя сравнивать с другими влияниями, особенно германскими" [Rosen-Przeworska, 1964, s. 55].

Из всех мест на территории Польши, где расселились кельты, - в Силезии, Малой Польше, только на Куявах между Вислой и Вартой на реке Нотец обнаружены культовые сооружения. Через Куявы, густо заселённые в пшеворское время, проходил знаменитый янтарный путь, здесь появились кельтские производственные центры, распространился кельтский погребальный обряд, на многих могильниках обнаружены тру-

поположения, часто скорченные (Адольфин, Будзаново, Гледзянувек, Суходул). Иногда они располагаются рядом с местными подклешевыми могильниками, происходит смешение разного населения и создание новой пшеворской культуры [Русанова, 1990, с. 125-128]. А. Цофта-Броневска выделяет на Куявах особую группу пшеворской культуры "крушанскую" (рис. 91), в которой наблюдается приток кельтского населения, его инфильтрация в местную среду [Cofta-Broniewska, 1976, s. 113]. Культовые сооружения на этой территории открыты благодаря целенаправленным поискам и раскопкам этой исследовательницы 1972-1983 гг. В местных культовых сооружениях она выделяет автохтонные черты и внешнее влияние, в основном кельтское [Cofta-Broniewska, 1979, s. 173]. Самым главным событием, происшедшим в это время, Цофта-Броневска считает появление постоянных святилищ, предназначенных для публичных молений [Cofta-Broniewska, 1986, s. 26-28]. Культовые сооружения были открыты в 12 пунктах, самые крупные из них находились в центре густо заселённых участков (рис. 92, 93).

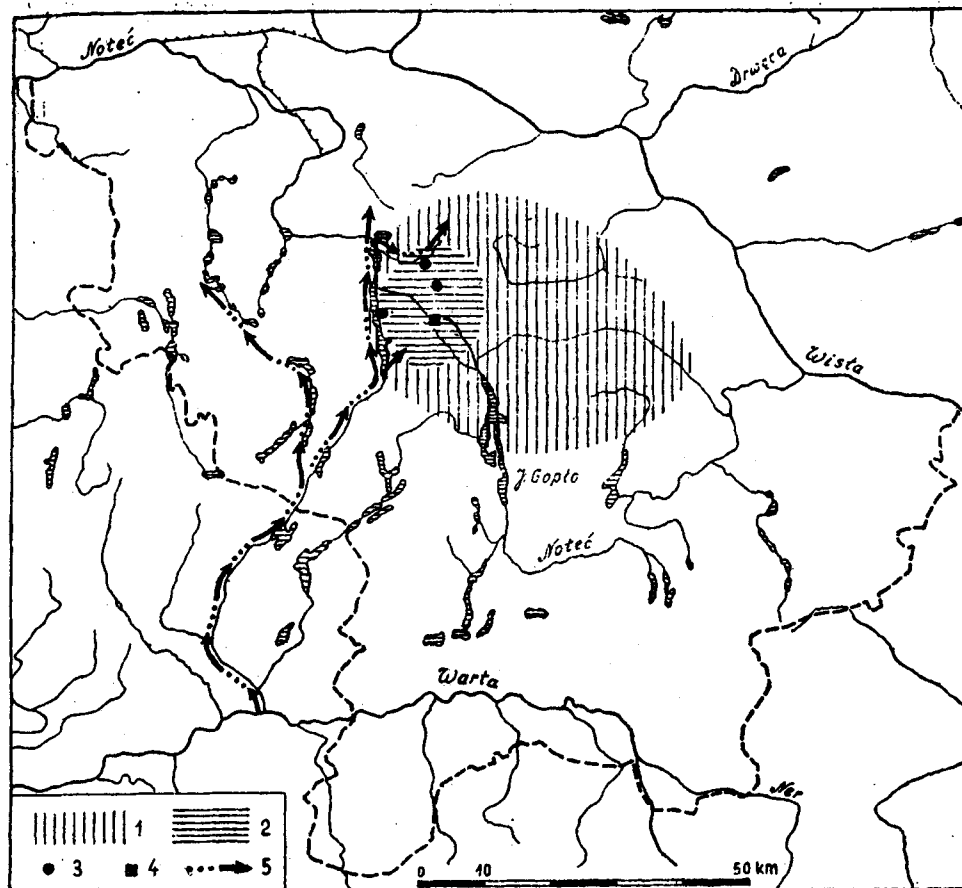

Рис. 91. Распространение кельтов на Куявы, "крушанская группа"
 1 - максимальное распространение; 2 - "центр кристаллизации"; 3 - наиболее
 распознанные комплексы поселений в пределах "центра кристаллизации";
 4 - Круша Замкова; 5 - пути инфильтрации кельтов на Куявы.

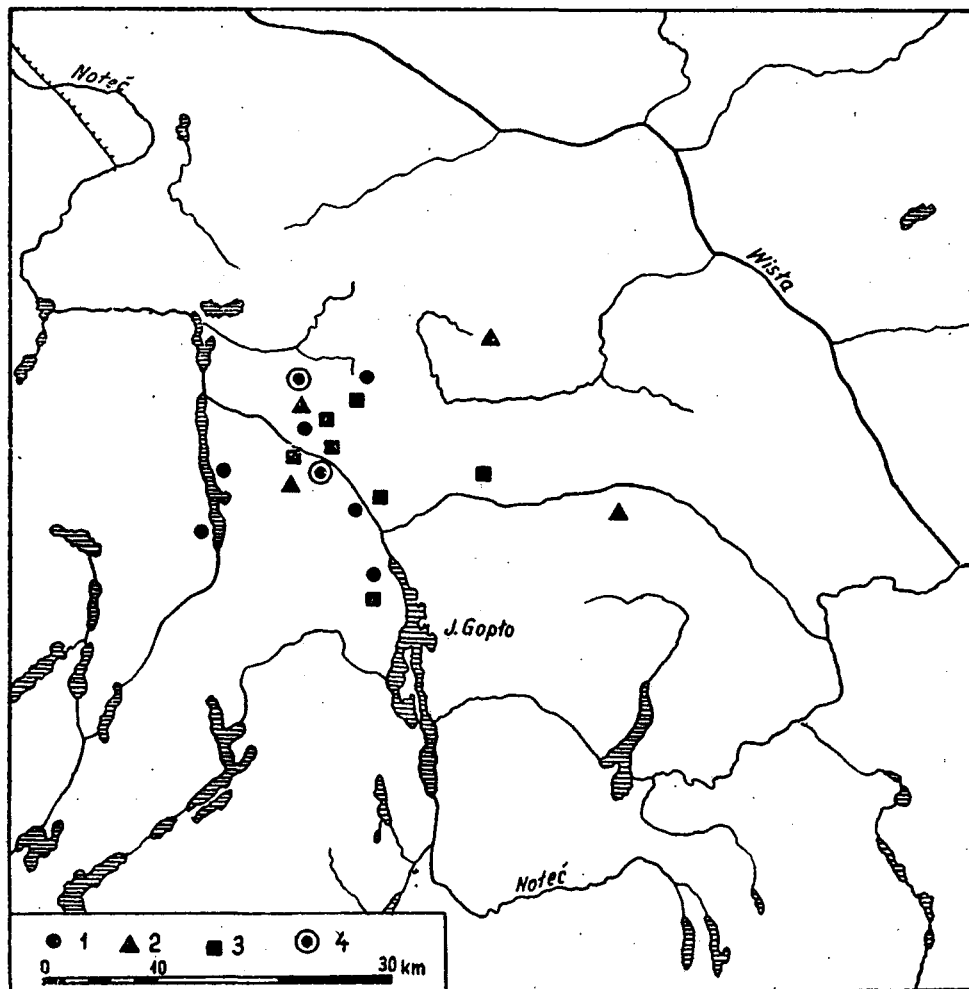

Рис. 92. Распространение культовых сооружений населения пшеворской культуры на Куявах. Святилища: 1 - на поселениях; 2 - связанные с могильниками; 3 - домашние; 4 - многофазные.

А. Цофта-Броневска подразделяет открытые ею культовые сооружения на три вида: расположенные на поселениях, на могильниках и изолированное [Cofa-Broniewska, 1976, s. 122]. Но их можно рассматривать и по другим категориям: жертвенные площадки, святилища под открытым небом, длинные общественные дома и храмы (во всяком случае, закрытые помещения для культовых действий). Иногда разные сооружения встречаются вместе и образуют целые комплексы, ограниченные прямоугольными оградями. Характер отдельных памятников мог меняться со временем.

На свободной площади среди домов на поселении Круша Замковая-3 культовые сооружения существовали с I в. до н. э. до середины I в. н. э. и за это время были перестроены. В раннее время здесь находилась жертвенная площадка, ограниченная прямоугольником из камней 25x28 м. Внутри ограды тоже из камней выложен жертвенник - круг диаметром 6 м (рис. 94), на котором лежали керамика, кости

и череп человека. Среди камней окружающей ограды были положены четыре собаки, скопления костей свиньи и овцы. К югу за пределами ограды разбросаны отдельные кости 20 человек, главным образом, детей [Cofa-Broniewska, 1979, s. 200-203]. Здесь на открытом месте, видимом со всех сторон и только символически отделённом от домов поселения, приносились жертвы животных и разбрасывались человеческие кости.

3.3.1. Молельни

Позднее характер этого места несколько изменился - каменное ограждение увеличено до 28x40 м, внутри поставлена столбовая постройка 2x2,5 м, пол которой покрыт глиной (рис. 95), покрашен белой светящейся краской и на нём прочерчен круг, как это бывало в кельтских храмах [Makiewicz, 1976]. А. Цофта-Броневска называет эту постройку капличкой (рис. 96а). Это маленькое сооружение несомненно было культовым и открытым только для избранных. Ря-

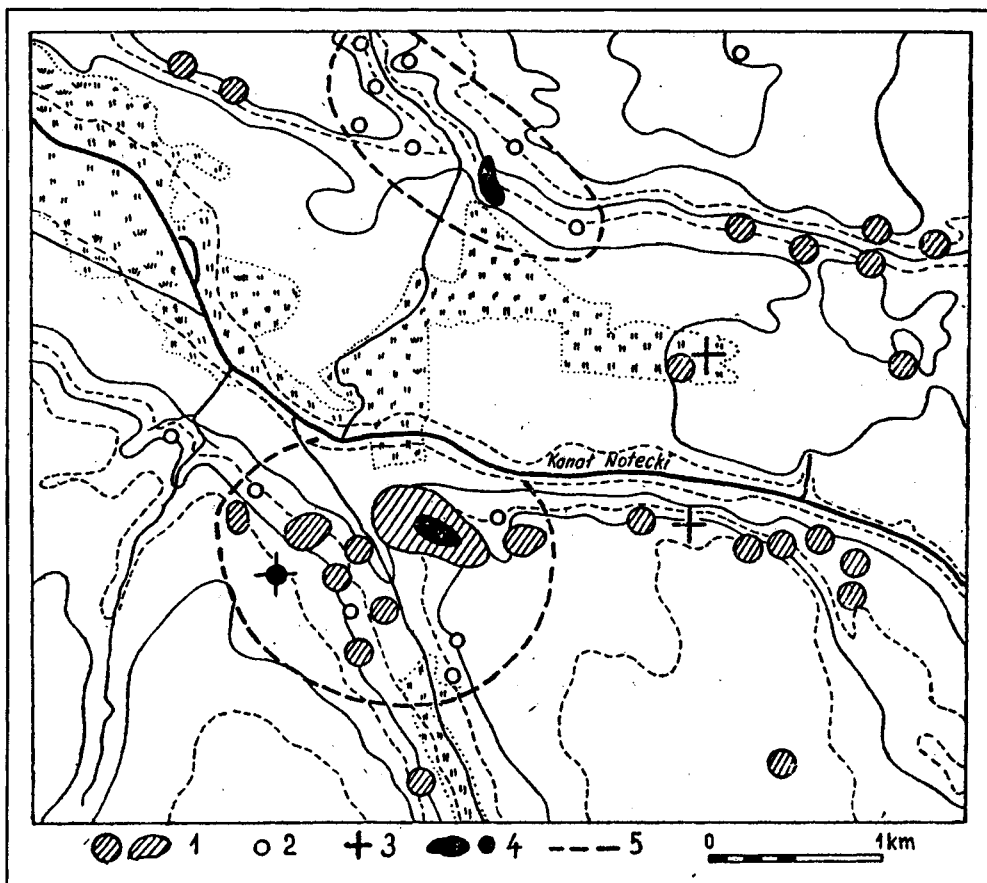

Рис. 93. Скопление поселений и культовые центры агломерации Круши Замковой:
 1 - поселения; 2 - поселенческие пункты со следами хозяйствования;
 3 - могильники; 4 - места культовых практик; 5 - граница комплексов заселения.

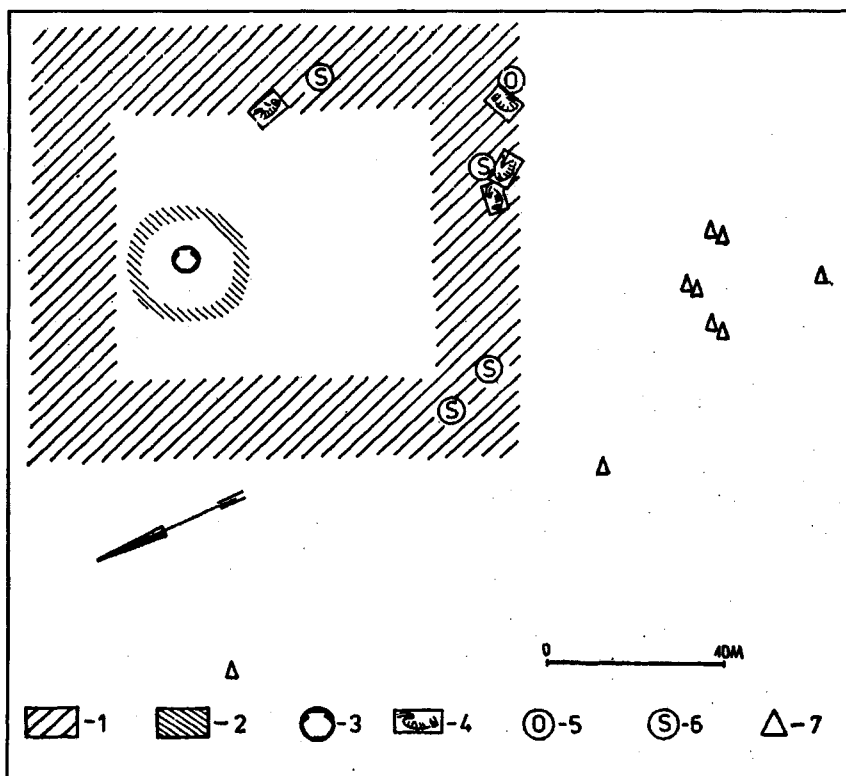

Рис. 94. Комплекс с храмом в Круше Замковой 3 (фаза I).
 1 - гипотетическая зона выступления каменной ограды; 2 - каменный круг; 3 - скопление фрагментов сосудов;
 4 - захоронения собак; 5 - захоронение овцы; 6 - захоронения свиней; 7 - останки человеческих скелетов.

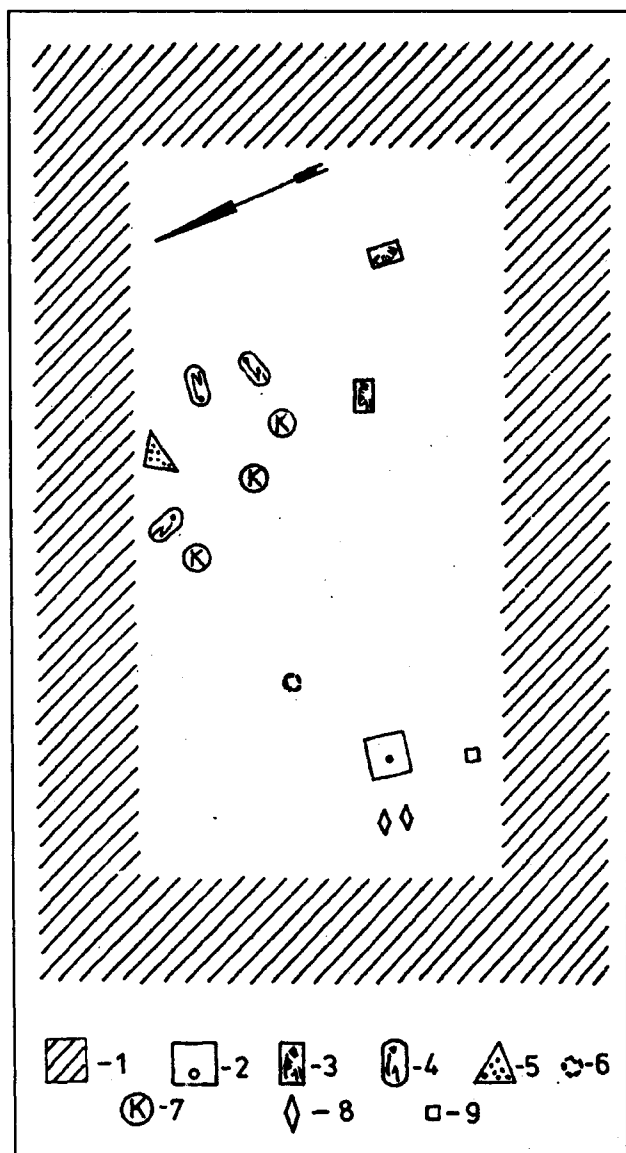

Рис. 95. Комплекс с храмом в Круше Замковой 3 (фаза II). 1 - каменная ограда; 2 - храм; 3 - захоронения собак; 4 - человеческие захоронения; 5 - скопление каменных растирачек; 6 - каменный очаг; 7 - захоронение козы; 8 - культовые камни; 9 - деревянный столб.

дом с постройкой лежали два больших камня-жертвенника и находилась яма от квадратного столба (диаметр 40 см), возможно идола, был расположен очаг, обставленный камнями. Внутри ограды были захоронены четыре человека, положенных в скорченном положении (рис. 97), в трёх местах сложены кости коз и в двух местах собак [Cofita-Broniewska, 1979, s. 203-205]. Здесь же в яме было положено семь каменных растиральников, имевших в аграрных культурах магические функции. В это время посреди села стояла маленькая молельня, отделённая оградой, рядом с ней идол и принесённые в жертву животные и люди, или похоронены наиболее почитаемые жители (?).

Подобные постройки (молельни) - примитивные храмы - известны и в других местах изолированных от поселений и, может быть, поэтому не имевшие ограждения, или оно могло не сохраниться. В Яникове на склоне возвышенности недалеко от поселения стояла столбовая постройка - храм несколько больший по размерам (6,7 x 11,6 м) (рис. 98), со стенами, обмазанными глиной, глинобитным полом с прочерченным на нём орнаментом - прямоугольником (рис. 99). К северу от постройки лежали восемь скелетов собак, располагались очаги и был найден камень, напоминающий фигуру человека. Такой же комплекс находился в Иновроцлаве-12 (рис. 100), вдалеке от поселений, на возвышенности среди болот. Он состоял из прямоугольной постройки (4 x 5 м) с глинобитным полом, был окружён погребениями собак, коз и двух детей. Рядом расположены два очага и колодец (диаметр 80 см) (рис. 101), имевший культовое значение, как и всё на этом месте. Нечто подобное было устроено наверху древнего кургана эпохи бронзы в Стжельцах. Здесь стояла квадратная постройка с центральным столбом (для идола?), глинобитным полом, а кругом располагались два очага, два захоронения собак и костей свиньи [Cofita-Broniewska, 1979, s. 206-209]. Такая же капличка, но более позднего времени - римского периода, открыта в Иновроцлаве-55 и рядом с ней колодец.

Сложный комплекс разновременных сооружений, находившийся на возвышенности среди болот, раскопан в Иновроцлаве-95. Он существовал с позднелатенского до позднеримского времени и все его сооружения делятся на три фазы. Сооружения фазы I занимали центральную часть, возвышенности (рис. 102), в фазе II был занят склон (рис. 103), в фазе III - сооружения опять поднялись к центру (одно из них перекрыло постройку фазы I). Во время каждой фазы существовало одно углубленное жертвенное помещение, заполненное углем, костями животных и человека и окружённое захоронениями собак, коз, свиней. Рядом с ним были расположены по две столбовых постройки со стенами длиной 4-6 м (рис. 103), часть пола у них бывает углублена, иногда имеется очаг. По-видимому, эти постройки являлись *общественными домами*, находки в них типичны для таких домов - черепки, пряслица. Среди сооружений фаз II и III находились ещё площадки, окружённые ровиком (диаметр 2,5 м). Вся поверхность возвышенности между сооружениями покрыта жертвенными ямами, захоронениями собак, коз

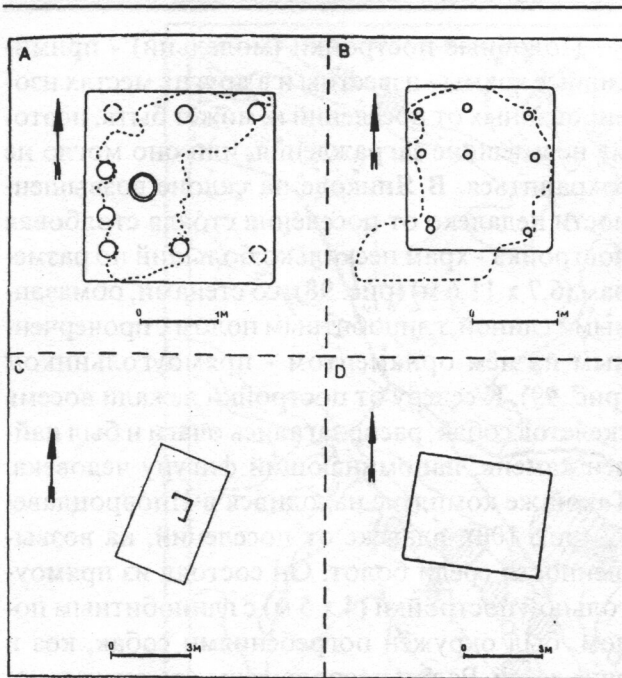

Рис. 96. Остатки культовых построек: А - Круша Замковая 3 (фаза II); В - Стжелые 2;2; С - Яниково 11; D - Иновроцлав 12.

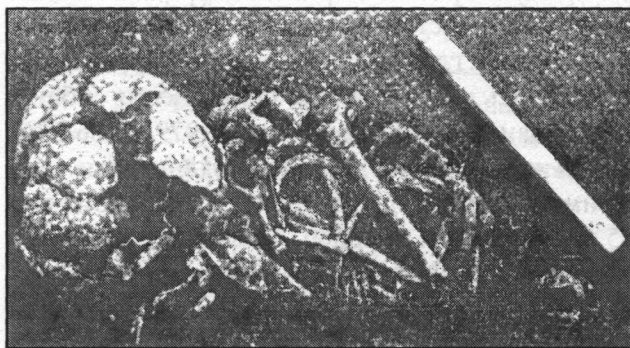

Рис. 97. Скорченные погребения в Круше Замковой.

и двух человек - ребенка и неполный скелет взрослого. Здесь же находился культовый колодец диаметром 1,1 м и глубиной 2,7 м на дне которого лежали череп коня и около 30 сосудов. Здесь, несомненно, долгое время существовало культовое место, приносились обществен-

ные и частные жертвы. В жертву приносили животных - всего около 10 собак (целые скелеты), кости и челюсти от 30 коз, двух телят, двух свиней и ещё пять их челюстей и всего один череп коня, найденный в колодце. Костей человека тоже очень мало. В общественных домах, вероятно, устраивались сходки и пиры. Все действия проходили здесь не менее, чем на протяжении 300 лет, может быть, с перерывами. Но память об этом месте сохранялась ещё дольше и в позднеримский период (около V в.) в 8 м от культового места было вновь устроено небольшое четырехугольное помещение (площадью 10 кв. м), заполненное костями животных и среди них находилась одна кость человека. Рядом была вырыта глубокая яма и в неё сложены два черепа коня, четыре черепа крупного рогатого скота и двух псов. Яма доходила до слоя воды и может считаться колодцем [Cofa-Broniewska, 1986, s. 31-50].

Необычайно долго почиталась возвышенность в Круше. Ещё в неолите на её вершине была вырыта яма (4,8 x 3 м), забитая костями крупного рогатого скота, обломками посуды, камнями (рис. 105), затем в III тысячелетии до н. э. здесь же находилась такая же большая яма с сожжёнными костями животных и 17 сосудами культуры шаровидных амфор, во II тысячелетии до н. э. в подобной яме находились кости животных и обломки посуды культуры амфор. В I в. до н. э. на вершине возникло святилище, а по склону его окружал могильник с кельтской керамикой и вещами. Наконец, в конце XII - начале XIII вв. по тому же склону располагались погребения с труположениями (рис. 106) а на вершине была построена церковь. Это место регулярно использовали и почитали, воссоздавая его чуть ли не через каждую тысячу лет [Cofa-Broniewska, 1979, s. 213; 1986, s. 191-213].

На самой вершине в позднеримское время была сделана ограда из камней (рис. 105) и внутри неё углублённое на 1 м овальное сооружение (4 x 8 м) с наклонными стенками, обмазанными глиной. На полу вдоль стен лежал ряд камней и поставлены столбы (рис. 106), довольно редко, так что они не могли поддерживать стены, их, видимо, и не было. На полу лежали камни и большая каменная глыба (1 x 2 м, толщиной 60 см) на которой прочерчен крест и которая, служила алтарём. В южной части ямы помещено трупосожжение человека и скелет собаки. К северу от ямы среди камней ограды находилась яма с костями животных.

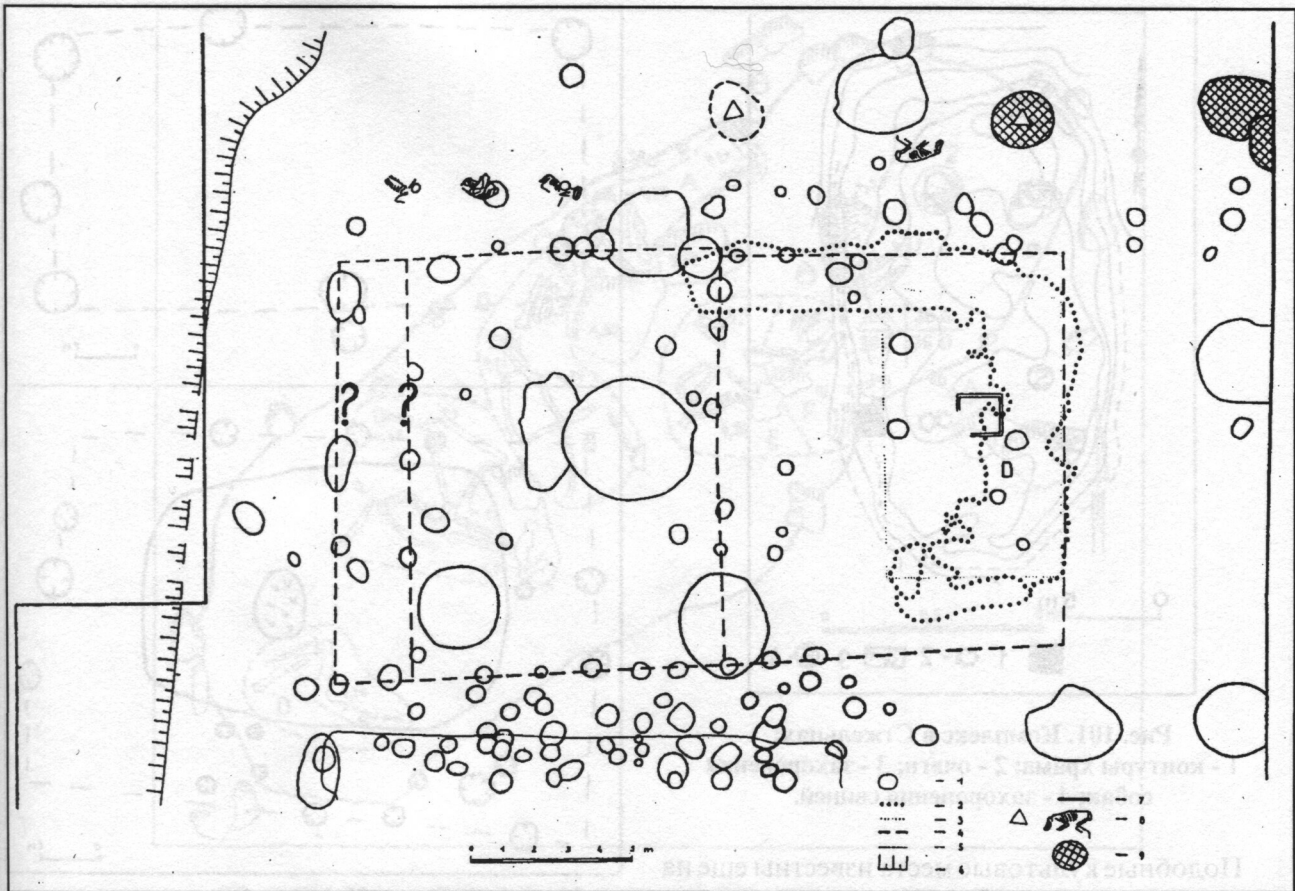

Рис. 98. Постройка с жертвенным кругом в Яникове.

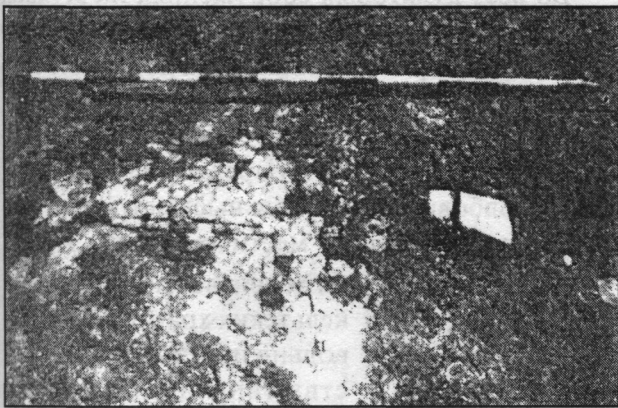

Рис. 99. Глиняный пол в Яникове с начерченным квадратом и трапециевидным камнем.

сячашевидный очаг глиняными мистенками, заполненный углем и золой (размеры очага 75 x 120 см, глубина 15 см). Всё сооружение очень напоминает кельтское святилище III-IV вв. до н. э. в Либеницах (Чехия), где так же была углублённая часть и ограда кругом в виде ровика. Но в Либеницах стояли идолы, следов которых в Круше Замковой-13 не видно.

В дополнение к святилищу, на прилегающем к нему по склону е были некоторые особенности. Всего здесь находилось 35 погребений (рис. 105) (27 трупосожжений и 8 трупоположе-

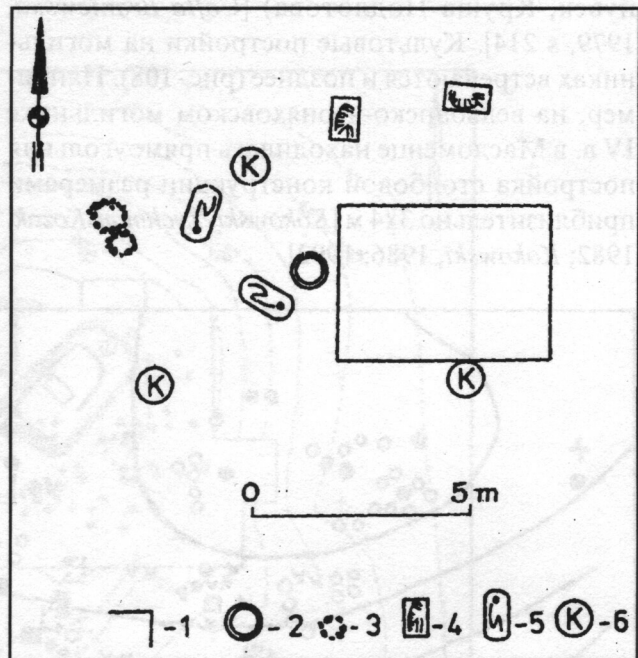

Рис. 100. Комплекс Иновроцлав 12.
1 - контур храма; 2 - колодец; 3 - очаг;
4 - захоронения собак; 5 - человеческие захоронения;
6 - захоронения коз.

ний) и среди них были вкопаны в землю отдельные кубки в шести местах, располагались очаг и жертвенная яма, обставленная камнями и заполненная керамикой (рис. 107).

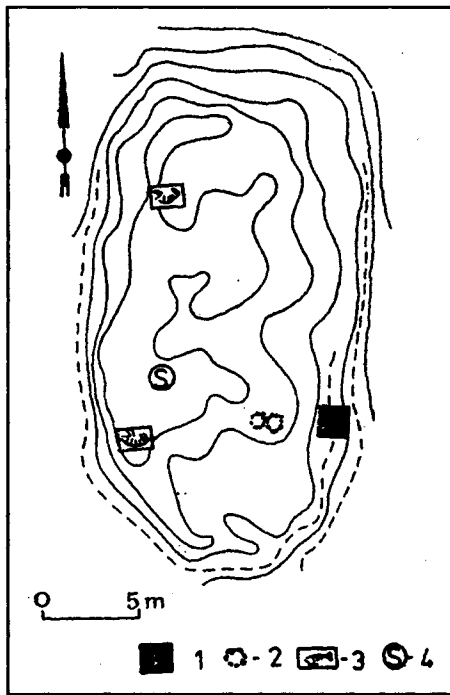

Рис. 101. Комплекс в Стжельцах:
1 - контуры храма; 2 - очаги; 3 - захоронения собак; 4 - захоронения свиней.

Подобные культовые места известны ещё на ряде могильников позднелатенского времени, но они хуже исследованы (Бодзаново, Гледзянувек, Круша Подлотова) [Cofta-Broniewska, 1979, s 214]. Культовые постройки на могильниках встречаются и позднее (рис. 108). Например, на вельбарско-черняховском могильнике IV в. в Масломенце находилась прямоугольная постройка столбовой конструкции размерами приблизительно 3x4 м [Kokowski, Zychman-Kozak, 1982; Kokowski, 1986; 1992].

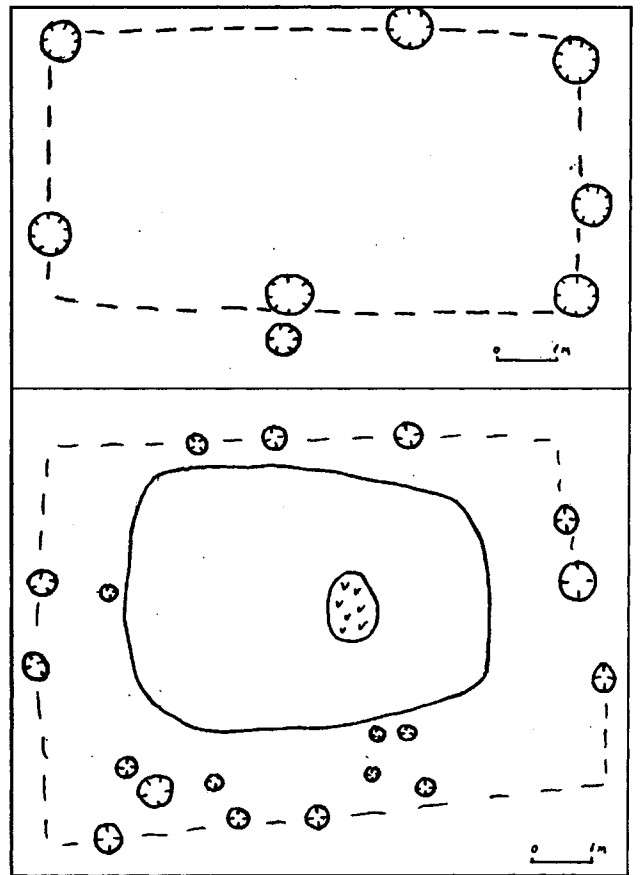

Рис. 103. Общественные дома в Иновроцлав 95.

Во всех культовых сооружениях на Куявах несомненно влияние кельтов и вероятно их присутствие. До прихода кельтов на польской территории не было ограждений вокруг жертвенных мест, тем более прямоугольных, так характерных для кельтских четырехугольных святилищ. Столбовые прямоугольные постройки также не были известны в местных культах и могли появиться под влиянием

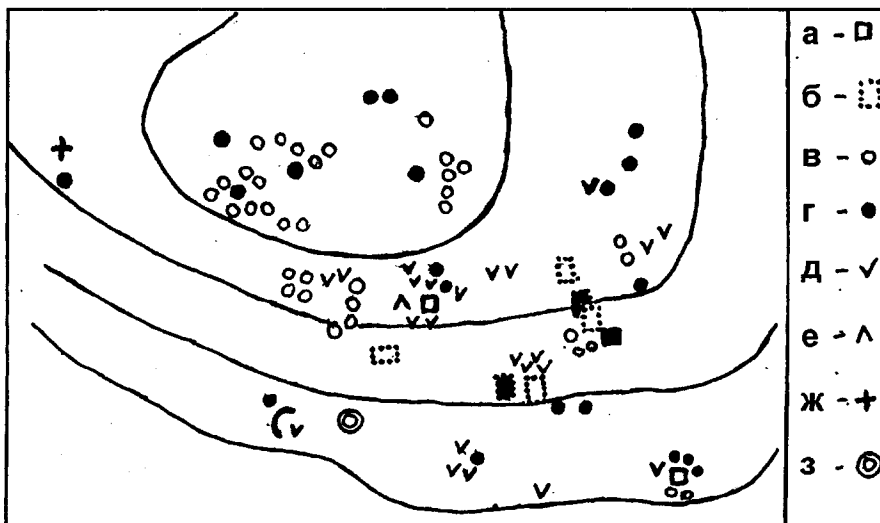

Рис. 102. Три фазы построек и жертв в Иновроцлав 95: а) жертвенные углубления; б) общественные дома; в) ямы и очаги; г) погребение собаки; д) погребение козы/овцы; е) погребение; ж) кости человека; з) колодец.

кельтских храмов, тоже довольно простых по устройству (вписанные один в другой квадраты со стенами столбовой конструкции). Но в кельтских храмах стояли идолы, наличие которых на Куявах сомнительно, хотя в некоторых случаях и можно предположить их присутствие. Так, в Круше Замковой-3 в фазе II рядом с постройкой находилась четырехугольная яма, в которой мог стоять идол, в Яникове найдена каменная фигура. Идол мог быть поставлен в цен-

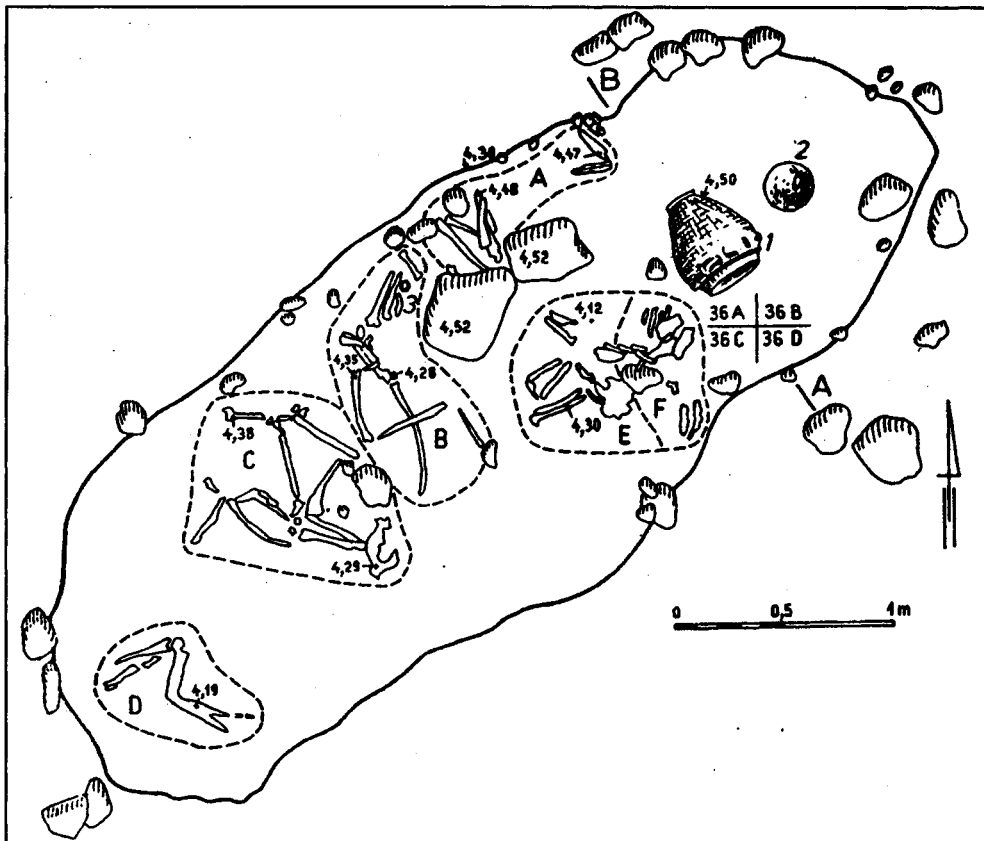

Рис. 104. Круша Замковая 13, яма с костями животных эпохи бронзы.

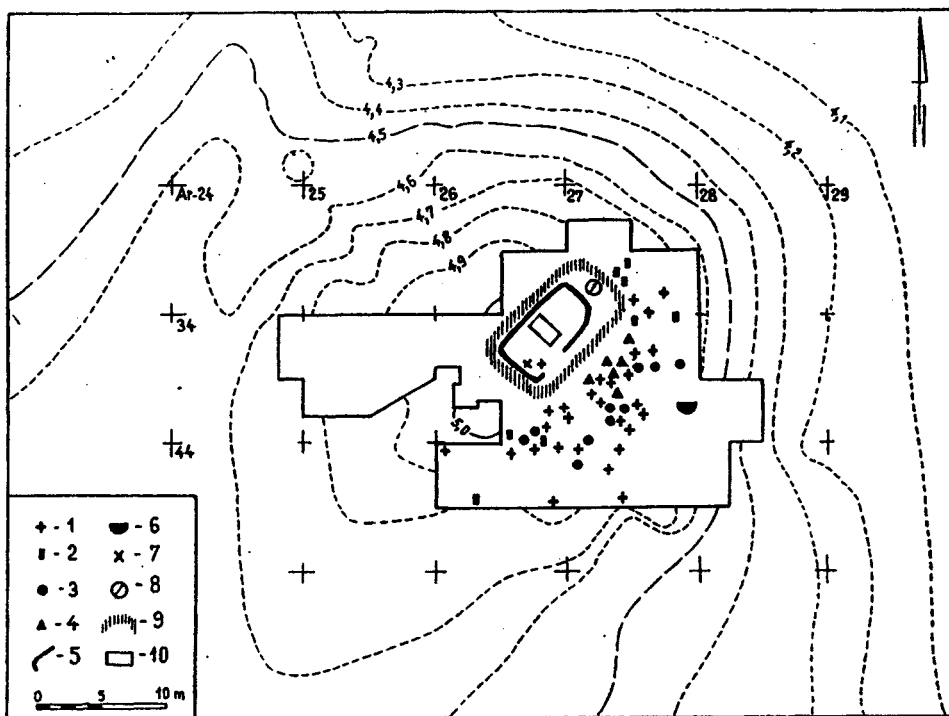

Рис. 105. План центральной части святилища в Круше Замковой 13.
 1 - погребения с трупосожжением; 2 - погребения телоположением; 3 - "неопределенные положения";
 4 - обособленные кубки; 5 - контуры святилища; 6 - объект В; 7 - погребение собаки; 8 - кострище;
 9 - каменное ограждение святилища; 10 - каменный алтарь.

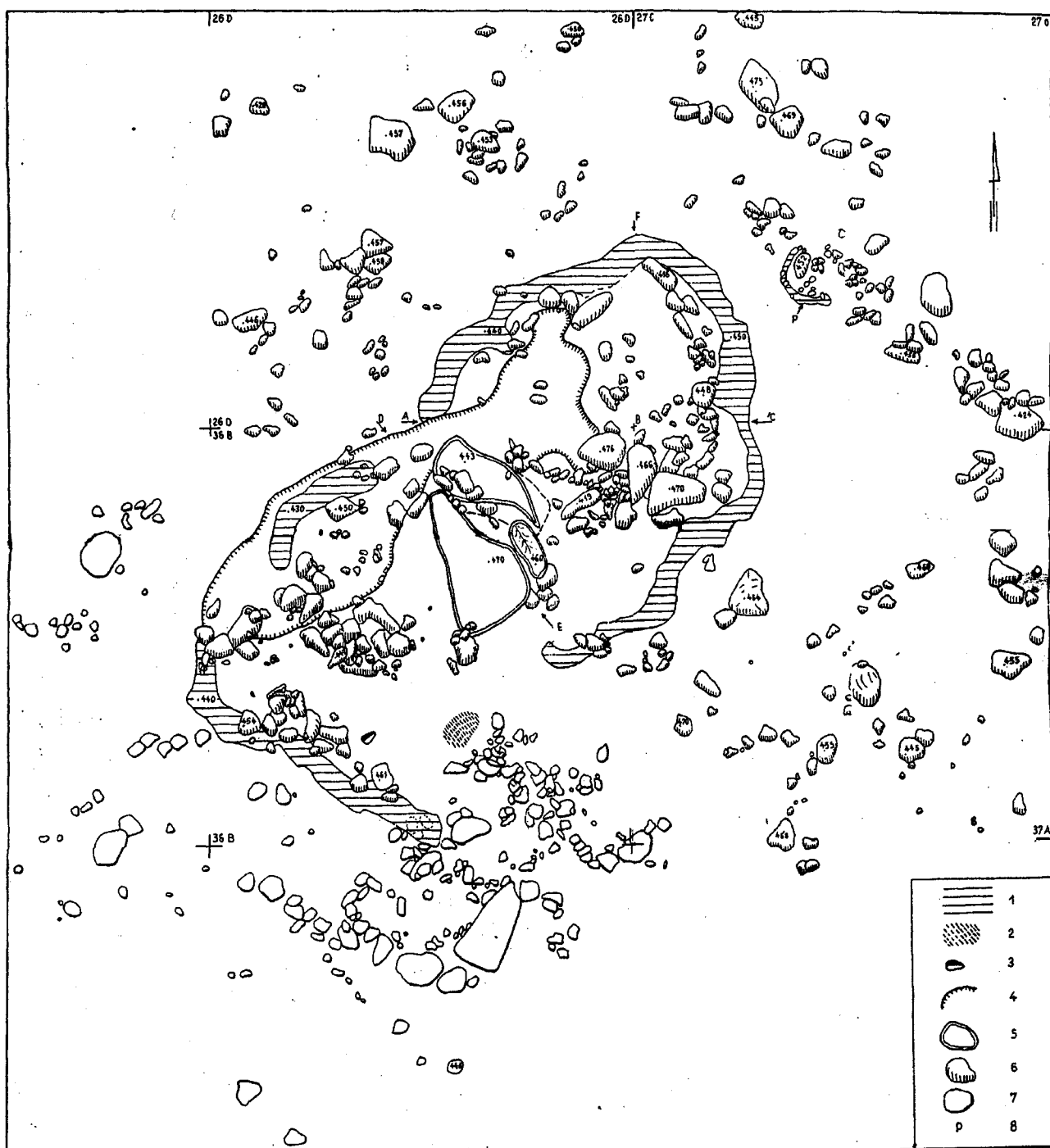

Рис. 106. План центральной части святилища в Круше Замковой 13.

тральной столбовой яме здания Иновроцлаве-12. Кельты, попав в чуждую им среду, утратили высокий уровень своей культуры, могли упроститься и их культовые постройки, утеряна традиция изготовления идолов, так же как они перешли в основном от употребления гончарной посуды к лепной, хотя и сохранявшей прежние излюбленные формы. Вероятно, некоторые из построек на Куявах могли служить храмами, но большинство из них были использованы для жертвоприношений и других обрядов, а многие являлись общественными домами.

Длинные общественные дома известны у всех народов, находившихся на общинной стадии развития. Они есть у германцев, черняховцев, славян вплоть до VIII в. (святилища на Збруче, описание контин у прибалтийских славян), в пшеворской и вельбарской культурах (Лубомия, Лубешево, Посвентне, Вулька Лясецкая и др.). В них собирались для совещаний, решений важных дел, для пиршеств. В домах иногда находят очаги, места для сидения вдоль стен, много целых и битых сосудов и расколотых костей животных, оставленных для корм-

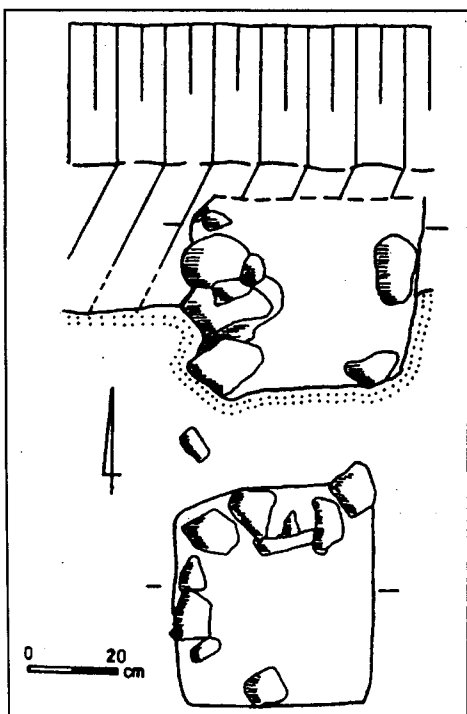

Рис. 107. Жертвенная яма на могильнике в Круше Замковой 13.

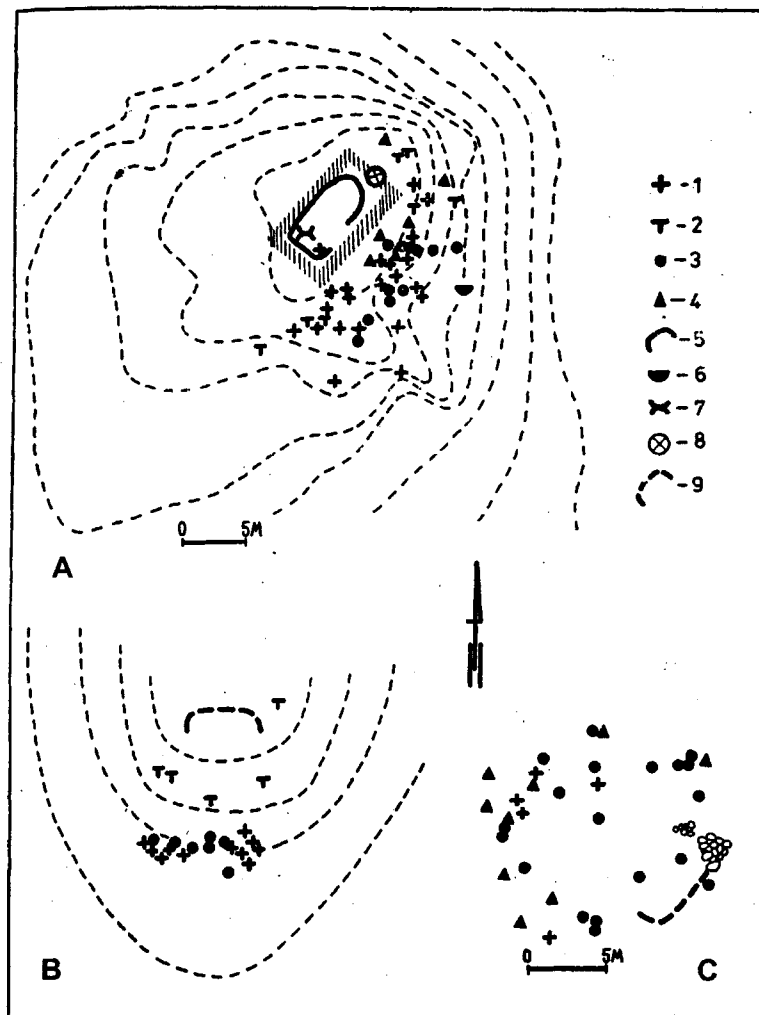

Рис. 108. Культные места на могильниках: а) Круша Замковая 13; в) Бодзаново; с) Гледзянувек.

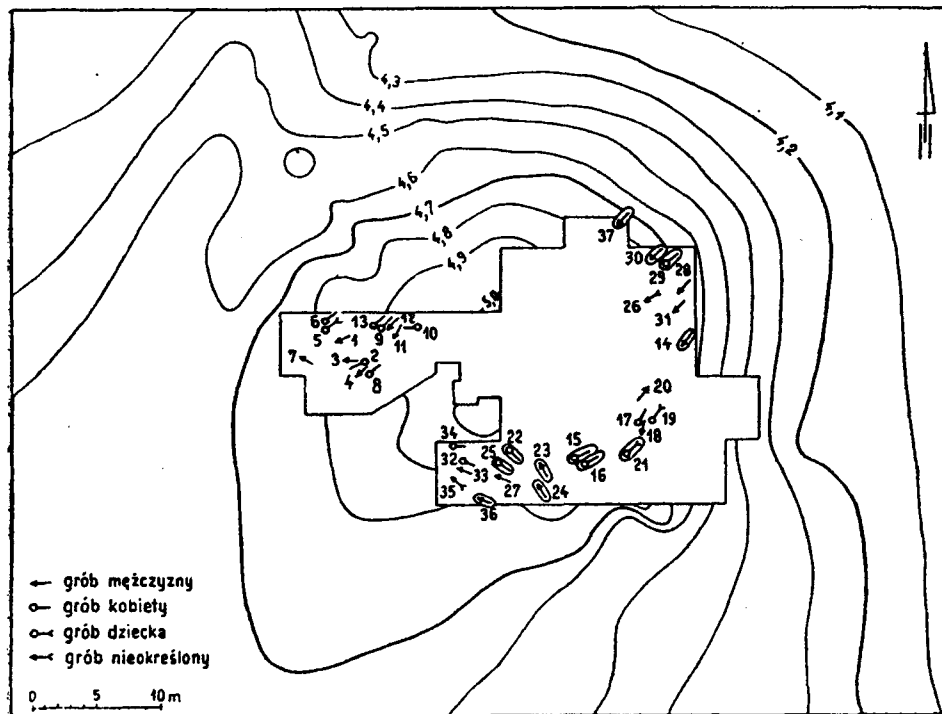

Рис. 109. План могильника в Круше Замковой 13 (конец XII - начало XIII вв.).

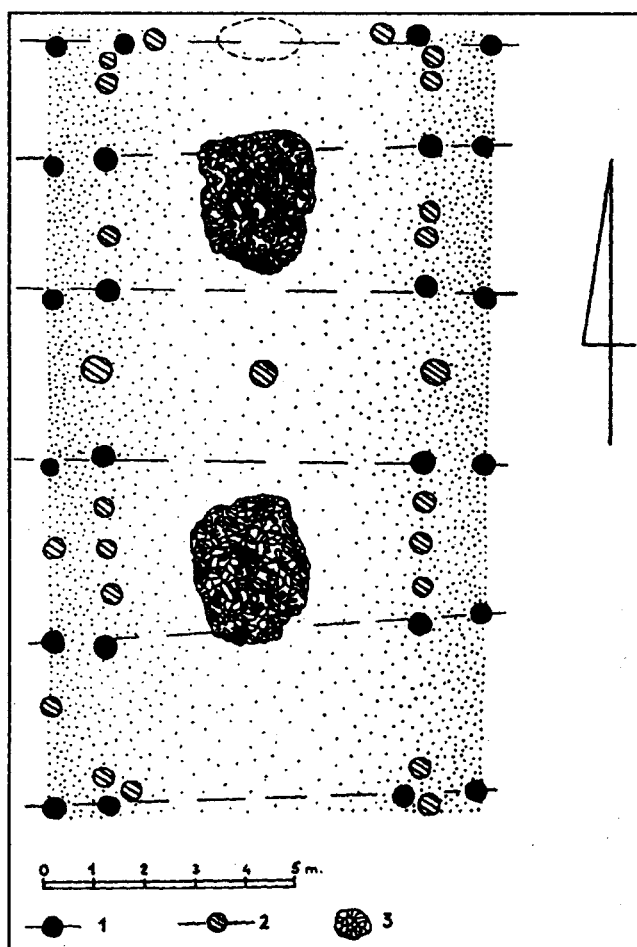

Рис. 110. Общественный дом на поселении Вулька Лясецкая.

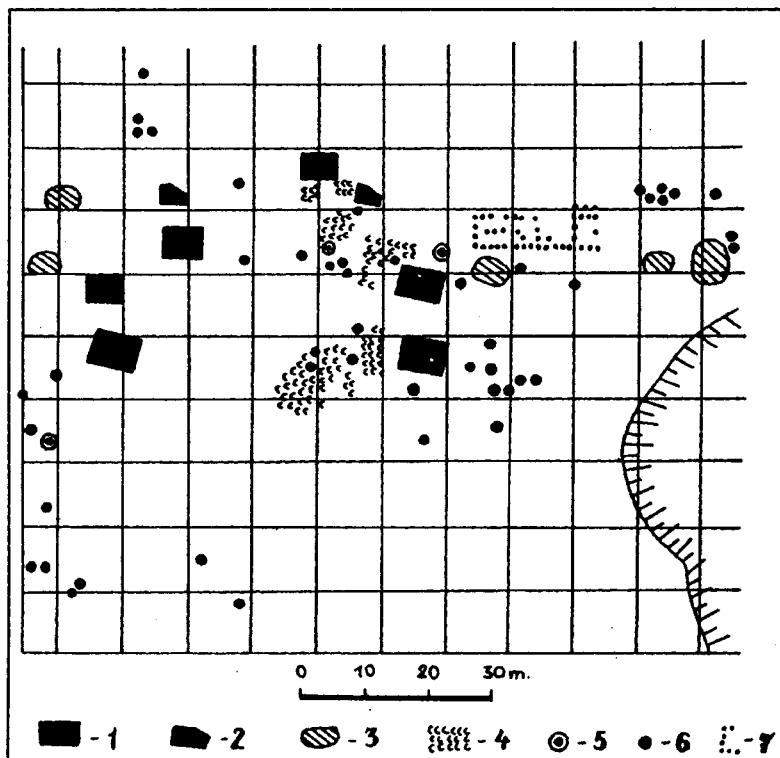

Рис. 111. План поселения и длинный общественный дом в Лубешево. 1 - свайный дом; 2 - амбар; 3 - полужемлянка; 5 - печь; 6 - кострище; 7 - свайное сооружение.

ления богов и предков. В таких домах могли происходить и магические действия и другие обряды, иногда под полом домов встречаются погребения (Ревно, Добрыновцы), но нельзя считать эти постройки только культовыми. Если длинные общественные дома отвечали потребностям общества и сохранялись очень долго, то строительство храмов и поклонение изображениям богов ещё не соответствовало уровню развития общества и религии. Ни храмов, ни идолов не было на территории Польши до конца I тысячелетия до н. э.

Кельтское влияние прослеживается в Малой Польше, где существовала смешанная кельтопшеворская "тунецкая" группа. Здесь на могильнике Крыспинув позднелатенского и раннеримского времени семь погребений окружены квадратными и одно круглым ровиками (рис. 110), совершенно так, как это бывает на кельтских могильниках в Чехии, Австрии, Франции. Прямоугольные ровики с длиной стен 2-4 м имели глубину 30-50 см и были заполнены углистой землёй, пережжёнными косточками и отдельными черепками (рис. 113, 114), иногда внутри или снаружи у ровиков прослеживаются столбовые ямы. Такие же ограждения могил в виде ровиков открыты на раннеримском могильнике Тройшице и на могильнике Кетжв Силезии [Godlowski, 1977, s. 59-76]. Прямоугольные

ровики встречаются и позднее, в III-IV вв., на могильнике Избицк, Опатув [Godlowski, 1969, s. 119-120]. Но это явление в пшеворской культуре встречается не часто, и так же и прямоугольные ровики на могильниках, как и прямоугольные каменные ограды на святилищах, постепенно выходят из употребления и не прививаются на местной почве.

5.3.2. Круговые рвы

Самая типичная и распространённая с глубокой древности форма святилищ в виде круглой площадки, ограниченной рядом камней, деревянными столбами, вырытым ровиком или валом, известная ещё в Стоунхендже и многократно повторяемая под насыпями курганов, ни разу не встречена в лужицкой и подклешевой культурах. У кельтов круглые святилища, окруженные рвом или камнями, были распространены уже в гальштатское время. От кельтов такая форма свя-

тилища была воспринята германцами, кельты принесли её и на польскую землю.

Самая ранняя круглая площадка с ровиком вокруг была расположена среди других сооружений позднелатенского времени на святилище Иновроцлав-95. Она имела диаметр всего 2,6 м, сохранилась частично и рядом с ней были захоронены собака и коза [Cofita-Broniewska, 1989, s. 38]. На могильнике Иновроцлав-58, датирующемся рубежом латенского и римского периодов, в самой верхней части была сделана деревянная ограда и в середине ее круг со следами сожжения [Cofita-Broniewska, s. 29]. В Слопанове на краю поселения середины I - середины II вв. н. э. расположены два круговых рва (рис. 115), по-видимому, одновременных и вырыванных последовательно. Первый из них, более ранний, имел ширину до 1,5 м и глубину около 1,0 м, и окружал площадку диаметром 20 м. Второй ров располагался внутри первого, имел ширину и глубину 50-60 см и окружал площадку диаметром 12 м. Заполнены рвы углистой землей с мелкими обломками посуды и костей. На этом месте находились могильники эпохи бронзы, раннего железа, и, после оставления поселка населением, возник в III веке. Так что поверхность испещрена многочисленными ямами, но всё же можно думать, что в центре кругов были расположены столбовые ямы (для идола

или столба), с восточной стороны рвы прерываются и обозначен проход внутрь, обставленный столбиками [Przewoźna, 1955, s. 60-79].

Такие же круглые площадки, ограниченные рвами, известны у славян, в частности на польских землях в VIII-X вв. В Тжебятуве было две площадки со рвами, отстоящие одна от другой на 65 м. Первая из них диаметром 10-13 м окружена рвом шириной 1,5 м и глубиной 50 см. В её середине находились три столбовые ямы и два очага. За пределами площадки также стояли столбы и на некотором отдалении ямы со славянской керамикой, скелет человека, очаги и какое-то загадочное углубление 2 x 10 м, заполненное пережжённой глиной, может быть, это остатки длинного общественного дома (?). Вторая площадка в Тжебятуве немного меньшего размера (диаметр 8-10 м), окружена рвом шириной и глубиной в 1 м, в котором найдены угли, славянская посуда и римская монета II в. н. э., попавшая сюда или случайно, или указывающая на более раннее время возникновения рва [Filipowiak, 1957, s. 75 -80]. Маленький круглый ров - диаметр площадки 3 м открыт на возвышенности среди болот Мельно [Filipowiak, 1969, s. 78]. Культовый ров исследован на возвышении у Гожицко на берегу Варты, но он окружал большую по размерам площадь (30 x 44 м) и имел не совсем правильную овальную форму [Jasnosz, 1970, s. 218-228].

Круглые площадки с ровиками были распространены на всех славянских землях (Микульчицы в Чехии, Бродовин и Зааринген в Германии, Ходосовичи в Белоруссии, Перынь и Псков в России). У славян такие сооружения являлись первыми капищами - местами, где стояли идолы. В дальнейшем капища другой конструкции сохраняли такую же круглую форму, единую на всех славянских святилищах.

Круглые площадки с ровиками известны у балтов в первой половине и середине I тысячелетия н. э. (Тушем-

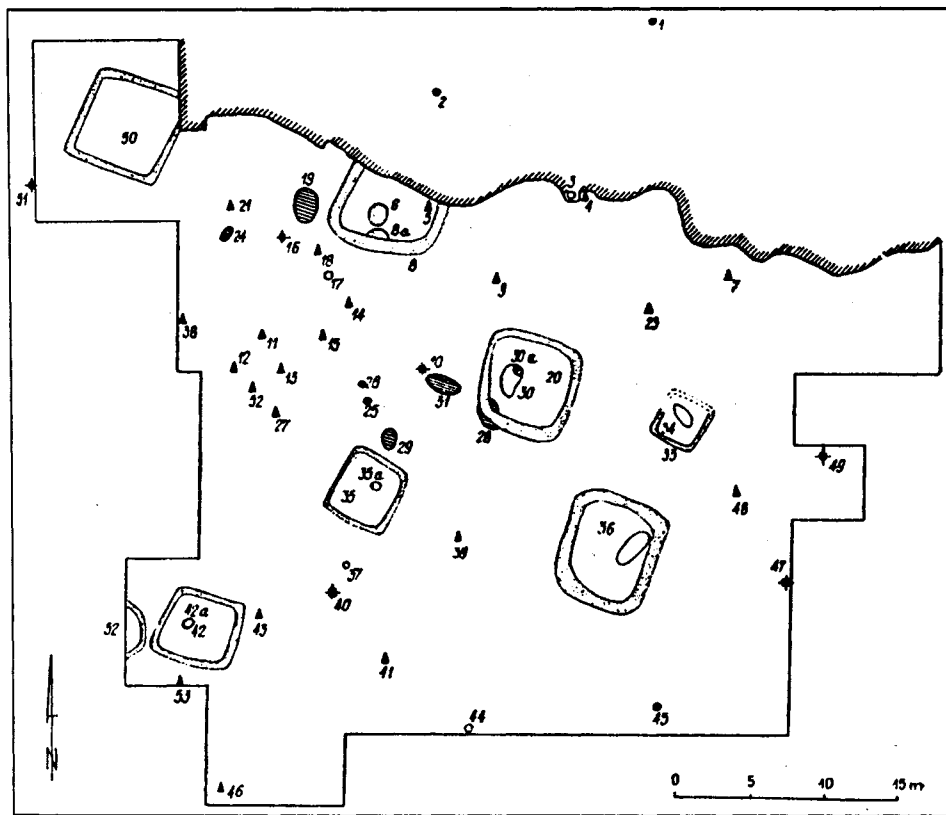

Рис. 112. План могильника Крыспинув.

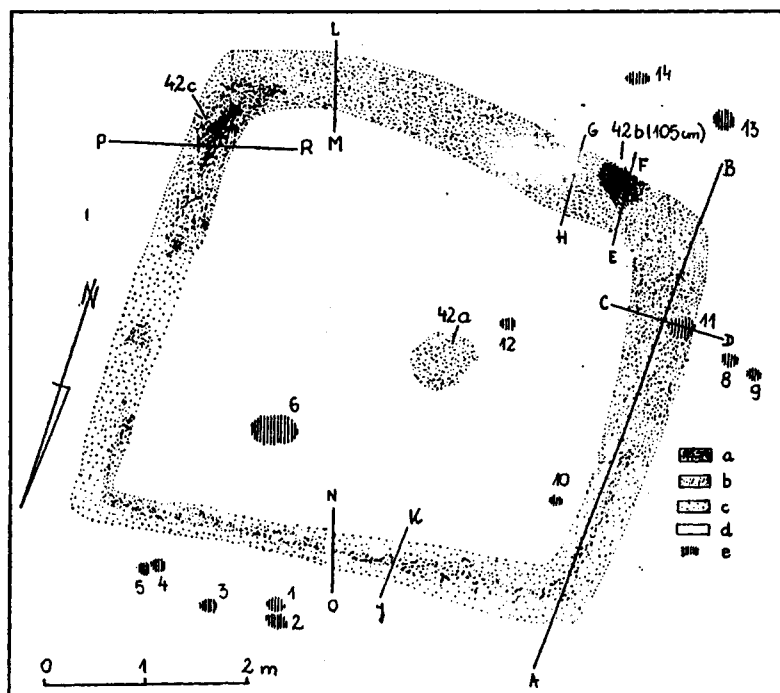
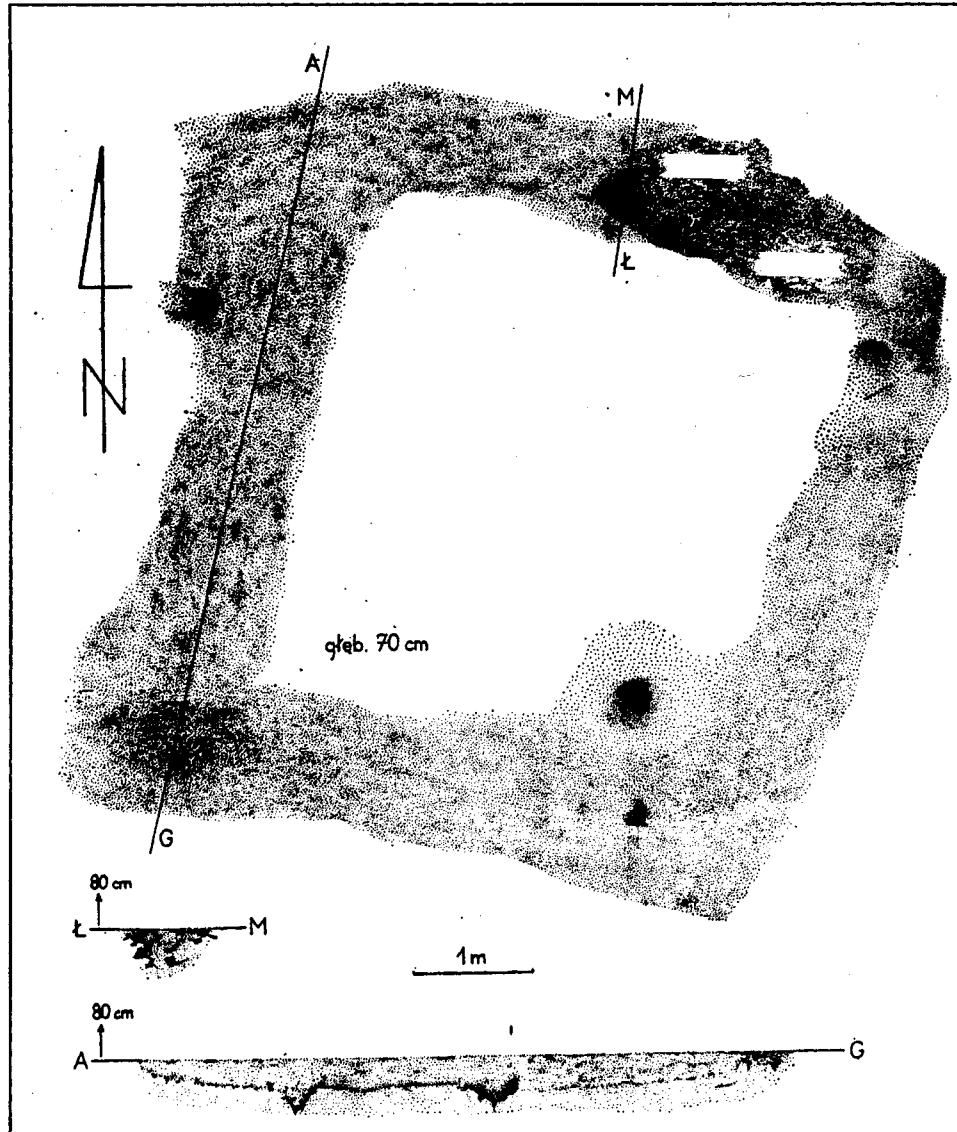

Рис. 113, 114. Отдельные погребения с ровиками в Крыспинуве.

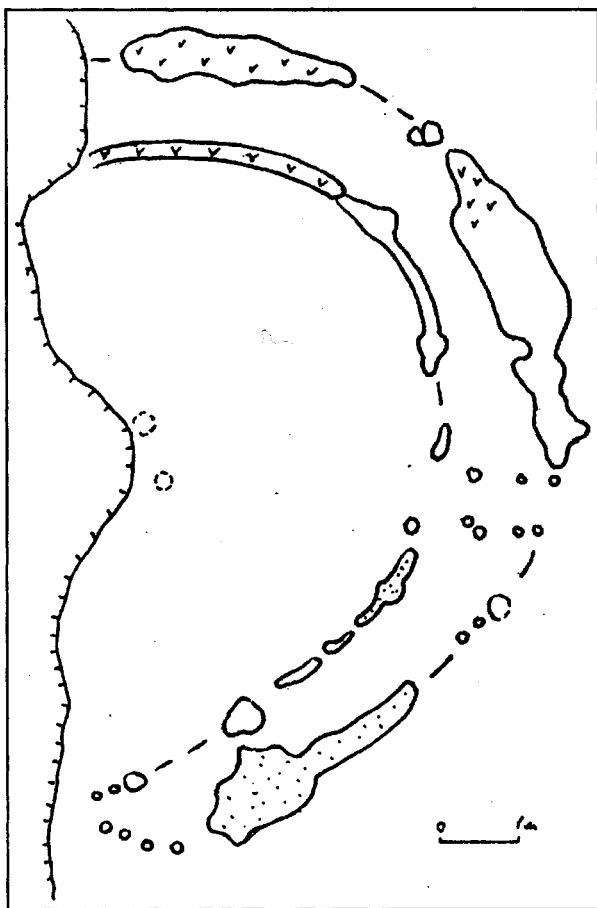

Рис. 115. Два одновременных круговых рва на поселении Слопанув.

ля, Городок, Паланга), нечто подобное описано Ибн Фадланом на Волге - деревяшка с человеческим лицом и кругом нее воткнутые в землю деревяшки - ограда. Такая универсальная форма святилища могла возникнуть конвергентно в разное время и на разной территории, тем более, что она повторялась в планах курганов. Но всё же на польской территории такая форма святилищ появилась вместе с кельтами, сохранялась в римское время и могла традиционно использоваться славянами. В римское время основную задачу круговых ровиков - отделение сакрального отмирского, символическая защита - выполняли круговые оградки из камней, известные на могильниках римского времени (Грабовно-Неданово) [Malinowski, 1985, s. 524; Ziemińska-Odojowa, 1965, s. 108]. По-видимому, кельтская традиция круговых оград в Польше не прерывалась, и как только у славян возникла потребность в ограждённых святилищах, они ею воспользовались.

3.4. Влияние германцев

Пшеворская культура в целом, несмотря на всё её разнообразие, входила, по мнению К. Годловского, в состав более или менее единой культурной провинции, охватывавшей всю Сред-

нюю Европу [Godlowski, 1973, s. 12]. Близость материальной культуры на таком большом пространстве в значительной степени была вызвана передвижениями населения между Одером и Вислой, в основном движением германских племен с севера и северо-запада, которые прокатывались через эту территорию идущими одна за другой волнами [Niewęglowski, 1972, s. 9-190]. Германцы могли оказать воздействие на религиозные воззрения местного населения и на его культовое строительство.

3.4.1. Жертвы в болотах

Для германских племён наиболее характерными были жертвоприношения и культовые места, устраиваемые на низком берегу водоёмов, на торфе и в болотах. Таких мест известно около 500 на территории Свободной Германии. Наиболее известным святилищем служило болотистое место в Обердорле. На территории Польши культовых мест в болотах очень мало и известны они, главным, образом, в Поморье, издавна и прочно занятом различными германскими племенами. В Буческ на Поморье найдено в болоте до 1000 вещей (золотые перстни, серебряные фибулы, бронзовые сосуды, римские монеты, стеклянные и янтарные бусы). Из Поморья происходят находки гривен (Копанево, Ключево), черепа человека (Даргиково), сосудов (Клепин) [Niewęglowski, 1978, s. 265-266]. На остальной территории находки в болотах единичны (Клокоцка, Лашин, Копля) [Węgrzynowicz, 1982, s. 155; Cofta-Broniewska, 1989, s. 154]. Лишь одно большое культовое место исследовано в Оталенжке на Левобережье Вислы недалеко от Варшавы [Bender, 1972, s. 118-133; Bender, Stupnicka, 1974, s. 307-357].

Жертвенное место Оталенжка находится на берегу маленькой реки Могилянки и было открыто при добыче торфа (рис. 116). Раскопки с перерывами продолжались с 1950 до 1971 г. и велись на обоих берегах реки. Река в этом месте делает излучину и на левом берегу образуется ограниченный полуостров. Здесь под 2-х-метровым напластованием позднейшего торфа находились главные сооружения святилища: 1) На самом высоком месте сложенный из камней круг диаметром 6 м (на плане Е), на нём и рядом набросаны черепки, черепа и челюсти крупного рогатого скота, свиньи и коня; 2) К востоку скопление целых сосудов, черепков, черепа и кости конечностей крупного рогатого скота, колесо от повозки диаметром 80 см (пункт Н); 3) Дальше к востоку вымостка из сосновых круг-

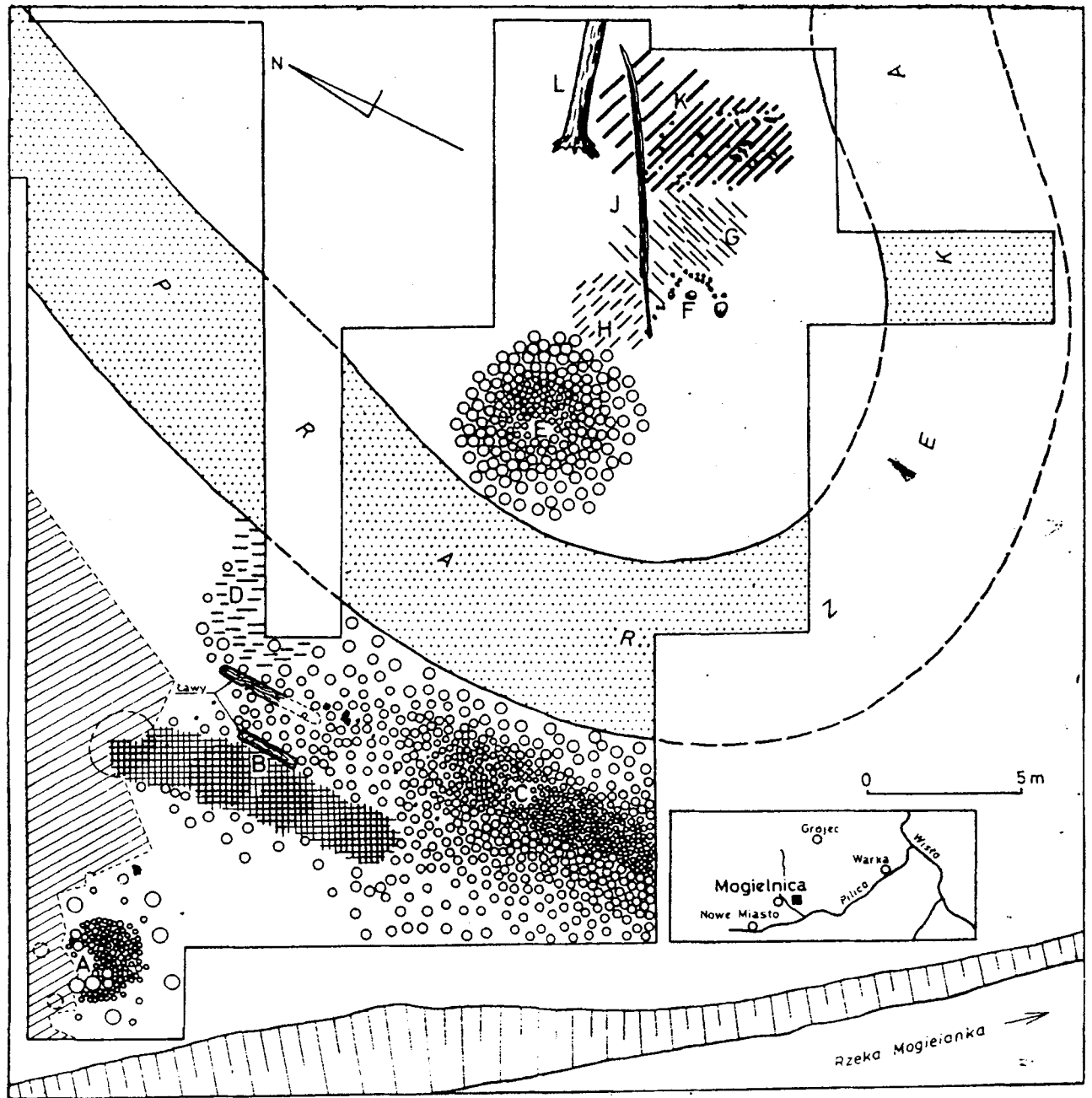

Рис. 116. План болотного жертвенного места в Оталенжке. А - каменный круг, В - участок кострищ, С - каменная мостовая, D - скопление находок на берегу реки, Е - каменный курган, F - объект со столбами, G-H - скопление находок среди древесных остатков, I - кладка, K - свайная конструкция, L - ствол дуба.

ляков, набросанных веток, кольев, досок и бревен длиной 10 м и по его сторонам 8 целых сосудов, деревянные сосуды, нож (единственная железная находка), разрозненные кости животных, в том числе диких уток (пункты E, G) (рис. 117, 118); 4) Здесь же вбитые полукругом колья и внутри деревянное корыто, два целых сосуда и огромный валун (пункт F); 5) В конце помоста несколько слоев бревен, вбитые глубоко в землю столбы, камни, очень много костей животных, обломки деревянного рала или мотыги, костяной гребень, обломок стеклянного сосуда, бронзовая фибула в виде утки (пункт K) (рис. 119). Все эти со-

оружия левого берега были предназначены для жертвоприношений. Центральным местом, вероятно, служил каменный круг, остальные церемонии совершались рядом и были связаны с солнечным культом (колесо, утка), сельскохозяйственными циклами (земледельческие орудия труда, кости домашних животных), обряды проводились много раз и жертвы укладывались в отдельных скоплениях.

Сооружения на правом берегу имели другое значение. Здесь были расположены: 1) круглый очаг диаметром 2 м, выложенный камнями и рядом кости животных, обломок рала, деревян-

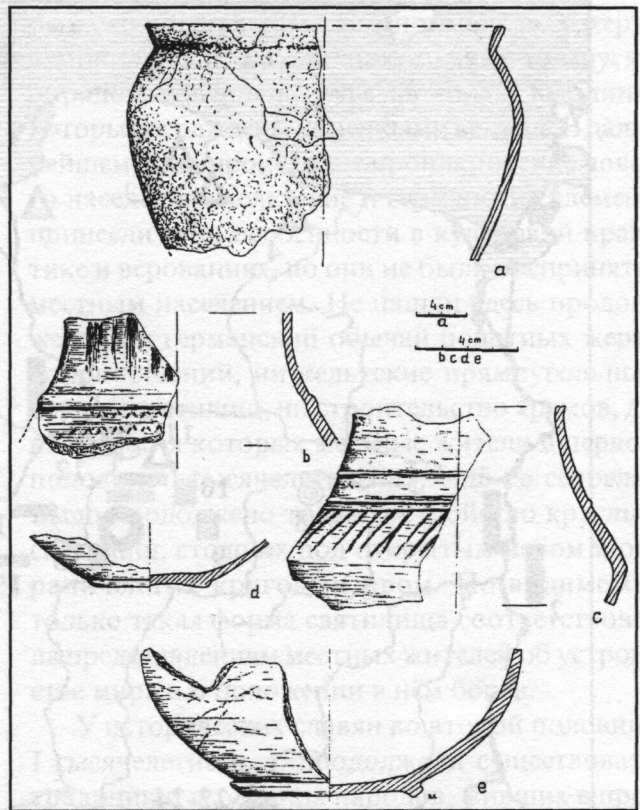
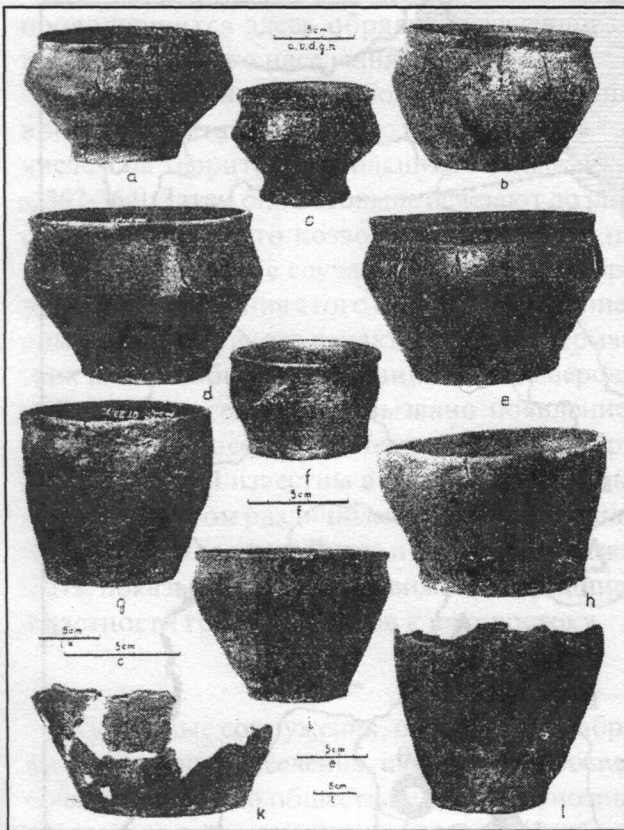

Рис. XXIV-117, 118. Керамика из Оталенжки.

ная лопата, пряслице, два оселка (пункт А); 2) К востоку от очага на грязи вымостка из веток, палок, кольев и два глубоко вбитых в землю столба, площадь вымостки до 40 м², может быть, это был общественный дом или навес (пункт В); 3) По самому берегу каменная мостовая шириной до 3 м (пункт С); 4) Около "общественного длинного дома" на мостовой стояли две лавки для сидения (одна длиной более 2-х м); 5) В северной части мостовой в реку на глубину 2-3 м

были опущены несколько десятков целых сосудов и кости животных (пункт Д). На правом берегу реки жертвы складывали только в воду, в остальном эта часть культового объекта была предназначена для сбора молящихся, для приготовления еды и общественных пиров.

По находкам стеклянного сосуда, трехчастного костяного гребня, фибулы-уточки весь комплекс может датироваться IV-V вв. Жертвенное место оставлено в связи с изменением русла реки и затоплением всего объекта, в результате на нём вырос новый слой торфа толщиной в 2 м. Весь комплекс имеет ближайшие аналогии среди многочисленных жертвенных мест в торфянистых болотах на территории Германии и Дании.

В Оталенжке прослеживаются многие черты, свойственные германским культовым местам: расположение на болоте, деревянные и каменные вымостки, обилие кольев и сучьев, посуды и костей животных, почти полное отсутствие металлических предметов, находки сельскохозяйственных орудий и общая аграрная направленность культа. Но, по имеющимся данным, Оталенжка имеет свои особенности, не встречаемые в германских болотных жертвах. Прежде всего, Оталенжка была более чётко организована и разделена на две части, каждая из которых имела своё назначение - священная

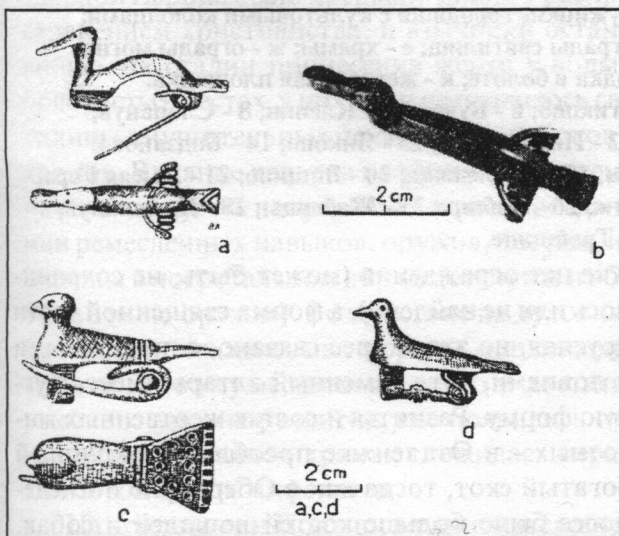

Рис. 119. Бронзовая фибула в виде плывущей утки из Оталенжки (а) и аналогии ей (с - Келары, пов. Ольштин; d - Каstell Тросино, Сев. Италия).

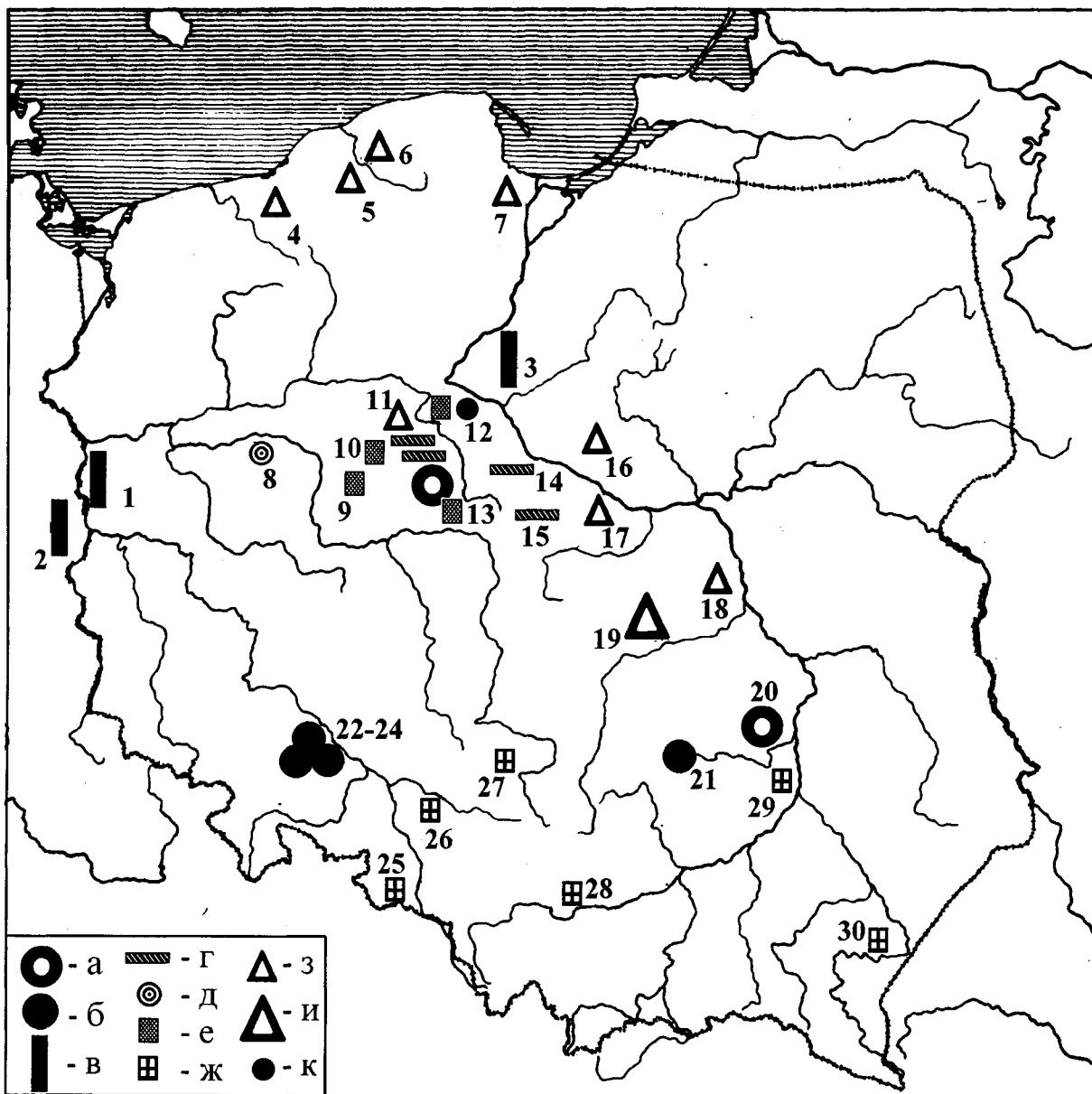

Рис. 120. Лужицкая и пшеворская культуры на территории Польши. а - лужицкие городища-убежища; б - лужицкие городища с каменными валами; в - лужицкие городища с культовыми колодцами; г - прямоугольные ограды святилищ; д - круглые ограды святилищ; е - храмы; ж - ограды могил; з - жертвы на болотах; и - жертвенная площадка в болоте; к - жертвенная площадка.
 1 - Лосов; 2 - Лебус; 3 - Гзин; 4 - Копанево; 5 - Дергиково; 6 - Буческ; 7 - Клепин; 8 - Слопанув;
 9 - Стжельце; 10 - Круша Замковая; 11 - Копля; 12 - Иновроцлав; 13 - Янково; 14 - Бодзаново;
 15 - Гледзянувек; 16 - Ключево; 17 - Гродково; 18 - Гура; 19 - Оталенжка; 20 - Вишино; 21 - Лысяя Гора;
 22 - Шлёнжа; 23 - Костюшко; 24 - Радуница; 25 - Кетж; 26 - Избицк; 27 - Жабенцы; 28 - Крыспинув;
 29 - Опатув; 30 - Тройшице.

часть для жертвоприношений и общественная часть для пиров и собраний. В священной части имелся свой центр - каменный круг, рядом с которым совершались разные жертвоприношения, тогда как в болотных святилищах германцев жертвы лежали отдельными скоплениями, то есть каждый раз жертвоприношения совершались на новом месте. Германские жертвенные места были, хотя и небрежно, но ограждены (столбами, сучьями, рвами), а форма площадки чаще всего была подпрямоугольной. В Отален-

жке нет ограждения (может быть, не сохранилось или не найдено), а форма священной части круглая, но это скорее связано с природными условиями, хотя каменный алтарь имеет круглую форму. Разнится и состав жертвенных животных - в Оталенжке преобладает крупный рогатый скот, тогда как в Обердорле и Скедемоссе было больше костей лошадей и собак. Может быть, это связано с недостатком знаний, но пока кажется, что несмотря на общий германский характер святилища в Оталенжке, на

проводившихся здесь обрядах сказывалось и влияние местного населения.

Жертвоприношения в болотах проводились в эпоху неолита и бронзы по всей Европе, в том числе и на территории Польши [Pradzieje, 1989, s. 362-364]. Затем они в Польше исчезают до римского времени. Это позволяет думать, что находки в болотах не случайны и отражают время распространения этого обряда. Появление в римское время такого характерного для германских племён обычая и связанных с ним верований, скорее всего, было вызвано появлением германского населения. Места болотных жертвоприношений известны в польском Поморье, издавна занятом различными германскими племенами, и по средней Висле и Варте, что, может быть, показывает пути продвижения германцев, в частности готов и гепидов к юго-востоку.

* * *

Культовые сооружения, отражающие обряды и верования населения, изменялись соответственно развитию общества и его религиозных представлений и организации культа. Наиболее передовым во всех отношениях было кельтское население, у которого сложилась мощная организация друидов, появились изображения богов, круглые, а затем прямоугольные святилища под открытым небом, позднее распространились закрытые помещения для богов - храмы, что соответствовало существенным изменениям в верованиях и в положении богов.

Германские племена стояли на более низкой ступени общественных и религиозных отношений. Развитие религиозной жизни в континентальной Европе было прервано ранним распространением христианства, и язычники остановились на стадии принесения жертв у воды в болотистых местах, у них так и не появилось святилищ, внушительных изображений богов и храмов. Влияние кельтов на германские племена шло в другом направлении - распространении ремесленных навыков, оружия, посуды, изменения в погребальном обряде (согнутое и вбитое в землю оружие). Воздействие на духовную жизнь продолжалось на севере, в Скандинавии, где язычество существовало долго и достигло высокого уровня развития, где появились под кельтским влиянием храмы, сложилась иерархия богов и своя мифология.

На территории Польши в раннем железном веке складывалось своё культовое строительство. На высоких местах появились постоянные культовые сооружения - городища, валы кото-

рых ограничивали места многократных жертвоприношений в колодцах и каких-то других обрядов, совершавшихся на горах, вершины которых ограждены каменными валами. В дальнейшем сюда происходит проникновение нового населения. Кельтские и германские племена принесли свои особенности в культовой практике и верованиях, но они не были восприняты местным населением. Не нашли здесь продолжения ни германский обычай болотных жертвоприношений, ни кельтские прямоугольные ограды святилищ, ни строительство храмов, до восприятия которых местные жители в первой половине I тысячелетия н. э. ещё не созрели. Было продолжено только устройство круглых святилищ, стоящих под открытым небом и ограниченных круговым рвом. По-видимому, только такая форма святилища соответствовала представлениям местных жителей об устройстве мира и о положении в нём богов.

У исторических славян во второй половине I тысячелетия н. э. продолжали существовать традиции и верования народов, живших в прошлом на землях Польши. Для всех были характерны поклонение силам природы, аграрные культы, почитание Матери-земли, воды, огня. Но были и общие черты обряда, свойственные предшественникам славян и позднее у них сохранившиеся. Главнейшие из них: 1) расположение святых мест в стороне от жилой застройки и длительное их существование на одном и том же месте на протяжении столетий и даже тысячелетий; 2) устройство ограждений, отделявших мир богов от мира людей; 3) принесение в жертву богам животных и людей, часто рассечённых на части, особый культ черепов и отдельных костей, обычай, столь распространённый в Европе на протяжении тысячелетий и сохранившийся у славян на святилищах XIII в. (Звенигород); 4) частые жертвы детей и расположение костных остатков почти на поверхности земли, лишь слегка присыпанных или забросанных камнями, что наблюдалось и в Звенигороде; 5) повсеместно были распространены жертвенные ямы и площадки.

Сохранились у средневековых славян и особенности, присущие обрядности кельтского и лужицкого населения. Это прежде всего жертвенные ямы многоразового использования, в которых слои с жертвами перемежаются со стерильными прослойками. Самым ярким выражением таких жертвенных ям являются глубокие колодцы со слоистым заполнением, широко использовавшиеся и кельтами, и лужичанами и

сохранившиеся на славянских городищах-святилищах. Хронологический разрыв между славянскими культовыми колодцами XI-XIII вв. и значительно более ранними кельтскими и лужицкими заполняется традицией поклонения колодцам с водой, расположенных на святилищах (например, в Иновроцлаве-95). Остатки жертв встречаются в колодцах на городищах Ленчица, Сыпнево (культовые фигурки, кости животных и человека, конский череп), датирующихся XI-XII вв. [Nadolski, 1955, 3. 284 - 286; Szafranski, 1987. s. 371]. Собственно такую же роль выполняли более мелкие ямы со слоистым заполнением.

Лужицкая традиция сооружения культовых городищ, окружённых каменными валами, возродилась у славян как непосредственно на древних городищах, так и при сооружении новых святилищ на высоких горах, которые стали у славян религиозными центрами широкой округи. Маленькие круглые городища-святилища были присущи только средневековым славянам и не встречаются у соседних народов. Среди лужицких городищ есть такие круглые крошечные городища, неизвестные на других территориях, диаметром около 20 м, например, Лагов [Malinowski, 1955, s. 15]. Но это городище не исследовано и его назначение неясно.

Сближаются славянские и лужицкие культовые памятники по составу жертвенных животных - на них преобладает крупный рогатый скот, тогда как среди кельтских жертв доминировали свинья и лошадь, а среди германских жертвоприношений преобладали собака и коза (овца).

Вероятно, несмотря на изменение исторической и этнической обстановки, местные верования и обряды сохраняются на отдельной территории и показывают определённые связи между жителями на протяжении долгого времени. В то же время кельтское воздействие было достаточно сильным. Именно с ним связываются круглые святилища с ровиками и, вероятно,

сама идея божьего дома - храма. Храмы появились у славян в VIII-IX вв., когда языческая религия была уже достаточно развита, появились служители культа, которые могли руководить религиозной жизнью и ведать богослужениями в храмах (храмы в Грос Раден, Фельдберг в Германии, Зелёная Липа, Звенигород в Украине, Гора Хельмска в Польше - Janocha, 1974, s. 97-146; Градиште в Словакии - Marešowa, 1979, s. 535). Но кельтская традиция, вероятно, передавалась посредством германцев с севера, где храмы, близкие по конструкции кельтским, постепенно распространялись с V-VI вв.

Когда общество достигало определённой ступени развития, ему требовалась более совершенная организация культа, усовершенствованные культовые сооружения, усложнённые верования и догмы. По-видимому, славяне достигли такого высокого развития языческой религии ко времени образования у них государственности. Высокий уровень развития язычества виден на Збручских городищах-святилищах, где отражены все достижения культового строительства, складывавшиеся ещё в раннем железном веке - большие городища-святилища с каменными валами, круглые капища с идолами и принесёнными им жертвами, в том числе в виде рассечённых на части животных и людей и отдельных их костей, имевших магический смысл. Здесь же есть храм с идолом, жертвенные глубокие колодцы, длинные общественные дома для сходок, гаданий и пиров, священные источники. Некоторые из особенностей культа этих городищ-святилищ существовали непрерывно с глубоких времён, часть сохранилась традиционно как воспоминания, а остальные могли появиться в силу конвергентного развития и возросших потребностей общества. На фоне сведений о культовом строительстве и обычаях язычников Европы феномен Збручских святилищ не кажется необычным, он вполне вписывается в общую систему развития языческой религии.

4. КУЛЬТОВЫЕ СООРУЖЕНИЯ ЛЕСОСТЕПИ В СКИФСКОЕ ВРЕМЯ (VII-III ВВ. ДО Н. Э.)

Лесостепь в скифское время была заселена оседлыми земледельческо-скотоводческими племенами, культура которых находилась в непосредственном взаимодействии с кочевым скифским миром степей и восприняла многие элементы его культуры. На территории лесостепи выделяются отдельные локальные группы: Молдавская, Западноподольская и Побужская, Днепровского Правобережья, Ворсклинская, Посульская, Северскодонецкая, Сейминская, Среднедонская [Мелюкова, 1989а, с. 44]. Б.Н.Граков и А. И. Мелюкова исключали племена лесостепи из скифского единства [1953]. По А. М. Хазанову племена лесостепи были покорены царскими скифами и лишь по преданию считались им родственными [1975, с. 50], тогда как М. И. Артамонов считал лесостепное земледельческое население родственным по происхождению скифам-иранцам [1974]. В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин придерживались точки зрения о существовании единой скифской культуры с отдельными локальными группами [1983]. Б. А. Рыбаков связывает лесостепные культуры между Днестром и Днепром и на Ворскле с племенами скифов-пахарей и скифов-земледельцев, названных у Геродота “борисфенистами”, входившими в союз племён “сколотов” - восточную часть праславян, генетически восходящих к чернолесской культуре [1979, с. 195-238; 1981, с. 226-227].

Локальные группы лесостепи имели много общего в характере поселений, системе оборонительных сооружений, домостроительстве, хозяйстве, верованиях [Петренко, 1989, с. 67]. Наибольшая близость в культуре наблюдается между Днепровской Правобережной и Ворсклинской группами, возникшими на основе чернолесской культуры, продвинувшейся в VIII-VII вв. до н. э. с запада на левый берег Днепра и встретившейся здесь с местной бондарихинской культурой [Ковпаненко, 1967, с. 184]. Правобережное влияние сказывается на культуре других групп Левобережья, в частности Посульской группы [Петренко, 1989, с. 78-79]. Своеобразие левобережных групп обусловлено также контактами со скифским степным населением, сарматами и греческими колониями Северного Причерноморья.

Памятники Молдавии отличаются от остальных групп лесостепи и тождественны карпато-дунайским, принадлежавшим фракийским племенам. В них проявляются контакты со скифс-

ким населением, что особенно наглядно в металлическом инвентаре. В предскифский период выделяется несколько групп фракийского гальштата на этой же территории и в областях Западной Украины (Гавско-голиградская группа IX-VII вв. до н. э.). В VII в. до н. э. началось продвижение на запад части населения с Правобережья Днепра, что, по-видимому, привело к образованию на голиградской территории Западноподольского варианта лесостепной культуры, в создании которого участвовали племена чернолесской и скифской культур [Мелюкова, 1979; 1989, с. 16-18; 1989а 83-86; Смирнова, 1989, с. 29].

Правобережная Приднепровская группа лесостепных памятников скифского времени (бассейны рек Тясмин, Рось, Ирпень) сложилась на основе чернолесской культуры при сильном влиянии населения степной Скифии и фракийских племён [Петренко, 1961, с. 96-97; 1989, с. 68-71]. В свою очередь чернолесская культура (X-VII вв. до н. э.) занимала территорию лесостепи от Збруча до Днепра и проникала на Левобережье Днепра, на Орель и Ворсклу. Она восходила к белогрудовской культуре бронзового века и находилась под сильным влиянием степных и фракийских культур. Возможно проникновение на её территорию какой-то группы фракийского населения из Молдавии [Мелюкова, 1989, с. 23-27]. А. И. Тереножкин связывал племена чернолесской культуры с праславянами [1961, с. 228-243], С. С. Березанская подчеркивает сильное влияние фракийского гальштата на сложение чернолесской культуры, особенно в южных районах по Роси и Тясмину, и придерживается мнения о фракийской принадлежности чернолесских племён [Березанська, Пясецький, 1978, с. 55; Березанская, 1985, с. 14-15].

Интенсивные передвижения населения по территории лесостепи - фракийских племён с запада до Днепра и на Левобережье, а позднее приднепровского населения на запад, взаимовлияния разных культур, а также нивелирующее воздействие ярких и сложившихся этнических образований степных скифов и фракийцев привели к сближению культур и могли сгладить особенности верований отдельных племён. Выяснение характера культовых сооружений населения лесостепи в какой-то мере может способствовать изучению культурных и этнических связей в скифское время и показать, насколько глубоко зашла интеграция в сфере духовной культуры.

4.1. Религиозные представления степных скифов

Изучение культовых памятников населения лесостепи невозможно без их сравнения с культовыми обрядами жителей степной Скифии. Сведения о верованиях, распространённых в Скифии, содержатся в письменных источниках, главным образом у Геродота. Описанные им обряды и культы касались, вероятно, населения степной Скифии, но могли быть характерными и для племён лесостепи. Религиозно-мифологические представления скифов основательно изучены и по их поводу высказаны разные гипотезы. Д. С. Раевский ставил перед собой задачу реконструкции скифской мифологической системы, основываясь на скифских генеалогических легендах, приведённых Геродотом, привлекая аналогии с близкими скифам иранскими и арийскими народами, данные Ригведы и Авесты, широко используя при этом предметы изобразительного искусства, вещи, выполненные в зверином стиле [1971; 1977; 1985]. Специальные работы, посвященные религиозным представлениям скифов написаны С. С. Бессоновой [1983; 1989; 1990; 1994]. Большое внимание религии скифов уделил Б. А. Рыбаков [1979; 1981]. Во всех работах, за исключением книги Б. А. Рыбакова, который остановился на вопросе о зольниках [1981, с. 304-318], сведения о культовых сооружениях почти не использовались.

Модель мира у скифов - трехчленная по вертикали и четырехчленная по горизонтали, что соответствовало и числу семи скифских богов, как и во всём индоиранском мире [Абаев, 1962, с. 445-447], близка к представлениям самых разных народов [Раевский, 1985, с. 30; Бессонова, 1983, с. 53]. Даже представление о скифской земле, как о четырехугольнике [Геродот, IV, 101] отражает общеарийское представление об организованном мире [Раевский, 1977, с. 80; 1992, с. 47]. Четырехугольные жертвенники также характерны для многих индоевропейских народов [Бессонова, 1983, с. 47]. Из сведений Геродота исследователи делают вывод, что существовал общескифский религиозный центр в Эксампей, где стоял огромный сосуд, сделанный из наконечников стрел и посвященный богам [Геродот, IV, 81; Бессонова, 1983, с. 65]. По Геродоту "у скифов нет ни городов, ни укреплений и свои жилища они возят с собой" [IV, 46], у них "не в обычае воздвигать кумиры, алтари и храмы богам, кроме Ареса. Ему они строят такие сооружения" [IV, 59]. Подобное существовало и у персов: "воздвигать статуи, храмы и

алтари богам у персов не принято" [IV, 54]. Святилища Аресу были воздвигнуты в каждой скифской области и представляли собой горы хвороста с четырехугольной площадкой наверху, на которой водружен меч - кумир Аресу. Ему приносят в жертву коней и рогатый скот, а также одного человека из каждой сотни пленных. Пленных закалывают и отрубаяют у них правую руку [IV, 62]. Жертвенных животных скифы душат и затем варят их мясо [IV, 60]. При казни прорицателей - тоже жертвоприношении - их сжигают на возу с хворостом [IV, 69].

Из приведённых данных видно, что нет собственно надежды найти культовые места кочевников-скифов - их или вообще не было, или они археологически неуловимы, как кучи хвороста или сожженные возы. Д. С. Раевский предположил, что святилище Эксампей могло находиться на огромном майдане у современного с. Цветна Кировоградской области, но доказать это невозможно [Раевский, Шилик, 1981, с. 82]. Может быть, культовое место, посвященное Аресу, было открыто на вершине длинного кургана срубной культуры у с. Балка Запорожской области - здесь был воткнут в землю скифский меч [Отрощенко, 1990, с. 7]. Молитвенный дом, разделённый на отдельные помещения, в одном из которых находился зольник, стоял на Каменском городище [Граков, 1954]. Подобные храмы, состоящие из нескольких помещений, известны в греческих городах, например, в Ольвии. На поселениях Нижнего Днепра встречаются ямы с жертвенным заполнением. Так, на поселении скифского времени у совхоза "Приднепровский" около с. Михайловка Херсонской области в яме, помимо костей животных, обломков посуды, лежал скелет ребенка, в двух других ямах находились разрозненные человеческие кости [Лагодовская, Сымонович, 1973, с. 240-242]. Специальные жертвенные площадки открыты на насыпях Уляпских курганов в Прикубанье и на возвышениях. Площадки имели прямоугольную форму и по их периметру или в отдельных скоплениях были сосредоточены самые разнообразные и великолепные вещи: предметы вооружения, конского снаряжения, орудия труда, бронзовые сосуды и котёл, амфоры, золотые и серебряные ритоны, золотые бляшки с изображениями в зверином стиле, золотая гривна, скульптурные навершия. На одном из курганов находилось деревянное шатровое сооружение, опирающееся на 10 столбов, возможно, святилище бога Ареса [Лесков, 1985].

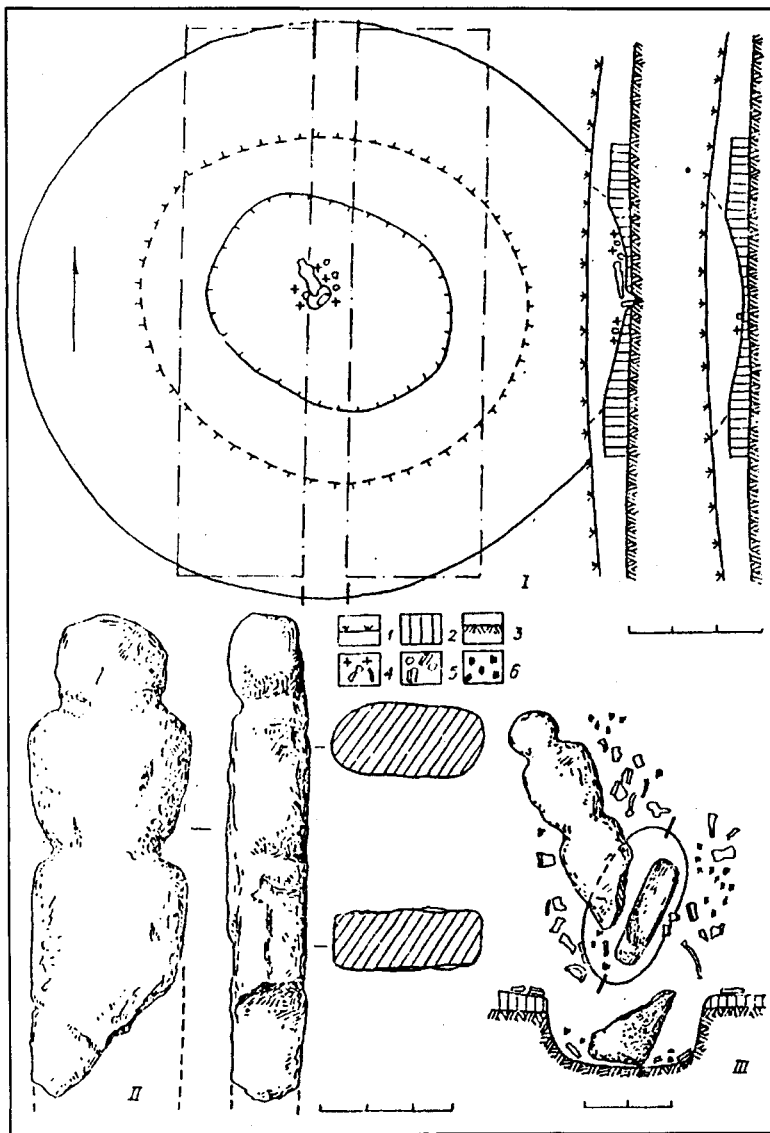

Рис. 121. Скифское святилище возле с. Первомаевка. План и разрез кургана (I); статуя (II) и ее местонахождение (III).
1 - гумус; 2 - выброс; 3 - материк; 4 - кости; 5 - керамика;
6 - угли (Ляшко, Фридман, 1987).

4.1.1. Курганы, майданы, зольники

Основными культовыми сооружениями у степных скифов являлись курганы, которые вездеслужили не только мемориальными комплексами, но представляли собой святилища семьи или более крупной общественной группы. Скифы находились на стадии образования классового общества и раннего государства [Хазанов, 1975, с. 264], для которой характерен культ героев и вождей [Бессонова, 1983, с. 119; 1990, с. 36]. Им приносили жертвы, устраивали на могилах тризны. Геродот подробно описал похороны скифского царя, которого сначала возили по всем областям, затем погребали в могиле, сопровождали его человеческими жертвами, убивали коней и "первенцев всяких других домашних животных". "После этого все вместе насы-

пают над могилой большой холм, причём наперерыв, стараются сделать его как можно выше". Через год совершались новые жертвоприношения [IV, 71, 72].

Скифские курганы действительно достигают огромной величины, насыпались они в несколько приёмов, под ними скрывались сложные сооружения, состоящие из каменных кромlexов и крепид, деревянных гробниц и каменных склепов, находились остатки тризн и огромное количество жертвоприношений. Число убитых лошадей доходило до 360 и они были уложены по квадрату около склепа (Келермес, Ульский аул). В кургане №1 у хут. Красное Знамя на Ставрополье был открыт уникальный храмово-погребальный комплекс, опоясанный кругами из плетня и каменной стены. Внутри находился храм огня - квадрат в квадрате, что соответствовало канонам иранской храмовой архитектуры. В центре стоял каменный корытообразный жертвенник, на котором разводили огонь [Петренко, 1989, с. 218]. В насыпях многих курганов находили жертвенники - каменные плиты с отверстием, по-видимому, здесь же совершались жертвоприношения [Артамонов, 1966, с. 74].

На курганах ставили каменные изваяния, чаще всего в виде антропоморфных столбов, плит, на которых невысоким рельефом были изображены воинские атрибуты - акинак, топор, пояс, ритон, гривна [Ольховский, Евдокимов, 1994]. Изваяния воплощали в себе героизированного предка, олицетворяющего ось Вселенной, структура которой была нарушена во время смерти [Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 76], представление о мире, как космическом человеческом теле [Раевский, 1985, с. 142], отражали культ предков, плодородия [Бессонова, 1983, с. 65]. Антропоморфных изображений богов - идолов у скифов не было, также как у персов, и в Индии в эпоху Ригведы [Хазанов, 1975, с. 170].

В целом же курган представлял собой модель Вселенной, связывал подземный и небесный миры, в эту систему вписывалось и захоронение [Отрощенко, 1990, с. 11-13]. Существовали и специальные культовые курганы, под на-

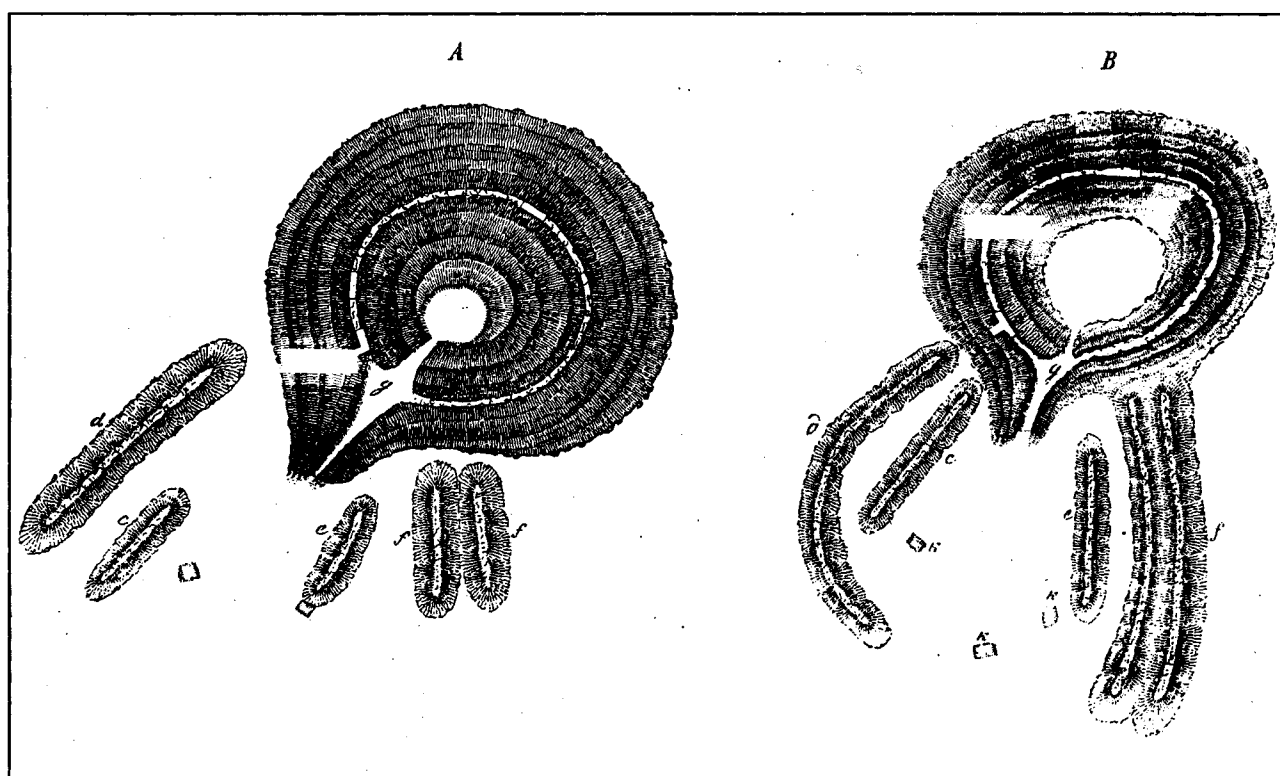

Рис. 122 (Шеппинг).

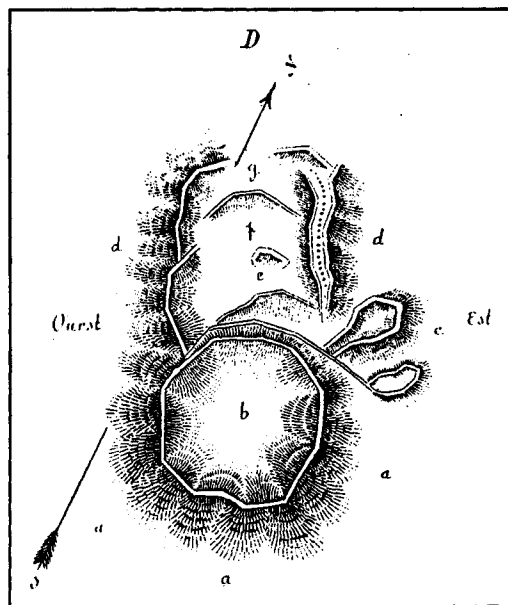

Рис. 123 (Шеппинг).

сыпямикоторыхстоялиантропоморфныеизваяния на каменных базах и были вырыты жертвенные ямы (Первомаевка Херсонской области, Крыловка в Крыму) [Ляшко, Фридман, 1987, с. 71-78; Колотухин, Ольховский, 1989, с. 66-68; Ольховский, Евдокимов, 1994, с. 21]. Традиция связывать культовые места с курганами идёт от эпохи бронзы, как, например, в Верхней Маевке Днепропетровской области в курганах были устроены площадки и кострища с черепами животных, а у с. Большая Украина Херсонской

области под насыпью по кругу диаметром 20 м было расположено восемь ям [Отрощенко, 1990, с. 11]. Курган-святилище эпохи бронзы с каменными стенками внутри и двумя каменными изваяниями в яме раскопан в западном Крыму [Ольховский, 1989, с. 159].

Таким образом, в степной Скифии к культовым сооружениям могут быть отнесены погребальные курганы, особые курганы-святилища (Нижний Днепр, Крым), жертвенные площадки на вершинах некоторых курганных насыпей (Запорожье, Прикубанье), возможно, посвящённые богу Аресу, жертвенные ямы с костями животных и людей, обломками посуды на ещё мало исследованных поселениях Нижнего Днепра (Михайловка), молитвенный дом с зольником на Каменском городище, построенный, возможно, в связи с влиянием греческих городов Причерноморья.

Совсем не понятным остаётся значение загадочных насыпей - *майданов*. Они расположены на возвышенности далеко от воды, часто рядом со скифскими курганами. Насчитывается их до 1500, в основном на Левобережье Днепра в пределах бывших Черниговской, Полтавской, Харьковской, Екатеринославской губерний по рекам Суле, Пслу, Ворскле, Орели, Супоя, Трубежа, Удае [Ляскоронский, 1907, с. 420-421]. Майданы представляли собой высокий кольцевой вал высотой от 2 до 11 м и диаметром

до 100 м [Ковпаненко, 1967, с. 57]. Внутри вала находилось конусовидное углубление и площадка диаметром до 25 м. В валу имелся один или несколько проходов, перед которыми располагалась площадка, ограниченная симметрично насыпанными полукруглыми валиками, часто несколькими параллельными насыпями высотой до 2 м. Майданами усиленно занимались исследователи в конце XIX - начале XX вв. и по их поводу были высказаны самые разноречивые точки зрения. Их рассматривали, как культовые места (Фундуклей И., Бобринский А. А.), городища (Срезневский И.), укрепления казаков-запорожцев (Бублиев Н.), раскопанные курганы (Городцов В. А.), как использование земли курганов для селитроварения [Спицын, 1906, с. 1-13]. Последнюю точку зрения поддержал В. П. Андриенко: землю из курганов вывозили волокушами и складывали в бурты - наружные валики ("крылья" или "усы"), добавляли песок, золу, стебли растений, кости животных и через два года варили в печах селитру из этой смеси [Андриенко, 1971, с. 65-76]. Таким производством широко занимались в XVI - XVIII вв., есть сведения, что в 1613 г. селитру варили на кургане в Скороборе. Но в то же время, В. П. Андриенко признавал, что некоторые майданы остаются загадочными [Андриенко, 1971, с. 76]. Несмотря на то, что серьёзных исследований майданов не проводилось, делались лишь внешние замеры, небольшие шурфы и траншеи через валы, в послереволюционное время интерес к ним был утрачен и укрепилось мнение о майданах, как о раскопанных курганах.

Нерешённых вопросов, связанных с майданами, остаётся много. Прежде всего, вызывает сомнение, насколько целесообразна была добыча селитры из земли, взятой с курганов. Калиевую селитру получали из навоза, проложенного хворостом и пересыпанного строительным мусором, известью и золой. Полученная смесь должна была гнить в течение 3-5 лет, затем она обрабатывалась горячей водой и раствор выпаривался до выделения кристаллов азотнокислой калийной соли [Лукьянов, 1949, с. 144-269]. Селитра была необходима для получения пороха. Проводить все эти операции вдалеке от воды в безлесной местности вряд ли имело смысл. Неясно и то, какое преимущество имела насыпь курганов по сравнению с обычной землёй. Едва ли при производстве выкладывали бы такие аккуратные и симметричные валики-крылья перед насыпью.

Непохожи майданы и на грабительски рас-

копанные курганы. Грабители обычно прокапывали в насыпи колодцы или лазы и стремились проникнуть в погребальную камеру, не проводили таких систематических и трудоёмких работ. Все углубления в центре майданов доходили лишь до уровня окружающей почвы и ни разу не были обнаружены погребальные камеры и захоронения, где должны были бы быть ценные находки. В. Г. Ляскоронский подсчитал, что количество земли в крыльях майдана у г. Пирятина значительно больше, чем могло быть вынуто из верха кургана и из его центрального углубления [1907, с. 430-431]. Кроме того, различался состав насыпей центрального вала и его "крыльев": у хутора Гвоздовка на р. Калитве центральный вал состоял из песка, а боковые из плотной утрамбованной глины и мела, также у майдана в Саранчево центральный вал насыпан из чернозёма, а боковые валы из плотного лесса [Антонович, 1889, с. 22-23; Городцов, 1911а, б, с. 135].

Фактических данных мало для выяснения строения майданов и находок в них. Раскопки проводились очень давно, данные плохо зафиксированы, масштабы работ были очень небольшими - отдельные шурфы и траншеи. Насыпи майданов могли использоваться в разное время и содержать в себе неоднородные находки. По имеющимся отрывочным сведениям можно попытаться восстановить некоторые детали насыпей.

Центральные углубления майданов имели диаметры 10-20 м, доходили в глубину до почвенного слоя. В Ясиновке это углубление было окружено, как стеной, твёрдой жёлтой глиной и около стены кучей лежали кости человека и животных (рис. 122, 123) [Шеппинг, 1867, с. 62-65]. На майдане около Смелы внутренняя впадина имела диаметр около 8 м и в ней находились кости животных, наконечники железных стрел, обломки амфор, а глубже залегала вымостка из камней без всяких находок [Бобринский, 1894, IV, V, VII]. Центральный вал был насыпан из чернозёма с прослойками глины и золы, из чистого чернозёма или из песка. В его насыпи находили возможно одновременные остатки: костяк человека, ориентированного головой на юг, и около него голову лошади и горшок, недалеко лежала куча костей человека и животных [Шеппинг, 1867], три костяка в деревянных гробах (явно поздние), костяк человека с грубыми лепными черепками рядом и большим количеством костей животных и птиц [Бобринский, 1894]. Боковые валы-"крылья" состоя-

ли из плотного лесса, чернозёма, глины, иногда вдоль этих валов прослеживались бревна [Шеппинг, 1867]. Под насыпью бокового вала в Ясиновке находилась куча костей животных, среди них череп и зубы собаки, лошади, человеческие кости, хлебные зёрна [Шеппинг, 1867]. В боковом валу Саранчево найдены шильце, глиняная пуговица, три бронзовых наконечника стрел, бронзовая булава, много обломков посуды, обломки амфор, два обломка нижней челюсти человека, пять зубов ребёнка, астрагал, кости животных. В Скороборе в насыпи бокового вала найдено много обломков посуды [Городцов, 1911а, б, с. 135-144]. Площадка перед входом в майдан, окружённая боковыми валами, - "дворик", имела разные размеры, в среднем диаметр 30-40 м, бывала сильно обожжена до красного цвета [Ляскоронский, 1907, с. 419-434; Спицын, 1906, с. 1-13]. На этой площадке обычно видна западина ямы, одна из которых была раскопана Д. Д. Шеппингом. Яма имела глубину около 1,5 м, была заполнена песком, глиной, пеплом и углём. А. А. Бобринский прокопал центральные ямы в двух майданах у с. Ревовка Чигиринского уезда Киевской губернии до уровня материковой глины и отметил отсутствие каких бы то ни было следов погребения и могильных сооружений [1910, с. 53-56].

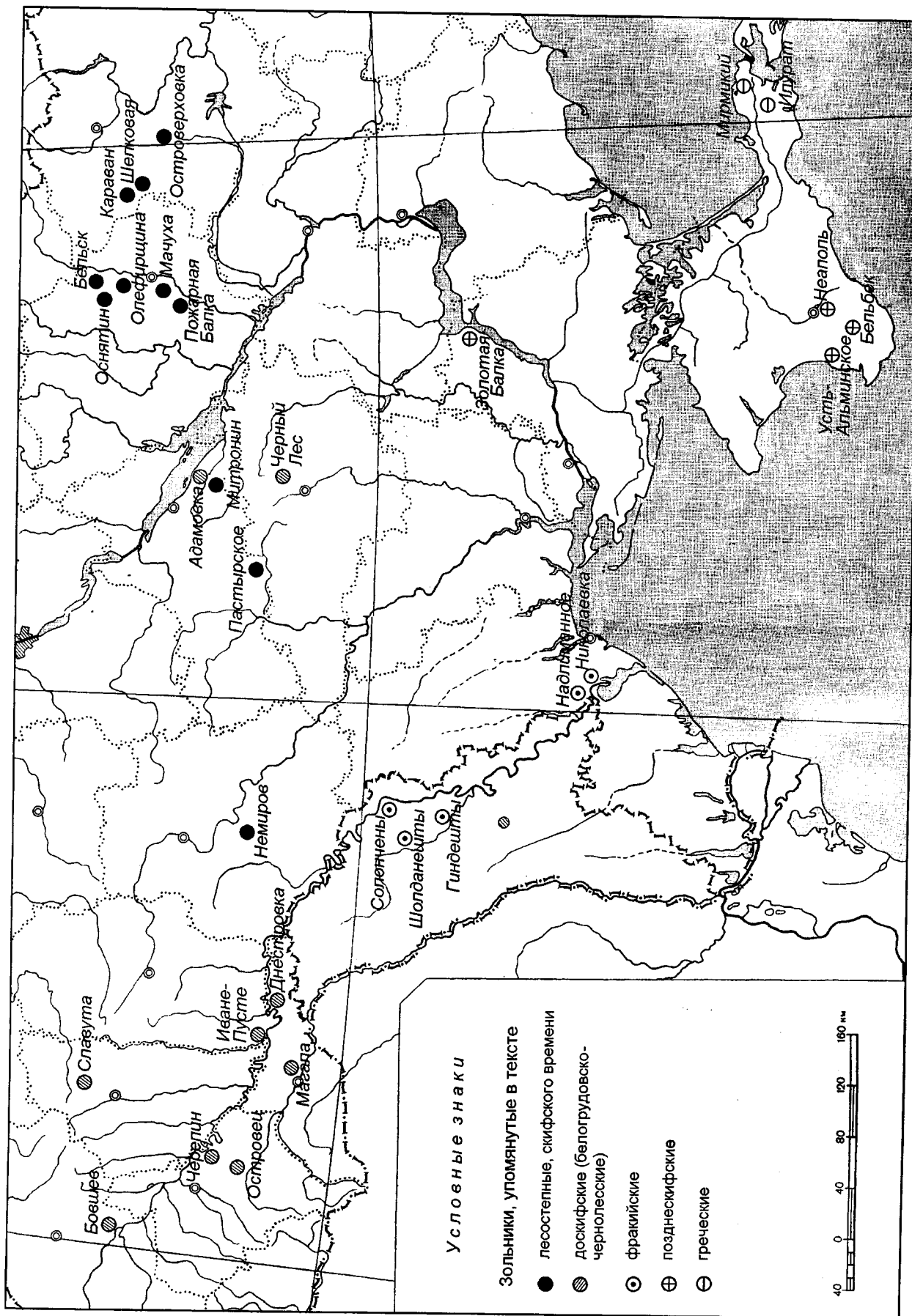
В последние годы Д. Я. Телегин провёл исследования на майдане у с. Перещепино на реке Орель. Майдан находился в ряду семи больших и малых курганов и был практически уже снесён - сохранился лишь его след в виде круга диаметром 52 м. Перед ним был насыпан дуговидный вал длиной 60 м и два углубления шириной 34 м. Здесь было заложено в разных местах 16 траншей. Оказалось, что в центре бывшей насыпи находилась огромная яма 10 x 16 м, глубиной до 2,5 м, заполненная чернозёмом. К северу от ямы прослежено долго существовавшее кострище диаметром 1 м, грунт под которым был опалён на 20 см в глубину. К востоку и к западу от ямы открыты два скорченных погребения с керамикой катакомбной культуры. Во дворике в углублении найдены куски печины и обломки средневековой гончарной посуды. Следовательно, в Перещепино оказался курган эпохи бронзы, разрушенный, как считает Д. Я. Телегин, при селитроварении, хотя явных следов этого не видно [Телегин, 1993, с. 67-69].

По имеющимся данным - отсутствию чётких следов могильных сооружений, наличию костей

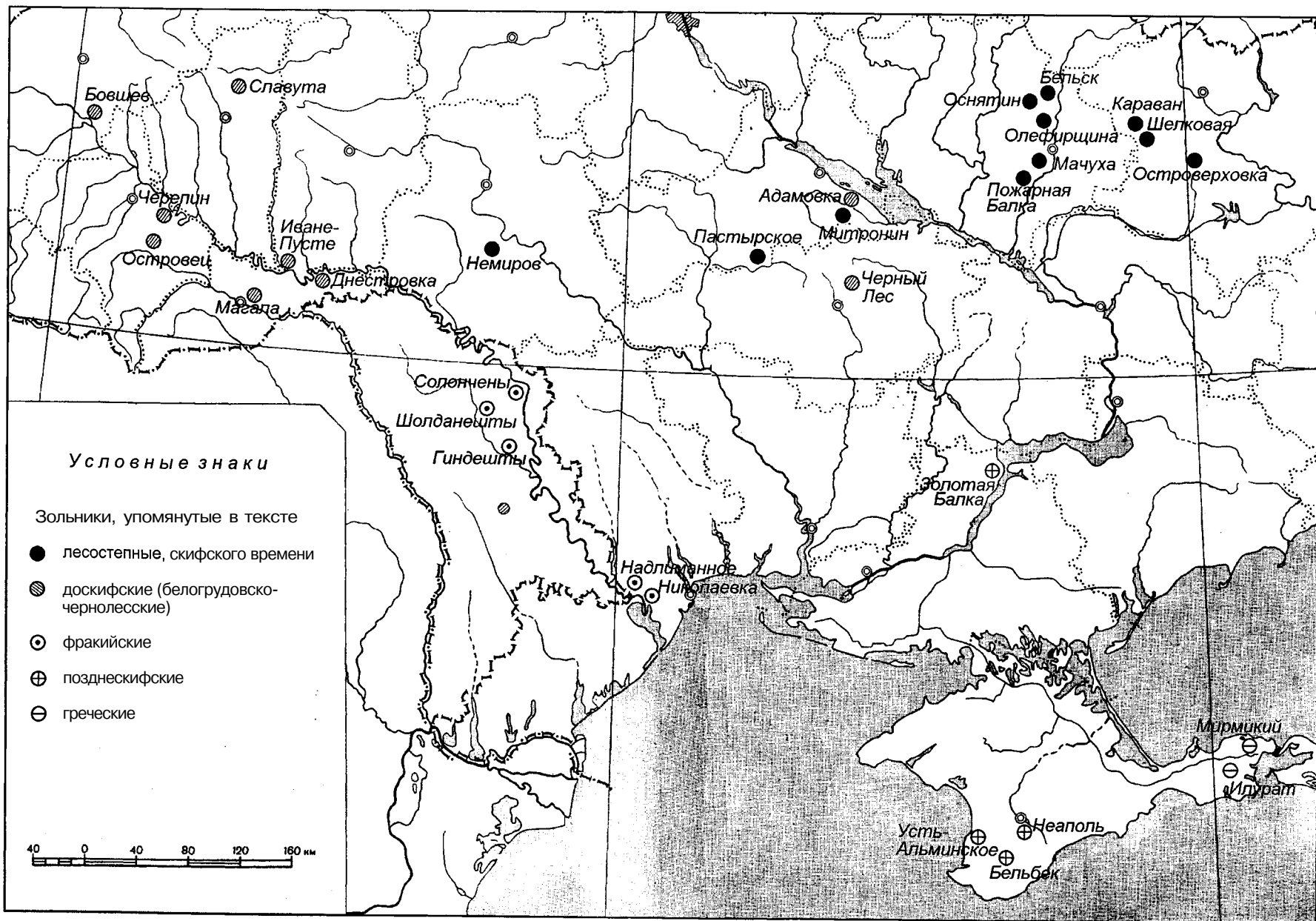
животных и людей в центральной яме и в боковых валах, разному составу насыпей - майданы вряд ли можно считать раскопанными курганами или местами для селитроварения. Возможно, под названием "майданы" объединены разнородные насыпи, в том числе и остатки селитроварения. В то же время находки на майданах соответствуют остаткам жертвоприношений на большинстве культовых памятников. Д. С. Раевский предположил, что центральное, по Геродоту, святилище скифов Эksamпей могло находиться на гигантском майдане у с. Цветна, Кировоградской области (бассейн Южного Буга), имеющего вид огромного кургана, окружённого валом с четырьмя входами в виде космограммы по типу древнеиндийской мандалы, ориентированной по странам света и связанной с главными календарными праздниками скифов [Раевский, Шилик, 1981, с. 81-82]. Ярым приверженцем культового назначения майданов является Ю. О. Шилов, хотя он и не приводит для этого новых данных [Шилов, 1992, с. 112-113]. Пока этот вопрос остаётся открытым и, как столет тому назад писал А. А. Бобринский, можно и теперь сказать: "эти огромные насыпи ожидают своих исследователей" [1894, с. VII].

* * *

Сведения о культовых сооружениях скифского времени на территории лесостепи, как и степи, толком не выявлены, в целом до сих пор не собраны и не сопоставлены друг с другом, не определены их локальные и хронологические различия. В восполнении этого пробела и состоит задача данного раздела, где культовые памятники рассматриваются по отдельным категориям. Самую большую группу составляют жертвенники. В литературе обычно не проводится чёткого разграничения между жертвенниками и алтарями, хотя оно всё-таки есть. *Алтарь* - место, на котором совершалось жертвоприношение, как это было в греческих храмах. *Жертвенники* более широкое понятие, на них тоже приносились жертвы, но остатки жертвоприношений оставались и хранились на том же месте. К жертвенникам относятся алтари, зольники, глинобитные и каменные площадки, очаги, жертвенные ямы и колодцы. Во вторую группу входят культовые постройки типа общественных домов, храмов и молелен. Иногда культовые сооружения разных типов бывают расположены вместе и образуют специальные жертвенные центры для населения целой округи.

Карта 1. Распространение зольников.

Карта 1. Распространение зольников.

Зольники - курганообразные холмы, распространённые от Подунавья до Подонья и Посеймья в предскифское и скифское время (карта 1). Обычно располагаются на возвышенностях, иногда на их склонах, в отдалении от водных источников. Зольники известны на территории селищ, городищ и на удалённых от поселений местах. В конструкции зольников прослеживаются разные детали и особенности, но общим для всех является состав насыпи из золы, мелких угольков и наличие "кухонных отбросов" - обломки керамики, кости животных и различные мелкие вещи.

Изучение зольников проводилось с начала XX в. и особенно интенсивно велось в 50-80 гг. Необычность этого вида памятников привела к их неоднозначной интерпретации. В. А. Городцов рассматривал зольники как места, куда на поселениях в течение долгого времени сбрасывали золу и кухонные отбросы, и приводил сведения о том, что в Полтавской и Ставропольской губерниях до сих пор золу из одного или нескольких домов сбрасывают в одно место [Городцов, 1911, с. 149-150, 206-207]. В. В. Хвойко [1905, с. 95], а затем Т. С. Пассек считали зольники местами трупосожжений [Пассек, 1949, с. 227-229]. Некоторые исследователи, особен-

но А. И. Тереножкин, рассматривали зольники как остатки жилищ, наслоившихся одно на другое, собственно как "жилые бугры" [Рудинский, 1949, с. 78-79; Тереножкин, 1951, с. 173-182; Тереножкин, 1961, с. 6-10].

С. С. Березанская во многих работах приводила данные об отличиях зольников от жилых и погребальных сооружений и вполне определённо связывала зольники с местами культа домашнего очага, куда приносили золу из всех домов посёлка, или с культовым костром, на котором приносились жертвы [Березанська, 1970, с. 20-30; 1974, с. 93; 1982, с. 168-177; Березанська, Пясецький, 1978, с. 48-50]. Осторожно и неопределённо по этому поводу высказывался И. И. Ляпушкин: "зольники есть не что иное, как культурные отложения на участках, где были расположены жилые и хозяйственные сооружения, где протекала частная и общественная жизнь населения" [1951, с. 130]. В то же время он подчеркнул, что на месте зольников находились культовые сооружения, и особенно обращал внимание на углубления в подошве зольника в Пожарной Балке, которые как будто образовывали рельефные изображения птиц (рис. 124) [1961, с. 29-35]. Против связи зольников с культурами резко выступил Е. И. Крупнов [1960, с. 169].

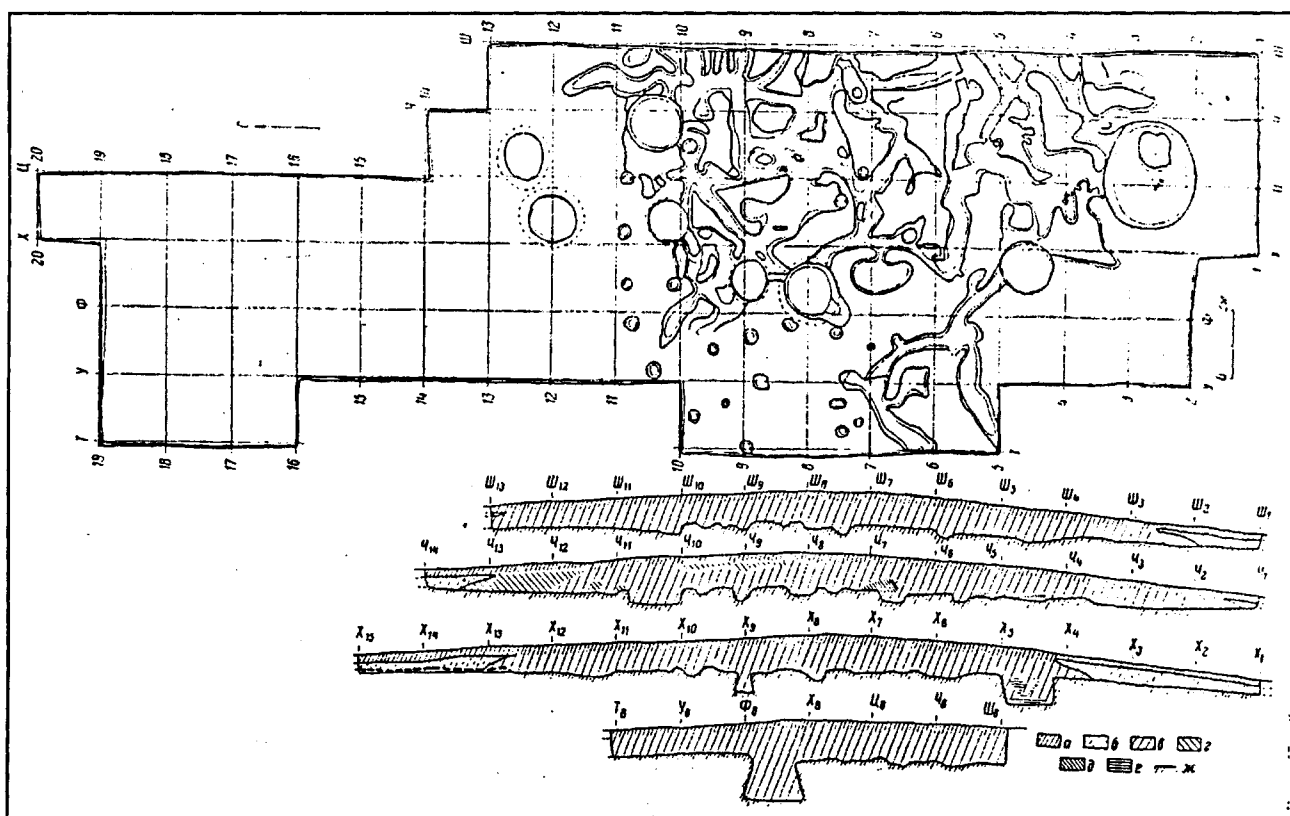

Рис. 124. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. План и разрезы раскопа после снятия культурного слоя. а - почвенный слой; б - подпочва; в - зольный слой более темной окраски; д - зола очажная (с углями); е - куски обожженной глины (в золе); ж - погребенная почва.

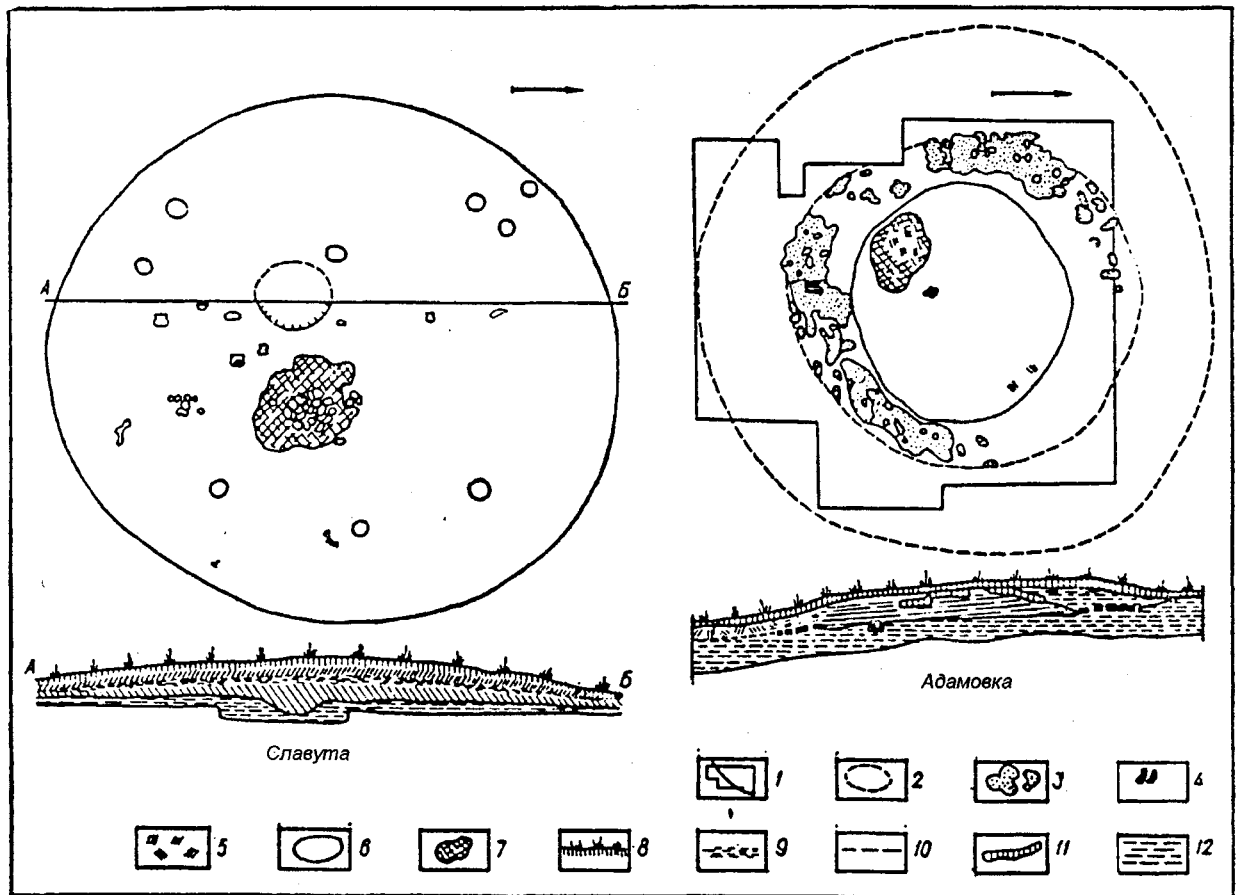

Рис. 125. Зольники в Славути и Адамовке. 1 - границы раскопа; 2 - контур зольника; 3 - глиняное "кольцо" под зольником; 4 - кости животных; 5 - остатки дерева; 6 - площадка под зольным слоем; 7 - кострища; 8 - дерн; 9 - зола; 10 - глиняное кольцо; 11 - растительная прослойка; 12 - материк (Березанская, 1982, рис. 66).

Культовое значение зольников признаётся многими исследователями [Артамонов, 1947, с. 134; Мелюкова, 1961, с. 14-15; Шрамко, 1957, с. 186-187]. Горячо отстаивает эту точку зрения Б. А. Рыбаков, который видит в зольниках священные места деревенских общин, связанные с культурами земледелия и огня. Он подчеркивает отличие зольников от жилищ, многократное разжигание на одном месте костров из соломы, наличие жертвенных остатков и особое значение придаёт изображениям птиц в основании зольника Пожарной Балки. Подтверждает культурную роль зольников, по его мнению, и обычай разведения ритуальных огней у всех народов Европы, восходящий к индоевропейским временам. Этнографические данные свидетельствуют, что на таких кострах сжигали мусор и накопившийся за зиму хлам [Рыбаков, 1981, с. 304-316].

Конкретные данные о зольниках, известных на разных, часто далеко удалённых друг от друга землях, достоверно свидетельствуют о культовом назначении этих памятников.

Так, в "Описании Эллады" Павсания (II в.

н. э.) говорится о зольных холмах, сложенных из остатков жертвоприношений. Жертвенник Зевса - эсхар на вершине Ликейской горы, откуда был "виден весь Пелопоннес" состоял из золы и земли. Жертвенник Геры в Пергаме был также насыпан из пепла. Ежегодно жрецы смешивали золу с водой и покрывали слоем этой массы жертвенники [Павсаний, V, 13, 8-11, VIII, 38, 7]. Эта процедура была необходима и объясняет длительную сохранность зольников, рыхлый листовый слой которых иначе был бы давно развеван.

В Греции некоторые зольники - эсхары были раскопаны. Ещё в 1897 г. исследован курганообразный холм на горе св. Ильи. Насыпь диаметром 30 м и высотой 1,5 м состояла из золы и пепла и включала в себя большое количество обломков посуды, костей животных, миниатюрные сосудики, светильники и монеты VII в. до н. э. Ещё один зольник находился на горе Эте в Средней Греции и был расположен рядом с храмом и алтарём. Зольник существовал с VI в. до н. э. вплоть до римского времени. В его насыпи, помимо обычных для зольников находок,

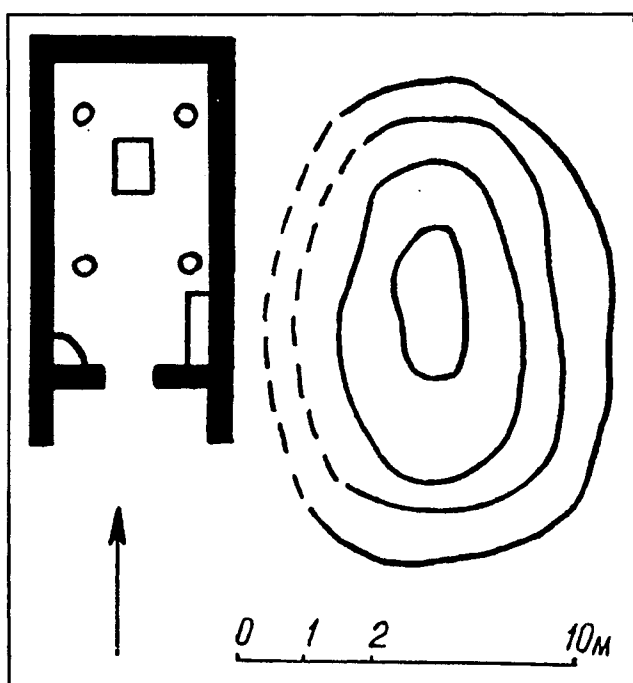

Рис. 126. План здания Е с зольником (Высотская, Неаполь Скифский).

были обнаружены наконечники копий, топоры, серпы, ножи, наковальня, бронзовые сосуды, статуэтки и монеты [Гайдукевич, 1965, с. 34-36]. Такие же зольники известны в античных городах Северного Причерноморья. На площади Мирмикия зольник был насыпан на месте более раннего святилища с углублённым мраморным алтарём, заполненным золой. Зольник достигал высоты 3 м и был насыпан в два периода. Во второй половине V - начале IV в. до н. э. насыпь имела высоту 1 м и частично была ограждена каменными плитками, затем в конце IV - первой половине III в. до н. э., зольник был досыпан еще на 2 м. Здесь найдены многочисленные обломки посуды, до 700 амфорных ру-

чек с клеймами, терракотовые статуэтки, монеты, много граффити с посвящением Афродите, со словом "священный", с именами двух жертвователей [Гайдукевич, 1965, с. 28-36]. Подобный зольник находился в Илурате и также был возведён над каменным алтарем. В насыпи найдены статуэтки и небольшой культовый сосуд [Шургая, 1975]. Второй зольник Илурата был расположен на большом святилище рядом с алтарем и воронковидным углублением. В золе лежали кости козы [Гайдукевич, 1958, с. 41-46]. В самом древнем культовом комплексе Ольвии (конец VI - начало V в. до н. э.), в углублённой постройке зольник был насыпан за перегородкой, имел толщину 1,2 м. Его поверхность периодически выравнивалась, в насыпи и в основании были устроены площадки из глины, вымощенные обломками амфор, всё время возобновлялся процесс горения. В зольнике найдено большое количество костей животных, обломков посуды, жертвенное блюдо, светильник, монеты [Козуб, 1976, с. 124-127]. В Аттике такие жертвенники - эсхары посвящались героям и хтоническим божествам [Латышев, 1899, с. 22].

Культовое назначение античных зольников в Северном Причерноморье, несмотря на присутствие в их насыпях "кухонных отбросов", не вызывает никаких сомнений у исследователей. М. М. Кобылина рассматривала зольники как наиболее простой тип жертвенников, на которых сжигались жертвы [Кобылина, 1984, с. 221]. По В. Ф. Гайдукевичу зольники играли роль алтаря, на котором сжигались жертвоприношения, куда приносили пришедшие в негодность культовые предметы, а также золу со всех очагов святилища, керамику от ритуальных трапез [Гайдукевич, 1965, с. 36].

Зольники скифского времени в лесостепи Украины и позднескифские на Нижнем Днепре и в Крыму подобны греческим по конструкции насыпей и по составу находок. Насыпи зольников бывают большими - в Иванэ-Пустэ диаметр 36 м при высоте 3 м; в Неаполе Скифском они огромные - диаметры от 50 до 125 м и высота достигает 4-5 м (рис. 126, 127), но средние их размеры, например, на Ворскле 15-20 - 30 м в диаметре и 1,5-2 м в высоту. Многие зольники на поселениях распаханы и видны лишь их

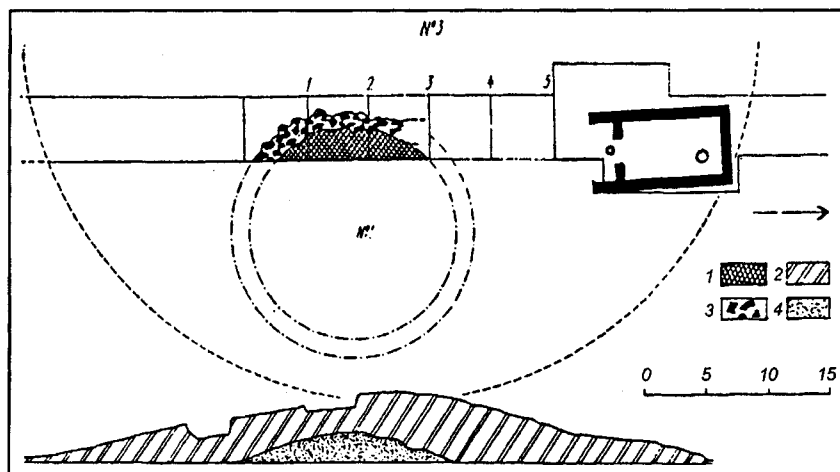

Рис. 127. Схема расположения зольников № 1 и 3: 1 - вымощка зольника №1; 2 - насыпь зольника; 3 - остатки каменной обкладки зольника № 1; 4 - зольник №1. (Высотская, Неаполь Скифский).

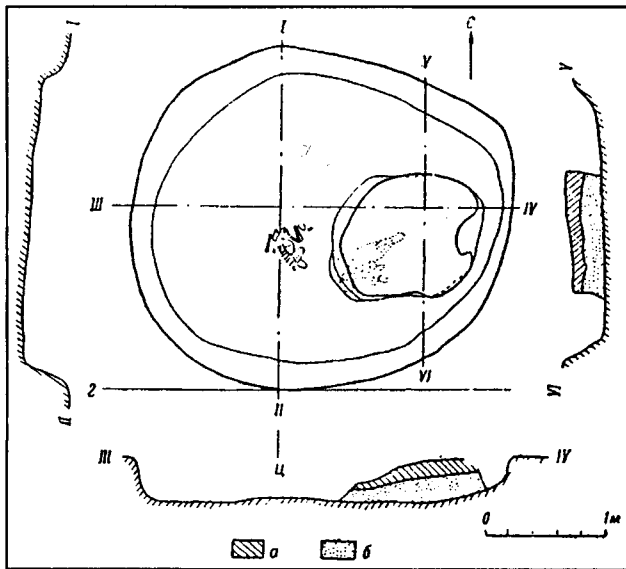

Рис. 128. Селище у хут. Пожарная Балка II. Южный раскоп. План жертвенного места: а - глина; б - зола с углем (Ляпушкин, 1961).

пятна. На Пастырском городище два зольника еле заметны на поверхности.

Насыпи состоят в основном из золы, но обычно имеют слоистую структуру. Прослеживаются прослойки угля, сажи, песка, глины, чередующиеся с чистой золой [Городцов, 1911; Ковпаненко, 1967]. Иногда в насыпи выявляются плотные, как бы цементированные слои [Рудинский, 1949], возможно, возникшие из-за доливания поверхности водой, как это делалось в Греции. Некоторые насыпи на разном уровне содержат глиняные вымостки, остатки жертвоприношений, кострищ, очагов или печей (например, зольник № 1, 3 на Западном Бельском городище [Городцов, 1911, с. 103, 111], в Пожарной Балке [Ляпушкин, 1951, с. 127]). В насыпях зольников выкапывались ямы, часто заполненные костями животных. Эти данные свидетельствуют о многократном и длительном использовании зольников. Как считает Б. А. Шрамко, на одном месте происходило постепенное накопление культурных остатков [Шрамко, 1955, с. 101; 1956, с. 59].

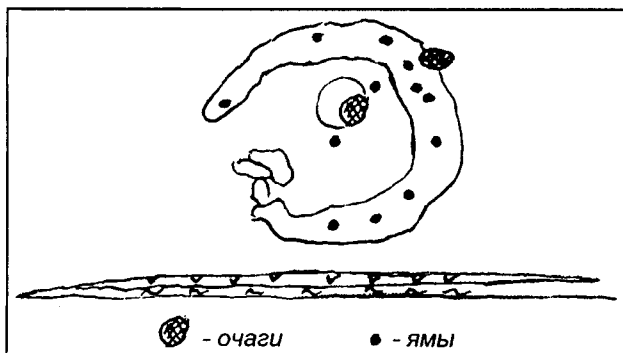

Рис. 129. Шелковая, зольник № 2 (Шрамко, 1964).

Культовое назначение зольников подтверждается тем, что они часто располагаются на местах более ранних культовых сооружений. Так, в Неаполе Скифском зольники находились рядом с общественными домами типа греческих мегаронов (рис. 126). У центральных ворот, но за пределами города стояли два мегарона - прямоугольные здания с портиком, имевшие такие же пропорции, как греческие храмы (ширина в два раза меньше длины - 11 x 5,6 м и 13,4 x 6,5 м). Внутри них сохранились очаги и жертвенные ямы, а рядом с ними зольники. Зольник № 1 был устроен на каменной вымостке, ограничен рядом камней и существовал долгое время - с рубежа III-II вв. до н. э. до рубежа н. э. После разрушения здания на его месте находился очаг из каменных плит, а затем остатки храма и древнего зольника были перекрыты огромным новым зольником диаметром около 60 м и высотой до 4 м. Рядом стояло три менгира [Высотская, 1979, с. 63-64, рис. 19]. Расположение зольников вместе с мегаронами Т. Н. Высотская связывает с синкретизмом скифских и греческих представлений, связанных с культом огня и жертвенными возлияниями [1979, с. 70].

Ещё один зольник в пригороде Неаполя Скифского был насыпан над культовым сооружением I-II вв. Это была овальная площадка, вымощенная известняковой крошкой, на ней находилось три менгира, а под вымосткой помещено захоронение младенца [Махнева, Колтухов, 1980, с. 96-97].

Известны зольники, помещенные внутри построек и храмов, как в Ольвии. На Каменском городище в маленьком "храмике", как его называл Граков, помещение которого было разделено на две части, в одной половине на полу находился небольшой зольник (в поперечнике 2-2,5 м и толщиной 0,5 м), неправильно четырехугольной формы, окруженный тремя канавками [Граков, 1954, с. 62-64, 222]. Подобное встречается и в античных храмах. Так, в Ольвии открыто здание VI-V вв. до н. э., разделенное на несколько частей. Пол центрального помещения был покрыт белой блестящей побелкой. За перегородкой был помещен зольник, имевший толщину 1,2 м, его насыпь периодически выравнивалась и обжигалась. Прослеживаются прослойки из обломков амфор, из глины с соломой, на одной из площадок стояло большое жертвенное блюдо. Как и у всех зольников, насыпь данного была насыщена обломками посуды, костями животных, обломками терракотовых ста-

туэток, найдено до 20 монет. В третьем помещении храма стоял алтарь, сделанный из сырцового кирпича, а четвертое служило хранилищем и в нём находились ряды амфор [Козуб, 1976, с. 124-129]. Здесь исследован целый храмовый комплекс, составной частью которого служил и зольник.

Как в Илурате и Мирмикии, где зольники перекрывали мраморные алтари, зольники в лесостепи насыпались над местами жертвоприношений. Так, на городище Караван открыто культовое место со сложной стратиграфией. Здесь около серповидного вала сначала был устроен жертвенник из глины, имевший тарелковидную форму (его диаметр до 1,5 м). К нему веладорожка, вымощенная камнями. Затем всё было перекрыто зольником, толщина которого достигала 1 м и зола для которого, возможно, собиралась при сгорании соломы на жертвеннике. Сверху в зольник в разное время были впущены ещё три жертвенные ямы. Весь культовый комплекс датируется V-II вв. до н. э. [Шрамко, 1957, с. 60-61; 1957а, с. 182-187]. Культовыми, вероятно, были мощные кострища в основании многих зольников, например, под зольником № 1 на Западном Бельском городище и у ст. Шёлковая [Городцов, 1911, с. 103; Шрамко, 1964, с. 81]. Культовыми могли быть многие углублённые сооружения, открытые в подножии зольников. Таковой по конструкции

и остаткам жертвоприношений являлась круглая яма под зольником в Пожарной Балке (рис. 128), чего нельзя сказать о бесформенных и непонятных углублениях под этим же зольником, которые рассматривались как рельефные рисунки птиц (рис. 124) [Ляпушкин, 1951, с. 128; 1961, с. 110]. Для культовых целей использовалась большая углублённая постройка под зольником № 11 на Западном Бельском городище, постепенно заполнявшаяся разнородными слоями и содержащая большое количество жертвенных приношений [Шрамко, 1987, с. 38-42]. Большая культовая постройка и кострище открыты под Центральным зольником на Матронинском городище VI-V вв. до н. э. [Бессонова, Скорый, 1993, с. 9-10]. Культовыми были ямы со слоистым заполнением и остатками жертв, находившиеся под зольниками на Большом Бельском городище [Городцов, 1911, с. 111], Олещице [Ковпаненко, 1967, с. 53], вероятно, и во многих других случаях.

Как и везде, культовое значение имели ограды вокруг священных мест. Так, на Усть-Альминском городище кругом зольника находились ямы с захоронениями собак, а сам зольник был обведён ровиком, который Т. Н. Высотская сопоставляет с подобными сооружениями на славянских святилищах [1989, с. 31]. Такое же круглое сооружение со столбовыми ямками по периметру открыто под зольником у станицы

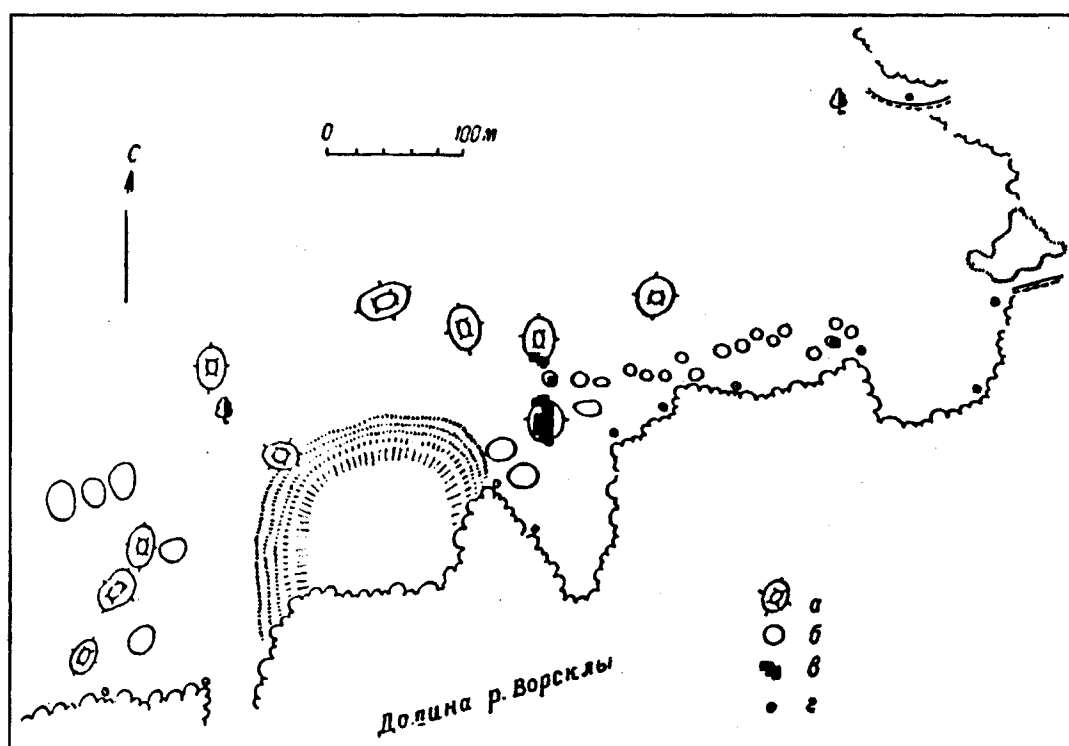

Рис. 130. Селище у хут. Пожарная Балка II. План селища. а - зольники; б - курганы; в - раскопы; г - межевые знаки лесной дачи (Ляпушкин, 1961).

Шёлковая и, возможно, тоже было связано с культом (рис. 129) [Шрамко, 1964, с. 182]. Ограды кругом зольников были сложены из камней, как в Неаполе Скифском [Высотская, 1979, с. 63-64], или выложены из черепов и рогов быков, как в урочище Осняги [Щегленко, 1983, с. 117; Бессонова, 1989, с. 74]. Все культовые сооруже-

ния в основании зольников относятся к разным группам и более подробно рассмотрены в других разделах.

При сооружении зольников, помимо использования традиционных мест, где издавна совершались обряды, выбирали участки, удалённые от поселений, или располагали зольники рядом

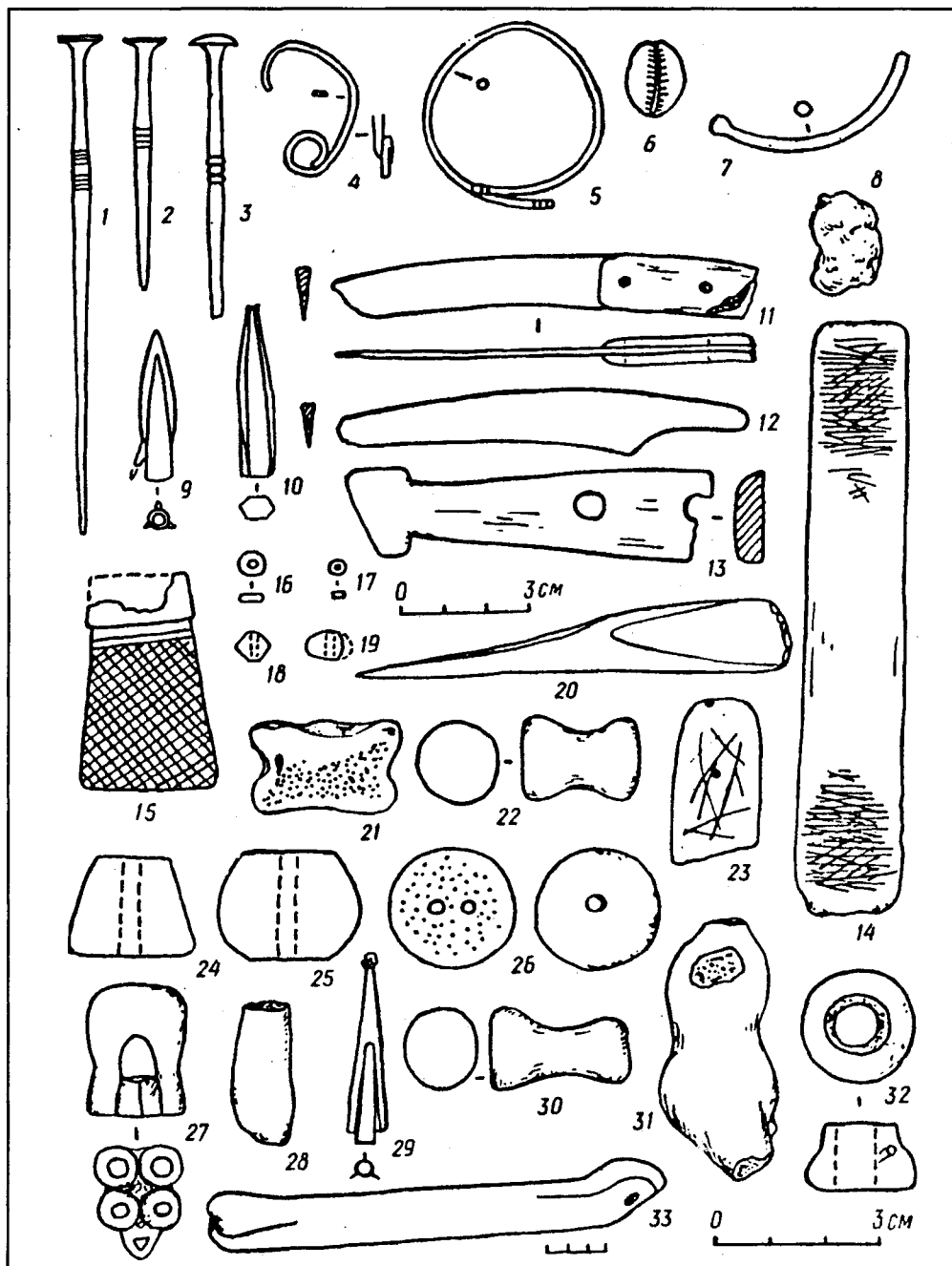

Рис. 131. Находки в землянке № 1-11-1958 и зольнике № 11 Западного укрепления Бельска: 1-3 - булавки; 4 - подвеска; 3, 7 - браслет и обломок браслета; 6 - украшение из раковины Каури; 8 - слиток; 9, 29 - наконечники стрел; 10 - заготовка для наконечника стрелы; 11, 12 - ножи; 13 - обломок псаля от конской уздечки; 14 - накладка от лука; 15 - обломок рукоятки; 16-19 - бусы; 20 - проколка; 21 - гладильник; 22, 30 - изделия в виде катушки; 23 - обломок точильного камня со следами незаконченного сверления; 24, 25 - пряслица; 26 - изделия типа пуговиц; 27 - профиль для уздечки; 28, 31 - обломки статуэток; 32 - деталь от деревянного псаля; 33 - орудие типа конька для разглаживания кожи. (Материал: 1-5, 7-9, 29 - бронза, 11 - железо и кость, 12 - железо, 10, 13-15, 20, 21, 27, 32-33 - кость, 23 - камень (сланец), 22, 24-26, 28, 30-31 - глина, 16-19 - стекло) (Шульц, Зап. Бельское городище).

с курганами, как это, например, было в Пожарной Балке или в ур. Осняги около Вольского городища (рис. 130) [Ляпушкин, 1961, с. 99-100; Бессонова, 1989, с. 74]. Около с. Островерховки известно до 60 зольников, расположенных несколькими группами, удалёнными друг от друга на 300-600 м. Некоторые группы зольников находились на месте поселения (группа III), другие в отдалении от селища (группы IV, V), одна группа примыкала к курганному могильнику [Шрамко, 1956, с. 56-64, рис. 1]. Зольники, находившиеся около жилищ, по мнению Б.А. Шрамко, были связаны с культом домашнего очага патриархальных семей, тогда как зольники, удалённые от селища и не содержащие пищевых отходов, служили местом культа всех членов общины [Шрамко, 1956, с. 64].

Очень часто зольники располагались на территории селищ или городищ и под насыпями оказывались остатки наземных и полуземлячных жилищ, глинобитных печей и хозяйственные ямы. Не всегда с уверенностью можно судить о назначении ям. Как и на поселениях самых разных культур, ямы обычно содержат обломки посуды и кости животных, лишь редко у них наблюдаются более яркие особенности, позволяющие выяснить назначение ям. Вполне могли быть культовыми ямы под зольником в акрополе Золотой Балки, заполненные пеплом и обставленные камнями [Вязьмитина, 1962, с. 65]. Такие же функции могли иметь ямы у с. Кучмовка на Ворскле, заполненные золой [Ковпаненко, 1967, с. 77], необычная "колодезеподобная" яма под зольником № 3 в Шёлковой [Шрамко, 1964, с. 184]. Не все постройки, находившиеся под зольниками, служили жилищами. Например, в Иванэ-Пустэ открыта сгоревшая постройка с гончарной печью, здесь же находились большие жаровни (диаметрами 60-80 см) и зёрна хлебных злаков, проса, ячменя, бобовых культур [Ганина, 1965; Бессонова, 1989, с. 73]. В других случаях под зольниками находились землянки, как в Западном Бельском городище [Ковпаненко, 1967, с. 63; Шрамко, 1971, с. 54; 1987, с. 38-48], на многих селищах [Ковпаненко, 1967, с. 76-77], или наземные дома, как на многих поселениях Северского Донца, в Островерховке, Шёлковой [Ковпаненко, 1967, с. 79; Шрамко, 1955, с. 101; 1956, с. 59; 1964, с. 181-184].

Таким образом, зольники размещали как над более ранними культовыми сооружениями, сохраняя при этом древние традиции, или около курганных могильников, то есть тоже в сакральной зоне, так и на местах уже покинутых жилых и хозяйственных построек. Последнее их

размещение, вероятно, тоже имело культовый смысл, связанный с почитанием дома, домашнего очага и системой обрядов, применяемых при оставлении старых жилищ. Жилой дом сам по себе являлся почитаемым объектом и повторял в себе структуру мира [Байбурин, 1993, с. 11].

Для культовых сооружений наиболее показательны состав сделанных в них находок. Для зольников исследователи обычно отмечают как бы примесь мусора, наличие "кухонных отходов" (рис. 131). Но такие "отбросы" - черепки глиняной посуды и кости животных присутствуют буквально на всех святилищах разного времени и различных народов. По поздним этнографическим данным хорошо известно, что у славян, фракийцев и других балканских народов черепки и кости животных наделялись важными магическими функциями, способствовали возрождению, размножению, плодородию [Русанова, Тимощук, 1993, с. 74, 80]. В зольниках наблюдается особое внимание к глиняной посуде. Очень распространены миниатюрные сосудики, которые обычно считаются культовыми, иногда из черепков устраивались целые вымостки на разных уровнях зольничной насыпи (Западное Бельское городище, зольник № 4 [Городцов, 1911, с. 111]; Пожарная Балка [Ляпушкин, 1961, с. 101]). Кости животных бывают представлены в разном виде: в Неполе Скифском находились сожжённые кости, в зольнике № 11 Западного Бельского городища кости (позвонки, рёбра, лопатки, челюсти домашних животных) лежали плотным слоем [Шрамко, 1975а, с. 126], часто в золе лежали целые скелеты барана/овцы, свиньи (Западное Бельское городище, зольник № 1 [Городцов, 1911, с. 103]; зольник 19 [Шрамко, 1971, с. 54]), ещё чаще встречаются черепа или челюсти животных, в том числе собак, части туш коров и лошадей (в тех же зольниках и во многих других). Костей в зольниках бывает очень много - в Пожарной Балке до 2000 [Ляпушкин, 1951, с. 127]. Наиболее распространены кости свиней, мелкого и крупного рогатого скота, лошадей и собак.

В традиционной иерархии жертвенных животных у индоевропейских народов на первом месте стоял конь [Гамкрелидзе, Иванов, 1984, с. 548]. Он в мифологии индоевропейцев был связан со всеми тремя мирами и с ними же соотносились части тела коня. Особое значение придавалось отсечённой голове коня, которая была посвящена богу огня Агни и входила в одну из частей трехчастного космоса [Иванов, 1974, с. 94; 1989, с. 79]. Корова сопоставлялась с полднем и

солнцем, собака служила проводником в загробный мир [Раевский, 1985, с. 192-194]. У скифов жертвоприношения животных описал Геродот. Они приносили в жертву богам, а Аресу "ещё больше, чем прочим богам" домашний скот и, в особенности, коней. Мясо жертв варят, иногда при этом, сжигая кости животных, а затем часть жертвы посвящают божеству [IV, 60-62]. "Свиной они не приносят в жертву и вообще не хотят разводить этих животных в своей стране" [IV, 63]. В отличие от степняков, население лесостепи разводило свиней и приносило их в жертву.

Во многих зольниках находились кости человека. Целые скелеты встречались редко - в зольнике Пожарной Балки скелет человека лежал в золе на глубине 60 см, был ориентирован головой почти к западу [Ляпушкин, 1951, с. 127]. Гораздо чаще попадались разрозненные кости конечностей (в том же зольнике у Пожарной Балки, в зольниках Западного Бельского городища [Городцов, 1911, с. 111]), отдельные челюсти, кусочки черепа и чаша, сделанная из черепной коробки (часто в зольниках Западного Бельского городища [Шрамко, 1971, с. 54; 1987, с. 38-40]).

Геродот неоднократно описывает жертвоприношения людей у скифов. На святилищах Ареса ежегодно "из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека", при этом у него отрубает голову и "правые плечи с руками", оставляя их лежать у святилища [IV, 62]. Из черепов врагов, в том числе и родственников, скифы изготавливают чаши и выставляют их на показ, что "считается доблестным деянием" [IV, 65]. Многочисленные человеческие жертвы скифы приносят при похоронах царя [IV, 71, 72].

Несомненно, вотивными являлись массовые находки в зольниках глиняных фигурок животных и людей, символизирующие жертвоприношения, глиняные лепёшки - имитация хлеба, глиняные модели зёрен пшеницы, ячменя, ржи, гороха и других культур (170 таких зёрен найдены в зольнике городища Караван [Шрамко, 1957, с. 60-61; 1957а, с. 188]). Глиняные хлебцы использовались в культовых комплексах Ольвии и Нимфея [Худяк, 1962, с. 56; Козуб, 1976, с. 125; Руслева, 1992, с. 170], здесь же и в Херсонесе в культовых целях применяли модели зёрен и разных плодов [Латышева, 1989, с. 66].

Частыми находками в зольниках служат пряслица, грузила, оселки, зернотёрки, ножи, наконечники стрел, реже встречаются булавки, шилья, бронзовые браслеты. В единичных случаях найдены: фибула I-II вв. н. э. в Неаполе Скифском [Высотская, 1979, с. 66] и здесь же три

ключа, бронзовая гривна на Западном Бельском городище и псалий [Городцов, 1911, с. 111], секира и зеркало в Островеверховке [Шрамко, 1956, с. 59], льячка в Караване, серп в Шелковой, височное кольцо в Западном Бельском городище [Шрамко, 1956, с. 59; 1957а; 1964, с. 181-184; 1971, с. 54]. Собственно такой же набор предметов, состоящий из орудий труда, в том числе и сельскохозяйственного, оружия, острых режущих предметов, украшений, характерен для святилищ и жертвоприношений всех времён и народов. По А. К. Байбурину, любая вещь обладает практической и символической функциями, она символизирует нечто более важное, чем она сама [1981, с. 215-216]. Украшения часто считались оберегами, а также и острые предметы, жертвы которых служили магическим целям, должны были помогать в труде и в битвах. Гривны являлись атрибутами власти, а замки и ключи символом защиты и сохранности. Повсеместно почитались точильные бруски, так как они считались более сильными, чем железо [Сидоров, 1928, с. 126]. Даже мусор олицетворял дух дома, и его нельзя было просто выбрасывать [Виноградова, 1982, с. 35].

Совокупность всех сведений о зольниках скифского времени в лесостепи показывает, что они не являлись остатками жилищ или погребальных сооружений, которые хорошо известны на синхронных памятниках этой территории и существенно отличались от зольников. О культовом назначении зольников свидетельствуют следующие данные:

- 1) расположение зольников на месте более ранних культовых сооружений или заброшенных жилищ, а также в сакральных зонах могильников или на возвышенностях в отдалении от поселений;
- 2) постепенное накопление золы и многократное использование зольников - слоистый состав насыпей, разжигание костров в основании, и, периодически по мере возрастания насыпей, устройство здесь же глинобитных очагов, вымосток из костей, черепков, глины;
- 3) символическое ограждение зольников каменными заграждениями, ровиками, столбами, костями животных;
- 4) жертвенный характер находок - вотивные глиняные фигурки, глиняные хлебцы, модели зёрен, кости животных и человека, обломки посуды, бытовые вещи, оружие и украшения.

Зольники являлись своеобразными жертвенниками, куда собиралась зола из считавшихся священными домашних очагов отдельных патриархальных семей или целой общины [Шрам-

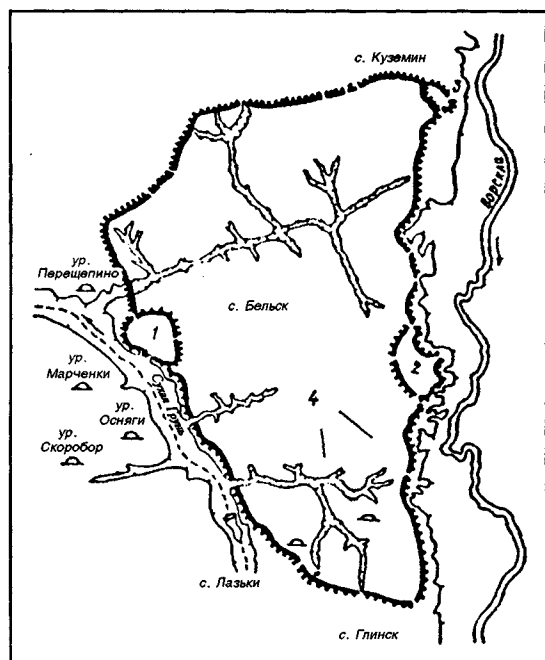

Рис. 132. Общий план Бельского городища: 1 - Западное укрепление; 2 - Восточное укрепление; 3 - Куземинское укрепление; 4 - Большое Бельское городище (Шрамко).

ко, 1956, с. 64]. Особенно почитался царский очаг - "если скифы желают принести особо священную клятву, то обычно торжественно клянутся богами царского очага" [Геродот, IV, 68]. Геродот сопоставлял греческую богиню домашнего очага Гестию со скифской богиней Таби-

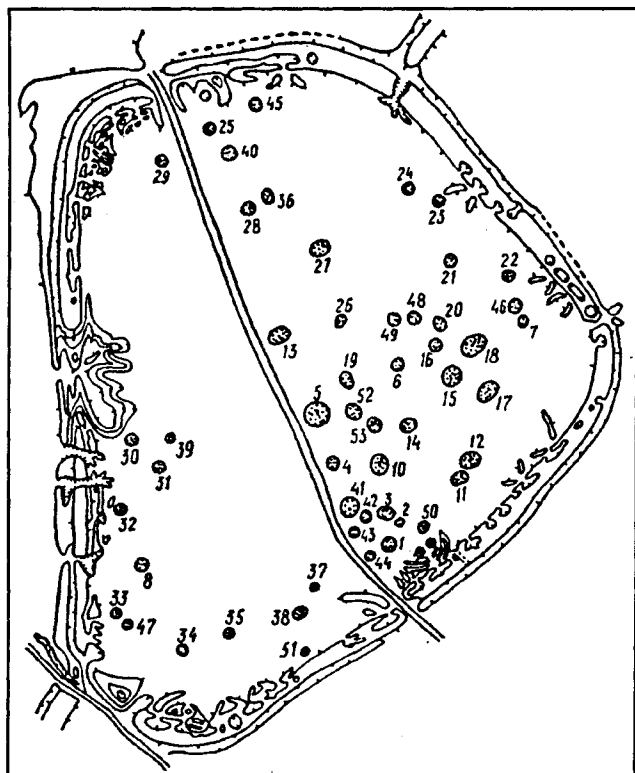

Рис. 133. План Западного укрепления Бельского городища (1-53 - зольники) (Шрамко).

ти [IV, 59]. Связанные с огнем верования и ритуалы восходят к единой системе представлений, относящихся к индоевропейскому периоду. Огонь считался основным элементом мира, с ним связан основной бог ведического пантеона Агни, воплощавший небесный, домашний и жертвенный огонь, доставлявший жертвы богам [Раевский, 1977, с. 87-98]. В зольники, на которых время от времени разжигался огонь, приносили и жертвенные дары, попадавшие таким образом к богам. В основном жертвоприношения в зольниках связаны с сельскохозяйственными циклами. Ежегодное ритуальное убийство человека отражало общемировой мотив осеннего умирания природы, при этом смерть рассматривалась как непереносимое условие продол-

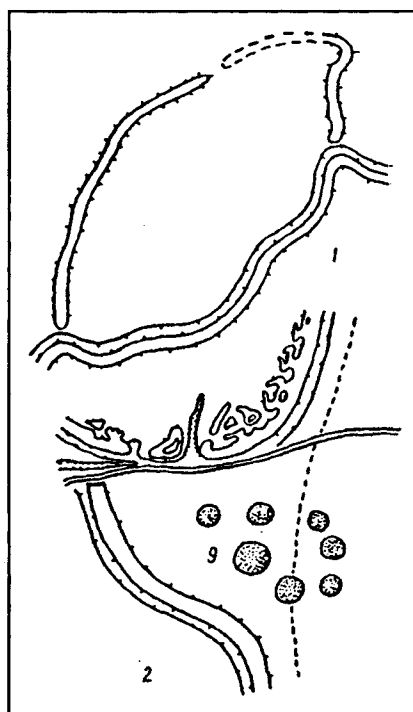

Рис. 134. План куземинского укрепления (1) и расположение зольников в ур. Царина Могила (2) на Большом Бельском городище (Шрамко).

жения жизни [Раевский, 1977, с. 110-111]. Жертвы животных, глиняные хлебцы, модели зёрен, серп, видимо, должны были обладать магической силой и способствовать урожаю и плодородию. Сама форма зольников, может быть, отражала представление древнеиндийской религии о том, что круглый очаг является воплощением огня земного [Иванов, 1969, с. 63]. В связи с этим устройство круглых зольников и жертвоприношения в них должны были способствовать земным делам людей, благополучию семьи и сохранности домашнего очага, для чего, конечно, была необходима помощь богов.

Зольники скифского времени на лесостепных памятниках встречаются очень неравномерно. На многих поселениях Левобережья Днепра их совсем нет [Ляпушкин, 1961, с. 38], на селищах Правобережья их тоже нет, они известны только на городищах Немировском и Пастырском (два еле заметных возвышения) [Ковпаненко, 1967, с. 80; Титенко, 1956, с. 52]. В некоторых случаях отсутствие зольников могло быть связано с длительной распашкой и уничтожением насыпей. В то же время скопление зольников вместе по 10 и больше насыпей на отдельных поселениях, возможно, было вызвано особым значением этих поселений или разными традициями населения, часть которого

пользовалась зольниками, другая их не насыпала. В этом отношении характерно расположение зольников на Бельском городище, которое разделено валами на несколько частей (рис. 132). Наибольшее число зольников 53 расположено на небольшом Западном городище (рис. 133), тогда как на Восточном нет ярко выраженных зольников, на Куземинском городище у вала есть только один зольник, а на краю огромного Большого Бельского городища всего семь зольников, расположенных по кругу (рис. 134) [Шрамко, 1975а,б]. Особенности Западного и Восточного городищ, проявляющиеся в конструкции жилищ, в отличных типах очагов и печей, в своеобразии керамического

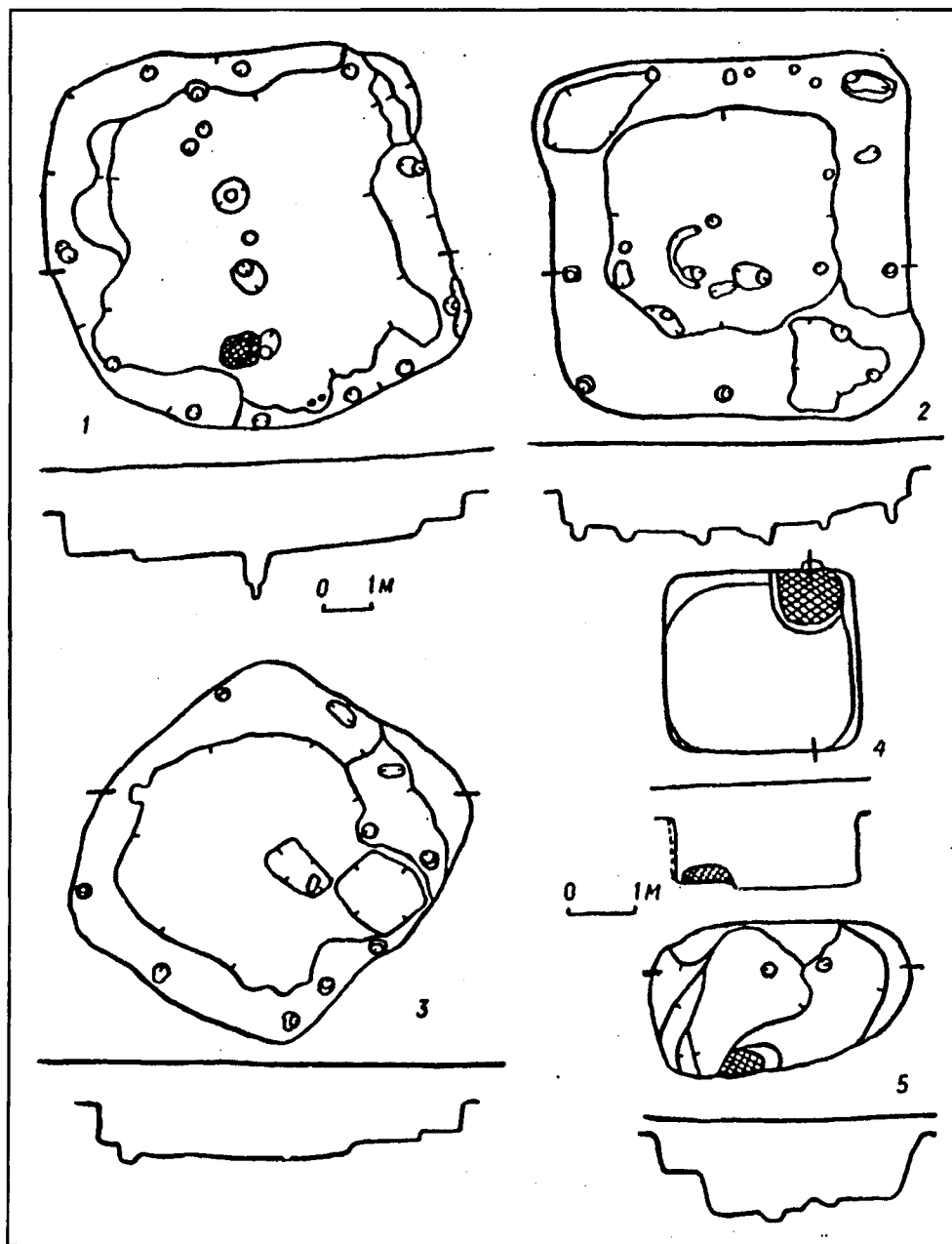

Рис. 135. Землянки Западного (1-3) и Восточного (4-5) укрепления Бельского городища (Шрамко).

набора (рис. 135), в отсутствии зольников на Восточном городище, где золу и кухонные остатки бросали в котлованы жилищ, В. А. Шрамко объясняет разным по этническому составу населением на этих городищах. По его мнению, на Восточном городище жили потомки коренного местного населения, оставившего позднерубную и бондарихинскую культуры, тогда как на Западном городище поселились выходцы с Правобережья Днепра - носители жаботинского типа чернолесской культуры [Шрамко, 1975а, б, с. 76, 77; 1987, с. 18]. В центре Восточного городища находилось своеобразное святилище, состоявшее из глиняных жертвенников и жертвенных ям [Шрамко, 1987, с. 127]. Возможно, и Западное городище, почти сплошь покрытое зольниками, представляло собой специальный жертвенный комплекс, служивший культовым местом для окрестного населения. Такие культовые места, где была сосредоточена масса жертвенников, известны в лужицкой культуре [Geisler, 1969, s. 132-140]. Скопления зольников могли являться особыми культовыми центрами, как, например, в Островерховке и в Пожарной Балке [Шрамко, 1956; Ляпушкин, 1951; 1961, с. 100-110]. Вопрос о том, действительно ли существовали особые культовые места, где были сосредоточены жертвенники-зольники, пока решить невозможно, так как неизвестно соотношение поселений с зольниками и поселений, их не имеющих, нет даже общей карты распространения зольников.

Переселение части чернолесских племен с Днепровского Правобережья на Ворсклу, Сулу, Орель, где распространилась правобережная керамика, исследователи отмечали для VIII-VII вв. до н. э. [Ковпаненко, 1967, с. 173; Ромашко, 1982, с. 54-57]. С этим передвижением населения, по-видимому, связано и появление обычая насыпать зольники, который широко распространился на территории Ворсклинской и среднедонецкой групп памятников и существовал в VI-III вв. до н. э. (раскопанные и самые известные зольники - Мачуха, Пожарная Балка, Бельск, Караван, Островерховка, Шелковая).

На Правобережье Днепра и до Днестра и Дуная в лесостепной полосе сооружение зольников имело древние традиции. Самые ранние зольники, относящиеся к периоду поздней бронзы XIV/XIII - XII вв. до н. э., известны на поселениях культуры Ноа, распространённой в Подунавье, по Пруту и Днестру. Например, у с. Островец Ивано-Франковской области 10 зольников расположены рядом с жилищами.

В общем, зольники такие же, как на Левобережье Днепра: их диаметры 25-50 м, высота 0,3-1,6 м; насыпь состоит из слоев золы, пепла, чернозёма; встречаются вымостки из глины и камней; под насыпью находились ямы со слоистым углистым заполнением, разрушенные печи, наземные жилища; насыпь содержала обломки посуды, кости животных, глиняные хлебцы, кельт, тесло, каменный серп, обломки льячек, матрицы, шлаки [Балагурі, 1968, с. 135-142]. Подобные зольники раскопаны у с. Магала Черновицкой области. В их подножии находились очаги, ямы с золой и костяком лошади, остатки землянки культуры Ноа, а в насыпи отмечено два скопления миниатюрных сосудов, стоявших вверх дном [Смирнова, 1972, с. 12-28].

Культура Ноа, оставленная фракийским населением, оказала существенное влияние на белогрудовскую культуру, на памятниках которой от Днепра до Збруча также распространены зольники. Они часто расположены в стороне от поселений на возвышенностях и удалены от воды, что подчеркивает их культовый характер. Белогрудовские зольники не отличаются от зольников культуры Ноа по топографии, строению насыпей, находкам (рис. 136) [Березанская,

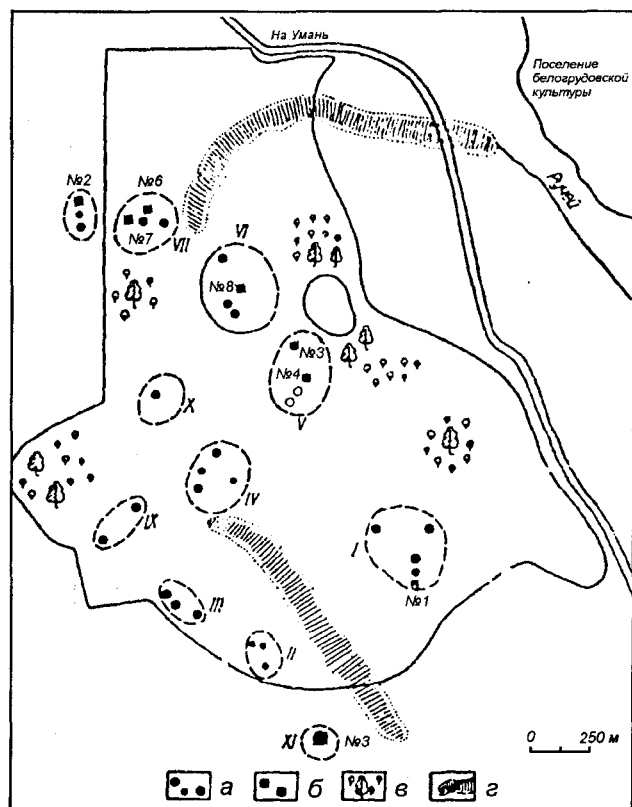

Рис. 136. Собковка. Расположение зольников и поселения белогрудовской культуры: а - зольники; б - раскопанные зольники; в - участки леса; г - ложбина (Березанская, 1982).

1982, с. 170]. В основании зольников и в их насыпях часто находятся огнища, вымостки из глины и камня, ямы с находками, а иногда культовые постройки; сами насыпи сооружались в несколько приёмов и состоят из слоев золы, глины и чернозёма; в них найдены фигурки животных, миниатюрные сосуды, бронзовые височные кольца, каменные серпы, молоты и стрелы, зернотёрки и глиняные хлебцы [Березанская, Тищенко, 1952; 1954; Березанская, 1970; 1974; 1982]. Основание одного из зольников у с. Адамовка было окружено плетнем и кольцом изглиняной обмазки, под которой лежали скелеты и черепа домашних животных. Изредка в зольниках встречаются и скелеты людей [Березанська, 1970, с. 21; 1974, с. 94-96].

В VIII - начале VII вв. до н. э. в южных районах распространения белогрудовской культуры под большим воздействием культур фракийского галыштата складываются чернолесские памятники, для которых зольники остаются столь же характерными, сохраняют такую же структуру и состав находок. Зольники в это время известны от Днепра, особенно много их около Умани, до Поднестровья. Самый западный из них раскопан у с. Днестровка Черновицкой области [Смирнова, 1985], а северо-западные у сс. Черепин, Бовшев в Верхнем Поднестровье [Крушельницька, 1976, с. 127], у с. Славута на Горыни. В одном из зольников с. Славуты найдено до 2,5 тысяч черепков от 300-500 сосудов, кости животных, железные удила VII - начала VI в. до н. э. [Березанська, Пясецький, 1978, с. 53-54]. Передвижение части чернолесских племён к востоку привело к распространению зольников в скифское время на Левобережье Днепра [Березанська, Пясецький, 1978, с. 50; 1982, с. 169-170].

Таким образом, зольники распространились в среде оседлых племён лесостепи, которые занимались земледелием и у которых был развит культ огня. Сходные условия жизни привели к стабильности идеологических представлений и обрядов в лесостепных областях Правобережной и отчасти Левобережной Украины на протяжении 500-600 лет [Березанская, 1982, с. 174; Березанська, Пясецький, 1978, с. 50]. Своеобразная форма жертвенников - зольники появилась среди фракийских племён, создавших культуру Ноа, и распространилась на Левобережье при помощи племён чернолесской культуры, возможно, также оставленной фракийцами [Березанская, 1985, с. 14-15].

В скифское время на Правобережье Украины зольники используются уже достаточно ред-

ко - два зольника расположены на Пастырском и один на Немировском городище, два зольника известны в Западной Подолии у с. Иванэ-Пустэ [Ганіна, 1965]. Но фракийское население на территории Молдавии, принадлежавшее к Сахарно-Солонченской группе фракийского галыштата, продолжала пользоваться зольниками в VII-III вв. до н. э. [Мелюкова, 1958]. В это время в лесостепном Левобережье зольники применялись очень широко. Зато в степных областях Украины у скифов зольники совсем не были распространены. Они есть в степном Крыму, но связываются там с местным населением [Кругликова, 1963, с. 72] и на левобережье Днестровского лимана (Николаевка, Наддиманное), но здесь прослеживаются черты культуры гетофракийских племён, господствующих на правом берегу лимана по соседству [Мелюкова, 1975, с. 13-14, 192-194]. В степях известен ещё один необычный по форме прямоугольный зольник, окружённый ровиками и помещённый в постройку на Каменском городище, расположенном собственно уже в пограничье степей и лесостепи [Граков, 1954, с. 222]. Может быть, исчезновение обычая сооружать зольники в лесостепной полосе Правобережной Украины было связано с усилением влияния и давления на эту территорию из степной Скифии.

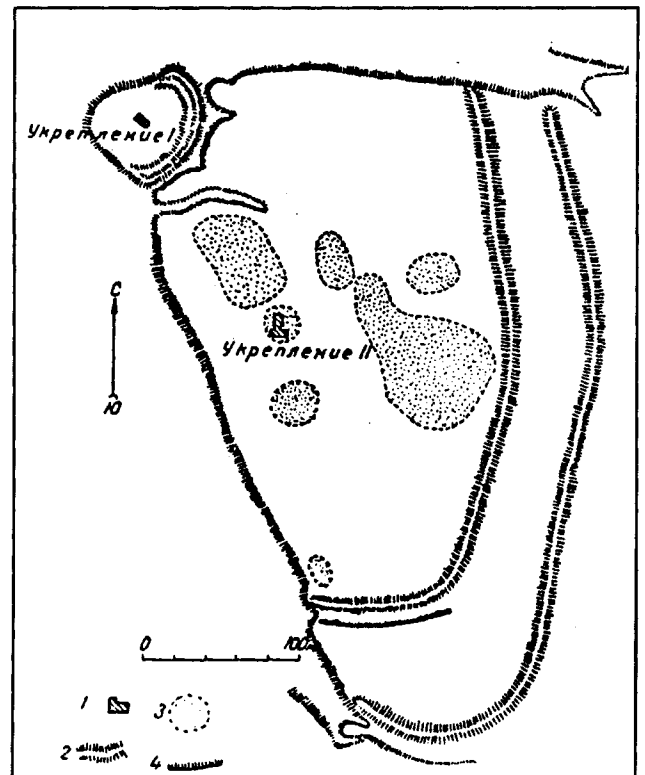

Рис. 137. План центральной части Чернолесского городища. 1 - раскоп; 2 - вал; 3 - зольник; 4 - ров (Тереножкин).

С прекращением жертвоприношений в зольниках Левобережной Украины совпало их распространение на позднескифских памятниках Нижнего Днепра и Крыма. Зольники здесь располагались на окраинах поселений и за стенами городищ (рис. 138). В Неаполе два зольника находились внутри города и два за пределами городской стены. Они располагались рядом с культовыми зданиями типа мегарон и обычно направо от их входа, как это было принято в греческих храмах. В зольниках, помимо характерных для этого рода памятников находок, обнаружены терракотовые фигурки греческих богов, курильницы, подставки с бараньими головами. По мнению Т. Н. Высотской, зольники отражают синкретизм скифских и греческих представлений [Высотская, 1979, с. 63-71]. Вполне возможно, что распространение на позднескифских памятниках зольников было вызвано не связями с лесостепными областями, а с влиянием греческих обычаев сооружать зольные жертвенники, известные в Греции ещё в VII в. до н. э. [Гайдукевич, 1965, с. 34-36]. Благодаря этому второму, южному, пути распространения зольников, берущему своё начало на Балканах, как и северный, фракийский, путь, зольники появились на Северном Кавказе. В V-III вв. до н. э. они известны на меотских поселениях Кубани, например, на поселении Усть-Лабинское. Ме-

отские племена находились в тесных контактах с греческими колониями, а с IV в. до н. э. были включены в состав Боспорского государства. [Каменецкий, 1989, с. 235, 245, 249]. Зольники были распространены и в Предкавказье на поселениях кобанской культуры раннего железного века. По Е. И. Крупнову, зольные кучи имели только хозяйственно-бытовой характер и не являлись культовыми. Но он сам отмечает, что обычай насыпать зольные кучи до сих пор сохраняется у нагайцев Ставрополя, величина зольника должна показывать достаток дома и многочисленность семьи [Крупнов, 1960, с. 168-171]. Следовательно, зольники до современности имели символическое значение.

4.1.2. Курганы-жертвенники

В лесостепном Днепровском Правобережье известен ещё один, пока ещё довольно загадочный тип культовых сооружений VII-V вв. до н. э. - курганные насыпи без захоронений, которые являлись, вероятно, жертвенными местами. Насыпи состояли из множества прослоев земли, глины и золы. На горизонте, под насыпью кургана № 1 в Станиславчике обнаружено 13 ямок с обгоревшими ветками и небольшими брёвнами и амфора, вкопанная в материк, а также две крупные ямы, заполненные слоями земли, золы, тлена, углей и костями животных. Под

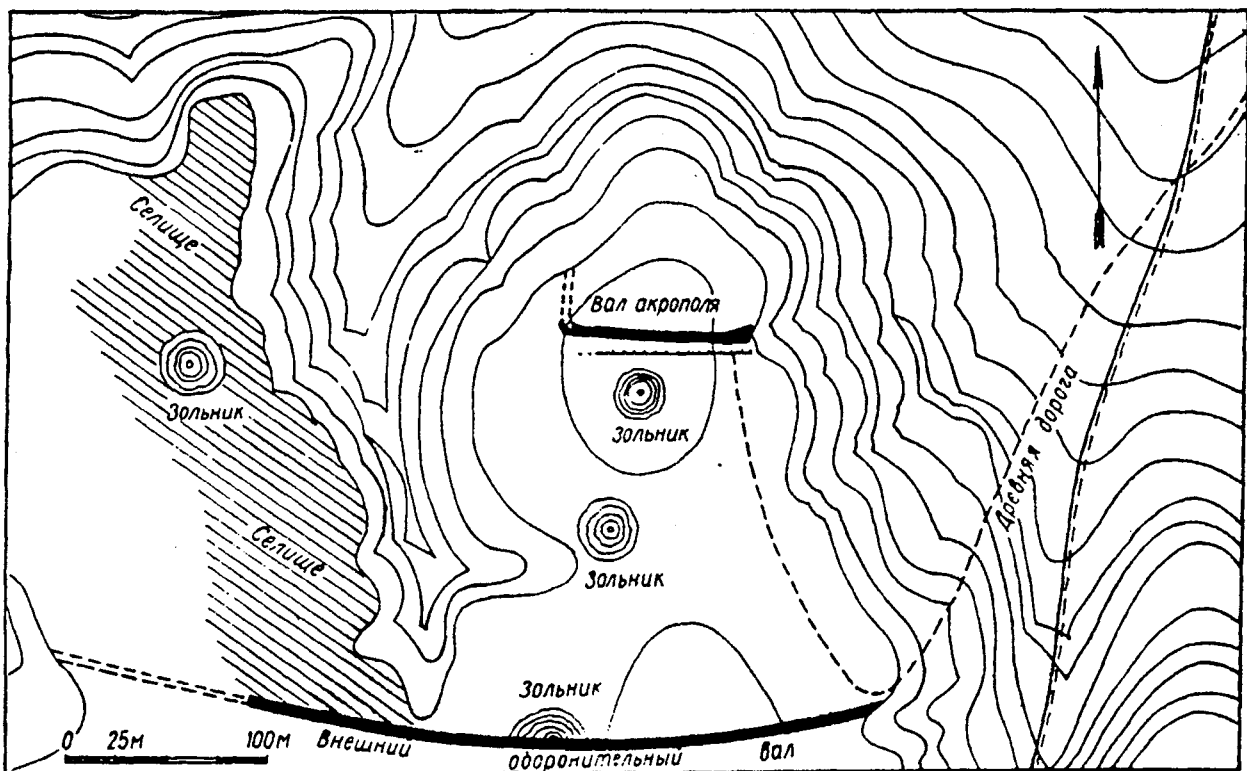

Рис. 138. Булганак (Шульц, 1967).

насыпью второго кургана здесь же находились лошадиные черепа, кости других животных. Такие же насыпи встречены на курганных могильниках Гуляй-Город, Ковалиха, Жовтневе. В их основании стояли сосуды, были вырыты неглубокие ямки с углём, пеплом, обломками посуды, костями кабана, собаки, челюстью медведя, пряслица, шилья [Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 36-49]. В принципе, эти насыпи

могли быть кенотафами, но в кенотафах обычно, как в погребальных курганах, есть место для захоронений. Скорее эти насыпи похожи на зольники по характеру сооружения и по жертвенным находкам.

Подобные насыпи раскопаны в Черновицкой области. Они располагались между курганами, некоторые из них можно считать кенотафами, так как в них есть ямы для захоронений,

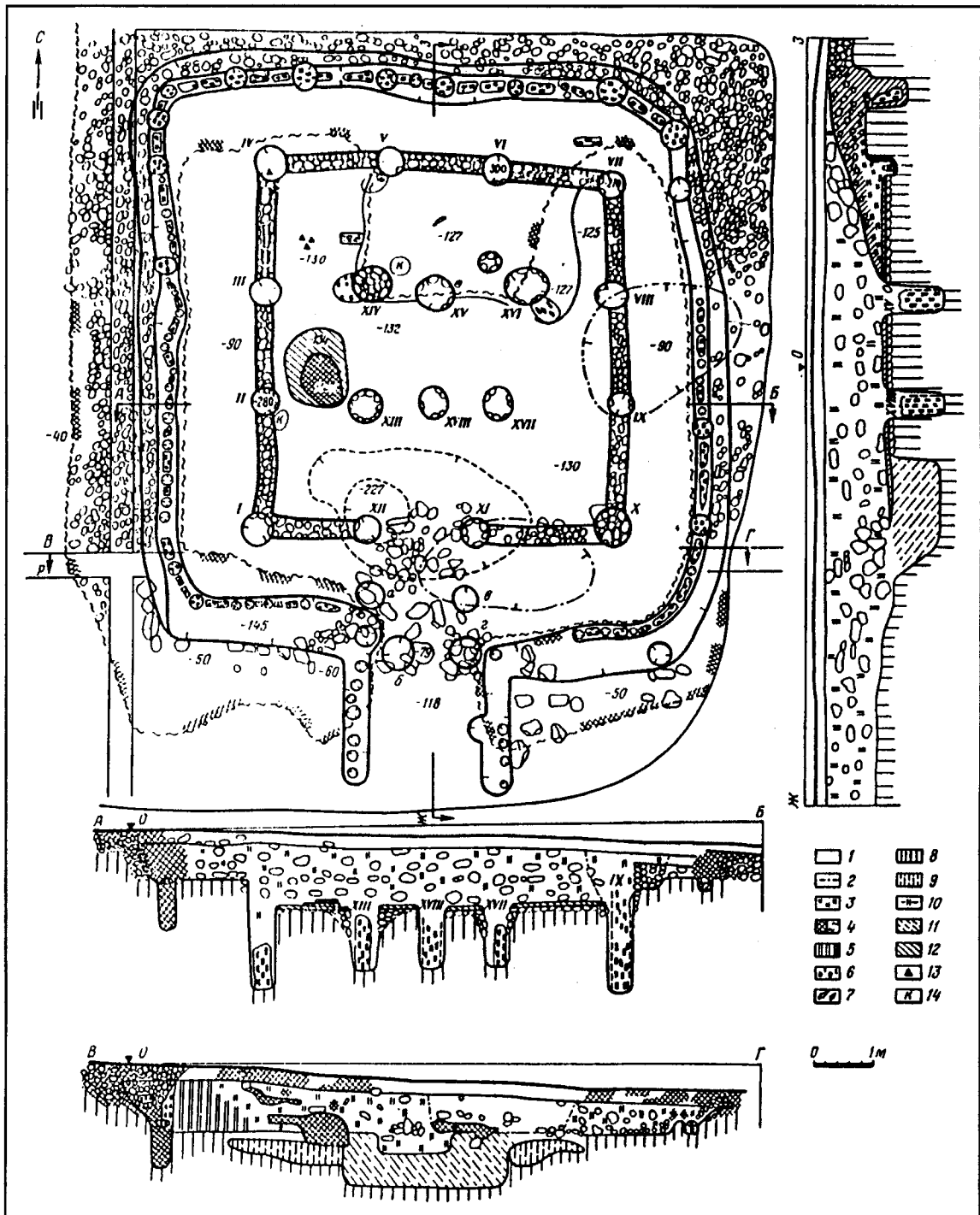

Рис. 139. Перебыковцы. План и разрезы кургана № 2: 1 - пахотный слой, 2 - контуры грабительских ям, 3 - заполнение могилы, 4 - пережженный грунт, 5 - перекаленный грунт, 6 - уголь, дерево, 7 - наконечники стрел и копья, 8 - материк, 9 - материковый выкид, 10 - граница пожара, 11 - заполнение ранней ямы, 12 - обожженная глина - подмазка пола, 13 - керамика, 14 - кальцинированные кости (Смирнова, 1979).

но в ряде случаев насыпи, по-видимому, являлись остатками жертвенных сооружений. Так, в Новосилке¹ курган № 1 мог быть кенотафом, тогда как курган № 2 не имел никаких признаков погребения. В центре под насыпью лежала круглая каменная плита (диаметром 1,2 м), ко-

¹ Сейчас Мамаевцы. - прим. ред.

торую окружал прямоугольник, состоящий из больших ям, соединенных между собой ровиками (размеры прямоугольника 5,3 x 4,7 м). Дно и стенки ям выложены камнями, в их заполнении находились пепел, угли и пережжённые кости животных. Под насыпью найдена кремневая стрела и ручка бронзового зеркала. Анало-

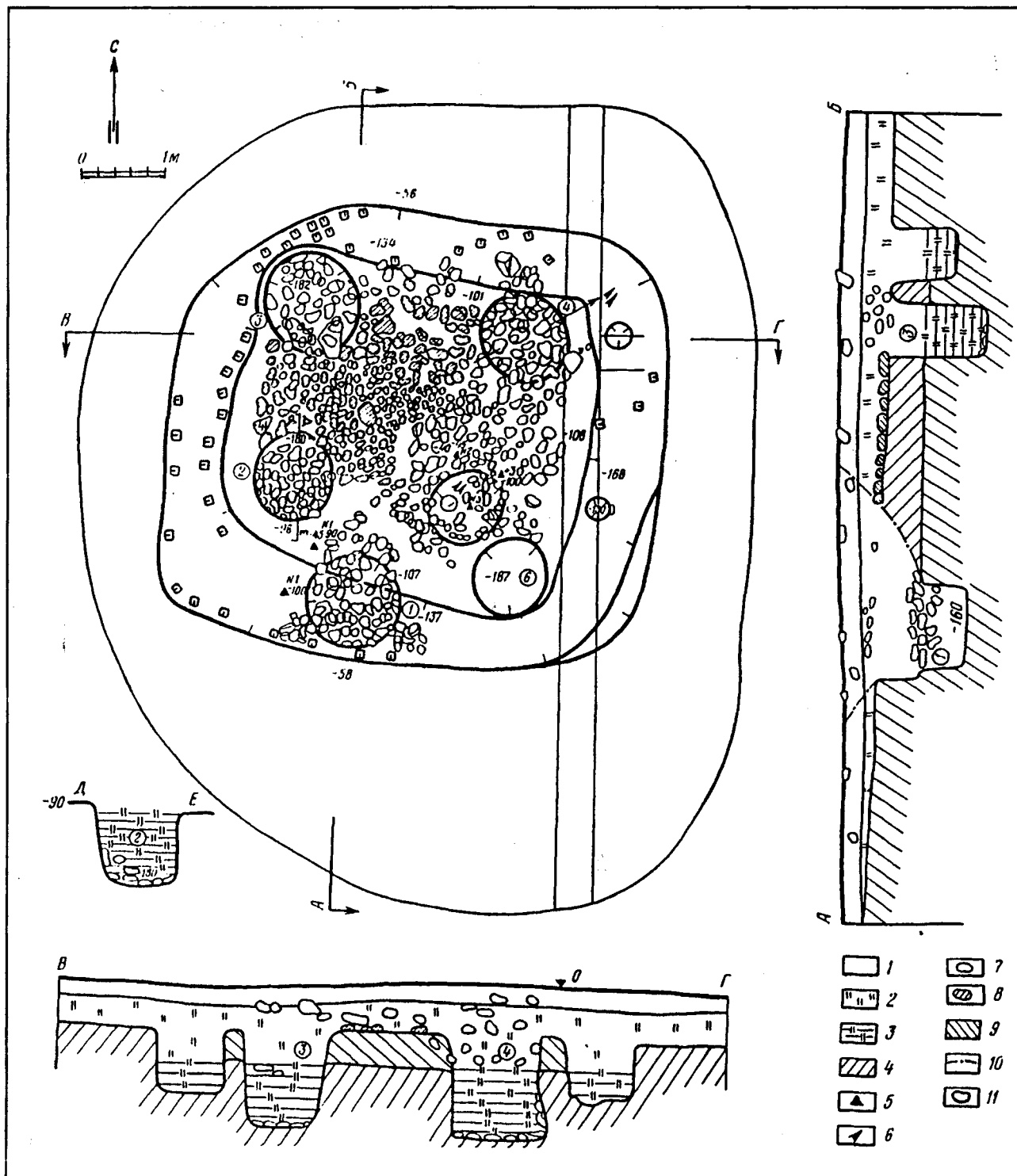

Рис. 140. Перебыковцы. План и разрез кургана № 5: 1 - пахотный слой; 2 - переотложенный суглинок; 3 - белое вещество - продукт разложения дерева; 4 - материк; 5 - керамика; 6 - наконечники стрел; 7 - камни верхнего горизонта; 8 - каменный пол камеры; 9 - "платформа" из глины; 10 - контуры грабительской ямы; 11 - камни нижнего горизонта (Смирнова, 1979).

гичный курган раскопан у с. Белоусовки. В его центре была расположена овальная площадка, сложенная из камней (диаметр 2 м). Кругом неё был очерчен прямоугольник, в периметр которого входило шесть больших ям (их диаметры и глубина около 1 м), соединённых ровиками. Всё основание насыпи было окружено кромлехом из больших камней (диаметр 10 м) [Тимошук, 1974, с. 87-90]. Автор считает подкурганые сооружения остатками святилищ.

Эти насыпи отличаются от распространённых в Западноподольской группе памятников курганов VI-V вв. до н. э. отсутствием погребальных камер, в которых помещались трупоположения и трупосожжения, чаще безурновые [Петренко, 1989, с. 73]. Погребальные камеры укреплялись деревом и камнями, большими столбами поддерживалось перекрытие. Иногда в камерах нет остатков захоронения, что можно объяснить действиями грабителей, или поминальным характером кургана (например, в Долинянах курган № 4). В некоторых курганах вокруг погребальных камер были сооружены ограды из камней, столбов, ровиков (Долиняны, Перебыковцы). Г. И. Смирнова вполне обосновано считает эти курганы погребальными и сравнивает их с подобными курганами Среднего Поднепровья. В связи с этим она отрицает культовый характер и насыпей в Новосёлке и Белоусовке [1968, с. 14-39; 1977, с. 3-7; 1979, с. 37-65]. Но сами по себе курганы со сложными сооружениями в основании, раскопанные Г. И. Смирновой, представляли собой своеобразные святилища (рис. 139, 140), как и вообще все погребальные памятники. Отсутствие же погребений и признаков кенотафов даёт право рассматривать некоторые насыпи как остатки жертвенных комплексов.

С. С. Березанская считает такие курганообразные насыпи жертвенниками и приводит данные об аналогичных Новосилке и Белоусовке насыпях, относящихся ко времени поздней бронзы. Они открыты на белогородском поселении у сёл Бакота и Гораевка на Днестре. Под земляной насыпью здесь кольцевая каменная выкладка, в центре которой лежали обожжённые кости животных, пепел и керамика эпохи бронзы [Березанская, 1982, с. 164]. По мнению В. В. Отрощенко, курганы срубной культуры, в особенности длинные, валообразные, фигурные, выполняли не только мемориальные, но и культовые функции, являлись святилищами, которые затем использовались как места погребений. На одном кургане у с. Балка Запорожской

области был обнаружен воткнутый меч, как это делалось на скифских святилищах Арея по Геродоту. В кургане с. Большая Украина около Херсона восемь ям образовывали кольцо диаметром 20 м. В ямах находились кости животных, а затем они были перекрыты каменной оградой. Иногда в курганах устраивались площадки с черепами коней и других домашних животных, ставили столб в центре, символизирующий мировое дерево [Отрощенко, 1990, с. 5-13]. Об особых курганах-жертвенниках у степных скифов в Нижнем Поднепровье и в Крыму говорилось выше.

4.1.3. Глиняные и каменные жертвенники

Часто встречаются на лесостепных памятниках скифского времени - на поселениях, на могильниках или в специальных культовых местах. Жертвенниками можно считать сооружения, находившиеся в специальных культовых местах, в подножии или в насыпях зольников, в общественных зданиях или даже в жилых помещениях, в которых кроме бытовых очагов имелось ещё дополнительное жертвенное место. Часто около жертвенников оставались специальные дары, обычно в виде костей животных и человека.

В. П. Андриенко предложил типологию жертвенников (алтарей) лесостепи, где их насчитывается около 20. К типу I он отнес глиняные вымостки с рельефным орнаментом, к типу II - цилиндрические возвышения с чашевидным углублением сверху или с ровной побеленной поверхностью, к типу III - глиняные тарелкообразные жертвенники [Андриенко, 1974, с. 93-94]. К этой типологии присоединилась и С. С. Бессонова [1994, с. 20-21]. К этим типам можно ещё добавить глиняные вымостки без орнамента, вымостки из камней и черепков, из костей животных, простые кострища, на которых также совершались жертвоприношения.

Наиболее простые жертвенники представлены кострищами, вымостками и очагами. Домашние очаги почитались у всех народов, считались священными у скифов [Геродот, IV, 59]. Такие варианты жертвенников встречаются в зольниках повсеместно - в общественных зданиях и в культовых центрах (Восточное Бельское городище, Матронинское городище, Непоротово, Неаполь Скифский, Гавриловское городище) [Бессонова, Скорый, 1993, с. 9; Высотская, 1979, с. 167-168; Покровская, 1973, с. 174; Крушельницкая, 1975, с. 28; Погребова, 1958, с. 203]. В одном из домов Восточного Бельского городища в основе глинобитного жертвен-

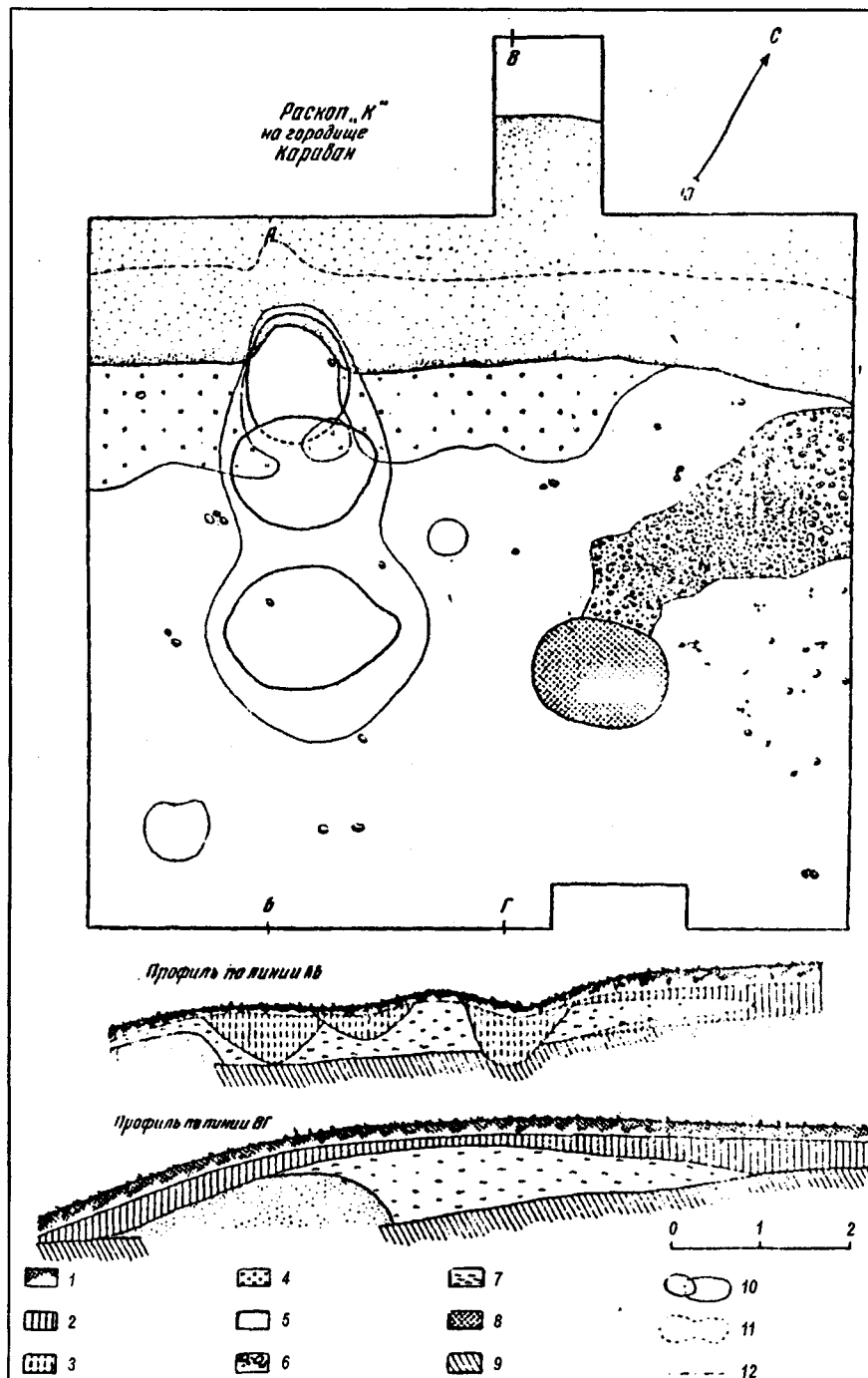

Рис. 141. План раскопа "К" на городище Караван. 1 - дерн; 2 - чернозем; 3 - заполнение ям; 4 - желтовато-зеленоватая глина; 5 - обожженная глина; 6 - камни; 7 - зольник; 8 - жертвенник; 9 - бурый материковый суглинок; 10 - контур ям, видимый на поверхности; 12 - вершина глиняного вала (Шрамко, 1957).

ника лежали черепа двух собак, чаша из человеческого черепа, глиняные хлебцы [Шрамко, 1987, с. 51-55]. На Большом Скифском городище для культовых обрядов служила массивная глинобитная площадка в форме полукруга диаметром 3 м, недалеко от неё находилась жертвенная яма с костями [Богдасевич, 1952, с. 142]. Глинобитная площадка, на которой долгое время горел огонь, находилась в общественном

Так, на поселении Пустынка чашевидный жертвенник диаметром 55 см находился в большом культовом доме (рис. 142, 2) [Березанская, 1970а, с. 157].

Следующий тип жертвенников, в виде цилиндрического возвышения с круглой площадкой наверху, имел широкое распространение: Пастырское, Матронинское, Шараповское, Большое Скифское, Каланча, Трахтемиряки [Андрюченко,

доме Матронинского городища [Бессонова, Скорый, 1993, с. 9]. Такую же роль жертвенников выполняли очаги, многократно подмазанные глиной, в культовых домах - мегаронах Неаполя Скифского [Высотская, 1979, с. 62-68]. Алтари-вымостки из камня и глины известны ещё на памятниках эпохи бронзы, например, в жилищах на поселении Пустынка [Березанская, 1982, с. 162], в жилище и в центральной части поселения Усово озеро (вымостки из камней и нескольких рядов костей животных) [Березанская, 1990, с. 85-67]. Широко использовались вымостки в зольниках белогрудовской и чернолесской культур (Адамовка, Собковка, Гиндешти) [Березанская, 1970, с. 21; 1954, с. 122-123; Мелюкова, 1961, с. 9].

Тарелковидные жертвенники, обмазанные глиной и обожжённые, известны под зольниками на городищах Караван, Пастырское, Кировское, Большое Казановское, на поселении Шелковая (рис. 141). Они были распространены также на Нижнем Дону, Северном Кавказе и в лесной зоне (городецкая, дяковская, днепродвинская культуры), куда такие жертвенники, по мнению С. С. Бессоновой, проникали из лесостепи [Бессонова, 1994, с. 20-21]. В лесостепи жертвенники этого типа применялись ещё в эпоху бронзы.

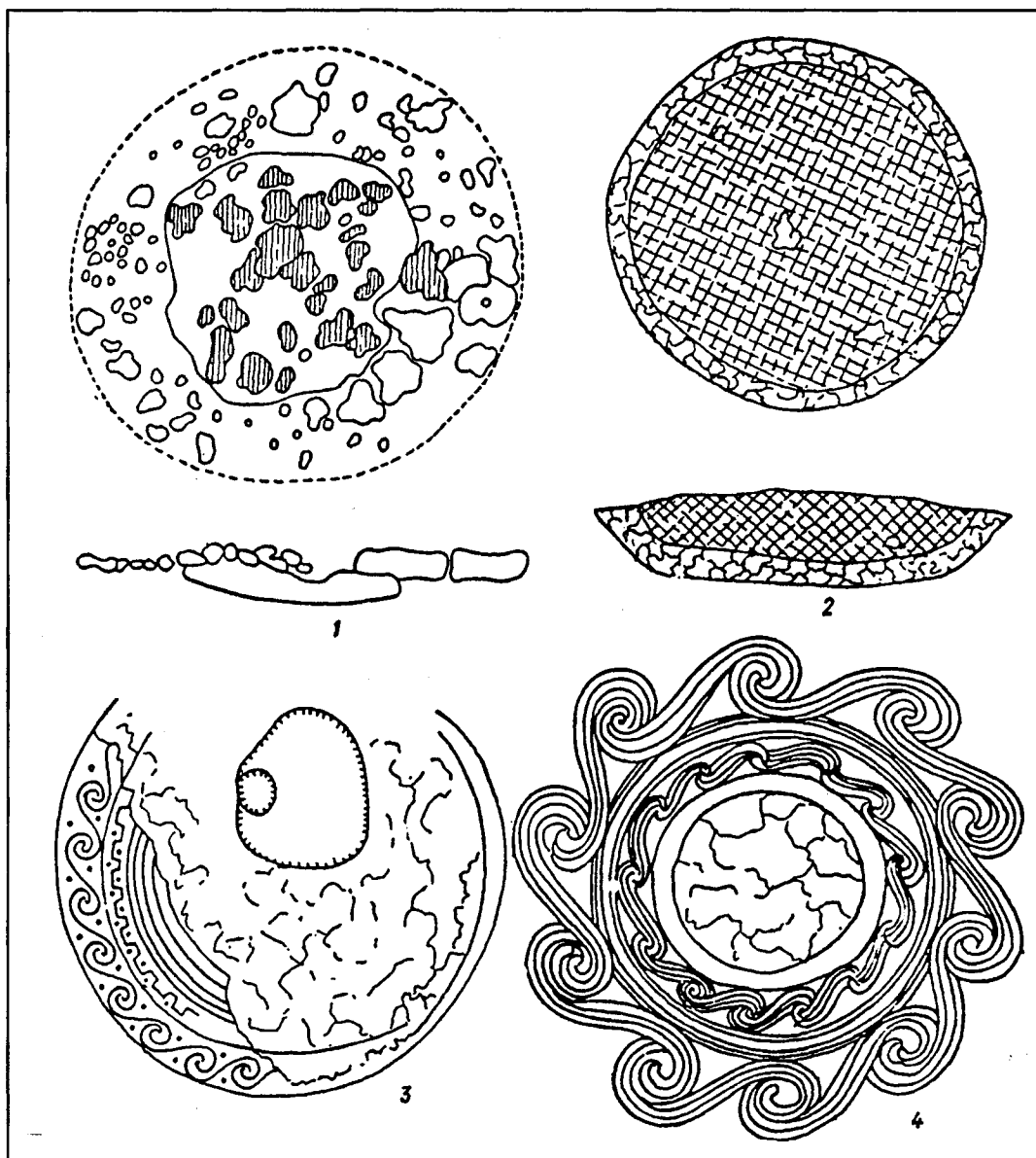

Рис. 142. Жертвенники. 1 - Пустынка; 2 - Бедриковцы; 3 - Жаботин; 4 - жертвенник виттенбергской культуры (Березанская, 1982).

1974, с. 93-94]. Жертвенники представляли собой столб из обожжённой глины или слоев глины высотой и диаметром 1,0-1,25-1,5 м. Верхняя площадка жертвенников на Пастырском и Матронинском городищах имела мискообразное углубление и была покрыта 7-8 концентрическими кругами (рис. 143) [Хвойко, 1905, с. 92-93; 1913, с. 40; Покровская, 1962, с. 77-78; Яковенко, 1966, с. 182-183]. На Большом Скифском городище глинобитный жертвенник имел диаметр до 3 м и высоту всего 40 см, его поверхность была заглажена и обожжена [Богдасевич, 1952]. Жертвенники стояли на обожжённых глиняных площадках или в углублённых помещениях (Пастырское), а на Восточном Бельском городище несколько таких жертвенников, но меньшего размера (диаметры и высота 30-50 см), входили

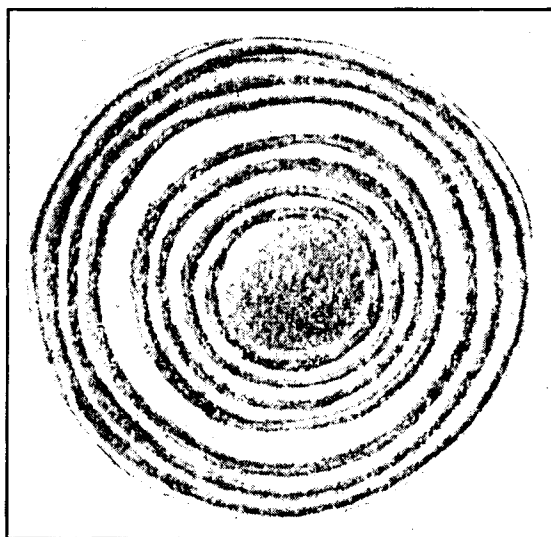

Рис. 143. Жертвенник Матронинского городища (Покровская, 1962).

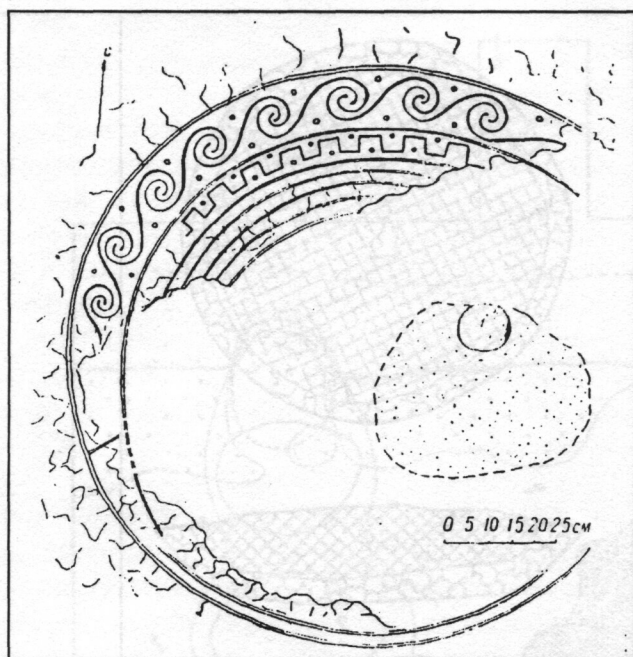

Рис. 144. Жаботин. План жертвенника (Покровская, 1962).

в состав большого культового места [Шрамко, 1985, с. 4-30; 1987, с. 128]. Кругом жертвенника на Пастырском городище лежали зола, уголь, зёрна и стебли пшеницы, горох, орехи, желуди, обломки посуды, кости животных и стоял сосуд с обгорелыми костями человека [Яковенко, 1966, с. 182]. Небольшие жертвенники такого же типа встречались в жилых домах, как на Восточном Бельском городище. Здесь его диаметр был 54 см, высота 56 см, поверхность побелена, а под ним в основание положены два черепа собак [Шрамко, 1987, с. 55].

Такого типа жертвенники известны на этой же территории с эпохи бронзы. На поселении срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце в жилище жертвенник был сделан из песчанисто-меловой массы, имел диаметр 60 см и

Рис. 145. Жаботин. Жертвенник на раскопе XIX. Вид с севера (Покровская, 1962).

высоту 30 см. Рядом с ним стояло четыре сосуда и лежала каменная булава, глиняные хлебцы [Шатовалов, 1976, с. 54; Отрощенко, 1990, с. 6]. В полужемляночном жилище на поселении IX-VIII вв. до н. э. у с. Андрусовка на Тясмине жертвенник состоял из 2-3 слоев глины, поднимался над полом на 0,95 см, диаметр его круглой площадки равнялся 1,2 м [Покровська, Петровська, 1961, с. 129-143]. Ещё в более древнее время возвышенные округлые или крестообразные жертвенники, покрытые концентрическими кругами, сделанными красной краской, встречались в жилищах трипольской культуры [Пассек, 1949, с. 89; Бибииков, 1952, с. 22-29; Мовша, 1960, с. 231-248]. По-видимому, в лесостепи традиция сооружения столбообразных жертвенников возникла в глубокой древности, а продолжалась, возможно, до средневековья. Во всяком случае, в Киеве рядом со знаменитым капищем В. В. Хвойко открыл подобный жертвенник - "массивный столб", состоявший из слоев обожжённой глины, золы и угля, вокруг которого лежали кости и черепа животных [Хвойко, 1913, с. 66].

Самый интересный тип жертвенников - глиняная вымостка с орнаментом, известен на поселении Жаботин, на Западном Бельском городище, в Золотой Балке, Неаполе (рис. 144, 145). Концентрическими кругами украшены и столбообразные жертвенники на Трахтемировском и на Пастырском городищах [Андрієнко, 1974, с. 93-94]. На поселении в Жаботине жертвенник был прочерчен на обожжённом полу культового здания, представлял собой круг диаметром 1,35 м, состоящий из шести концентрических поясов, заполненных бегущей спиралью и меандром (рис. 144) [Покровская, 1962, с. 73-75]. Все жертвенники этого типа находились внутри построек. (Трахтемировское городище, Западное Бельское, Золотая Балка) [Ковпаненко, 1967а, с. 104; Шрамко, 1975, с. 77-78; Вязьмитіна, 1962, с. 93, 213]. В Золотой Балке жертвенник находился в культовой постройке рядом с очагом, имел вид прямоугольной глиняной вымостки, которую крест на крест пересекали двойные линии. В здании Е Неаполя Скифского прямоугольный очаг был раскрашен красной краской и, вероятно, служил алтарем [Высотская, 1979, с. 60-64].

Орнаментированные алтари известны в греческих городах Северного Причерноморья. Так, в Ольвии около храма Аполлона жертвенник был сложен из камней, имел квадратную форму, был покрыт штукатуркой, по которой нанесен орнамент в виде вписанных один в другой квадратов [Карасёв, 1964, с. 34-47, 102-113].

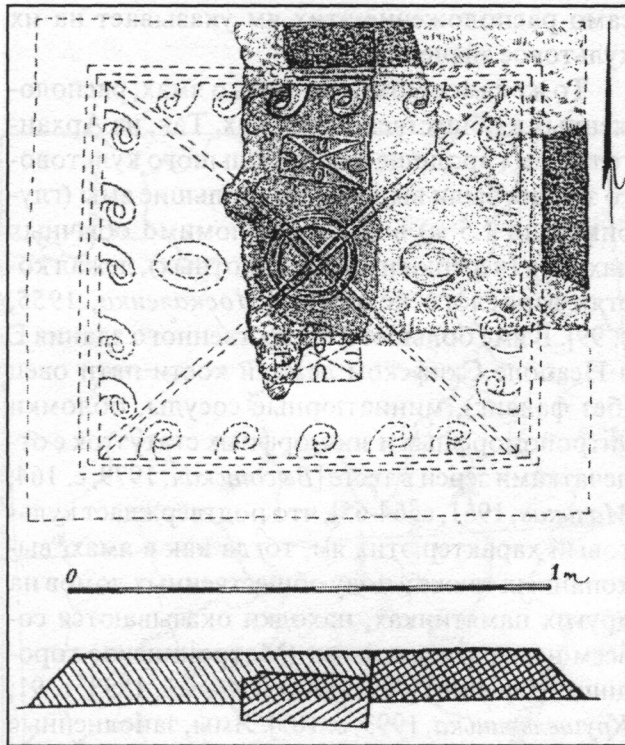

Рис. 146. Попешты. Раскоп W ("двор" племенного вождя). Орнаментированный обожженный глиняный пол.

Для Северного Причерноморья в основном характерны прямоугольные или крестовидные жертвенники (Ольвия, Нимфей, Березань) [Карасёв, 1955, с. 60; Худяк, 1962, с. 47-54]. Может быть, прямоугольный жертвенник в Золотой Балке, отличающийся от круглых жертвенников лесостепи, возник под греческим влиянием. В свою очередь жертвенники в виде чашевидных углублений, открытые в домах херсонесской хоры [Латышев, 1989, с. 66], появились здесь благодаря синкретизму античных и лесостепных традиций.

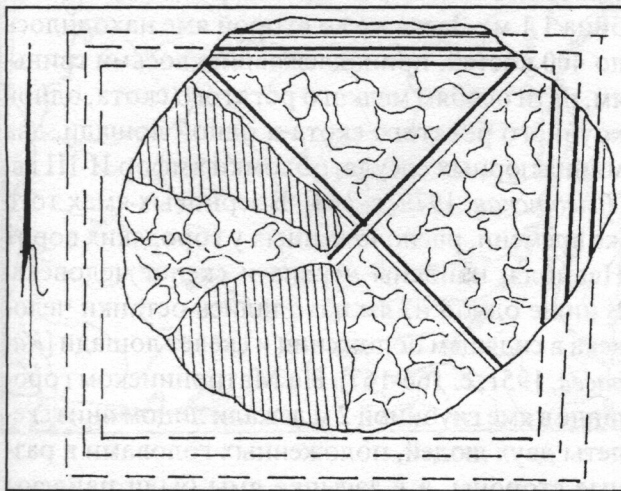

Рис. 147. Попешты. Раскоп Y. Орнаментированный обожженный глиняный пол.

Сведения об орнаментированных алтарях на территории всей Европы собраны Т. Макиевичем. Он отметил такие алтари на землях Украины (11), Румынии (14), Болгарии (7), Франции (6), Дании (24 на пяти поселениях), Германии (3), в Польше (2), Чехословакии (1), Англии (1) [Makiewicz, 1976, p. 132]. Орнамент в виде врытых линий наносился на обожжённый глиняный пол или на небольшое возвышение из камней, покрытых слоем глины. Орнаменты представляли собой концентрические круги, как на Украине, иногда с добавлением спиралей и меандра (Жаботин, Ля Рок на кельтском oppidum во Франции, Попешты в Румынии, Севтополь во фракийском городе в Болгарии), квадрат с вписанными в него меньшими квадратами или кругами (на Дунае, в Болгарии, Польше, Дании и Англии) (рис. 146, 147), иногда квадрат перечёркнут двумя линиями крест на крест (Золотая Балка, Попешты) [Makiewicz, 1973, с. 165-171; 1976, с. 103-157].

Орнаментированные алтари размещались на площади поселений без всяких построек или чаще находились в сакральных помещениях в виде больших общественных домов, разделённых на две части (Украина, Яниково в Польше, Гиндеруп, Мариесминнэ в Дании) и небольших молельных домах (как в Жаботине и во многих других местах). Во фракийском городе Севтополе они открыты в двух помещениях святилища и во дворце фракийского короля, на поселении Попешты - в постройке с апсидой, принадлежавшей фракийскому вождю [Vulpe, 1959, p. 308; Димитров, 1957, с. 199-216]. В одном случае алтарь в виде вписанных один в другой квадратов находился на дне погребальной камеры в кургане IV в. до н. э. Мумдилар в Болгарии. Около культовых домов с орнаментированными алтарями находились многочисленные зооморфные фигурки (Ла Рок во Франции) и принесённые в жертву животные (Круша Замковая, Яниково в Польше - погребения собак и овец).

Наиболее ранние орнаментированные алтари известны в Поднепровье, где они появились в VII в. до н. э. (Жаботин), существовали до III в. н. э. (Золотая Балка). По мнению Т. Макиевича, они распространились под влиянием из Греции, где ещё в период галльштата спиралью и меандром украшались мозаичные полы. Подобный орнамент покрывал переносные глиняные алтари, известные на греческих поселениях Северного Причерноморья.

Также под греческим влиянием такие алтари сооружались фракийским населением При-

дунавья и Болгарии, где они существовали с IV в. до н. э. вплоть до римского времени. Здесь они были заимствованы кельтами (в Подунавье известны кельтские памятники с такими алтарями, например, у Мухово и Завист) и разнесены ими по всей Европе, где они продолжали употребляться вплоть до позднего римского времени [Makiewicz, 1976, p. 124-132; 1976b, p. 150-157]. На каждой территории, помимо общей орнаментальной традиции, появлялись свои особенности. Так, орнамент в Золотой Балке носит черты дако-фракийской группы [Makiewicz, 1976, p. 155]. В Поднепровье господствовали круглые алтари и Е. Т. Покровская отмечает традицию сооружения жертвенников с концентрическими кругами, сделанными красной краской, идущую от трипольской культуры и связанную с культурами Восточного Средиземноморья III-II тысячелетий до н. э. [Покровская, 1962, с. 79; 1973, с. 183]. На Крите имелись мраморные алтари, украшенные концентрическими кругами [Пассек, 1949, с. 89].

4.1.4. Жертвенные ямы

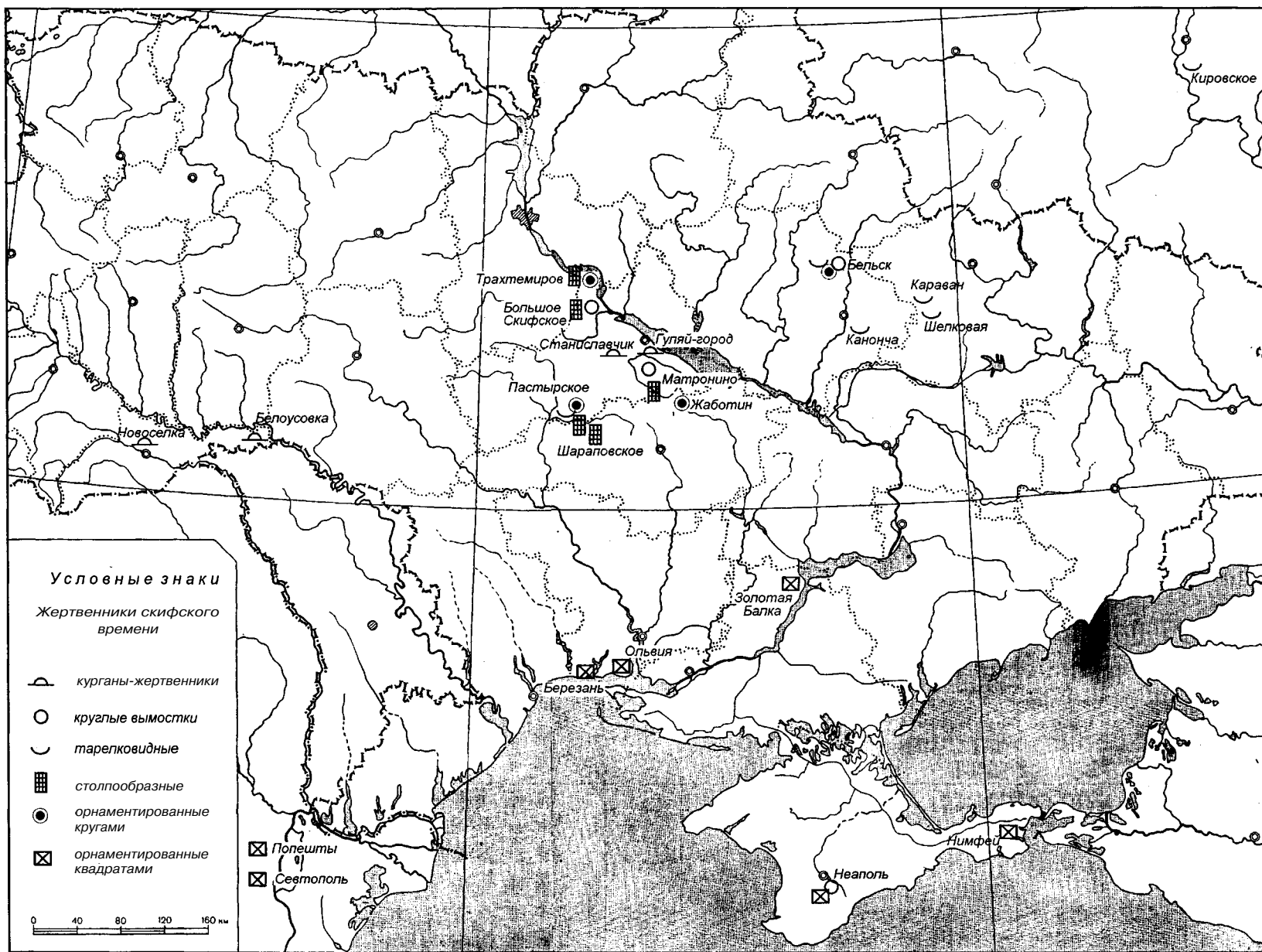
Широко использовались в культовых целях всеми народами, но их трудно выделить на поселениях, так как по составу находок они собственно не отличаются от хозяйственных и мусорных ям. О культовом значении ям могут свидетельствовать их связь с достоверно культовыми сооружениями или явно жертвенный характер находок в их заполнении. Таких более достоверных жертвенных ям насчитывается довольно много, но на самом деле их должно было бы быть гораздо больше на раскопанных площадях поселений.

Часть ям, открытых в основании зольников, содержала остатки жертвоприношений: в Олэфиршине в яме под зольником (размеры ямы 1,7x1 м, глубина 0,40 м) на слое золы и угля лежали часть костяка коня, четыре черепа собаки и обломки посуды [Ковпаненко, 1967, с. 53], захоронения собак находились в ямах под зольником на Усть-Альминском городище [Высотская, 1989, с. 31], яма под зольником № 9 на Большом Бельском городище была заполнена прослойками золы, угля, обожжённой глины (1,4x1,4 м, глубина 0,30 м), среди которых найдены две стрелы, бусины, кусочки медного шлака и отдельные позвонки человека [Городцов, 1911, с. 111]. В ряде случаев с зольниками были связаны ямы, содержащие лишь пепел, уголь, кости животных (Золотая Балка, Караван) [Вязьмитина, 1962, с. 65; Шрамко, 1957, с. 61], но

само расположение этих ям указывает на их культовое значение.

То же самое можно сказать о ямах, расположенных в общественных домах. Так, на Архангельском городище в полу большого культового здания были вырыты три большие ямы (глубиной до 1,5 м) в которых, помимо обычных находок (черепки и кости животных), лежал костяк взрослого человека [Москаленко, 1955, с. 99]. В яме большого общественного здания Е в Неаполе Скифском лежали кости пяти овец (без фаланг), миниатюрные сосуды, обломки антропоморфных и зооморфных статуэток с отпечатками зёрен в тесте [Высотская, 1979, с. 164; Маликов, 1961, с. 64-65], что подтверждает культовый характер этих ям, тогда как в ямах, выкопанных также в полу общественных домов на других памятниках, находки оказываются совсем невыразительными (Матронинское городище, Черепин) [Бессонова, Скорый, 1993, с. 91; Крушельницкая, 1993, с. 185]. Ямы, заполненные лишь пеплом и не содержащие каких-либо votивных предметов, известны во многих греческих храмах, например, в Кечах и Нимфее [Сokolьский, 1964, с. 101, 104; Худяк, 1962, с. 10-27]. В Ольвии ямы с разными жертвенными остатками были расположены у храмов и у краёв теменоса [Карасёв, 1955, с. 60; 1964, с. 27].

Жертвенные ямы, не относящиеся к культовым сооружениям, бывают расположены на площади поселений и могильников. На Тясминском городище в яме лежал скорченный костяк человека [Тереножкин, 1961, с. 44]. В одной из ям Неаполя Скифского, стены которой были выложены камнями (в 12 рядов), а заполнение состояло из зольной земли, на подстилке из кошмы и шкур были положены костяки четырёх быков или коров (диаметр ямы 0,9 м, глубина 1,1 м). Здесь же во второй яме находилось до 400 костей, принадлежавших восьми свиньям, пяти особям мелкого рогатого скота, одной крупного рогатого скота и одной лошади, два миниатюрных сосуда, обломки амфор II-III вв. [Высотская, 1979, с. 164]. В зерновых ямах того же времени, расположенных у городских ворот Неаполя, найдены черепа и скелет человека. В нише одной из ям находились останки человека в сидящем положении и скелет лошади [Карасёв, 1951, с. 166-167]. На Матронинском городище в яме глубиной 2 м лежали лицом вниз скелеты двух людей, положенных головами в разные стороны, а в засыпке ямы были найдены пять глиняных лепёшек и часть человеческого черепа (чаша). Яма датируется VI - началом V в.

Карта 2. Жертвенники скифского времени.

до н. э. [Бессонова, Скорый, 1989, с. 22]. В яме, вырытой в центре землянки на Пастырском городище, были положены две глиняные фигурки коней, глиняный хлебец, стрела, большое количество пряслиц и обломков посуды [Яковенко, 1966, с. 179-180]. Ямы с обломками посуды, костями животных, в том числе с черепом коня, открыты на Золотобалковском и Усть-Альминском могильниках [Высотская, 1979, с. 173], на могильнике в Николаевке [Сымонович, 1969, с. 74]. На могильнике Молога II позднескифского времени находились ямы, заполненные золой, керамикой, костями животных, иногда кальцинированными [Малюкевич, 1989, с. 138]. Менее выразительный материал (зола, уголь, большое количество костей животных, особенно коней, обломки посуды и амфор) происходит из ям на Большом и Малом Скифских городищах около Канева [Богдасевич, 1952, с. 141-142], но и такой состав находок может быть жертвенным.

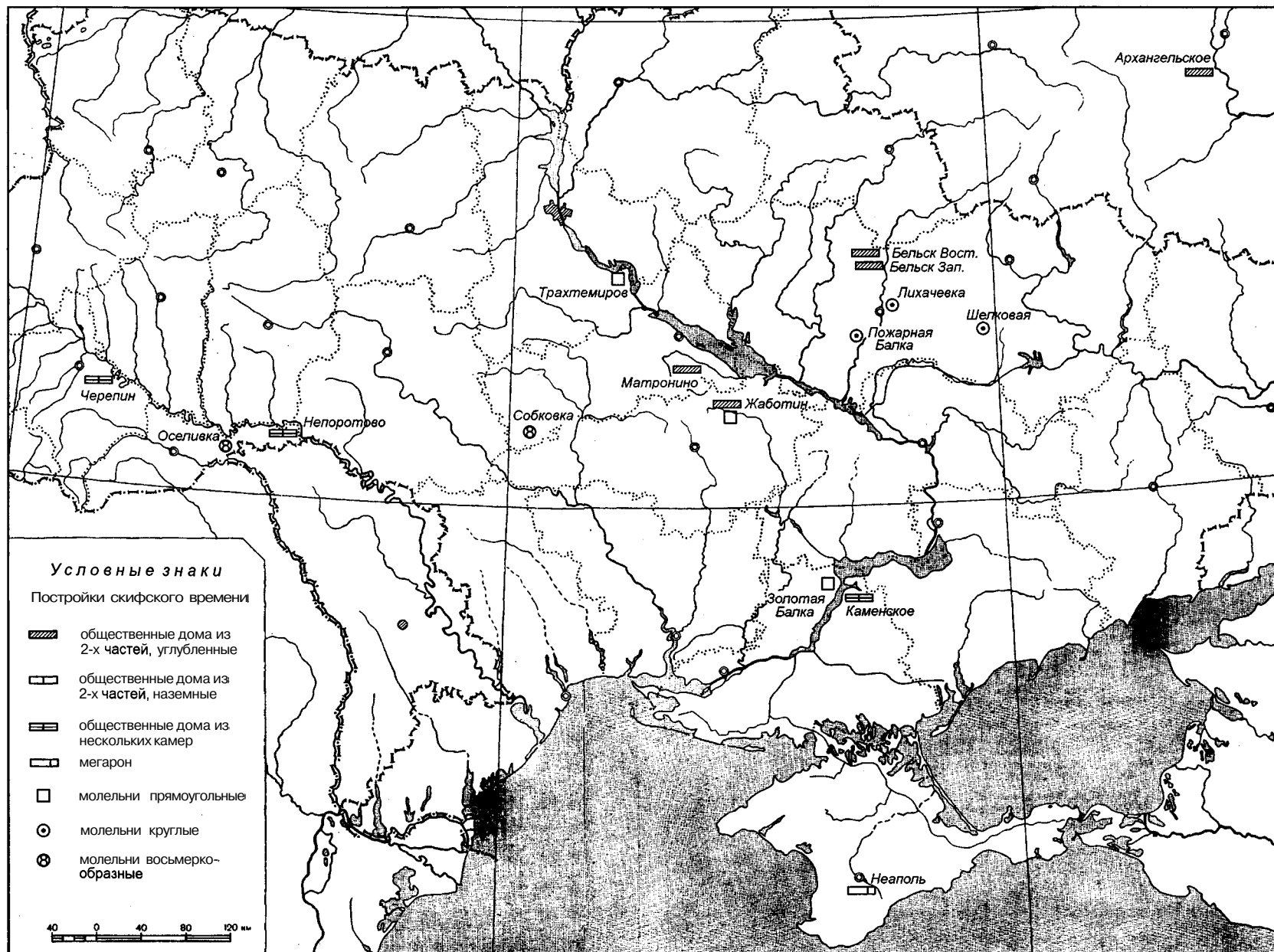
На позднескифском городище Чайка в Крыму в ямке, вырытой в полу, были сложены кости барашка. На городище прослеживаются греческие традиции в устройстве жертвенников в жилищах. Так, в одном из них за каменной загородкой была вырыта яма, обложенная камнями, и в ней помещены два детских захоронения [Попова, 1990, с. 196-202].

Жертвенные ямы известны на поселениях ещё эпохи бронзы. На поселении Пустынка перед входом в жилище в яме были сложены глиняные хлебцы [Березанская, 1974, с. 89]. Жертвенные ямы с захоронениями животных и людей открыты на поселении Усово озеро. В разных местах на поселении располагались скорченные трупоположения людей, в одном из жилищ в глубокой яме (диаметр 0,6 м, глубина 1,4 м) был положен череп человека, в ямах внутри жилищ и снаружи обнаружены погребения собак, одна из них была без черепа. В жилище 5 на этом поселении находилось культовое место, устроенное по-иному - здесь было оставлено материковое возвышение (высотой 0,6 м над полом), посыпанное мелом, и рядом с ним на овальной площадке, обмазанной глиной и обожжённой, были сложены две глиняные фигурки животных, глиняные яйца и колесики [Березанская, 1990, с. 87-69]. С. С. Березанская приводит сведения и о других культовых местах эпохи бронзы [1990, с. 85-87].

Состав жертвенных приношений в ямах собственно такой же, как и в зольниках: отдельные кости и целые скелеты домашних животных, а

иногда и человека, обломки посуды, миниатюрные сосудики, глиняные статуэтки, наконечники стрел, некоторые бытовые вещи, глиняные хлебцы и частые отпечатки зёрен на глине. Ямы часто заполнялись постепенно и в них прослеживаются прослойки разного времени, как в зольниках. Характер жертвоприношений связан с сельскохозяйственными культами, со стремлением принести в жертву все возделываемые культуры и представителей всех видов животных. Такие обряды "всезернения" и "всеплодия" были распространены у греков. Плутарх описал такой обычай, исполненный при закладке города Рима: "...вырыли круглую яму и сложили в неё первенцев всего, что люди признали полезным для себя в соответствии с законом, и всего, что сделала необходимым для них природа, затем каждый бросил туда же горсть земли, принесённой из тех краёв, откуда он пришёл, и всю эту землю перемешали" [Плутарх, XI, с. 32]. В Греции у храмов устраивались специальные ямы - "фависсы", куда сбрасывали остатки жертвы, скопившиеся у святилищ. Такая яма-хранилище открыта в Фанагории, в ней находились черепки посуды и терракотовые статуэтки [Кобылина, 1984, с. 221].

Собственно такую же роль, как жертвенные ямы, выполняли колодцы, которые считались подземной житницей, домом мёртвых, а также порогом подземного мира. Около Колодца Дев по Гомеру Деметра оплакивала Персефону, которая была похищена, когда собирала цветы у Колодца Цветов. В странах Средиземноморья колодцами назывались глубокие ямы, в которых хранилось зерно [Томсон, 1958, с. 228-229]. В Ольвии колодцы глубиной 3-5 м, постепенно на протяжении VI-IV вв. до н. э. заполнялись обломками сосудов и амфор, костями животных, углём. Так же длительное время (IV-II вв. до н. э.) заполнялась терракотовыми фигурками цистерна в Ольвии после того, как перестала использоваться для сбора воды [Леви, 1964, с. 132-169]. В Нимфее около храма тоже находились жертвенные ямы и колодцы [Худяк, 1962, с. 10-27]. Глубокие ямы в форме колодцев использовались в Греции для сбрасывания в них остатков жертвоприношений. Такие колодцы исследованы, например, на Пелопоннесе около храма Посейдона (глубиной до 20 м), на острове Самос, где стены колодца были обложены камнями. Колодцы были заполнены обломками керамики и терракоты [Сидорова, 1962, с. 331, 335]. Такое же значение пути в подземный мир приписывалось пещерам в Греции. В Крыму пе-

Карта 3. Культурные постройки скифского времени.

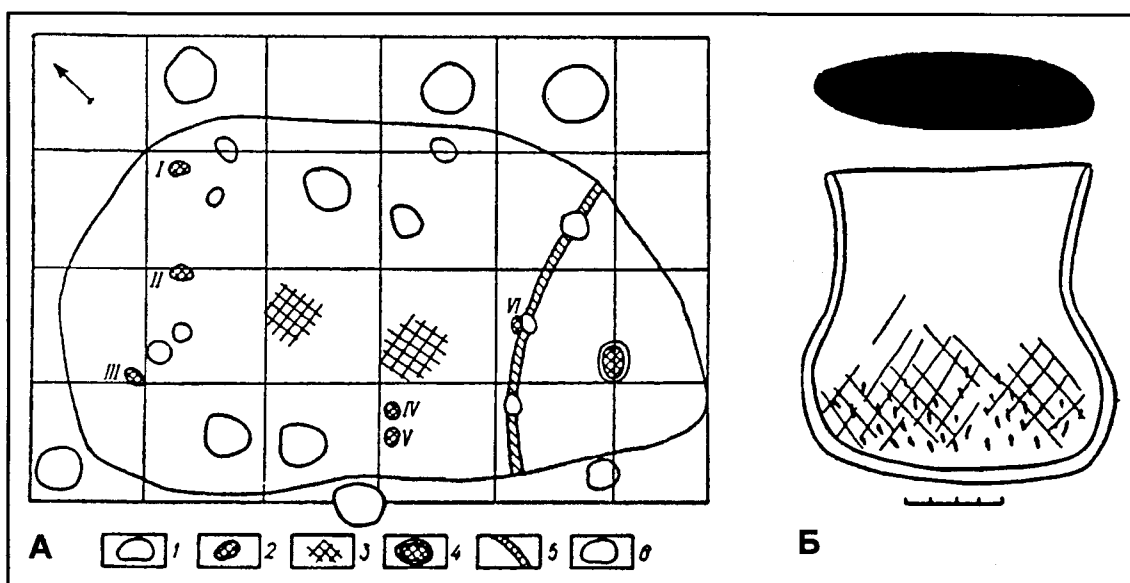

Рис. 148. Пустынка. Культовая постройка № 2. А: 1 - контуры постройки; 2 - погребальные ямки с кальцинированными костями; 3 - очаги; 4 - жертвенник; 5 - остатки перегородки; 6 - столбовые ямы. Б: Погребальная ямка с кальцинированными костями (Березанская, 1982).

щеры тоже рассматривались с глубокой древности как святилища и туда сбрасывали жертвы вплоть до средневековья. Внутри Змеиной пещеры у Симферополя были вырыты ещё колодцы, на дне которых найдены человеческие кости [Щепинский, 1963, с. 138-150].

Критерием при определении культового назначения служат ямы, расположенные под зольниками, на могильниках, в полу общественных домов. В этих ямах чаще всего находят кости различных животных и человека, но часто в них не встречается ничего, кроме золы и угля. Ямы с таким заполнением, открытые на поселениях, тоже можно считать культовыми. По неполным данным можно всё же отметить, что в лесостепных памятниках ямы чаще содержали кости коня, собаки и человека, тогда как в позднескифских памятниках Нижнего Поднепровья преобладали кости мелкого рогатого скота и захоронения детей.

4.1.5. Культовые постройки

Известны в предскифский и скифский периоды на лесостепных поселениях и в позднескифское время на Нижнем Днепре и в Крыму (карта 3). От жилищ они отличаются по размерам, конструкции, по наличию жертвенников и остатков жертвоприношений. Среди культовых построек выделяются прямоугольные сооружения типа общественных домов и особые жертвенные помещения, обычно круглой формы. Кроме того, были широко распространены жертвенники в самих жилищах, здесь же находились

вотивные предметы и некоторые жертвоприношения.

Большие общественные дома

Специальные постройки, где проводились моления, гадания и другие ритуальные действия, появились ещё во времена трипольской культуры. Наиболее полно исследована культовая постройка у с. Сабатиновка на Южном Буге. Это прямоугольная постройка (площадью 70 м²) с глинобитными стенами, внутри которой выделяются три части. В первой части постройки почти не было находок, только перед узким входом была сделана каменная вымостка и лежал костяной антропоморфный амулет. Пол второй части постройки был покрыт обожжённой глиной и в центре стояла печь, рядом с ней сосуды, в том числе курильница, миниатюрные сосудики и миска с костями быка. Здесь же лежало пять зернотёрок и пять женских статуэток. В третьей части помещения был сделан алтарь - возвышение размерами 2,75 x 6 м, сделанный из 4-5 слоев обожжённой глины на высоту до 50 см. Вдоль алтаря стояло 16 глиняных креслиц с "рогатыми" спинками, на которых сидели женские фигурки. Рядом находилось большое глинобитное кресло с диаметром сиденья 1 м [Макаревич, 1960, с. 290-301]. По реконструкции Т. Г. Мовши обряды здесь выполняли семь женщин: пятеро из них растирали зерно, шестая топила печь и седьмая, восседая на глиняном кресле, руководила всеми действиями [Мовша, 1971, с. 204]. Б. А. Рыбаков назвал эту постройку "сво-

еобразным женским домом, связанным с выпечкой ритуального хлеба", где производились заклинания природы по поводу урожая предстоящего года [Рыбаков, 1981, с. 175], совершались общественные церемонии [Рыбаков, 1981, с. 176]. В трипольских жилых домах около самого почитаемого места печи часто находились прямоугольные или крестообразные алтари, лежали глиняные фигурки и стояли орнаментированные сосуды. Такое жилище раскопано, например, на поселении Коломыйщина 1, где около

алтаря с диаметром 70 см обнаружены 21 фигурка женщин и мужчин [Мовша, 1971, с. 202]. В многокамерной постройке на поселении Солончены II в Молдавии выделяются жилые помещения, мастерская и камера для культовых обрядов, в которой находился жертвенник [Мовша, 1960, с. 231-248]. Алтари в домах бывают орнаментированными красной краской или врезными линиями. В домах с жертвенниками, вероятно, совершались семейные обряды. Для благополучия семьи в домах под очагами и в

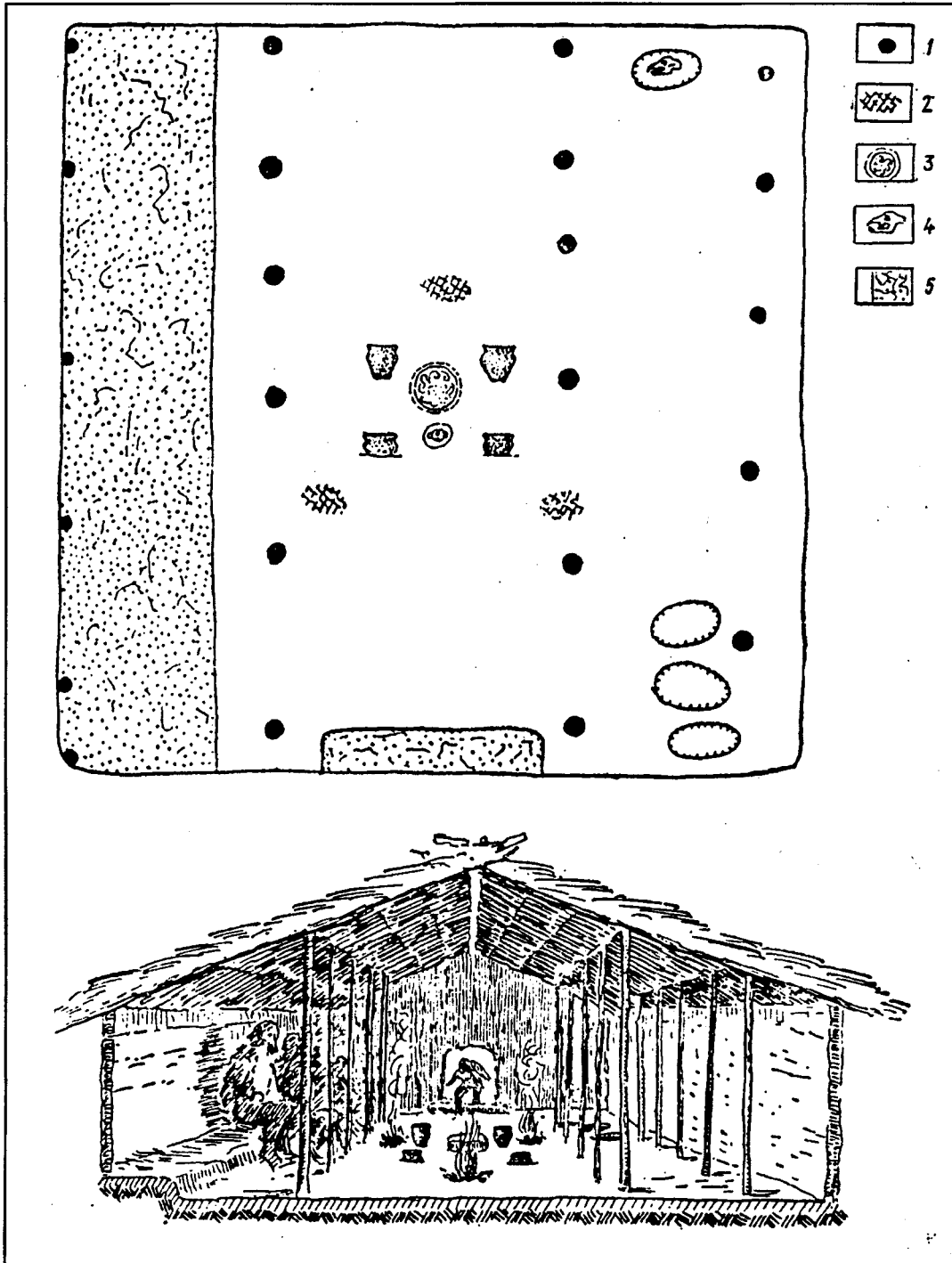

Рис. 149. Жилище с жертвенником на Ильичевском поселении (план и реконструкция). 1 - ямы от столбов; 2 - очаги; 3 - жертвенник; 4 - череп овцы; 5 - материковые уступы (Березанская, 1982).

ямах пола оставляли жертвы - черепа животных (быков), часть скелета ребенка (Лука Врублевская), черепа собаки (Солончены II) [Бибиков, 1952, с. 22-29; Мовша, 1960, с. 248].

Традиция сооружения больших домов для общественных церемоний продолжалась в лесостепи и в эпоху бронзы.

Такой дом на поселении Пустынка на Днепре стоял на некотором отдалении от жилищ (рис. 148). Крыша дома опиралась на шесть больших столбов. Внутри находилось углубление не совсем правильной, близкой к овальной формы (рис. 149) (глубина в материке 1,25 м, размеры 10,4 x 6,6 м), разделённое на две части деревянной перегородкой. В центре меньшего помещения за перегородкой расположен жертвенник, имевший вид круглого блюда диаметром 55 см, покрытого золой. Рядом стоял сосуд, пол кругом был обожжён. На полу большего помещения были устроены два очага и вырыты ямы, в шести из которых находились кальцинированные кости животных. Вдоль стен углубления обнаружено несколько развалов сосудов [Березанская, 1974, с. 79-85; 1982, с. 160]. Одна часть этого общественного дома служила для жертвоприношений, во второй собирались при торжественных случаях.

В центре поселения чернолесской культуры предскифского времени у с. Жаботин на Тясминне среди наземных жилищ и землянок выделяется культовое сооружение. Оно имело прямоугольную форму и состояло из двух помещений. Южное помещение большей площади (4 x 5 м) было углублено в материк на 60 см, северное (2,5 x 5,3 м) глубже на 40 см. На полу северного помещения лежали череп лошади, челюсти, лопатки и рога быка, часть черепа человека, в углу находилось 56 астрагалов. Найдено много обломков посуды не менее чем от 150 сосудов, лощёных и орнаментированных белой пастой. Всё сооружение засыпано кусками глиняной обмазки с остатками узоров, сделанных красной и коричневой краской на белом и голубом фоне. По-видимому, стены сооружения были сделаны из плетня и обмазаны глиной [Покровская, 1973, с. 174]. Здесь так же, как и в других случаях, в культовом сооружении выделяется наиболее священная часть, куда, вероятно, могли входить лишь посвященные, и свободное помещение для других участников церемоний.

На поселении чернолесской культуры в Непоротово на Днестре находилась культовая постройка, разделённая на несколько камер. В одной из них была расположена каменная площадка и жертвенные ямы [Крушельницкая, 1975,

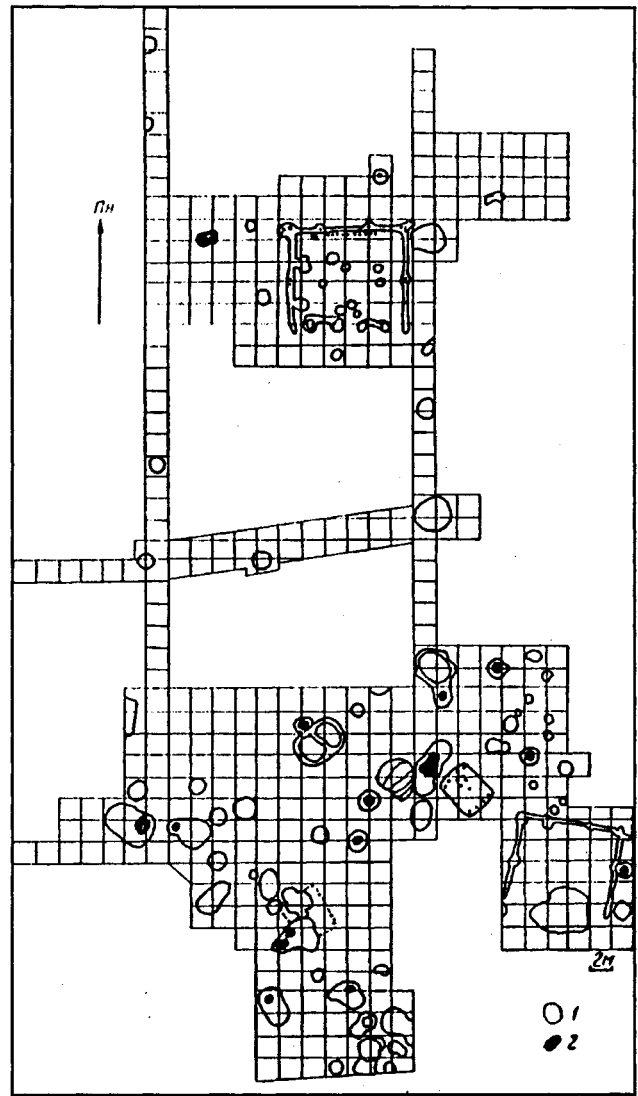

Рис. 150. Раскоп II на поселении в Черепине. 1 - сооружения; 2 - очаги, печи (Крушельницкая).

с. 28]. Подобная многокамерная постройка, но гораздо более позднего времени - IV-III вв. до н. э. и расположенная в степной зоне на Каменском городище, раскопана Б. Н. Граковым, который назвал эту постройку маленьким храмом богини огня. Постройка (10 x 8 м), прямоугольная в плане, была разделена на два отделения и к ней примыкал коридор и сени. В центре одного отделения находился четырехугольный глинобитный очаг и рядом с ним большая гранитная плита. Второе отделение постройки было занято зольником, окружённым тремя канавками [Граков, 1954, с. 63, 222-229].

На поселении раннескифского времени у с. Черепин Львовской области среди небольших углубленных жилищ открыты две необычные наземные постройки (рис. 151, 152), относящиеся к разному времени и сменяющие друг друга, но конструкция их оказалась одинаковой. Они имели прямоугольную, почти квадратную

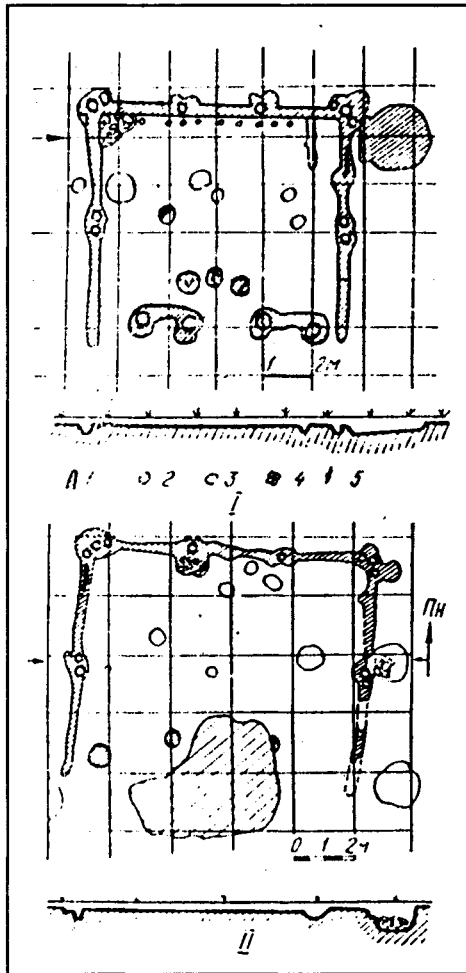

Рис. 151. Планы и разрезы сооружений XI и XIV в Черепине (Крушельницкая).

форму (9 x 9,4 м и 9,8 x 8 м), с трёх сторон были окружены массивными стенами, четвёртая сторона оставалась открытой. Стены опирались на массивные столбы, расположенные в углах.

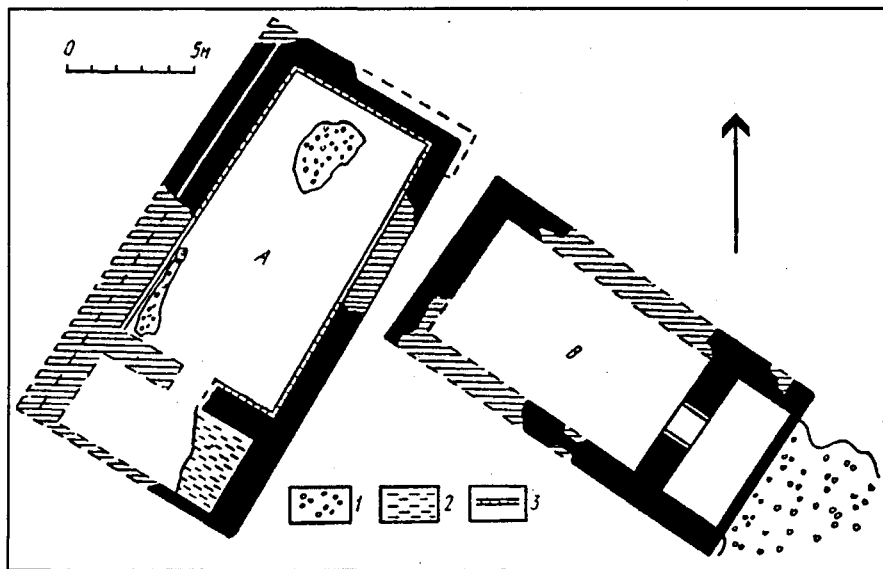

Рис. 152. Планы культовых зданий А и В: 1 - вымостка из мелкого камня; 2 - пол из известковой крошки; 3 - остатки штукатурки (Высотская, Неаполь Скифский).

Посередине стен помещения нижние брёвна стен между столбами были опущены в глубокие канавки (глубина их до 60 см, ширина 20-40 см), что создавало прочный фундамент постройки. В полу были выкопаны чашеобразные ямы, которые заполнялись пеплом, сажей, обломками посуды. К постройке примыкала большая яма (диаметром 2,7 м) с обожжённым дном, заполненная обломками посуды, рядом находилась большая глинобитная печь с пережжёнными костями животных. По-видимому, все эти объекты составляли единый культовый комплекс, где совершались жертвоприношения, а в помещениях, имевших вид больших навесов, происходили собрания [Крушельницкая, 1976, с. 115-128; 1993, с. 173-185].

Подобное сооружение открыто на Архангельском городище середины I тысячелетия н. э., расположенном на Среднем Дону. Постройка имела прямоугольный план и площадь 170 м², её стены состояли из стоявших вплотную друг к другу столбов, концы которых были опущены в канавку глубиной до 70 см (при ширине 40-50 см). Внутри стена ещё была обшита досками. Помещение было разделено на две части, в одной из которых находились три ямы глубиной до 1,5 м. В ямах лежал слой золы, черепки, кости животных и скелет взрослого человека [Москаленко, 1955, с. 99].

Большой общественный дом, в котором проводились и религиозные обряды, стоял на Восточном городище в Бельске на Ворскле. Дом был прямоугольным в плане (9,35x5,6 м, глубина 1,1 м), внутри находились обломки глиняно-

го побеленного жертвенника, антропоморфные и зооморфные статуэтки, глиняные хлебцы, светильник, культовый столик и глиняные подставки для вертелов [Шрамко, 1987, с. 56].

Для таких же целей, по-видимому, служил большой дом, открытый под насыпью зольника № 11 на Западном Бельском городище. Это было большое прямоугольное помещение (8,1x7,5 м), углублённое в материк на 85 см, а к центру пол понижался ещё на 30 см. Его особенность состояла в том, что пол периодически подмазывался

глиной и утрамбовывался - глиняных слоев с прослойками золы насчитывается 8-10. Небольшой очажок с глиняным бортиком, по мнению Б. А. Шрамко, вероятнее всего употреблялся для освещения дома, а не для отопления или приготовления пищи. Кровля и стены дома были сделаны из плетня и опирались на столбы. Вдоль стен проходила материковая лежанка. Характерны для культовых сооружений находки из этого дома: антропоморфные и зооморфные статуэтки, глиняные хлебцы, многочисленные кости животных и обломки посуды, в том числе фрагменты амфор, глиняные пряслица, пуговицы, цилиндры, ножи, наконечники стрел, булавки, браслеты, обломки псалма и часть уздечки, накладки для лука, точильные бруски, бусины, астрагалы, обломки зернотёрка, обугленные зёрна пшеницы, горошины, семечки яблони, отпечатки зёрен проса и пшеницы на керамике, фрагмент чаши из черепа человека [Шрамко, 1987, с. 38-42]. Судя по находкам, религиозные церемонии, совершавшиеся в этом общественном доме, были связаны с сельскохозяйственными культурами. Сохраняя традицию, на месте этого дома позднее насыпали большой зольник.

Большая углублённая постройка (площадью 50 м², глубиной до 2 м) находилась под Центральным зольником на Матронинском городище. На её дне было вырыто 13 ям, заполненных остатками жертвоприношений. Рядом была расположена глинобитная площадка, на которой долгое время горели костры [Бессонова, Скорый, 1993, с. 9].

В первых веках н. э. в Илурате к оборонительной стене было пристроено культовое здание (14,2x5,3 м), в углу которого находился жертвенник в виде каменной плиты и на нём лежал человеческий череп с четырьмя позвонками и кости курицы [Гайдукевич, 1958, с. 41-45].

Вероятно, близки по значению к общинным культовым домам, описанным выше, открытые в Неаполе Скифском постройки - мегароны. Эти довольно большие прямоугольные постройки (19x9 м и 15x7,6 м) (рис. 152) были разделены внутри на две части и по планировке и пропорциям повторяли греческие храмы. Мегароны известны ещё в Микенах. Элементы их внутреннего устройства собственно такие же, как в общественных домах лесостепной полосы: стены украшены фресками, очаги из нескольких слоев глины, жертвенные ямы с костями животных, черепом оленя, детскими погребениями, статуэтками, миниатюрными сосудами [Высотская,

1979, с. 62-68, 156, 164]. Культовое значение мегаронов в Неаполе подтверждается расположенными рядом с ними зольниками. П. Н. Шульц считал мегароны молитвенными домами или домами для мужских собраний [Шульц, 1971, с. 135].

4.1.6. Молельни

Особый тип общественных молельных домов представляли собой постройки с орнаментированными жертвенниками. Один из таких домов находился на поселении Жаботин на р. Тясмин (рис. 22). Это была наземная глинобитная постройка (9 x 9,5 м), пол которой состоял из двух слоев глины, был заглажен, а в его центре был расположен жертвенник. Он представлял собой круг (диаметром 1,35 м), северная часть которого была очерчена вдавленными в глиняный пол линиями, образующими шесть концентрических поясов, покрытых бегущей спиралью и меандром. В центре круга сохранилась ямка (40x60 см, глубиной 90 см) со следами деревянного обугленного столбика [Покровская, 1962, с. 73-75; 1973, с. 173]. Подобное помещение открыто на Трахтемировском городище VI в. до н. э., расположенном на Среднем Днепре. Здесь круглый орнаментированный рельефными спиральями жертвенник находился в прямоугольной полуземлянке (6,6 x 3 м, глубина 0,8 м). В центре жертвенника также сохранилась ямка. Рядом найдены, обломки посуды, сосуд в виде птицы и большая корчага [Ковчаненко, 1967а, с. 104]. Орнаментированный жертвенник обнаружен в постройке на позднескифском городище Золотая Балка на Нижнем Днепре. Орнамент на жертвеннике был в виде прямоугольника с закругленными углами, перечерченный двумя линиями крест на крест. Само помещение прямоугольной формы (площадь 36 м²) имело стены из камня и глины и внутри него выделена небольшая коморка (2x1,35 м). Около очага, обрамлённого каменными плитами, находился жертвенник на глиняной вымостке. На полу найдены две большие жаровни, черепки сосудов и фигурка всадника [Вязьмитина, 1962, с. 93, 213].

Все эти помещения несомненно служили для общественных собраний, что допускала их сравнительно большая площадь, но здесь же совершались и культовые действия, сюда приносили жертвенные дары. Характер обрядов был несколько иным, чем в огромных общественных домах с выделенными жертвенными помещени-

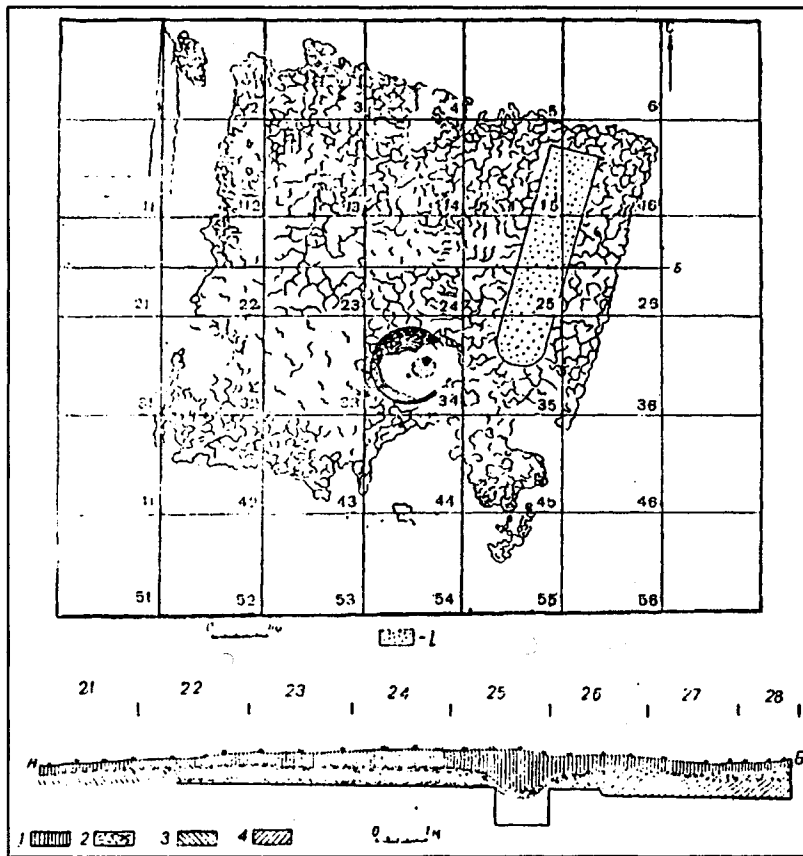

Рис. 153. Жаботин. План и разрез по АБ глинобитного пола на раскопе XIX.1 - яма. 1 - черноземный слой; 2 - завал глиняной обмазки; 3 - слой обожженного чернозема; 4 - суглинок (Покровская, 1962).

ями. Около красиво орнаментированных жертвенников пол был чистым, на нём нет костей животных и человека, нет жертвенных ям и следов длительного горения огня (кроме позднего помещения в Золотой Балке). Может быть, сам жертвенник символизировал огонь или являл-

ненный до самого верха обломками обожжённых зернотёрок. Здесь же найдены обломок кремневого серпа и черепки сосудов с отпечатками зёрен, всё засыпано золой и мелкими пережжёнными косточками. Земледельческий характер жертвоприношений не вызывает сомнений [Березанская, 1970а, с. 156; 1972, с. 34; 1974, с. 79; 1982, с. 159].

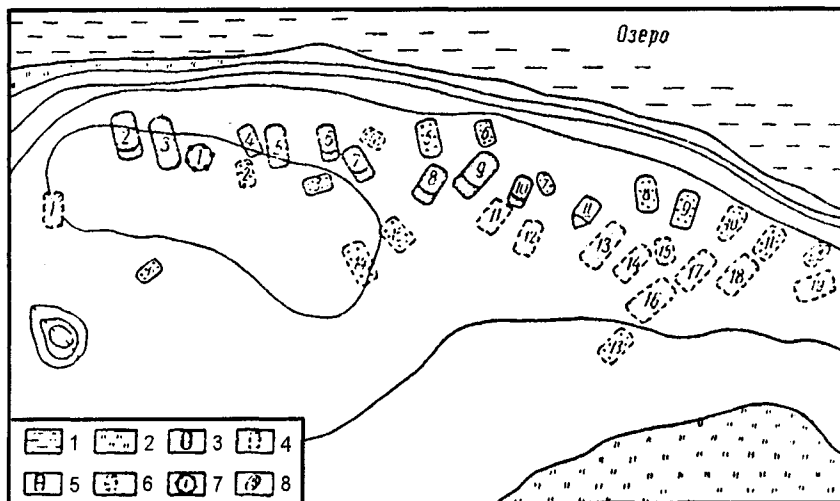

Рис. 154. План поселения у хутора Пустынка: 1 - вода; 2 - мокрый луг; 3 - контуры разведанных жилищ; 5 - контуры раскопанных хозяйственных построек; 6 - контуры разведанных хозяйственных построек; 7, 8 - культовые постройки (Березанская, 1972).

ся изображением солнца. Возможно, в этих помещениях соби-ралась для молений только эли-тарная часть общества.

Помимо больших молелен, известны небольшие постройки, где совершались жертвоприноше-ния, а участники церемонии мог-ли находиться только за предела-ми культовой постройки. Такая жертвенная постройка находи-лась на поселении эпохи бронзы у с. Пустынка на Черниговщине (рис. 154, 155). Она была распо-ложена несколько в стороне от жилищ и представляла собой круг диаметром 10 м, окружённый де-сятью массивными столбами (ди-аметры и глубина столбовых ям около 1 м). На реконструкции, сделанной С. С. Березанской, столбы перекрыты конической соломенной кровлей. Между столбами находились ещё четыре столбовые ямы, которые на ре-конструкциисвязаныдвумялав-ками. Между лавками в полу был вырыт ровик длиной 3 м при ши-рине 0,5 и глубине 0,3 м, запол-

Под белогородским золь-ником у с. Собковка около Умани открыта небольшая по-стройка (2 x 6 м), имевшая в плане форму восьмёрки. Её сте-ны были обмазаны глиной и обожжены, вдоль них распола-галось 14 столбовых ямок. Внутри находилась зола и уголь, найдено бронзовое ко-лечко и литейная форма кель-та. Сверху постройка была пе-рекрыта камнями и затем насы-пан зольник [Березанська, Тітенко, 1954, с. 121-122]. На поселении скифского времени с. Лихачевка на Ворскле (Пол-

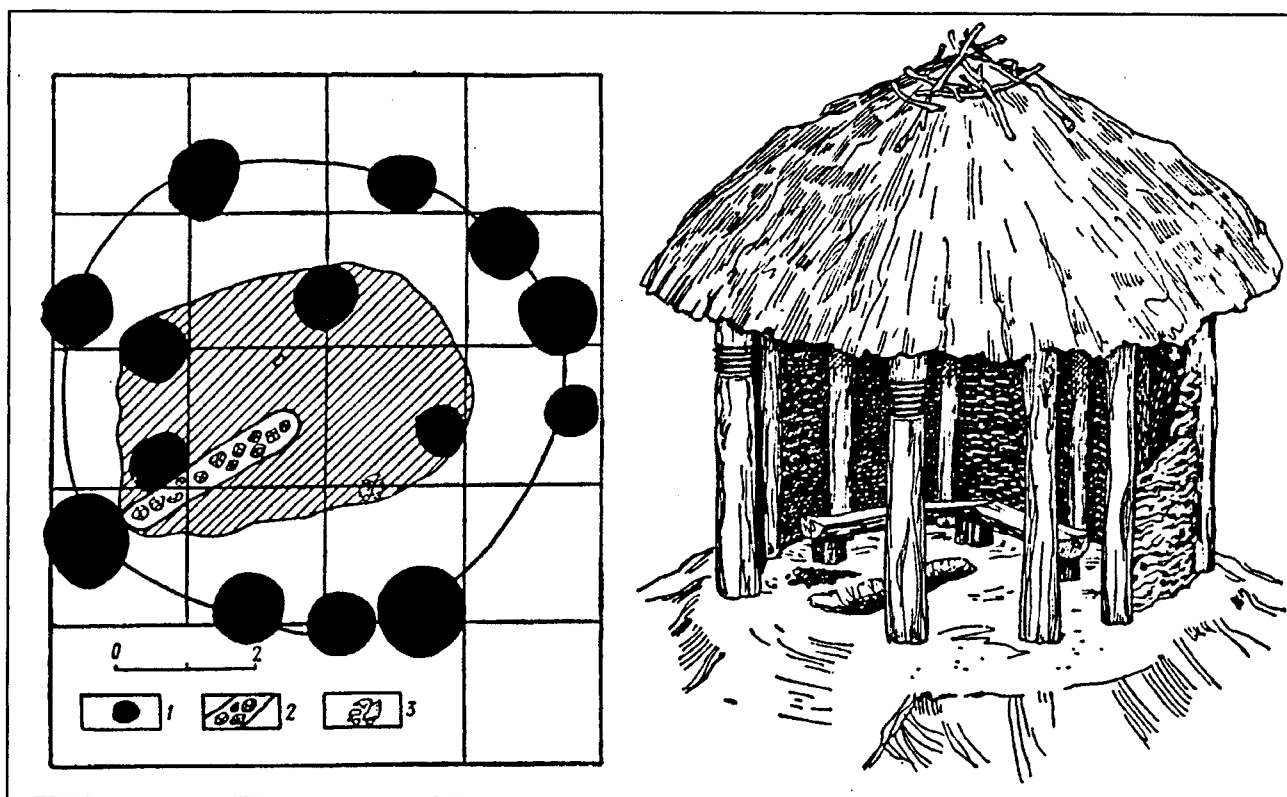

Рис. 155. Культурная постройка у с. Пустынка. План и реконструкция (Березанская, 1982).

тавская обл.) находилось большое круглое помещение (площадь 71 м^2), углублённое в материк на 1,4 м и имеющее уступ у западной стенки. Внутри расположено девять ям и семь жертвоприношений овец и собак. Такие же жертвы оставлены и вокруг помещения [Моруженко, 1984, с. 302]. Жертвенная постройка обнаружена под зольником в Пожарной Балке (рис. 128). Это округлое углубление с сужающимися вниз стенками (глубина 0,5 м, размеры по верхнему краю $3,2 \times 2,85 \text{ м}$, по дну $3 \times 2,4 \text{ м}$). В центре помещалось огнище и на нём скелет собаки, а в восточной части сделано возвышение почти квадратной формы ($1 \times 1 \text{ м}$), сложенное из золы и угля и покрытое сверху твёрдой белой массой (спрессованной золой). Возвышение поднималось над полом на 30 см и под ним лежали череп и отдельные кости коня [Ляпушкин, 1951, с. 128-129; 1961, с. 110; Ковпаненко, 1967, с. 52]. Культурные традиции на этом месте продолжались в последующее время и в насыпанном сверху зольнике многократно устраивались очаги, сохранились остатки глинобитной печи, связанные с поклонением огню. Вполне возможно, культовым целям служила круглая постройка под зольником № 2 на поселении Шелковая Харьковской области (рис. 156). Её стены были сделаны из плетня, обмазанного глиной и опирались на 11 столбов. В центре помещения (его диаметр 6,5 м) находились столб и огнище. Сна-

ружи к постройке примыкал очаг с глиняным бортиком [Шрамко, 1964, с. 183].

Комплекс культовых сооружений открыт у с. Оселивка на Днестре (Черновицкая обл.). Две соединённые между собой округлые камеры (в плане восьмёрковидной формы) (рис. 156, 157) были незначительно углублены в материк (на 30-40 см). В середине меньшей из них была вырыта яма на глубину ещё 80 см. В ней лежали кости расчленённого человеческого скелета (череп, часть нижней челюсти, позвонки и другие кости). Почти в центре большей камеры сохранилась столбовая яма. Кругом неё и у стен камеры на разном уровне находились скопления битой посуды, костей животных, угля, бронзовая и костяные булавки, до 10 фигурок животных и миниатюрные сосудики, пряслице, грузило (рис. 158). Нижняя часть камеры была заполнена чистой золой. Ни очага, ни печи здесь не было. Среди костей животных преобладали кости лошади (22), костей крупного (10) и мелкого (8) рогатого скота было меньше, 5 костей собаки. Ближе от этого сооружения был расположен очаг из камней, вокруг которого лежали кости (преимущественно конечности) животных, а также яма с миниатюрным сосудиком и пряслицем. Весь комплекс датируется VI-V вв. до н. э. [Никитина, 1979, с. 241-249].

Большинство культовых построек пред-

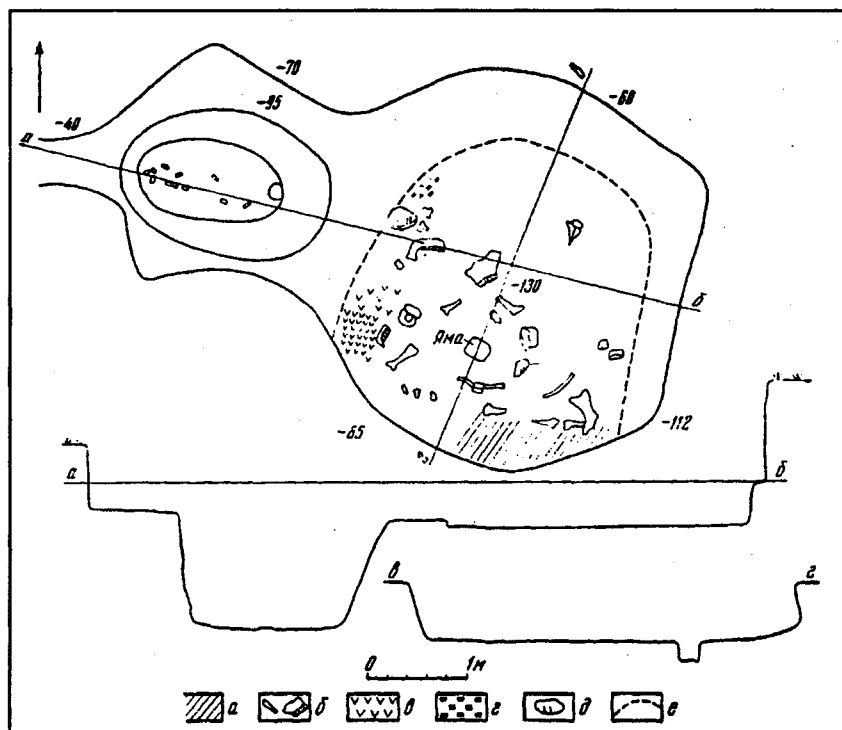

Рис. 156. Скифское время, Оселивка. План землянки, второй этап расчистки. а - место скопления керамики; б - кости животных; в - уголь; г - обожженный грунт; д - камень; е - граница золистого слоя на дне землянки (Никитина, 1979).

ставляли собой большие дома, помещения которых были разделены на две, а иногда и больше, частей. Обычно пол построек углублён в землю, стены сделаны из плетня, обмазанного глиной, или из брёвен. Внутри домов находились жертвенники, ямы и много жертвоприношений - кости людей и животных, глиняные фигурки животных, миниатюрные сосудики, битые сосуды и, иногда, довольно многочис-

остатков приношений. Эти дома, скорее всего, служили для молений или гаданий, вероятно, в присутствии только посвящённых. Традиция сооружения орнаментированных очагов идёт из стран Средиземноморья, и позднее была распространена почти по всей Европе.

К третьему типу принадлежат небольшие жертвенные постройки. Они имели круглую форму или состояли из двух круглых ям, обра-

зующих восьмерку в плане. Помещения насыщены остатками жертвоприношений - есть кости человека, домашнего скота и собак, глиняные изделия, фигурки животных, некоторые вещи. Эти жертвенные сооружения также бывали перекрыты жертвенниками-зольниками. Традиция сооружения таких построек, в том числе и восьмёркообразных, идёт с эпохи бронзы.

Жертвы оставляли и в жилых домах. Так, на поселении бронзового века Пустынка во многих жилищах около очагов проводились жертвоприношения. В семи случаях в ямах с

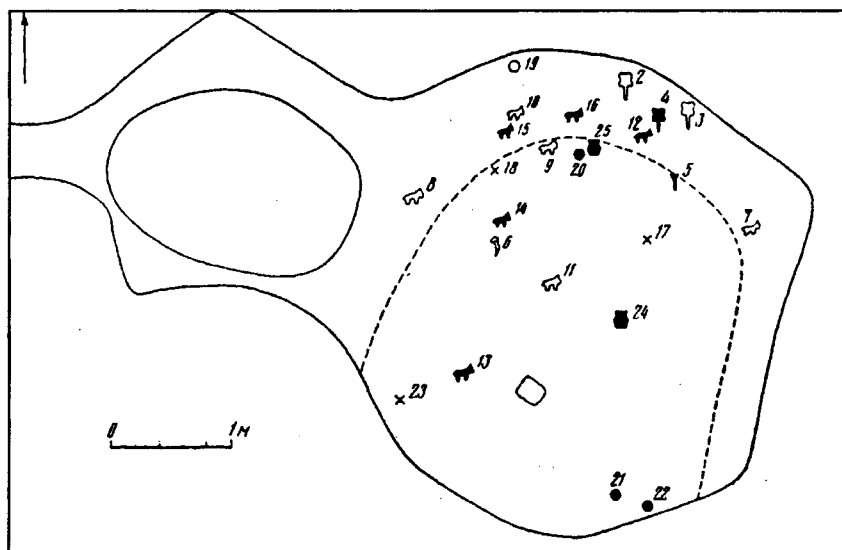

Рис. 157. Оселивка. Схема расположения вещевых находок в землянке. Контуром даны находки с глубины 70-85 см, остальные находки найдены на глубине 105-130 см (Никитина, 1979).

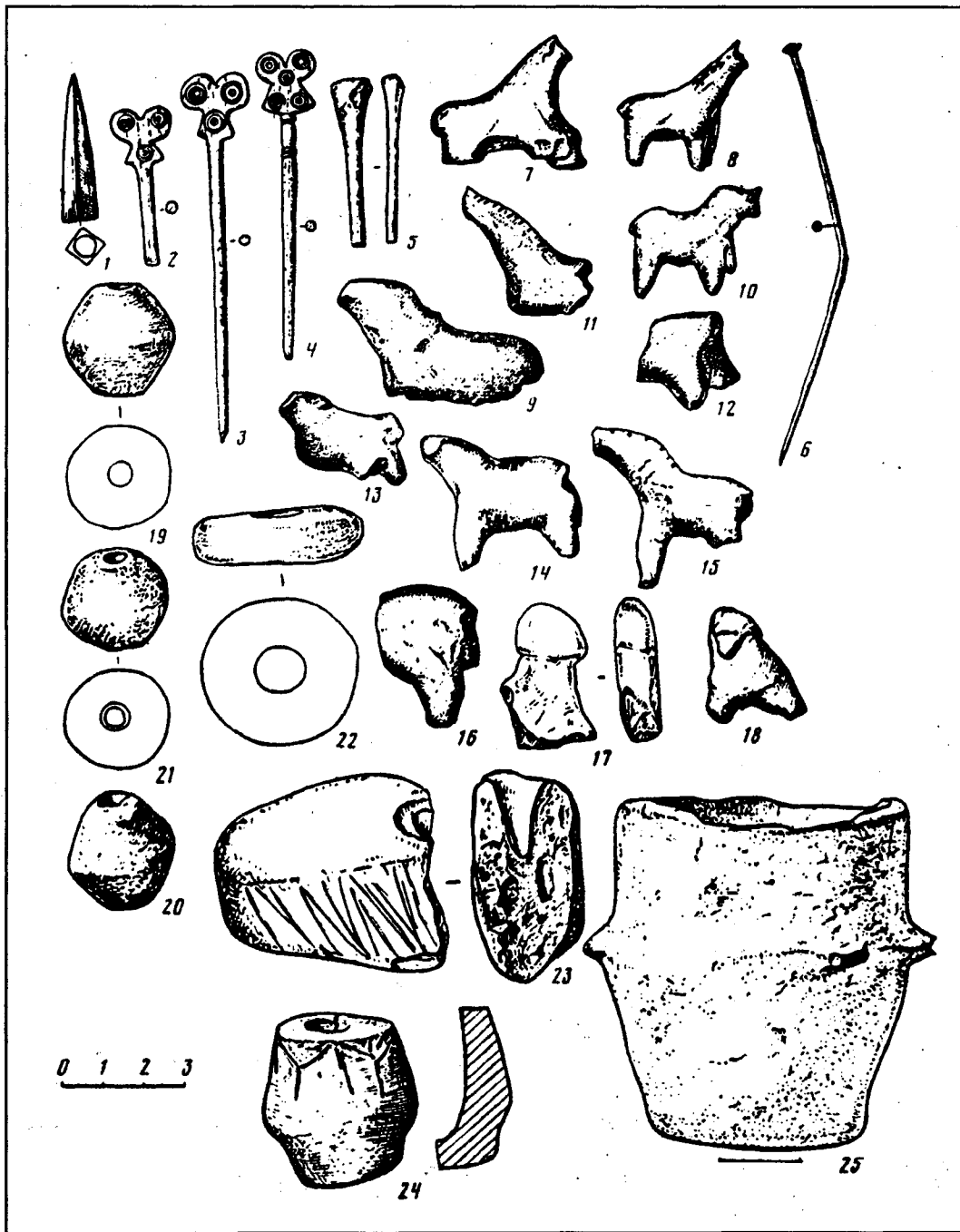

Рис. 158. Оселивка. Вещи из нижних слоев землянки.

1 - костяной наконечник стрелы из верхнего слоя засыпки; 2-5 - костяные булавки; 6 - булавка бронзовая; 7-18 - глиняные фигурки животных; 19-22 - глиняные пряслица; 23 - глиняное грузило; 24-25 - миниатюрные сосудики (Никитина, 1979).

подбоями были совершены погребения, в других ямах помещены кости крупного и мелкого рогатого скота. Под очагом жилища № 9 находились череп собаки, несколько лопаток быка, зернотёрка, миниатюрные сосудики, глиняный хлебцец. В ямке около жилища № 8 лежало пять глиняных хлебцев. Хлебцы имели диаметр 10-1,3 см, толщину около 2 см, их поверхность иногда бывает покрыта вмятинами. Все эти находки, несомненно, имели символическое значение и были помещены в семейные жертвен-

ники. Жертвенниками в жилищах служили и круглые вымостки около очагов, сделанные из глины, глиняных валиков или керамики [Березанская, 1974, с. 85-89; 1982, с. 162].

В скифское время продолжалась традиция жертвоприношений в жилых домах, почитание домашнего очага, принесение строительных жертв. На Восточном Бельском городище в небольшом наземном жилище (4,3 x 3,95 м), помимо обычного очага, находился глинобитный жертвенник, в основание которого были поло-

жены два черепа собак, чаша из человеческого черепа, глиняные хлебцы, конусы, пряслица, ножи, в углу жилища располагалось возвышение. В маленькой землянке на этом же городище сохранился глинобитный алтарик в виде блюда [Шрамко, 1987, с. 51-55]. На Пастырском городище в углу жилого дома лежала куча золы и кусок "хлеба" с зёрнами проса, кальцинированные кости [Петров, 1948, с. 79], что, вероятно, тоже было связано с культом. Особенно много жертвоприношений в жилищах уже в позднескифское время на памятниках Причерноморья и Крыма. В одном из зданий Неаполя Скифского найден череп оленя, в другом - его рога. Олень в эллинистическую эпоху считался священным животным [Высотская, 1979, с. 168-169]. На Козырском городище под полом домов в кувшинах и горшках или просто в ямах - детские погребения, иногда по несколько в одном доме [Бураков, 1976, с. 26-29, 138-142]. В жилищах позднескифского городища Чайка около Евпатории в ямках пола или за специальными оградками в углу дома помещали кости баранов и ягнят, ставили сосуды, амфоры, в двух случаях обнаружены детские погребения [Попова, 1990, с. 196-202]. Культовые захоронения животных, иногда и человека, были распространены в жилищах на поселениях античного Боспора. Жертвы помещали за каменными ограждениями в углах домов, в нишах стен, в каменных ларях, в ямах, выкопанных в полу, под печью. Сохранение костей и черепов не было характерным для древнегреческой и скифской культовой практики и распространение этого обычая, вероятно, связывается с традицией лесостепных культур и религиозным синкретизмом с позднескифскими этническими элементами на Боспоре [Емец, Масленников, 1992, с. 32-40]. Домашние алтари из камня и глины были типичны для античных поселений [Латышева, 1989, с. 65-67].

Изолированные культовые центры в скифское время почти не известны. К ним можно отнести скопление зольников, удалённых от поселений, как например, в Островерховке или концентрирующихся около могильников. Возможно культовыми центрами большой округи считались большие скопления зольников на отдельных поселениях и городищах, как на Западном Бельском городище, где их насчитывается 53.

Может быть, культовое значение имели небольшие городища-убежища, где искали защиты от врагов, принося соответствующие моления своим богам, как это происходило в средневеко-

вье у славян [Русанова, Тимошук, 1993, с. 23-24]. Малые городища-убежища известны ещё в чернолесское время в южной части лесостепного днепровского Правобережья. Так, городище Московское имело диаметры 30-45 м, и его площадка не была заселена [Тереножкин, 1961, с. 14-15]. Такие городища имелись и в лесостепи скифского времени, например, в Сабатиновке на Северском Донце [Шрамко, 1962, с. 149].

Культовая площадка, окружённая рвом, находилась в стороне от поселения VII-VI вв. до н. э., расположенного у с. Крещатик около устья р. Роси. Ровная площадка имела овальную форму и диаметры 35-40 м. Ограничивающий её ров был глубиной 2-3 м и шириной сверху 3-4 м и внизу у дна 0,4 м. В заполнении рва прослеживаются прослойки серого и жёлтого песка, найдены черепки посуды. За пределами рва находилось два завала глиняной обмазки, под которыми лежали скопления обломков посуды, отдельно расположенное скопление керамики, глиняной обмазки и вальков, лежащие в два слоя на площади 2x1,5 м [Покровська, Петренко, Ковпаненко, 1971, с. 95-101]. Это уникальное для скифского времени сооружение потребовало столь подробного описания, так как параллели ему имеются в более позднее время.

Второе уникальное сооружение открыто на возвышенности около Гавриловского городища, откуда открывался широкий вид на Днепр. Здесь находилось сооружение полукруглой формы, сложенное из крупных камней и внутри забитое камнями. Внутри находился очаг диаметром 1 м, обставленный каменными плитами и перекрытый двумя плитами. Под плитами лежал скелет ребёнка 10-12 лет, ориентированный головой на запад. Здесь же находились фрагменты посуды и большая жаровня [Погребова, 1958, с. 203].

Среди этих удалённых от жилой зоны мест достоверно культовым можно признать лишь жертвенник у Гавриловского позднескифского городища. Но специальные жертвенные места выделяются на некоторых заселённых в скифское и более раннее время памятниках. На самом высоком месте поселения эпохи бронзы Усово озеро на Северском Донце, в отдалении от жилищ находилась ровная площадка 5x6 м, в центре которой был помещён жертвенник прямоугольной формы (1,8 x 1,5 м), сложенный из 4-5 слоев костей животных. Рядом с ним находилось второе скопление костей меньших размеров. Вокруг жертвенников было много золы, обломков посуды, найдены точильный брусок и два кремневых ножа. Недалеко от жертвен-

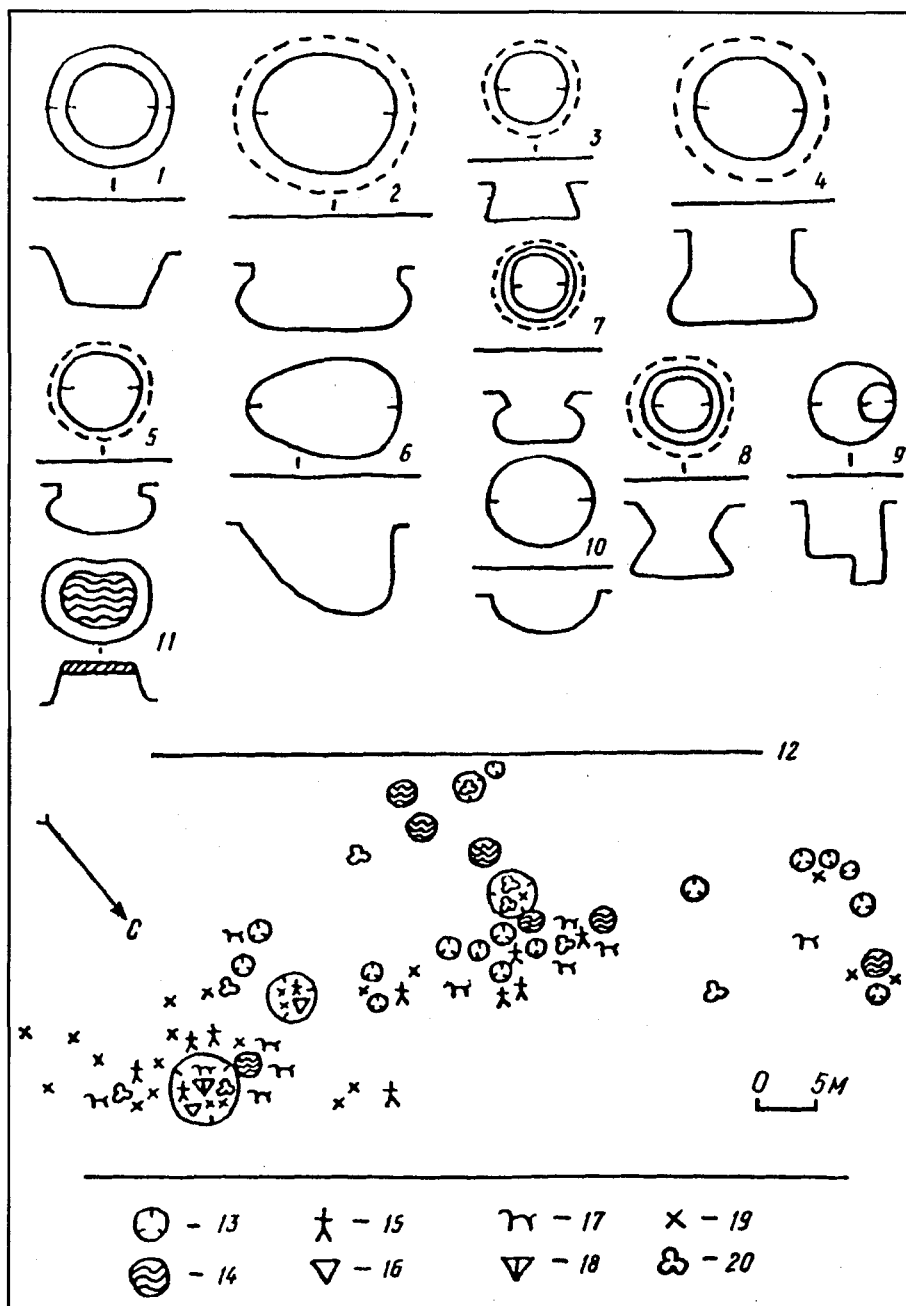

Рис. 159. Восточное Бельское городище.

1-10 - ямы; 11 - жертвенник, раскоп 28, 1979 г.; 12 - центральный участок святилища на Восточном укреплении Бельского городища (раскоп № 23); 13 - ямы; 14 - жертвенники; 15 - антропоморфная статуэтка; 16 - скопление антропоморфных статуэток; 17 - зооморфная статуэтка; 18 - скопление зооморфных статуэток; 19 - различные культовые изделия; 20 - чаши из черепов (Шрамко).

ника находилась вымостка из камней круглой формы (диаметр 1,5 м), засыпанная белой известью. Скопление жертвенных ям было расположено на холме между Алексеевским поселением и могильником [Березанская, 1990, с. 85, 87].

На городище Караван V-IV вв. до н. э. культовое место примыкало к серповидному валу из обожжённой глины (рис. 141). Около вала находился глиняный тарелковидный жертвенник (диаметром 1,53-1,15 м) с сильно обожжённой поверхностью, покрытый слоем золы. К жертвеннику вела дорожка, выложенная камнями.

Рядом был насыпан зольник высотой до 1 м, который расплылся и перекрыл глиняный жертвенник. В насыпь вала и зольника последовательно было впущено три жертвенные ямы, частично перерезающие одна другую. Около жертвенника, в зольнике и в ямах найдены обломки глиняной посуды, пряслица, грузила, три ножа, серебряная луновидная подвеска, наконечник стрелы, миниатюрные сосудики, глиняные хлебцы с примесью зёрен в тесте, обломок антропоморфной фигурки, небольшая льячка, глиняная погремушка и до 170 глиняных моде-

лей зёрен (ячмень, пшеница, рожь, просо, горох), в тесто которых была примешана мука [Шрамко, 1957, с. 182-188; 1957 а, с. 60-61].

Культовое место находилось на самой высокой части Восточного Бельского городища (рис. 159), откуда открывался широкий вид на окрестности. Здесь находилось, несколько глинобитных жертвенников (не менее семи), имевших диаметр 40-50 см и приподнятых над землёй на 30-40 см. Их поверхность была заглажена и побелена, иногда конусовидно приподнята. Кругом лежали обломки орнаментированных жертвенников, находились многочисленные жертвенные ямы. На всей площади и в ямах лежали вотивные предметы, при этом обломки одной и той же вещи иногда лежали в разных ямах. (Такое же разбрасывание частей разбитых предметов наблюдалось и на позднейшем славянском святилище в Звенигороде на Збруче [Русанова, Тимощук, 1993, с. 80]). Находки на культовом месте состояли из глиняных статуэток, глиняных ступок с пестиками, глиняных хлебцев, чаш из человеческих черепов [Шрамко, 1985, с. 4-7; 1987, с. 127].

Культовое место раскопано и на позднескифском городище Неаполе. Здесь около суглинистой площадки были врыты в землю три большие корчаги. В одной из них, не имевшей дна, лежали кости домашних животных, в другой - также кости и обломки миниатюрных сосудов, в третьей - кости от 20 кур, трёх перепелов, трёх особей мелкого рогатого скота. Ещё одно культовое место на этом же городище было расположено у городских ворот и состояло из каменной вымостки и глиняной площадки, обнесено каменной оградой с севера и востока. В кладку были вмурованы небольшой горшок, амфора с ракушками, рядом вырыты семь ямок с костями животных, и около ограды в амфоре и в горшке были помещены два детских захоронения [Высотская, 1979, с. 167-168].

Культовые места, находившиеся на поселениях, вероятно, использовались всеми жителями, как и большие общественные дома, и молитвенные помещения. Священными центрами, удаленными от поселений, являлись и скопления зольников. Изолированные культовые сооружения появились лишь у позднескифского населения, что показывает усиление значения служителей культа и большее сплочение жителей, силами которых эти места возводились и обслуживались.

* * *

Данные о культовых сооружениях скифского времени лесостепи позволяют сделать некоторые наблюдения.

Во-первых, выявляются общие категории культовых сооружений по всей территории лесостепи. Повсеместно распространены жертвенники нескольких типов: общественные дома, молельни, культовые центры. Единообразен состав жертвенных приношений: черепки посуды, кости и черепа домашних животных и человека, миниатюрные сосудики, антропоморфные и зооморфные фигурки животных, глиняные хлебцы и имитация зёрен злаков, их отпечатки на глине.

Во-вторых, размещение разных типов культовых сооружений показывает наличие некоторых локальных особенностей. Правда, для их более точного определения материалы пока ещё слишком отрывочные и не совсем чёткие, но всё же по ним можно в какой-то мере попытаться наметить культурные и этнические связи и направления передвижения племён. Так, зольники в Подунавье были известны на фракийских поселениях с эпохи бронзы и продолжали там существовать в скифское время. Не только влиянием, но и частичным переселением фракийского населения на восток, что вытекает и из других археологических данных, в том числе и из распространения типов посуды, можно объяснить появление зольников на памятниках белогрудовской и чернолесской культур на Правобережье, а затем и на Левобережье Днестра. В скифское время в распространении зольников видны локальные различия - они почти исчезают на Правобережье, что в какой-то мере могло быть вызвано усилением влияния степной Скифии, но продолжают широко использоваться на всём пространстве Левобережья. Появление зольников на позднескифских поселениях Нижнего Днестра и Крыма было, вероятно, вызвано южной волной распространения фракийцев и греческим влиянием.

В распространении других типов жертвенников также прослеживается некоторое локальное своеобразие. Так, круглые цилиндрические жертвенники известны на Правобережье Днестра, где традиция их сооружения восходит к трипольским памятникам и поздней бронзе (Андрусовка). Возвышающиеся жертвенники Левобережья имели гораздо меньшие размеры (Восточное Бельское городище), что связано с местными традициями ещё эпохи бронзы (Ильичевка). Зато тарелковидные жертвенники с бортиком более характерны для левобережных памят-

ников (Восточное Бельское городище, Караван, поселение Шелковая), что тоже связано с древними местными традициями.

Орнаментированные жертвенники ведут своё начало от Микен в Греции, были распространены в Триполье. При этом круглые жертвенники с концентрическими кольцами характерны для Правобережья Днепра, тогда как на позднескифских поселениях (Неаполь, Золотая Балка) были распространены прямоугольные жертвенники с орнаментом из вписанных один в другой квадратов. Квадратные жертвенники типичны для греческих колоний в Причерноморье, орнаментированные - для фракийцев.

Большие общественные дома для ритуальных действий широко известны на протяжении долгого времени у самых разных народов, например, в трипольской культуре, на памятниках эпохи бронзы, раннего железа. На памятниках Западной Украины открыты наземные дома такого типа (Черепин, Непоротово), для Среднего Поднепровья и для Левобережья более характерны углубленные дома (Жаботин, Матронинское, Западное и Восточное Бельское городища). На позднескифском городище Неаполь общественные дома повторяют в плане греческие мегароны. На Каменском городище - центре степной Скифии - молеальный дом состоял из нескольких помещений, включал в себя зольник, алтарь, хранилище, как это было и в Ольвии.

Небольшие жертвенные помещения, круглые в плане, известны с эпохи бронзы (Пустынка), в белогрудовской культуре на Днестре (Собковка), на памятниках Левобережья скифского времени (Лихачёвка, Пожарная Балка, Шелковая). В Оселивке на Днестре, раскопано восьмёркоподобное сооружение.

В целом в лесостепи скифского времени намечаются даже не локальные группы, а лишь некоторые тенденции в распространении разных типов культовых памятников. Эти тенденции берут своё начало в традициях местных культур эпохи бронзы - зольники, связанные с фракийской традицией, орнаментированные жертвенники, распространявшиеся из Восточного Средиземноморья, столпообразные цилиндрические и тарелковидные жертвенники также были характерны для местных более ранних памятников. Позднескифские культуры Нижнего Поднепровья и Крыма испытывали сильное фракийское и греческое воздействие, что проявилось, кроме других особенностей культуры, в распространении зольников, квадратных алтарей с орнаментом в виде вписанных один в

другой квадратов, в строительстве общественных домов - мегаронов, повторяющих план и пропорции греческих храмов.

В-третьих, наиболее важным и спорным является вопрос о взаимодействии лесостепного населения со степными скифами. Сильное влияние степной скифской культуры проявляется в лесостепи по распространению металлических украшений, оружия, конской упряжи, звериного стиля, а также в особенностях погребального обряда, в частности шатроподобных деревянных конструкций в курганах [Скорый, 1987, с. 42-47]. Сходство со скифами у лесостепного населения должно было существовать в общих верованиях, в почитании огня, домашнего очага, в культе предков, что было свойственно всем индоевропейским и индоиранским народам.

Сравнивая культовые сооружения степных и лесостепных областей, можно найти некоторые соответствия - распространение жертвенных курганов, жертвенных ям и площадок. Но в то же время между степными и лесостепными зонами наблюдаются существенные различия: 1) в степях отсутствуют зольники; 2) в степи были распространены прямоугольные жертвенники, тогда как в лесостепи господствовали круглые; 3) в степях не известны большие общественные дома, служившие в лесостепи культовым целям, нет в степях и молитвенных построек и орнаментированных жертвенников; 4) различается состав жертвенных приношений - в степи нет зооморфных и антропоморфных фигурок из глины, столь широко представленных на памятниках лесостепи, где они имели долгую местную традицию. Отсутствуют в степи глиняные хлебцы, имитации зёрен из глины и других предметов, связанных с аграрными культами; 5) в лесостепи не известны антропоморфные каменные изваяния, встречающиеся в степных курганах скифов; 6) в степной Скифии религиозными центрами служили курганы и курганные могильники; культовая постройка на Каменском городище, мегароны и зольники на Нижнем Днестре и в Крыму возникли под греческим и фракийским влиянием, тогда как в лесостепи существовали свои культовые центры.

В целом можно сказать, что культовые сооружения лесостепи составляли своеобразный массив и имели очень ограниченные соответствия в скифском степном мире, хотя верования населения, вероятно, во многом совпадали и имели общие индоевропейские корни.

В-четвертых, культовые сооружения в какой-то мере отражают социальную структуру

общества. Особенно показательным является отсутствие храмов и антропоморфных изображений богов, которые появляются на стадии сложения раннего государства [Хазанов, 1975]. Лесостепное население находилось в данническом подчинении у степных скифов и, по-видимому, несколько отставало от них в общественном развитии. В лесостепи не было столь резко выраженного имущественного расслоения общества, не было такого яркого и всёопределяющего почитания царей и воинов. Культовые сооружения лесостепного населения отвечали существованию больших патриархальных семей и более крупных общин, которые создавали свои жертвенные центры.

Культовые сооружения скифского времени в лесостепи составляли довольно единообразную группу с незначительными локальными различиями. Население лесостепи сохраняло древние местные традиции, но восприняло некоторые особенности фракийской и скифской степной культур, что привело к определённому синкретизму в верованиях и обрядах и нашло своё отражение в культовых сооружениях.

4.2. Культовые сооружения сарматов

Движение ираноязычных племён сарматов к западу началось в IV в. до н. э. и за Днепр они прорвались не позже III в. до н. э. [Смирнов, 1984, с. 114, 119]. Но массовое продвижение сарматских группировок к западу происходило в середине I в. н. э., когда их памятники появились на правых притоках Днепра, Роси, Росаве, Тясмине, возросло их число на территории Молдавии и в степях под Одессой, в западном Крыму, возникли сарматские и в Верхнем Поднестровье [Шукин, 1972, с. 48; 1994, с. 210-211]. Появление сарматов в Среднем Поднепровье привело к исчезновению памятников зарубинецкой культуры, местное население, по-видимому, уходит отсюда и следы взаимодействия зарубинцев пришельцами почти отсутствуют [Шукин, 1972, с. 49]. Лишь на пространстве между Днепром и Доном в I-III вв. н. э. наблюдаются связи сарматов с местным населением, объединенным в одну из групп позднезарубинецкой культуры [Обломский, 1993, с. 29]. В степях скифское господство сменяется сарматским. Волны сарматских переселений доходили до Дуная, и ещё в I в. до н. э. языги заселили земли между Дунаем и Тиссой, где они столкнулись с Римом. Во II в. н. э. ощущалось давление сарматских племён на

Боспорское царство, а затем они участвовали вместе с готами в разгроме городов Северного Причерноморья и Крыма. Сильное влияние сарматов ощущается в культуре позднескифских городов Нижнего Днепра и Крыма. После гуннского нашествия в конце IV в. часть сарматов-аланов была истреблена, часть влилась в гуннские орды и прошла с ними далеко на запад, часть вошла в состав соседних оседлых народов [Мошкова, 1989, с. 202]. По мнению В.В. Седова, скифо-сарматское ираноязычное население вошло в состав Черняховских племён в качестве одного из основных этнических компонентов [Седов, 1979, с. 85].

Разные сарматские племена объединялись во множество иногда мощных, но, в основном, непрочных и недолговечных союзов. В их среде проходили, хотя и с разной степенью интенсивности, имущественная дифференциация и начальный процесс классовообразования. Основой социальных отношений у сарматов оставался родоплеменной строй с сильными пережитками матриархата.

Несмотря на неоднородность общественно-го развития и особенности материальной культуры у отдельных племён, религиозные представления и культы всего сарматского массива были единообразными, свойственными всей индоевропейской и индоиранской общности. К. Ф. Смирнов не раз отмечал, что сарматы были тесно связаны с сако-массагетским миром, даже больше, чем со скифским [Смирнов, 1964, с. 251; 1975, с. 153]. Пережитки аланской религии сохранились у современных осетин и отразились в нартском эпосе [Абаев, 1960, с. 3; 1965, с. 82-84; Дюмезиль, 1976, с. 34]. Вместе с краткими сообщениями письменных источников осетинский эпос помогает в какой-то мере воссоздать религиозные представления сарматов. У них был распространён культ семи богов [Абаев, 1962, с. 446], культ оружия - "они по варварскому обычаю втыкают в землю обнажённый меч и с благоговением поклоняются, ему, как Марсу - покровителю стран, по которым они кочуют" [Аммиан Марцеллин, 31, 2, 23], как это делали и скифы. Особенно широко было распространено почитание огня во всех его проявлениях - в виде огня небесного, солнечного, жертвенного, домашнего, что нашло отражение в погребальном обряде - в редких трупосожжениях, кострах около могильных ям, в распространении переносных жертвенников и курильниц. О подобных верованиях массагетов есть прямые свидетельства: "Из богов чтут только

солнце, которому приносят в жертву лошадей" [Геродот, I, 216], "богом они почитают одно только солнце, и ему приносят в жертву коней" [Страбон, IX, VIII, 6]. Поклонение солнцу и огню занимало центральное место в мировоззрении древних иранцев [Абаев, 1949, с. 72].

Почитание предков отражается в погребальных обрядах, в распространении рядовых курганов, грунтовых могильников и, как всегда, на стадии разложения родоплеменного строя - в появлении богатых курганов военной знати и жриц. В курганах сооружались сложные погребальные камеры, иногда напоминающие жилища кочевников, погребения сопровождалось обильным инвентарем, ограждались кольцом из камней или дерева, вырытыми ровиками. В Днепровско-Дунайском междуречье наряду с круглыми ровиками были характерны прямоугольные или квадратные ограды [Субботин, Дзиговский, 1990]. В погребениях семейных и родовых жриц помещали каменные прямоугольные или округлые жертвенники, зеркала, их хоронили на отдельных участках могильника [Смирнов, 1964, с. 248-256; 1975, с. 154-155]. В богатых могилах встречаются разнообразные амулеты [Ковпаненко, 1980, с. 183]. Каки у скифов, сарматские курганы представляли собой своеобразные святилища. Так, в одном из курганов у с. Корпач на р. Прут (II в. н. э.) погребальная яма была окружена треугольной в плане канавкой, в которой лежали четыре черепа коней, принесённых в жертву. Над погребением стояла каменная

плита с сарматским знаком, а перед проходом в канавке устроена каменная вымостка со следами огня, вероятно жертвенник, прямоугольной формы. Кругом лежали обломки не менее чем от 10 амфор [Гросу, 1979, с. 250-255].

Специальные культовые сооружения сарматов тоже находились на могильниках и, соответственно, были в какой-то мере связаны с заупокойными культами (рис. 160). На могильнике Шиханы у с. Липовка Оренбургской области среди курганов располагалось шесть особых насыпей в виде кольцевидных (3) и прямоугольных (3) валов с углублением посередине. Сооружение А представляло собой кольцевой вал, диаметром 20 м из глины шириной 2,5-3,5 м и высотой 50 см, в северной части которого сделан проход внутрь. В насыпи вала находилось три кострища, черепок, тёрочник, галька с орнаментом, череп лошади и кость барана. В центре располагалась яма, сужающаяся ко дну уступами (верхний её диаметр 6 м, нижний - 2 м, глубина - 2 м). Яма заполнена остатками костра, на дне находился слой сажи толщиной 35 см, выше - слой красной пережжённой земли с угольками. Сверху лежали кости ног коровы. Кругом ямы до внутреннего подножия вала земля обожжена, покрыта слоем сажи и красной пережжённой землей. По-видимому, горелый слой время от времени выгребался из ямы к валу и огонь засыпался землей. Рядом с центральной ямой были вырыты две большие корытообразные ямы, также заполненные углём и пережжённой

землей. В насыпи одного из раскопанных рядом курганов V-IV вв. до н. э. содержалась обожжённая земля, может быть взятая, как освящённая огнём, из культового сооружения. Второе сооружение на этом же могильнике имело квадратную форму (24 x 24 м) и было ограничено невысоким валиком (высотой 30 см), центральная площадка находилась на уровне окружающей поверхности [Смирнов, Попов, 1969, с. 210-216]. Сооружение А несомненно связано с самым популярным у сарматов культом огня и К.Ф. Смирнов называет его "храмом огня" [Смирнов, 1975, с. 155-159].

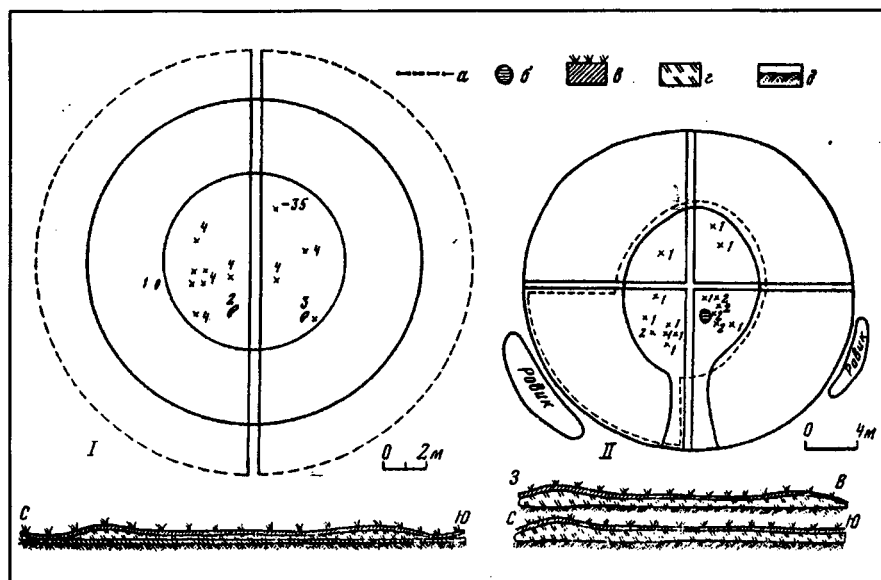

Рис. 160. Планы и разрезы культовых сооружений.

I - ограда 12 (1 - кости животного; 2 - дно сосуда; 3 - фрагмент ручки сосуда; 4 - фрагменты керамики); II - ограда 2 (1 - кости овцы; 2 - фрагменты керамики); а - границы раскопа; б - зольник; в - дерновый слой; г - серая супесь; д - материк (Мошкова).

Подобные сооружения находились на крупнейшем в Южном Приуралье позднесарматском могильнике Лебедевском (II - начало III в. н. э.) (рис. 160). Здесь до 300 курганов располагались восемью группами, в каждой из которых было по одному или по несколько необычных сооружений. Они представляли собой круглые или овальные площадки диаметром 10-15 м, окруженные невысокими валиками и, иногда, ещё и ровиками. Ширина валов колебалась от 4 до 9 м, высота была не больше 20-60 см. Внешний диаметр колебался в пределах 20-30 м. В северной или южной частях валов были сделаны проходы на внутреннюю площадку. На внутренней площадке одного сооружения находилось скопление золы (диаметр 1 м, толщина 10 см), но следов огня

не было нигде. По поверхности площадок разбросаны черепки, иногда их было очень много, до 500 от разных сосудов и амфор, в других случаях были разбросаны по всей площадке обломки одного сосуда, попадались небольшие плитки песчаника и мелкие кальцинированные косточки животных - овцы и лошади. В отличие от Шихан, на Лебедевском могильнике обряды не были связаны с огнём, а сооружения использовались для каких-то погребальных обрядов, может быть, для ограждения тела умершего или для ритуальных трапез [Мошкова, 1984, с. 196-201]. М. Г. Мошкова приводит аналогии таким сооружениям на памятниках кочевников левобережного Хорезма, где имелись очень большие прямоугольные или меньшие круглые площадки, ограниченные невысоким валом и служившие, по мнению Ю. А. Раппопорта, убежищами для душ погребённых членов рода. Живые собирались здесь для совершения обрядов в память умерших [Раппопорт, 1979, с. 155-164].

У сарматов Южного Приуралья прослеживаются древние контакты с населением среднеазиатских приуральских степей, где жили родственные им по происхождению сако-массагетские племена [Мошкова, 1974, с. 51]. Вероятно их объединяли и общие, в основе своей индоевропейские религиозные представления. В Приуралье рядом с курганами VIII-VII вв. до н. э. расположены две прямоугольные площадки (их размеры 60 x 60 м и 50 x 45 м) (рис. 161), ограниченные невысоким валом, насыпанным на слое песка, золы и угля, и внутренним рвом. При раскопках найдены только бронзовый наконечник стрелы и мелкие обломки посуды и костей. В одном из курганов этого же могильника центральная яма была заполнена горелым слоем. Такой же слой окружал яму, как это было на сооружении в Шиханах [Итина, 1984, с. 70-83].

Возможно, эти площадки, ограниченные валом, расположенные на могильниках и служившие для ритуальных действий, связанных с культурами предков и огня, появились у племён Средней Азии, где они известны с эпохи поздней бронзы, а затем были заимствованы сарматами. У при-

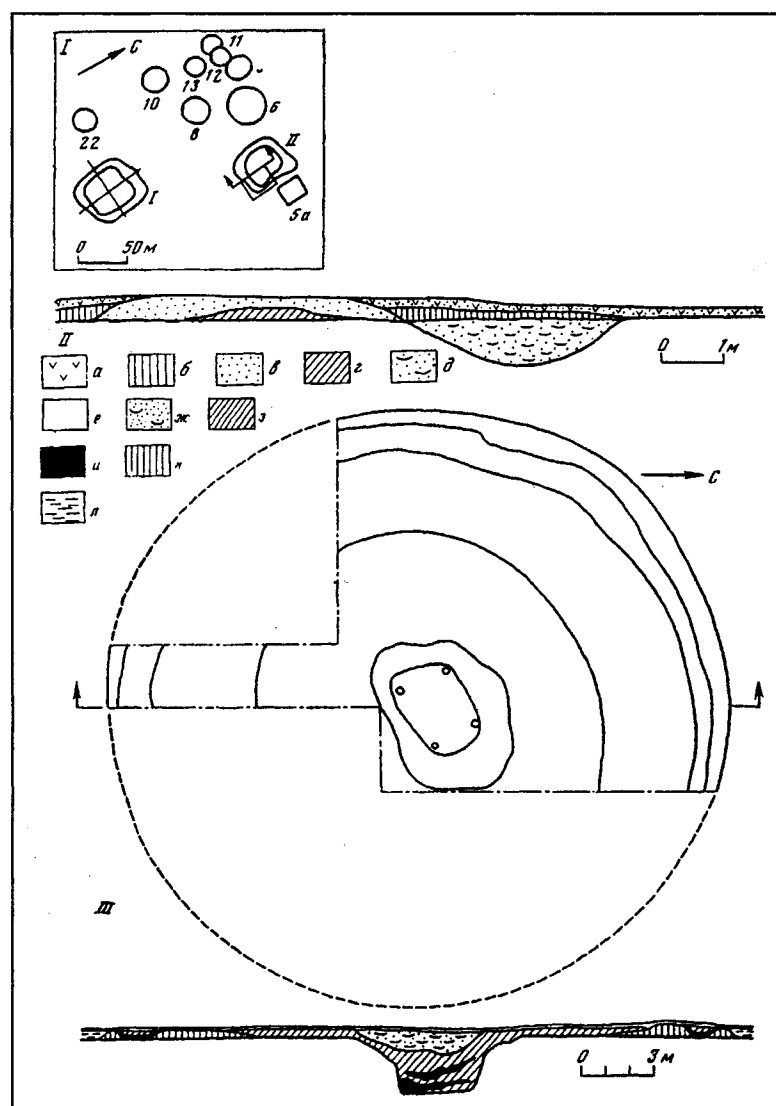

Рис. 161. Ограды и курганы на плато Тагискен.

I - план; II - разрез через вал и ров ограды II; III - курган 8, план и разрез; а - серый песок; б - глинистые намывы; в - насыпь вала; г - песок с золистыми включениями; д - заполнение рва; е - такырный суглинок; ж - песчаная линза с норами грызунов; з - горелый слой; и - слой интенсивного горения; к - насыпь вала; л - глинистые намывы (Итина).

уральских и казахстанских сарматов такие сооружения существовали долгое время - с V/IV вв. до н. э. до II - начала III в. н. э. Пользовались ли такими сооружениями сарматы, переселившиеся на запад, остаётся неизвестным.

В Верхнем Подонье, куда сарматские племена проникали несколькими волнами со II в. до н. э. и где они взаимодействовали с местным населением, открыты сооружения, типологически близкие "храмам огня". На Чертовичском курганном могильнике, расположенном на р. Воронеж (рис. 162), вдоль берега реки в один ряд расположены пять западин. При раскопках одной из них обнаружена почти квадратная канавка, заполненная углём, золой и обломками посуды и окружающая площадку размерами прибли-

тельно 6x7 м. На площадке находилось две подквадратные ямы с углём. Подобные сооружения известны ещё на Писаревском могильнике [Медведев, 1990, с. 71-77]. В отличие от храмов огня, здесь нет вала и меньше продуктов горения, скорее всего, здесь были ритуальные поминальные комплексы.

Собственно, такие же поминальные комплексы в виде квадратных в плане канавок характерны для Днестровско-Прутского междуречья, Молдовы и Буджакской степи, где сарматские памятники относятся в основном к I-II вв. и отчасти к III в. н. э. [Гросу, 1982, с. 4-27] (рис. 163). Здесь под многими курганными насыпями открыты квадратные, прямоугольные и круглые ровики и на грунтовых могильниках

квадратные в плане рвы [Субботин, Дзиговский, 1990]. На грунтовом могильнике Холмское погребения были сосредоточены вокруг пяти квадратных ровиков (рис. 164). Размеры ровиков - ширина около 1 м, глубина 1-1,5 м, стороны квадратов 11-16 м, ориентированы квадраты углами или сторонами по направлению север-юг. Такой же ровик находился в центре могильника Алияга, на могильнике Старые Коконешты. Всего в этом районе отмечено 11 пунктов с ритуальными ровиками. Меньшие по размерам рвы ограничивали многие труположения (их стороны 4-6 м) [Гудкова, Фокеев, 1984, с. 6-44, 91; Фокеев, 1987, с. 19-20; 1991, с. 56-62]. Авторы сопоставляют квадратные рвы с такими же сооружениями под курганами Туркмении и с "храмами огня" окружёнными валом [Гудкова, Фокеев, 1984, с. 92].

К культовым сооружениям сарматов относится ещё насыпь на Ново-Николаевском курганном могильнике на Дону (Ли-

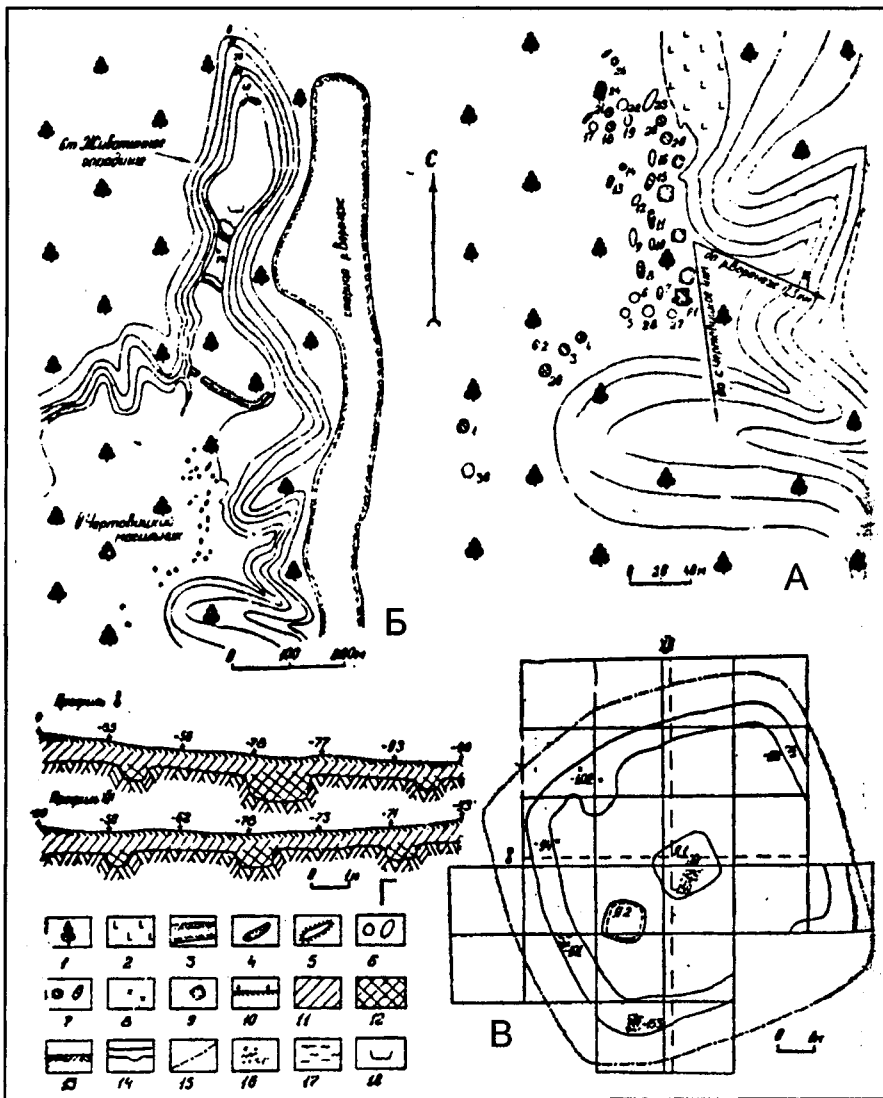

Рис. 162. II Чертовичское и Животинное городище:

- А - план II Чертовичского а; Б - план Животинского городища; В - сооружение I II Чертовичского а; 1 - лес, 2 - вырубка, 3 - вода, 4 - ров, 5 - вал, 6 - неисследованные курганы, 7 - исследованные курганы, 8 - находки курганы, 9 - западина, 10 - дерн, 11 - подзол, 12 - заполнение, 13 - материк, 14 - канавка, 15 - границы западин, 16 - угли, 17 - зола, 18 - грунтовый могильник (Медведев).

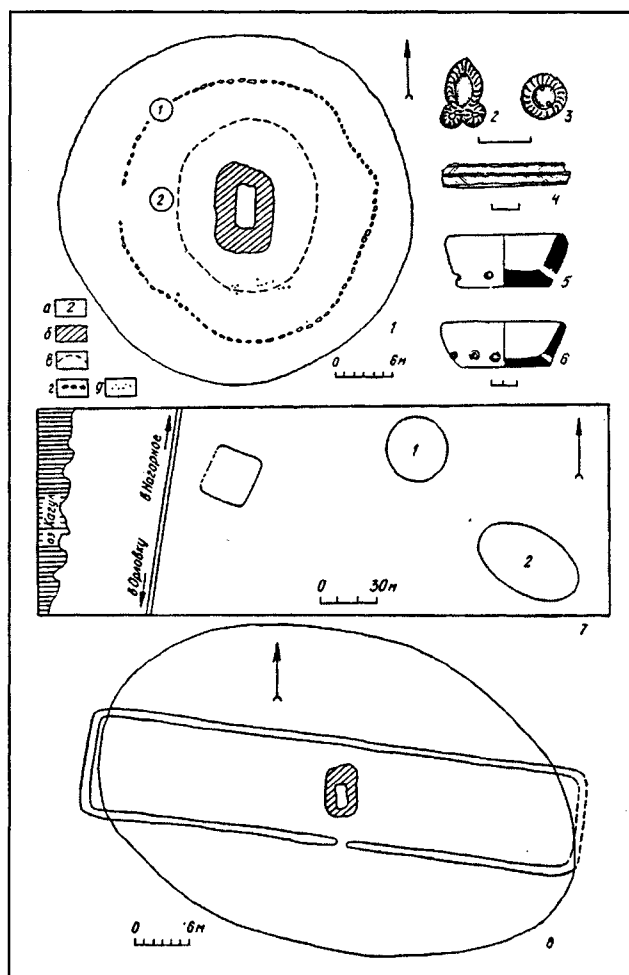

Рис. 163. Сарматские курганы у с. Нагорное: 1-6 - курган 1: а - яма; б - выброс; в - контуры первичной насыпи; г - крепида; д - обломки амфор; 7 - план курганной группы; 8 - курган 2 (Гудкова, Фокеев, 1984).

печкая обл.). В основании овальной насыпи (4 x 9 м) лежали кости животных (лошади и крупного рогатого скота), засыпанные слоями земли с многочисленными глиняными вымостками. Насыпь напоминала зольник [Медведев, 1990, с. 156; Левенок, 1973, с. 93].

На многих могильниках сарматов, расположенных в западных областях Украины и в Молдавии - Киселёв на Пруте¹, Алчедар, Маяк, Молога II, по их краям находились ямы с костями животных, черепками, часто со слоистым заполнением из угля, золы и стерильных прослоек земли [Винокур, Вакуленко, 1967, с. 128-130; Курчатова, 1969, с. 172; Патокова и др., 1982, с. 134; Гудкова, Фокеев, 1982, с. 84]. Подобная яма раскопана на краю поселения Волчья Балка в низовье Дуная. В яме находился горшок и пережжённые кости мелкого рогатого скота и лошади [Паламарчук, 1982, с. 125].

¹ Киселёв находится в Прут-Днестровском междуречье. - ред.

Религиозные обряды сарматов, как у всяких кочевников, хотя уже и оседающих на землю, были сосредоточены на могильниках и связаны с культурами предков, поминальными обрядами и обращениями к хтоническим богам. Помимо жертвенных ям, распространённых повсеместно у всех народов, но как и у скифов не содержащих костей свиньи, квадратные культовые сооружения сарматов, ограниченные ровиками или валами, продолжали восточные традиции и коренным образом отличались от культовых сооружений степной и лесостепной Скифии.

Квадратные в плане ровики вокруг могил известны у кельтов с латенского времени и в Чехии сохранились до II в. н. э. Может быть, местная традиция явилась импульсом для возобновления и широкого распространения у сар-

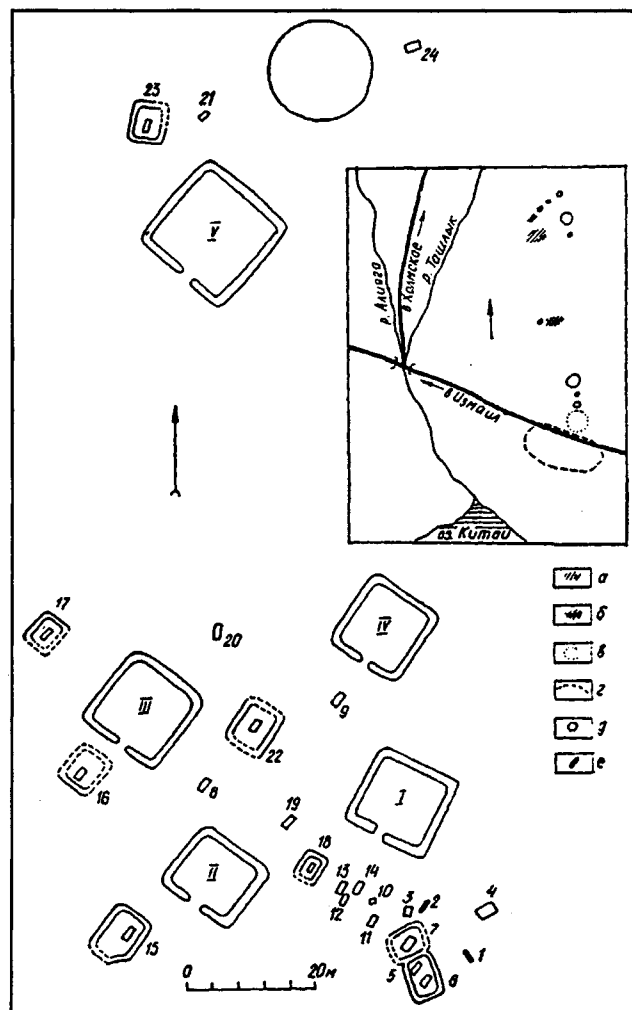

Рис. 164. Схема расположения археологических памятников у с. Холмское и план сарматского могильника: а - сарматский; б - Черняховский; в - район скопления хозяйственных ям поселения Холмское II; г - поселение Холмское III; д - курган; е - погребения, не относящиеся к могильнику (Гудкова, Фокеев, 1984).

матов юго-западных районов Северного Причерноморья обряда сооружения ритуальных квадратных рвов и оград около погребений.

4.3. Культовые сооружения фракийского населения

Фракийцы - одна из групп индоевропейских племён, с глубокой древности обитали на северо-востоке Балканского полуострова, соприкасались на западе с родственными им по языку иллирийцами, а на востоке граничили со скифами на всём протяжении их истории. Граница между фракийцами и скифами проходила по Нижнему Дунаю и Пруту. Лишь с III в. до н. э. уменьшилось количество скифского населения между Дунаем и Днестром и здесь появились фракийские племена гетов [Мелюкова, 1995, с. 28-30]. По мнению А. И. Мелюковой, на пространстве между Днестром и Нижним Доном "ни в духовной, ни в материальной культуре скифов не обнаружено следов глубокого проникновения фракийских элементов" [Мелюкова, 1995, с. 32]. В то же время А. И. Мелюкова отмечает связи Северного Причерноморья с культурой Ноа, но чернолесская культура возникла на местной основе, хотя и под воздействием культуры южных фракийцев, значительные черты которой прослеживаются в культуре лесостепного Правобережья Днестра. По-видимому, фракийское население проникало в Поднепровье несколькими волнами. Особенно сильно присутствие здесь фракийцев ощущается в поздний период истории скифов [Мелюкова, 1979, с. 250; 1984, с. 225, 232]. В южной части лесостепной зоны Правобережья и отчасти Левобережья Днестра (вплоть до Харькова) в чернолесских памятниках X-VII вв. до н. э. многие исследователи отмечают черты культуры фракийского гальштата. С. С. Березанская отрицает связь чернолесской культуры с предшествующей ей белогрудовской и появление чернолесской объясняет проникновением фракийских племён на северо-восток несколькими волнами переселения, что привело к частичной смене населения, оттеснением на север и ассимиляцией белогрудовских племён. Исследовательница считает, что население чернолесской культуры можно отождествлять с фракийским этносом и агафирсами [Березанская, 1988, с. 12-17].

Государство у фракийцев возникло в середине V в. до н. э. [Златковская, 1971, с. 4].

Фракийцы поддерживали постоянные связи с Грецией, в I в. до н. э. попали в сферу влияния римлян. В середине этого века фракийские

племена даков и гетов создали государство во главе с Буребистой. Особого могущества это государство достигло при Децебале в I в. н. э., но затем оно было разбито римлянами и в 106 г. была образована римская провинция Дакия. В 271 г. под напором варварских племён гетов, гепидов и сарматов римские войска эвакуировались на правый берег Дуная.

С историей гетов и даков связаны изменения в культуре и составе населения Нижнего Поднепровья и Приднестровья. Фракийское культурное наследие объясняет многие общие черты в этнокультурном облике южнославянских и восточнороманских народов [Златковская, 1984, с. 165].

В связи с географическим положением фракийских земель, с широкими связями населения и относительно высоким развитием общества, у фракийцев сложилась развитая религия, в которой отмечается сочетание местных, греческих, римских и восточных культов [Кругликова, 1955, с. 147].

В Северное Причерноморье проникновение фракийской культуры и этнических элементов наблюдается со II в. до н. э. по II в. н. э. [Вязьмитина, 1969, с. 119-135]. Под давлением гетов и сарматов на Нижнем Днестре и Днепро-Бугском лимане скифы, перешедшие к оседлому образу жизни и находившиеся в зависимости от скифского центра в Крыму, строят укрепления с каменными оборонительными стенами (они известны в 15 пунктах). Геты под предводительством Буребисты разгромили Ольвию, по-видимому, с этим же нашествием связано разрушение укрепленных поселений в Гавриловке и Золотой Балке. Черты фракийской культуры прослеживаются на нижнеднепровских городищах, в греческих городах Ольвии и Тире. Эти черты ярче всего проявляются в формах лепной посуды, но нашли отражение и в верованиях. В греческих городах Северного Причерноморья был распространён культ всадника, который связывают со знаменитым "фракийским всадником" [Блаватский, 1962, с. 94-96], хотя С. М. Крыкин считает эти культы самостоятельными [Крыкин, 1993, с. 190-226].

На нижнеднепровских городищах известны глиняные "коньки" - подставки с головками коня или барана, имевшие отношение к культам очага, огня и солнца. Аналогичные коньки бытовали у фракийцев с IV в. до н. э. вплоть до позднеимперского времени [Крыкин, 1993, с. 160-161]. С фракийским влиянием могут быть сопоставлены орнаментированные очаги в Золотой

Балке. Преимущественно прямоугольные алтари с геометрическим орнаментом были известны на Крите с конца III - начала II тысячелетия до н. э., в Греции, Румынии на памятниках культуры Виттенберг эпохи бронзы [Фёдоров, Полевой, 1973, с. 81]. Вероятно, на укрепленных поселениях Нижнего Днепра наряду со скифами жили представители фракийцев, греков и сарматов, чем объясняется синкретизм верований и обрядов.

Культовые сооружения нижнеднепровских городищ и связанные с фракийским влиянием зольники, а также орнаментированные алтари на городищах скифского времени были описаны в главе 1. Там же говорилось о фракийских

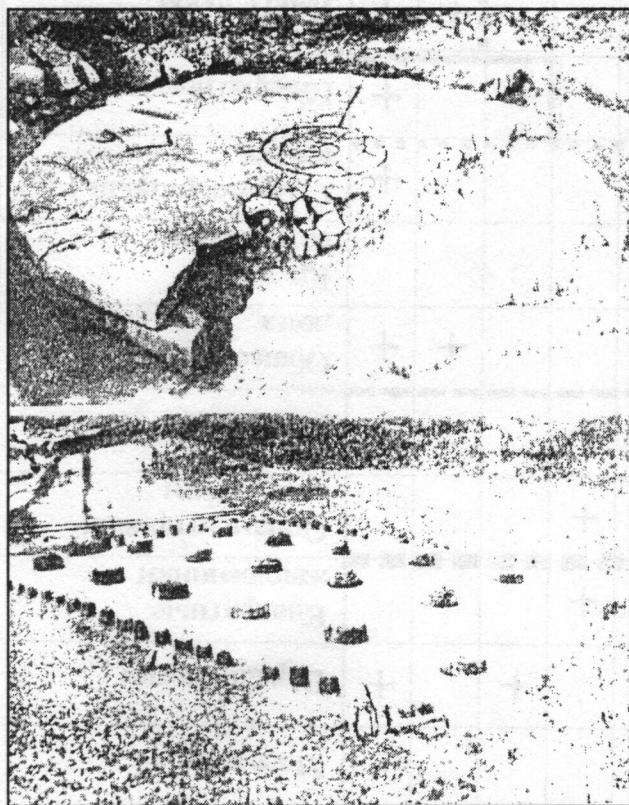

Рис. 165. Сармизегетуса, алтарь, храм.

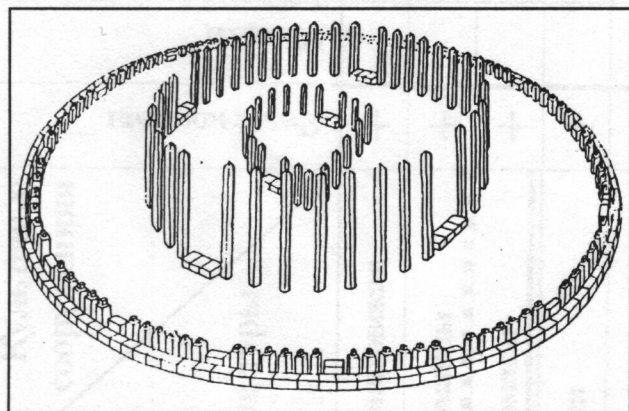

Рис. 166. Сармизегетуса. Реконструкция.

зольниках, распространённых с эпохи бронзы в Подунавье и Поднестровье в культурах Тей и Ноа [Фёдоров, Полевой, 1973, с. 75, 100]. Поэтому в этом разделе будут лишь добавлены сведения о некоторых других культовых сооружениях фракийцев, и, в основном, речь пойдет о культурах позднелатенского и раннеримского времени в Поднестровье (Поянешти-Лукашевка, липицкая, культура карпатских курганов).

Фракийские святилища известны во многих местах на территории Румынии и Болгарии. Древнейшие культовые сооружения были открытыми. Среди них преобладают жертвенники в виде зольников, жертвенных ям, площадок-алтарей с орнаментом, известные с эпохи бронзы. Затем, под воздействием греческой, кельтской и римской цивилизаций, конструкция святилищ усложнилась, хотя сохранялись и фракийские традиции.

4.3.1. Святилища

Святилище в Лиляче (Болгария) существовало на протяжении восьми веков. В латенское время (VI-I вв. до н. э.) здесь находилось открытое культовое место, на котором сохранились остатки приношений - наконечники стрел, ножи, ножницы, бронзовые звоночки, кости животных. В I-II вв. н. э. здесь была возведена маленькая постройка, а в III-IV вв. храм (5x6 м) с мраморными рельефами и изображениями богов - фракийского всадника Хероса. В храме найдена керамика, монеты, фибула [Венедиктов, 1952, с. 195-196, 210-213].

На городище Бутучены в Прут-Днестровском междуречье находился крупный политический, торговый, военный и религиозный центр. Городище занимает высокий мыс р. Реут, рядом с ним расположено до 20 пещер в скалах (по сообщению Геродота, бог фракийцев Залмоксис жил в подземелье [Геродот, 4, IV, 95]). Святилище существовало здесь в IV-III вв. до н. э. Оно было устроено на пространстве между оборонительными валами городища и представляло собой овальную каменную вымостку из плотно подогнанных друг к другу камней, обожжённых сверху. Полукругом у жертвенника располагались 12 столбовых ям (диаметр всего сооружения 8-9 м), оно могло использоваться в качестве календаря. Рядом стояла наземная постройка, прямоугольная в плане и разделённая на два помещения. В ней находилось большое количество битой посуды [Никулицэ, 1987, с. 73-80, 191]. Подобные культовые объекты известны в Долиныах на Буковине, а также на территории

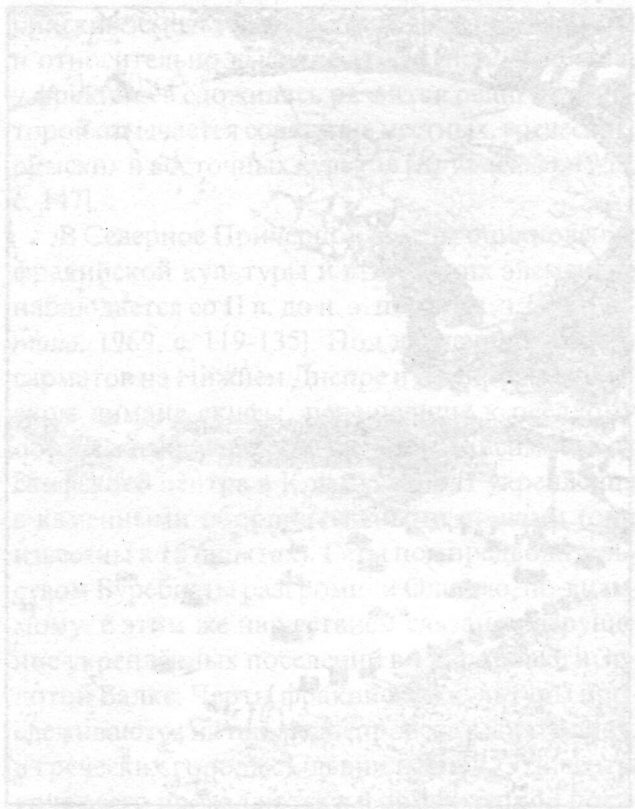
Румынии [Smirnova, 1976, с. 309; Diacoviciu, 1972, с. 234; Crişan, 1966, с. 2-95].

Храмы у фракийцев распространились, вероятно, под влиянием греков. За пределами городища Бытка Доамней на р. Быстрица стоял прямоугольный храм, окруженный рядом колонн. Он датируется I в. н. э. Подобные постройки известны на территории Румынии [Нуклициэ, 1987, с. 216-218].

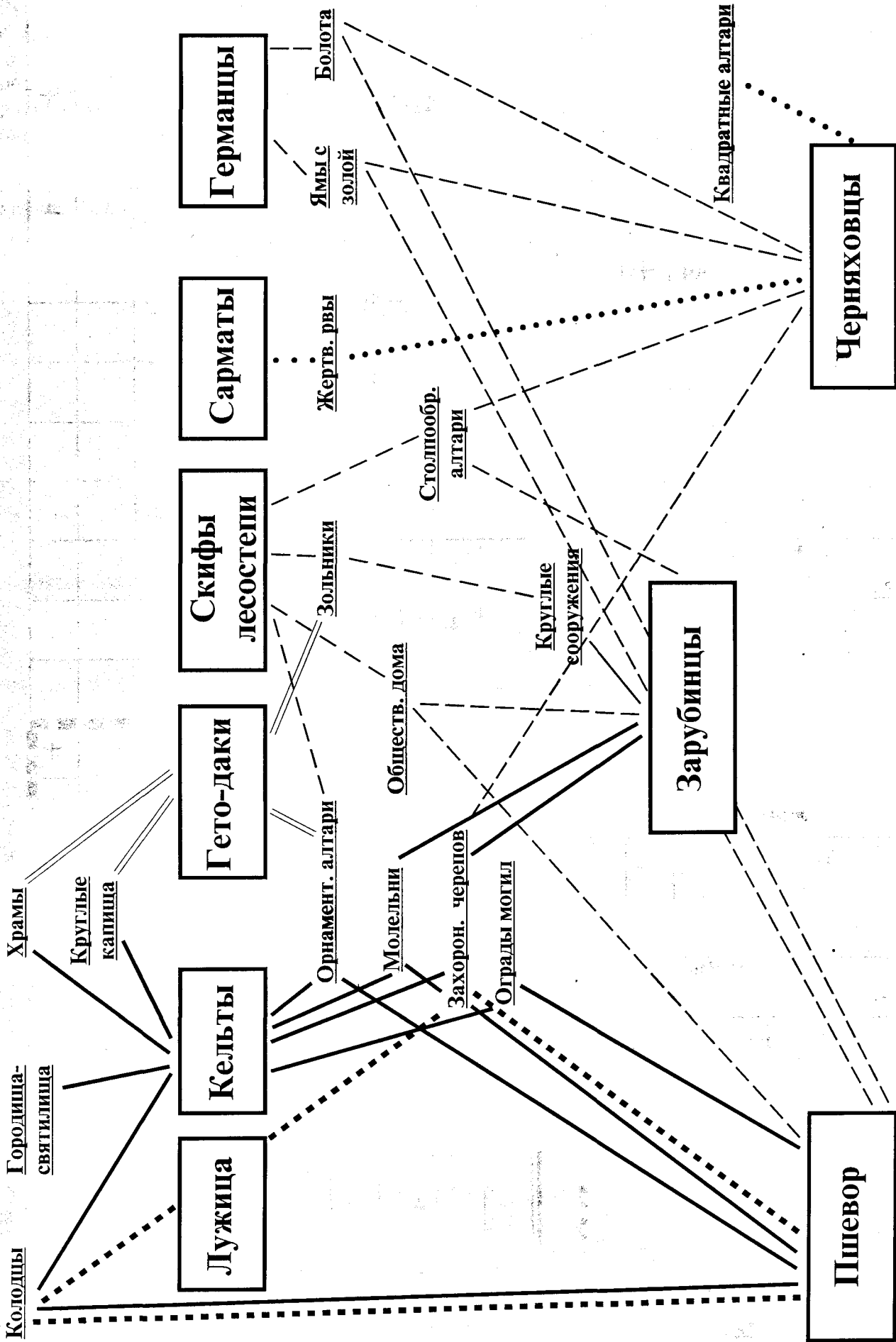
Во фракийском городе Севтополь IV-III вв. до н. э. в цитадели был построен храм (12x18 м) с колоннадой и росписью, в одном из помеще-

ний которого находился алтарь с орнаментом в виде вписанных один в другой квадратов. В цитадели имелся ещё открытый алтарь. Орнаментированные алтари (квадраты, круги с бегущей волной) устраивались в каждом доме на небольших возвышениях над полом [Димитров, 1957, с. 199-216].

Фракийское святилище в Монтане (северо-запад Болгарии) использовалось в доримскую и римскую эпоху, там чтились фракийские и римские боги.

	Ямы с костями	Колодец	Захоронения черепов	Модельяны	Огряды могил	Квадратные жертвенники	Орнаментированные алтари	Зольники	Общественные дома	Крутые сооружения	Стопобразный алтарь	Квадратные рвы	Ямы с золой	Культовый болот	Квадратный алтарь	Крутые капща	Храмы	Городища	Жертвы в домах
Культовые сооружения																			
Культуры																			
Черняховская	+		+		+			+	+		+		+	+					+
Германцы	+								+										+
Сарматы	+				+							+							+
Даки	+					+		+								+			+
Киевская	+		+						+	+	+								
Позднерубинская	+			+					+	+									
Зарубинская	+		+						+	+									
Пневорская	+			+					+										+
Позднескифская	+								+						+				
Скифы лесостепи	+			+					+	+	+								
Геты	+							+	+										
Лужицко-подлешевская	+		+																
Кельты	+		+																+

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* 1949. Осетинский язык и фольклор. - М.-Л.
Абаев В. И. 1960. Дохристианская религия алан. - М.
Абаев В. И. 1962. Культ "семи богов" у скифов // Древний мир / Акад. В.В.Струве. - М.
Абаев В. И. 1965. Скифо-европейские изоглосы на стыке Востока и Запада. - М.
Аммиан Марцелин. Сохранившиеся книги истории // SC, II. 2. - С. 232-245.
Андерсон И. 1951. История Швеции. - М.
Андрієнко В. П. 1971. Майдани і майдановидні споруди України // Вісник Харківського ун-ту. - Т. X. - № 62. - Вип. 5.
Андрієнко В. П. 1974. Основні культові обряди та споруди у племен лісостепової Скіфії (VII-V ст. до н.е.) // Вісник Харківського ун-ту. - №104. - історія, 8.
Антонович В. Б. 1889. Огородищах-майданах // Чтения Императорского общества Нестора Летописца. - Кн. 3. - К.
Артамонов М. И. 1947. Археологические исследования в Подолии // ВЛУ. - № 12. - С. 134.
Артамонов М. И. 1966. Сокровища скифских курганов. - Прага-Ленинград.
Артамонов М. И. 1974. Киммерийцы и скифы. - Л., 1974.
Балагурі Є. А. 1968. Культура Ноа // Археологія України РСР. - Київ. - Т. I.
Байбурин А. К. 1993. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. - Спб.: Наука.
Бессонова С. С. 1983. Религиозные представления скифов. - К., 1983.
Бессонова С. С. 1989. Религиозные представления скифов // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1989.
Бессонова С. С. 1990. Скифские погребальные комплексы как источник для реконструкции идеологических представлений // Обряды и верования древнего населения Украины. - Киев.
Бессонова С. С., Скорый С. А. 1993. Работы на Мотринском городище // Археологічні дослідження в Україні 1991 року. - Луцьк, 1993.
Бессонова С. С. 1994. Глиняные жертвенники лесостепного Поднепровья предскифского и раннескифского времени // Тезисы докладов конференции "Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья". - Запорожье, 1994.
Березанская С. С., Титенко Г. Т. 1952. Поселения предскифского времени в с. Собковка // КСИА УССР. - К. - Вып. 1. - С. 78-84.
Березанська С. С., Титенко Г. Т. 1954. Нові розкопки пам'яток білогрудівського типу // Археологія. - К. -Т. 9. - С. 119-132.
Березанська С. С. 1970. Нове джерело до розуміння зольників білогрудівського типу // Археологія. - Т. 24. - С. 20-31.
Березанська С. С. 1970а. Поселення епохи бронзи біля хутора Пустинка на Чернігівщині // Археологія. - Т. 23. - С. 152-161.
Березанская С. С. 1972. Средний период бронзового века в северной Украине. - К..
Березанская С. С. 1974. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре. - К..
Березанська С. С., Пясецький В. К. 1978. Зольники білогрудівського типу на р. Горині під Славутою // Археологія. - № 27. - С. 48-55.
Березанская С. С. 1982. Северная Украина в эпоху бронзы. - К.
Березанская С. С. 1985. Об этнической принадлежности племен чернолесской культуры // Тезисы докладов советской делегации на V международном Конгрессе славянской археологии. - К. - Т. 4.
Березанская С. С. 1990. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. - К.
Бибииков С. Н. 1952. Из работ в Луке-Врублевской // КСИИМК. - № 45.
Блаватский В. Д. 1962. Фракия и Северный Понт: впечатления об археологических памятниках Болгарии // КСИА. - Вып. 89.
Бобринский А. А. 1894. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы. - Т. II. - Спб.
Бобринский А. А. 1910. Исследования в Чигиринском уезде Киевской губернии в 1907г. // ИАК. - № 35. - Спб.
Богдасевич В. А. 1952. Канівська археологічна експедиція // АП. - III.
Богусевич В. А. 1952. Раскопки скифского и древнеславянского населения на территории Каневского биогеографического заповедника // Труды Каневского биогеографического заповедника КГУ. - Вып. 9. - С. 93-100.
Бураков А. В. 1976. Козырьское городище рубежа первых веков нашей эры. - К.
Венедиктов И. 1952. Святилище при Лиляче // Известия на археологически Институт. - XVI. - София.
Винокур И. С., Вакуленко Л. В. 1967. Киселевский могильник I-II в. н.э. // КСИА. - № 112.
Волков В. В. 1981. Оленные камни Монголии. - Улан-Батор.
Высотская Т. Н. 1979. Неаполь - столица государства поздних скифов. - К.
Высотская Т. Н. 1989. Святилище Усть-Альминского городища // Проблемы исследований античных городов. Тезисы докладов. - М.
Вязмитина М. И. 1969. Культура населения Нижнего Днепра после распада единой Скифии // СА. - №4. - С. 119-135.
Вязмитина М. И. 1962. Золота Балка. Поселення сарматського часу на Нижньому Дніпрі. - К.: Видво АН УРСР.
Гайдукевич В. Ф. 1958. Илурат. Итоги археологических исследований 1948-1953 гг. // МИА. - № 85. - С. 9-148.

- Гайдукевич В. Ф. 1965. Мирмекитские зольники-эсхары // КСИА. - Вып. 103.
- Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. 1984. Индоевропейские языки и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. - Ч. 2. - Тбилиси.
- Ганіна О. Д. 1965. Поселення скіфського часу у селі Іване-Пусте // Археолопя. - XIX.
- Геродот. История. - Л., 1972.
- Городцов В. А. 1911. Дневник археологических исследований в Зеньковском уезде Полтавской губернии // Труды XIV археологического съезда. - М. - Т. 3.
- Городцов В. А. 1911а. Результаты археологических исследований на месте развалин Маджар // Труды XIV археологического съезда. - Т. 3.
- Граков Б. Н. 1954. Каменское городище на Днепре // МИА. - М. - № 36. - 240 с.
- Граков Б. Н., Мелокова А. И. 1953. Две археологические культуры в Скифии Геродота // СА. - № 18. - С. 111-127.
- Грацианский Н. П. 1960. К вопросу об аграрных отношениях древних германцев времени Цезаря // Социально-экономическая история западноевропейского средневековья. - М., 1960.
- Гроздова И. Н. 1977. Народы Британских островов // Календарные обычаи и обряды в странах Зарубежной Европы. Конец XIX - нач. XX вв. Весенние праздники. - М.
- Гросу В. И. 1979. Сарматский курган у с. Корпач // СА. - № 2.
- Гросу В. И. 1982. Периодизация сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья // Археологические исследования в Молдавии (1977-1978). - Кишинев. - С. 4-27.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. 1982. Поселение и могильник римского времени Молога II // Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. - К.
- Гудкова А. В., Фокеев М. М. 1984. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. - К.
- Гуревич А. Я. 1972. Категории средневековой культуры. - М.
- Димитров Д. П. 1957. Севтополь - фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского р-на // СА. - № 1.
- Дюмезиль Ж. 1976. Осетинский эпос и мифология. - М.
- Дюмезиль Ж. 1986. Верховные боги индоевропейцев. - М.
- Емец И. А., Маслеников А. А. 1992. Новые данные о религиозных представлениях населения античного Боспора // РА. - № 4.
- Златковская Т. В. 1971. Возникновение государства у фракийцев в VII-V вв. до н.э. - М.
- Златковская Т. Д. 1974. Элементы культа змеи в духовной культуре народов юго-восточной Европы (к вопросу об этнокультурном наследии древнего населения Балто-дунайского региона) // Жива Антика. - God XXIV. - Т. 1-2. - Скопје.
- Иванов В. В. 1974. Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от аја-конь' (жертвоприношения коня и дерева в древней Индии) // Проблемы истории и языков культуры народов Индии. - М.
- Ильинская В. А., Тереножкин А. И. 1983. Скифия VII-IV вв. до н.э. - К.
- Иордан. 1960. Происхождение и идея нияхгетов. - М.
- Итлина М. А. 1984. Загадочные ограды на курганных группах низовьев Сырдарьи и Южного Приуралья // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М.
- Карасев А. Н. 1951. Раскопки Неаполя Скифского // КСИИМК. - XXXVII.
- Карасев А. Н. 1955. Культовые сооружения в северной части Ольвийской агры // КСИА. - Вып. 4. - С. 60-61.
- Карасев А. Н. 1964. Монументальные памятники Ольвийского Теменоса // Ольвия. - М.
- Кобылина М. М. 1984. Религия и культы // Античные государства Сев. Причерноморья. - М.
- Ковпаненко Г. Т. 1967. Племена скіфського часу на Ворсклі. - К.
- Ковпаненко Г. Т. 1967а. Раскопки Трахтемировского городища // АИУ 1965-1966 гг. - К. - Вып. 1.
- Ковпаненко Г. Т. 1980. Сарматские погребения в Соколовой Могиле // Скифия и Кавказ. - К.
- Ковпаненко Г. Т., Бессонова С. А., Скорый С. С. 1989. Памятники скифской эпохи Лесостепного Правобережья. - К.
- Козак Д. Н. 1984. Пшеворська культура у Верхньому Подністрів'ї Західному Побужжі. - К..
- Козак Д. Н. 1990. Сакральные памятники Юго-восточной Европы в I тыс н. э. // Славяне Юго-восточной Европы в предгосударственный период. - К.
- Козак Д. Н., Боровский Я. Е. 1990. Святилища восточных славян // Обряды и верования древнего населения Украины. - К.
- Козма Пресвитер. Недостойного Козмы Пресвитера беседы на новоявленную ересь Богумила (X-XI вв.) // Хрестоматия по истории средних веков. В 3-х т. / Под ред. С. Д. Сказкина. - Т. 1. Ранее средневековье. - М.: Соцэкгиз, 1961.
- Козуб Ю. И. 1976. Древнейший культовый комплекс Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. - М.
- Колотухін В. О., Ольховський В. С. 1970. Скіфські статуї кирилівської курганної групи // Археолопя. - 1989. - № 3.
- Корнелий Тацит. Анналы. / Соч. в двух томах. Л., 1970. - Т. I.
- Корсунский А. Р. 1965. Особое строение вестготов в IV в. // ВДИ. - № 3.
- Корсунский А. Р. 1963. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. - М.
- Кругликова И. Т. 1955. Дакия в эпоху римской оккупации. - М.
- Кругликова И. Т. 1963. Исследование сельских поселений Боспора // ВДИ. - № 2.
- Крупное Е. И. 1960. Древняя история Северного Кавказа. - М.
- Крушельницкая Л. И. 1975. Памятники раннего железного века на Среднем Днепре // Новейшие открытия советских археологов. Тез. докл. - К. - И. - С. 28.
- Крушельницкая Л. И. 1976. Північне Прикарпаття і Західна Волинь за доби раннього заліза. - К.
- Крушельницкая Л. И. 1993. (ред.) Пам'ятки гальштатського періоду в межиріччі Вісли, Дністра й Прип'яті. - К., 1993.

- Крыкин С. М. 1993. Фракийцы в античном Северном Причерноморье. - М.
- Лагодовская Е. Ф., Симонович Э. А. 1973. Скифский могильник у с. Михайловка на нижнем Днепре // Скифские древности. - К. - С. 235-242.
- Латышев В. А. 1989. К истории культов населения херсонесской хоры // Проблемы исследования античных городов. - М.
- Латышев В. В. 1899. Очерки греческих древностей. - СПб. - Ч. 2.
- Левенок В. П. 1973. Ново-Никольский могильник сарматского времени на Верхнем Дону // КСИА. - № 133.
- Левы Е. И. 1964. Материалы ольвийского терменоса // Ольвия. - М.-Л.
- Лесков А. М. 1985. Сокровища курганов Адыгеи. - М.
- Лукьянов М. 1949. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX в. - М.-Л. - Т. 2.
- Ляпушкин И. И. 1951. Поселение скифского времени близ дер. Пожарная Балка Полтавской обл. // КСИИМК. - Вып. 37. - С. 125-130.
- Ляпушкин И. И. 1961. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. Археологические изыскания о времени заселения Левобережья славянами. - М.-Л.
- Ляскоронский В. Г. 1907. К вопросу о курганах, городищах, майданах // Труды XIII археологического съезда. - Т. 1. - М. - С. 419-434.
- Ляшко С. М., Фридман М. И. 1987. Скiфська антропоморфна скульптура Нижнього Подністр'я // Археологія. - № 60.
- Мазин А. И. 1994. Древние святилища Приамурья. - Новосибирск: Наука, 1994. - 241 с.
- Макаревич М. Л. 1960. Об идеологических представлениях у трипольских племен // ЗОАО. - Т. I (34). - Одесса.
- Маликов В. М. 1961. Жертвенник из пригородного здания Неаполиса Скифского // КСИА УССР. - Вып. II. - К.
- Малюкевич А. Е. 1989. Культовые предметы из Могильника Молога II // Проблемы истории та археології давнього населення Української РСР. - Одесса, 1989. - С. 137-139.
- Махнева О. А., Колтухов С. Г. 1980. Культовое сооружение II в. н.э. на пригородной территории Неаполя Скифского // Археологические исследования на Украине в 1978-79 гг. - Днепропетровск. - С. 96-97.
- Медведев А. П. 1990. Сарматы и лесостепь (по материалам Подолья). - Воронеж.
- Мелюкова А. И. 1958. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА. - 64.
- Мелюкова А. И. 1961. Культура предскифского периода в Лесостепной Молдавии // МИА. - № 96.
- Мелюкова А. И. 1975. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. - М.: Наука.
- Мелюкова А. И. 1979. Скифия и фракийский мир. - М.: Наука.
- Мелюкова А. И. 1984. Археологические данные о фракийцах на территории СССР в I тыс. до н. э. // Эт-
- ногенез народов балкан и Северного Причерноморья. - М. - С. 224-234.
- Мелюкова А. И. 1989. Культуры предскифского периода в лесостепной зоне // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М. - С. 16-29.
- Мелюкова А. И. 1989а. Культура фракийских племен Днестровско-Прутского междуречья в VI-III вв. до н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М. - С. 83-87.
- Мелюкова А. И. 1995. Новые данные в скифо-фракийских взаимоотношениях в IV-III вв. до н.э. // РА. - № 1.
- Минаев Т. М. 1991. Мифологический словарь. - М.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2-х томах.) / Гл. ред. С.А. Токарев. - Т. 1. А - К. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - 672 с.
- Мифы народов мира. Энциклопедия. (В 2-х томах.) / Гл. ред. С.А. Токарев. - Т. 2. К - Я. - М.: Советская энциклопедия, 1982. - 720 с.
- Мовша Т. Г. 1960. Трипольское жилище на поселении Солончены II // ЗОАО. - Т. 1. - Одесса. - С. 231-248.
- Мовша Т. Г. - 1971. Святилища трипольской культуры // СА. - № 1.
- Моруженко А. А. 1984. Раскопки поселения у с. Лихачевка (Полтавская обл.) // АО 1982. - М. - С. 302-303.
- Москаленко А. Н. 1955. Памятники скифского времени на Среднем Дону // КСИА АН УССР. - Вып. 4.
- Мошкова М. Г. 1974. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. - М.
- Мошкова М. Г. 1984. Культовые сооружения Лебедевского могильника // Древности Евразии в скифо-сарматское время. - М.
- Мошкова М. Г. 1989. Позднесарматская культура // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М. - С. 191-202.
- Неусыхин А. И. 1956. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе VI-VIII вв. - М.
- Неусыхин А. И. 1967. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родоплеменного строя к раннефеодальному // Вопросы истории. - № 1. - С. 75-87.
- Никитина Г. Ф. 1979. Землянка скифского времени у с. Оселивка Черновицкой обл. // СА. - № 3.
- Никулицэ И. Т. 1987. Никулицэ И. Т. Геты IV-III вв. до н.э. в днестровско-карпатских землях. - Кишинев.
- Обломский А. М. 1993. Опыт реконструкции этнокультурных процессов на юго-востоке Днепровского Левобережья во II в. до н.э. - V в. н.э. // Археология и история юго-востока древней Руси. - Воронеж.
- Ольховский В. С. 1989. Курган-святилище в западном Крыму // Проблемы истории та археології давнього населення Української РСР.
- Ольховский В. С., Евдокимов Г. Л. 1994. Скифские изваяния XII-III вв. до н.э. - М.
- Отрощенко В. В. 1990. Идеологические воззрения племен эпохи бронзы на территории Украины (по материалам срубной культуры) // Обряды и верования древнего населения Украины. - К.
- Паламарчук С. В. 1982. Поселение первых веков н. э. Волчья Балка // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. - К. - С. 125-131.

- Пассек Т. С. 1949. Периодизация трипольских поселений (III-II тыс. до н.э.) // МИА. - М. - № 10.
- Патокова Э. Ф., Дзиговский А. Н., Зиньковский К. В. 1982. Сарматские погребения Маякского могильника // Памятники римского и средневекового времени в северо-западном Причерноморье. - К. - С. 131-136.
- Петренко В. Г. 1961. Культура племен Правобережного Среднего Поднестровья в IV-III вв. до н.э. // МИА. - № 96.
- Петренко В. Г. 1961. Скифская культура на Северном Кавказе // АСГЭ. - 1983. - Вып. 23. - С. 43-48.
- Петренко В. Г. 1989. Локальная группа скифообразной культуры лесостепи Восточной Европы // Степи Европейской части СССР в скифо-сарматское время. - М.
- Петров В. С. 1948. Харчові рештки з Пастирського городища // Археологія. - II. - Київ.
- Пиета К. 1975. Липтовска Мара. Городище и комплекс раннеисторических поселений // Международный конгресс славянской археологии. Братислава 7-14 сент. 1975 г. - Нитра.
- Плутарх. 1961. Сравнительные жизнеописания. - М. - Т. 1.
- Погребова Н. Н. 1958. Позднескифские городища на Нижнем Днепре (Городища Знаменское и Гавриловское) // МИА. - № 64. - С. 103-247.
- Покровская Е. Ф. 1962. Жертвенник раннескифского времени у с. Жаботин // КСИА УССР. - 12. - С. 73-78.
- Покровская Е. Ф. 1973. Предскифское поселение у с. Жаботин // СА. - № 4. - С. 169-188.
- Покровська Е. Ф., Петренко В. Г., Ковпаненко Г. Т. 1971. Поселения VIII-VI ст. до н.э. поблизу с. Хрещатик на Канівщині // Археологія. - № 2.
- Покровська Е. Ф., Петровська Е. О. 1961. Поселения конца эпохи бронзы біля с. Велика Андрусівка // Археологія. - XII. - К.
- Попова Е. АЛ 990. Позднескифские жертвенники с городища Чайка // СА. - № 3. - С. 196-203.
- Пропп В. Я. 1963. Русские аграрные праздники (опыт историко-этнографического исследования). - Л.
- Раевский Д. С. 1971. Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства // Искусство и археология Ирана. - М., 1971.
- Раевский Д. С. 1973. К истории греко-скифских отношений: (II в. до н. э. - II в. н. э.) // ВДИ. - № 2. - С. 110-120.
- Раевский Д. С. 1977. Очерки идеологии скифо-сарматских племен. - М.
- Раевский Д. С. 1985. Модель мира скифской культуры. Проблемы мировоззрения ираноязычных народов евразийских степей I тыс. до н. э. - М.
- Раевский Д. С. 1992. Четырехугольная Скифия (к анализу природы и судеб образа) // Фольклор и этнографическая действительность. - Спб.
- Раевский Д. С., Шилик К. К. 1981. Эksamпей - общескифский культовый центр // VIII Всесоюзная авторско-читательская конференция "Вестника древней истории" АН СССР. Тезисы докладов. - М.
- Ранпорт Ю. А. 1979. Кочевники на границах Хорезма. - М.
- Ромашко В. А. 1982. Поселение финальной бронзы - раннего железного века в с. Бузовка Днепропетровской обл. // Древности нижнего Поднепровья (III-II тыс. до н. э.). - Днепропетровск.
- Рудинский М. Я. 1949. Мачухська експедиція інституту археології в 1946 р. // АП. - К. - Т. 2. - С. 53-79.
- Русанова И. П. 1992. Культовые места и языческие святилища славян VI-XIII в. // СА. - № 4. - С. 50-67.
- Русанова И. П., Тимощук Б. А. 1993. Языческие святилища древних славян. - М.: Научно-исследовательский археологический центр "АРХЭ".
- Рыбаков Б. А. 1979. Геродотова Скифия. - М.
- Рыбаков Б. А. 1981. Язычество древних славян. - М.
- Седов В. В. 1979. Происхождение и ранняя история славян. - М.
- Седов В. В. 1993. Древнеевропейцы // РА. - № 3.
- Сидорова Н. А. 1962. Археологические открытия в Средиземноморье в 1958-1959 гг. // СА. - № 1. - С. 329-343.
- Смирнов К. Ф. 1964. Савроматы. - М.
- Смирнов К. Ф. 1975. Сарматы - огнепоклонники // Археология Северной и Центральной Азии. - Новосибирск.
- Смирнов К. Ф. 1984. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. - М.
- Смирнов К. Ф., Попов С. А. 1969. Сарматское святилище огня // Древности Восточной Европы. - М. - С. 210-216.
- Смирнова Г. И. 1968. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. - № 10.
- Смирнова Г. И. 1972. Новые исследования поселения Магала // АСГЭ. - № 14.
- Смирнова Г. И. 1979. Курганы у села Перебыковцы - новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре // Труды ГЭ. - Т. XX. - 2. - С. 37-67.
- Смирнова Г. И. 1985. Поселение у с. Днестровка - памятник чернолесской культуры на Днестре // АСГЭ. - 26.
- Смирнова Г. И. 1989. Культурно-исторические процессы в Прикарпатье в конце II - первой половине I тыс. до н.э. // Итоги археологических экспедиций ГЭ. - Л.
- Смирнова Г. И. 1977. Щодо поховального характеру ранньоскіфських пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки // Археологія. - 23.
- Соколовский Н. И. 1964. Святилище Афродиты в Кепях // СА. - № 4. - С. 101-118.
- Спицын А. А. 1906. Майданы // Зап. отд. русской и славянской археологии. - Т. VIII. - Вып. 1. - С. 1-13.
- Страбон. 1964. География: в 17 кн. / Пер. Г. А. Стратановского. - М.-Л.
- Стурлусон С. 1980. Круг земной. - М.
- Субботин А. В., Дзиговский А. Н. 1990. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. - К. - Вып. II, III.
- Сымонович Э. А. 1969. Раскопки Николаевского могильника на Нижнем Днестре // КСИА. - Вып. 119. - С. 74-80.
- Телегин Д. 1993. Розкопки майдану на річці Оріль // Київська старовина. - № 5.
- Тереножский А. И. 1961. Предскифский период на Днепропетровском правобережье. - К.
- Тереножский Ю. И. 1951. Поселения білогрудівського типу біля Умані // Археологія. - Т. V. - С. 173-182.

- Тиваненко А. В. 1989. Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. - Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.
- Тимошук Б. О. 1974. Зустріч з легендою. - Ужгород.
- Титенко Г. Т. 1956. Розкопки пам'яток скіфського часу на Пастирському городищі // АП. - К. - Т. 6. - С. 52-55.
- Томсон Д. 1958. Исследования по истории древнегреческого общества. - М.
- Федоров Г. Б., Полевой П. П. 1973. Археология Румынии. - М.
- Филип Я. 1961. Кельтская цивилизация и ее наследие. - Прага: Изд-во Чехословацкой АН, Арттия, 1961.
- Фокеев М. М. 1987. Памятники первых веков нашей эры в Буджакской степи // Днестро-Дунайское междуречье в I - нач. II тыс. н.э. - К.
- Фокеев М. М. 1991. Позднейшие могильники сарматского времени в степи между Днестром и Дунаем // Древности Юго-Запада СССР. - Кишинев.
- Фрезер Д. 1986. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. - М.
- Хазанов А. М. 1975. Социальная история скифов. - М.
- Хвойка В. В. 1905. Городища Среднего Приднепровья, их значение, древность и народность // Труды XII Археологического съезда. - Т. 1. - М.
- Хвойка В. В. 1913. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. - К.
- Хокис Дж. 1977. Кроме Стоунхенджа. - М.: Мир.
- Худяк М. М. 1952. Раскопки святилища Нимфея (1939-1950) // СА. - № 16.
- Худяк М. М. 1962. Из истории Нимфея VI-III в. до н.э. - Л.
- Шановалов Т. А. 1976. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. - К.
- Шеппинг Д. 1867. Известие о раскопке двух майданов / Археологический вестник. - М. - январь-февраль.
- Широкова Н. С. 1984. Кельтские друиды. - Л.
- Шкунаев С. В. 1980. Кельтская мифология // Мифы народов мира. - М. - Т. 1. - С. 633-637.
- Шкунаев С. В. 1989. Община и общество западных кельтов. - М.
- Шрамко Б. А. 1955. Памятники скифского времени у с. Островежовка Харьковской обл. // КСИА УССР. - Вып. 4. - С. 101-103.
- Шрамко Б. А. 1956. Селище та могильник кранньої залізної доби біля с. Островежівки // АП УРСР. - К. - Т. 6. - С. 56-65.
- Шрамко Б. А. 1957. Городище скифского времени у с. Караван на Харьковщине // КСИА УССР. - К. - Вып. 7. - С. 60-61.
- Шрамко Б. А. 1957а. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке // СА. - № 1. - С. 178-198.
- Шрамко Б. А. 1957б. Новые памятники предскифского времени на Северском Донце // КСИИМК. - Вып. 67. - С. 17-27.
- Шрамко Б. А. 1962. Древности Северского Донца. - Харьков.
- Шрамко Б. А. 1964. Поселення скіфського часу біля станції Шовкова // Археологія. - XVI. - С. 181-190.
- Шрамко Б. А. 1971. Исследования Бельского городища // АИУ, 1968. - К. - Вып. 3. - С. 49-58.
- Шрамко Б. А. 1975. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелонно-будинская проблема // СА. - № 1.
- Шрамко Б. А. 1975а. Крепость скифской эпохи у с. Бельск - город Гелон // Скифский мир. - К.
- Шрамко Б. А. 1985. Культурные скульптуры Гелона // Археологические памятники юго-восточной Европы. - Курск.
- Шрамко Б. А. 1987. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). - К.
- Шульц П. Н. 1971. Позднескифская культура и ее варианты на Днепре и в Крыму. (Постановка проблемы) // МИА. - № 177. - С. 127-143.
- Шургая И. Т. 1975. Центральный район Илурата // КСИА. - 143.
- Щегленко А. В. 1983. Обряд погребения лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в VII-III вв. до н.э. // Вестник КГУ. - 238.
- Щепинский А. А. 1963. Пещерные святилища времени раннего железа в Горном Крыму // Труды комплексной карстовой экспедиции АН УССР. - К. - Вып. 1. - С. 142.
- Шукин М. 1994. На рубеже эр. - Спб.
- Шукин М. Б. 1972. Сарматские памятники среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. - 14.
- Яковенко Є. В. 1966. Нове про розкопки В. В. Хвойка біля с. Пастирського // Археологія. - Т. XX. - С. 180-184.
- Antoniewicz Wł. 1958. Religia dawnich Słowian // Religie Światu. - Warszawa. - S. 319-402.
- Arbman H. 1945. Käringsjön Studur i Halländskjarnålder. - Stockholm.
- Beck H. 1970. Germanische Menschenopfer in der liberarischen Überlieferung // Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa. Abhandlungen d. Akademie d. Wissenschaften in Göttingen, Phil.-hist. Klasse, 3. Folge, Nr. 74. - Göttingen. - S. 240-258.
- Becker C. J. 1970. Zur Frage der eisenzeitlichen Moorgefäße in Dänmark // Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa. - Göttingen. - S. 119-166.
- Behm-Blancke G. 1957. Germanische Mooropferplätze in Thüringen // AuF. - Bd. 2. - S. 129-135.
- Behm-Blancke G. 1958. Höhlen, Heiligtümer, Kannibalen. - Leipzig.
- Behm-Blancke G. 1958. Neue Funde in Thuringen // AuF. - Bd. 3. - S. 377-380.
- Behm-Blancke G. 1958. Germanische Dörfer in Brandenburg // AuF. - Bd. 3. - H. 4. - S. 266-269.
- Behm-Blancke G. 1958. Ein westgermanisches Moor- und Seeheiligtum in Nordwestthüringen // AuF. - Bd. 3. - S. 264-266.
- Behm-Blancke G. 1960. Latènezeitliche Opferfunde aus der germanischen Moor- und Seeheiligtum vor Oberdorla. Kr. Mühlhausen // AuF. - Bd. 5. - S. 232-235.
- Behm-Blancke G. 1962. Zur sozialökonomischen Deutung germanischer Siedlungen der römischen Kaiserzeit auf

- deutschen Boden // Aus Ur- und Frühgeschichte. - Berlin. - S. 64-84.
- Behm-Blancke G.* 1964. Germanische Kulturle in Spiegel Tgüringischer Orfsnamen // AuF. - Bd. 9. - H. 5.
- Behm-Blancke G.* 1965. Das germanische Tierknochenopfer und sein Ursprung // AuF. - Bd. 10. - S. 233-239.
- Bender W.* 1972. Ośrodek Kultowy nad Mogielanką // ZOW. - T. 38. - Z. 2. - S. 118-133.
- Bender W., Stupnicka E.* 1974. Z badań archeologiczno-geologicznych stanowiska torfowego w miejscowości Otałążka, pow. Grójec // Archeologia Polski. - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. - T. 19. - Z. 2. - S. 307-366.
- Benoît F.* 1957. Entrmont. - Aix.
- Bittel K. S.* 1981. Die Kelten in Baden-Württemberg. - Stuttgart: Theiss.
- Branloux I. Z., Mencil P., Rapin A.* 1980. Unsanctuaire gauloise Cournaj-zur-Aronde // Hallia. - T. 38. - Fasc I. - 1-25.
- Bruckner A.* 1985. Mitologia słowiańska i polska. - Warszawa.
- Cadoux J. Cl.* 1984. L'ossuaire gauloise de Ribemontsur Anere (Somme) premieres ab seruations, premieres Questions Gallia. - T. 42. - Fasek I. - P. 53-78.
- Capelle T.* 1970. Ringopfer // Vorgeschichtliche Heiligtümer und Operpla'tze in Mittel- und Nordeuropa. - Gortingen. - S. 214-218.
- Cehak-Hołubowiczowa H.* 1955. Śląski Olimp // Szkice z dziejów Śląska. - T. 1. - Warszawa. - S. 1-19
- Cehak-Hołubowiczowa H.* 1957. Wikopaliska zi Górze Koścuszki w 1956 r. // Archeologia Śląska. - T. 1. - Wrocław. - S. 149-159.
- Cehak-Hołubowiczowa H.* 1959. Kamienie kręgi na Raduni i Ślęży // Archeologia Polski. - T. 3. - Z. 1. - Warszawa-Wrocław. - S. 51-97.
- Cehak-Hołubowiczowa H.* 1979. Dzieje ślęży na podstawie analizy ceramiku z wykopow na szczycce śladami dawnych wicrgen. - Wyd. 2. - Wrocław. - S. 7-34.
- Chudziakowa J.* 1972a. Badania na grodzisku nultwry fizycznej w Grinie pow. Chelmno w roku 1968 // Zeszyty naukowe uniwersytetu M. Kopernika w Toruniu. Nauki humanistyczno-społeczne 45, Archeologia III. - Torun. - S. 15-22.
- Chudziakowa J.* 1972b. Nierwyntę odkrycia na grodzisk w Grinie // ZOW. - 38. - Nr 4. - S. 286-290.
- Chudziakowa J.* 1975. Ślady kanibalizmu odkryte na grodzisku kultury luzyckiej zu Czinie, pow. Chelmno // Wiadomosti archeologiczni. - 40. - S. 291-295.
- Coblentz W.* 1978. Zu den befestigten siedlungen der Zawsitzen Kultur in des DDR // Mitteleuropaische Bronzenzeit. - Berlin.
- Cofta-Broniewska A.* 1976. Rozwiane watpliwosci // ZOW. - R 42. - Nr. 2. - S. 119-123.
- Cofta-Broniewska A.* 1979. Grupa kruszanska kultury przeworskij. Ze studiów nad rozwojem regionalizmu Kujaw. - Poznan.
- Cofta-Broniewska A.* 1986. Miejsce praktyk obrzadowych ludnosci z końca starej i poczatkow nowej ery w Inowroclawe (8l. 95) // Ziemia Kyawska. - T. VIII. - Warszawa-Poznan-Toruń.
- Cofta-Broniewska A.* 1988. Obiekty sakralne ludnosci grupy kruszanskij kultury przyemorskiej // Kontakty pradziejowych spoleczenstw Kujaw z innymi ludamy Europy. - Inowroclaw.
- Cofta-Broniewska A.* 1989. Miejsce pradziejowych i praktik valtowych w Kruszy Zamkowej. Wojewodstwa Budgoskie. Stanowisko 13. - Poznan.
- Crisan I. H.* 1966. Sanctuaruldacic de la Pecica // Acta Musei Napocensis. - Cluj. - T. III. - C. 92-95.
- Dąbrowski J.* 1957. Osada kultury amfor kulistych w Biskupinie, pow. Znin // WA. - 24. - 3-4..
- Dąbrowski J.* 1972. Janktuarium - czy scber z demojoliami? // ZOW. - 38-2. - S. 133-136.
- Déchelette J.* 1914. Manuel d'archéologie préhistorique, celtique et gallo-romaine. - T. II. - Paris.
- Diacovicu H.* Dacia de la Burebista la cucerirea romana. - Cluj, 1972.
- Die Germanen.* 1978. Geschichte und Kultur der germanischen Stamme in Mitteleuropa. - Berlin: Akademie-Verlag. - Band I: Von den Anfängen bis zum 2. Jahrhundert unserer Zeitrechnung. - 568 p.
- Die Germanen.* 1983. Geschichte und Kultur der germanischen Stamme in Mitteleuropa. - Berlin: Akademie-Verlag. - Band II: Die Stamme und Stammesverbände in der Zeit vom 3. Jahrhundert bis zur Herausbildung der politischen Vorherrschaft der Franken. - 714 p.
- Dieck A.* 1958. Zur Geschichte der Moorleichen forchung und Moorleichen deufung // Zohresschichvelt fur Mitteldeufche Vorgeschichte. - Band 441/42. - Halle. - S. 96-106.
- Drda P., Waldhauser J. Čižmář M.* 1971. Oppida und Vierechschazen // AR. - 23. - 3.
- Driehaws J.* 1970. Urgeschichtliche Opferfunde aus dem Mittel- und Niederrhein // Vorgeschichtliche Heiligtümer und Operpla'tze in Mittel- und Nordeuropa. Abhandlungen d. Akademie d. Wissenschaften in Göttingen, Phil.-hist. Klasse, 3. Folge, Nr. 74. - Göttingen. - S. 40-54.
- Egger R.* 1959. Führer durch die Ausgrabunen und das Museum aus dem Magdalensberg. - Klagenfurt.
- Egger R.* 1961. Die Ausgrabungen auf dem Magdalensberg 1958 und 1959 // Carinthia, 1/151, Jahrgang.
- Filip J.* 1953. Keltška společnost v dobe laténskú // AR. - V. - 205-287.
- Filip J.* 1956. Keltové na Střední Europe. - Praha.
- Filip J.* 1966. Enziklopadisches Handbuch zur Ur- und Frühgeschichte Europas. - Prag. - T. 2 [I-z]. - S. 665-1756.
- Filip J.* 1970. Du Keltische Zivilisation und ihr Heiligtumer in Böhmen Worgeschtliche Heiligtumer und offer Platze in Mittel und Nord Europa (H. Takhkuhn). - Gortingen.
- Filipowiak W.* 1957. Słowiańskie miejsca kultowe z Trzebia-towa, pow. Gryfice // Materiały Zachodni Pomorskie. - T. 3. - S. 75-95.
- Fouet G.* Puits Lunéraires d'aquitaine: Viele Toulouse Montmauren // Gallia. - Paris - XVI-I.
- Gabatówna L.* 1962. O naczyniach "bogom poświęconych". Skarb wotywny z wczesnego okresu rzymskiego na stan. 2 w Radziejowie Kujawskim // ZOW. - Z. 28. - Z. 3. - S. 233-238.
- Geisler H.* 1969. Notberung auf dem Burgwall bei Lossow, Kr. Eisenhüttenstadt // AuF. - N 14. - S. 132-140.

- Gassowski J. 1960. Ślady ośrodka kultowego na Łysej Górze // Acta Archaeologica Carpatica. - T. 1. - Z. 2. - S. 297-299.
- Gassowski J. 1964. Dzieje i kultura dawnych Słowian. - Warszawa.
- Gediga B. 1976. Śladami religii Prasłowian. - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Geisslinger H. 1970. Sociale Schichtungen in den Opferdepos der Völkerwanderungszeit // Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittell- und Nordeuropa. Abhandlungen d. Akademie d. Wissenschaften in Göttingen, Phil.-hist. Klasse, 3. Folge, Nr. 74. - Göttingen. - S. 198-213.
- Gieysztor A. 1982. Mitologia Słowian. - Warszawa.
- Godłowski K. 1969. Kultura przeworska na Górnym Śląsku. - Katowice-Kraków.
- Godłowski K. 1973. Materiały do poznania kultury przeworskiej na Górnym Śląsku, cz. 1 // Materiały Starożytnej Wczesnosredniowiecznej. - Warszawa - T. 2. - S. 255-384.
- Godłowski K. 1977. Okres lateński w Europie. - Kraków.
- Gromnicki J. 1964. Z badań nad kulturą celtycką w Małopolsce // Spraw. Oddz. PAN. - S. 389.
- Hagberg U. E. 1967. The Archeology of Skedemose. - T. 2. - Stockholm.
- Hagberg U. E. 1970. Religionsgeschichtliche Aspekte des Moorfundes von Skedemose auf Öland // Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa. Abhandlungen d. Akademie d. Wissenschaften in Göttingen, Phil.-hist. Klasse, 3. Folge, Nr. 74. - Göttingen. - S. 167-171.
- Hawkes J. and C. 1943. Prehistoric Britain. - New York.
- Hell M. 1974. Die verzeitliche Opferstelle in Morzg bei Salzburg // Archaeol. Austriaca. - 55.
- Hensel W. 1973. Polska starożytna. - Wr.-W.-Kr.-Gd.
- Hensel W. 1974. U źródeł Polski średniowiecznej. - Wr.-W.-Kr.-Gd.
- Hoffman R. 1959. Branzzeitliche Moorfunde aus dem Großen Zuch bei Kramnitz. - Kraków-Potsdam-Zand.
- Holubowicz H. i W. 1952. Z badań na Ślęży w 1949 r. // Studia Wczesnosredniowieczne. - T. 1. - S. 119-148.
- Horst F. 1971. Untersuchungen auf der jungbronze- und jastorfzeitlichen Siedlung von Zedau, Kr. Osterburg (Altmark) // AuF. - N 16. - S. 22-26.
- Informator archeologiczny. 1978. Badania 1977 r. - Warszawa.
- Jankuhn H. 1958. Moorfunde // Neue Asgrabungen in Deutschland. - Berlin. - S. 243-257.
- Jankuhn H. 1958a. Zwei Moorleichenfunde aus dem Danlandsmoor Germanung Windeby // Kr. Eckernförde Prähistorische Zeitschrift. - T. 26.
- Jankuhn H. 1966. Die römische Kaiserzeit und die Völkerwanderungszeit // Geschichte Schleswig-Holsteins. - Neumünster. - Bd. 2 (1964/66). - S. 251-416.
- Jankuhn H. 1967. Archaeologische Beobachtungen zu Tier- und Menschenopfern bei den Germanen in der römischen Kaiserzeit // Nachrichten der Akademie der Wissenschaft in Göttingen, I Philologisch-historische Klasse, nr. 6. - Göttingen. - S. 117-147.
- Janocha H. Wyniki badań archeologiczno-antropologicznych na górze Chelmskiej koło Koszalina w latach 1959-62. - Rawin Koszaliński.
- Jansová L. 1959. Studne na lateńských oppidech // Památky archeologické. - T. 50.
- Jansovd L. 1968. Mšecké Žehorowiche und die Frage der Viereckschwzzen in Böhmen // AR. - 20-4.
- Jasnosz S. 1970. Wczesnosredniowieczne miejsce kultowe w pálnowora chodniej Wielkopolske. Fontes Archaeologici Posnanienses XX.
- Kokowski A. 1986. Stan badań nad Kulturą czerniachowska w Polsce // Zachodnia strefa osadnictwa kultury czerniachowskiej. - Lublin. - S. 3-25.
- Kokowski A. 1992. Neue Materialien aus dem oberen Buggebiet // Probleme der Relatiwen und absoluten Ehronologie ar. Laténezeit bis zum Kühmittelalter. - Krakow.
- Kokowski A., Zychman-Kozak W. 1982. Gdy kobietom ucinano głowy... // ZOW. - Nr. 48. - S. 19-25.
- Konopka M. 1988. Caizn księcia celtyckiego // ZOW. - Nr. 53. - S. 102 - 110.
- Kramer W. 1966. Ein Prühkaiserzeitlicher Brandapferplatz auf den Auerberg in bayerischen Alpen-vorland. - S. 60-66.
- Kunkel O. 1958. Die Jungernhöhle eine neolithische Kultstätte in Oberfranken. - Berlin.
- Kunwald G. 1970. Der moorfund im Rappendamm auf Seeland // Praehistorisch Zeitschrift. - T. 45.
- Lampe W. 1974. Baggerfunde aus dem Unterlauf der Recknitz // Boden den kmalpflege in Mecklenburg. Jahrbuch, 1973. - S. 247-310.
- Lantier R. 1958. Recherches archéologiques en Gaule en 1955 // Gallia. - XVI. - S. 457-458.
- Leciejewicz L. 1987. „In pago silensi Vocabulo hoc a quodam monte... sibi indito“. O funkciji miejsz kultu pogańskiego w systemie politycznym słowian zachodnich doby plemiennej // Sobotka. - Arch. Polona.
- Łowmiański H. 1986. Religia słowian i jej upadek (w. VI-XII). - Waszawa.
- Łuczak E. 1979. Pochówki kultowe kultury luźniejszej // ZOW. - XLV. -2.
- Łuka L. J. 1973. Wierzenia pogańskie na Pomorzu Wschodnim w starożytności i we wczesnym średniowieczu. - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Maier R. A. 1990. Das Kultbämchen von Manching. Ein Leugnis hellenistischer und Keltischer Goldschmiedekunst aus dem 3 Jahrhundert v. Chr. // Germania. - J. 68. -H. 1.
- Makiewicz T. 1973. W kwestii osadnictwa celtyckiego na Kujawach // Archeologia Polski. - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk. - T. 18. - Z. 1. - S. 213-218.
- Makiewicz T. 1973a. Z problematyki kultury przeworskiej w świetle badań nad Jeziorem Pakoskim // Sprawozdania Archeologiczne. - Kraków. - T. 25. - S. 303-306.
- Makiewicz T. 1973b. Celtycka świątynia nad Jeziorem Pakoskim? // ZOW. - R. 39. - Nr. 3. - S. 165-171.
- Makiewicz T. 1976. Ołtarze i „paleniska” ornamentowane z epoki żelaza w Europie // Przegląd Archeologiczny. - Poznań (Wrocław). - T. 24. - Nr. 2. - S. 103-183.

- Makiewicz T.* 1976a. W sprawie metodyki badań nad hodowlą pradziejową // *Kwartalnik Historii Kultury Materialnej*. - Warszawa. - T. 24. - Nr. 2. - S. 307-314.
- Makiewicz T.* 1976b. Późnolateński piec garncarski z Janikowa, woj. bydgoskie // *Slavia Antiqua*. - Poznan. - T. 23. - S. 153-163.
- Malinowski T.* 1955. Grodziska kultury łużyckiej w Wielkopolsce // *Fontes Archaeologicis Posnanienses*. - T. V. - S. 1-48.
- Malinowski T.* 1961. Badania archeologiczne grodziska kultury łużyckiej w Smuszewie, pow. Wągrowiec, 1959 r. // *Sprawozdania Archeologiczne*. - T. XIII. - S. 67-68.
- Malinowski T.* 1961. Czy ludność kultury łużyckiej w Polsce uprawiała ludożerstwo // *ZOW*. - R. 27. - S. 189-193.
- Malinowski T.* 1985. Wielkopolska w otchłani wieków. - Poznan.
- Müller A. von* 1957. Formenkreise der alteren römischen Kaiserzeit im Raum zwischen Havelseenplatte und Ostsee (BBV1). - (West-)Berlin.
- Nadolski A.* 1955. Prace wykopaliskowe na grodzisku łużyckim // *Studia Wczesnośredniowieczne*. - T. 3.
- Neustupný J.* 1940. Praveké dejiny Lužice. - Praga.
- Niewęglowski A.* 1972. Mazowsze na przelomie er. Przemiany społeczno-demograficzne i gospodarcze. - Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Niewęglowski A.* 1981. Obrządek pogrzebowy ludności kultury przeworskiej na przelomie er (II w. p.n.e. - II w. n.e.). - Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk.
- Olsen O.* 1970. Vorchristliche Heiligtümer in Nordeuropa // *Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa*. - Göttingen. - S. 259-278.
- Orsnes M.* 1970. Der Moorfund von Ejsb01 bei Hadersleben und die Deutungsprobleme der grossen germanischen Waffenopferfunde // *Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa*. - Göttingen. - S. 172-187.
- Pieta K.* 1971. Púchovská kultura // *Zprávy Československé Společnosti Archeologické*. - T. 8. - S. 326-334.
- Pieta K.* 1977. Zu Besiedlungsproblemen in der Slowakei an der Wende der Zeitrechnung // *Symposium Ausklang der Latène Zivilisation und Anfänge der germanischen Besiedlung im mittleren Donaugebiet*. - Bratislava. - S. 283-294.
- Pieta K., Moravčík J.* 1980. Spätlatènezeitliche Opferstätte in Prosně // *Slovenská Archeológia*. - N 2. - S. 245-283.
- Poulik J., Zachar L.* 1975. Kultový objekt a hroby z doby laténskej v Palárikove // *Slovenská Archeológia*. - T. XXIII-2. - 1975. - S. 283-323.
- Powell T. G. E.* 1960. *The Celts*. - London.
- Przewoźna K.* 1955. Osada i cmentarzysko z okresu rzymskiego w Słapanowie, pow. Szamotuły // *Fontes Archaeologici Posnanienses*. - Poznan. - T. 5 (1954). - S. 60-139.
- Raddatz K.* 1957. Der Thorsberger Moorfund. Gürtelteile und Körperschmuck // *Offa-Bücher*. - Bd. 13. - Neumünster. - S. 145-149.
- Raddatz K.* 1970. Religionsgeschichtliche Probleme des Thorsberger Moorfundes // *Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa*. Abhandlungen d. Akademie d. Wissenschaften in Göttingen, Phil.-hist. Klasse. - 3. Folge. - Nr. 74. - Göttingen. - S. 188-197.
- Rajewski Z.* 1957. Metoda doświadczalna w badaniach archeologicznych // *ZOW*. - T. 23. - Nr 1. - S. 5-20.
- Rajewski Z.* 1957. Osadnictwo w czasach pierwotnych w Biskupinie i okolicy // *WA*. - T. 24. - S. 175 n.
- Rosen-Przeworska J.* 1964. Tradycje celtyckie w obrzędowości Protostowian. - Wrocław-Warszawa-Kraków.
- Ross A.* *Pagan Celtic Britain*. - London, 1968.
- Rybová A., Soudský B.* 1962. Libenice. Keltská svatyně ve Stfenech Čechách. - Praha.
- Schermer H.* 1951. Zwei Opfergruben der Spätlatenezeit von Wallertheim, Rheinhessen, Germania 29. - S. 252-253
- Schlette F.* 1980. Kelten zwischen Alesia und Pergamon. - Leipzig-Jena-Berlin: Urania-Verlag.
- Schmidt B.* 1961. Die späte Völkerwanderungszeit in Mitteldeutschland. - Halle.
- Schwarz K.* 1958. Spätlatenezeitliche Viereckschanzen - Keltische Kultplätze // *Neue Ausgrabungen in Deutschland*. - (West-)Berlin. - S. 203-214.
- Seyer R.* 1976. Zur Besiedlungsgeschichte im nördlichen Mittelelbe-Havel-Gebiet um den Beginn u.Z. - Berlin. (Schr. Akad., Bd. 29).
- Stjernquist B.* 1970. Germanische Quellenopfer // *Vorgeschichtliche Heiligtümer und Opferplätze in Mittel- und Nordeuropa*. Abhandlungen d. Akademie d. Wissenschaften in Göttingen, Phil.-hist. Klasse, 3. Folge, Nr. 74. - Göttingen. - S. 78-99.
- Szafrański W.* 1964. *Pocantki Płocka*. - Płock, 1964.
- Szafrański W.* 1979. Przemiany religii pierwotnej (próba periodyzacji pradziejów religii na ziemiach polskich) // *ZOW*. - Nr. 3. - S. 209-225.
- Szymański W.* 1973. *Słowiańszczyzna wschodnia*. - Wrocław.
- Urbańczyk S.* 1968. O rekonstrukcję religii pogańskich Słowian // *Religie pogańskich Słowian*. - Kielce. - S. - 29-46.
- Vries J. de.* 1960. *Kelten und Germanen*. - (West-)Berlin-München.
- Vries J. de.* 1961. *Keltische Religion* // *Die Religionen der Menschheit*. - T. XVIII. - Stuttgart. - S. 51.
- Vulpe R.* 1960. Șantierul archeologic Popești // *Materiale și cercetări arheologice*. - VII. - București.
- Węgrzynowicz T.* 1982. Szczątki zwierzęce jako wyraz wierzeń w czasach ciałopalenia zwłok. - Warszawa.
- Woźniak Z.* 1970. Osadnictwo celtyckie w Polsce. - Wrocław-Warszawa-Kraków.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ	Археологические исследования на Украине
АО	Археологические открытия
АП УРСР	Археологічні пам'ятки УРСР
АСГЭ	Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ВДИ	Вестник древней истории
ВЛУ	Вестник Ленинградского университета
ГЭ	Государственный Эрмитаж
ЗАО	Записки Одесского археологического общества
КСИА	Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИА УССР	Краткие сообщения Института археологии АН УССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР
РА	Российская археология
СА	Советская археология
AR	Archeologické Rozhledy.
AuF -	Ausgrabungen und Funde.
Spraw. PAU	Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności
WA	Wiadomości Archeologiczne
ZOW	Z otchłani wieków

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

Австрия 12, 24, 28-29, 33, 90
 Адамовка, с. 117, 122
 Адольфин, мог. 80
 Алексеевское, пос. 140
 Алияга, мог. 146
 Алчедар, мог. 147
 Альпы 12, 20, 64
 Альпы Баварские 20
 Альтгейм, св. 28
 Англия 12, 14, 18-20, 35-36, 40, 61, 125
 Андрусовка, с. 124, 141
 Архангельское, гор. 126, 133
 Асгард 47
 Аттика 108
 Аубинг, мог. 66
 Ауерберг, пос. 20, 64
 Аульнаи, св. 28

Б

Бавария 16, 23, 29
 Бад Пирмонт, ист. 60
 Базиля, пос. 32
 Бакота, с. 121
 Балка, с. 100, 121
 Балканский, п-ов 148
 Балканы 12, 118
 Балтийское море 58, 60
 Бедриковцы, с. 123
 Белоруссия 91
 Белоусовка, с. 121
 Бельгия 43
 Бельск, с. 111, 116
 Бельское, гор. 114-115, 140
 Березань, о. 125
 Бернар, св. 32
 Бискупин, пос. 71-73, 78-79
 Бовшев, с. 117
 Богат, г. 79
 Бодзаново, мог. 86, 89, 96
 Болгария 125-126, 149-150
 Большая Украина, с. 102, 121
 Большое Бельское, гор. 110, 114-115, 126
 Большое Казановское, гор. 122
 Большое Скифское, гор. 122-123, 128
 Борнхольм, о. 60, 66
 Боспор 139
 Боспорское царство 118, 143
 Браак, св. 52-53
 Британия 12, 19, 35-36, 44, 45
 Бродовин, св. 91

Брунерсшафт, п. 30
 Бубнище, с. 79
 Буг Южный, р. 104, 130
 Буджакская степь 146
 Будзаново, мог. 80
 Буковина 149
 Булганак, пос. 118
 Бург, св. 60
 Бурковак, г. 20
 Бутучены, с. 149
 Бучек, бол. 93, 96
 Быстрица, р. 150
 Бытка Доамней, гор. 150
 Бюсторф, св. 54

В

Вайсенфелс, мог. 64-65
 Валертхайм-на-Рейне, св. 20
 Валлия (Уэльс) 12
 Валмос, св. 54
 Валтерсдорф, св. 51
 Вальхалла 47, 58
 Варбо, св. 52
 Варт Нессенс, пос. 66
 Варта, р. 80, 91, 97
 Варфт Тофтинг, пос. 66
 Варшава 93
 Великая Польши 75
 Венгрия 21, 28
 Вербх, мог. 37
 Верхняя Маевка, с. 102
 Вимозе, св. 60
 Виндеби, бол. 61
 Виндлох, п. 30
 Виноградов, с. 113
 Висла, р. 80, 93, 97
 Витов, пос. 71
 Виттемоор, св. 55-56
 Вицино, гор. 73, 96
 Влтава, р. 23
 Волга, р. 93
 Волчья Балка, пос. 147
 Вольское, гор. 112
 Воронеж, р. 146
 Ворскла, р. 99, 102, 108, 112, 116, 133, 136
 Восток Дальний 11
 Восток Древний 71
 Восточное Бельское, гор. 114-116, 121, 123-124, 133, 138, 140-142
 Вулька Лясецкая, пос. 79, 88, 90
 Вушеруд, пос. 67
 Вюртемберг 16, 23, 29, 37

Г

Гавриловка, пос. 148
 Гавриловское гор. 121, 139
 Галлия 12-14, 19, 28, 46, 49
 Гвоздовка, хут. 103
 Германия 16, 22, 24, 40, 49-50, 52-56, 58-62, 64, 66, 69-70, 72-73, 91, 93, 95, 98, 125
 Германия Северная 60
 Германия Средняя 50

Гзин, гор. 74, 75, 96
 Гиндеруп, пос. 66, 125
 Гиндешти, пос. 122
 Гледзянувек, мог. 80, 86, 89, 96
 Глиняны, мог. 71
 Говда, св. 79
 Гожицко, пос. 91
 Голландия 49, 60, 66
 Голоринг, пос. 22
 Гора пиров 58
 Гораевка, с. 121
 Городок, св. 93
 Горынь, р. 117
 Готланд, о. 60
 Грабовно-Неданово, мог. 93
 Градиште, пос. 98
 Гражани, оп. 34
 Греция 36, 40, 107, 109, 118, 125, 128, 142, 148-149
 Греция, Средняя 107
 Гродково, бол. 96
 Грос Раден, пос. 98
 Гуляй-Город, мог. 119
 Гундеструп, бол. 43-44, 60
 Гура, бол. 96
 Гюбс, мог. 65

Д

Дамендорф, св. 54
 Дания 40-41, 43-44, 46, 49, 51-54, 58-62, 64, 66, 95, 125
 Даргиково, св. 93, 96
 Дижон 44
 Дитерсбергхол, п. 29, 45
 Днепр Нижний 100, 102, 108, 118, 121, 130, 137, 141-143, 148-149
 Днепр Средний 134
 Днепр, р. 99, 116-117, 132, 139, 142-143
 Днепроовско-Бугский лиман 148
 Днепроовское Левобережье 99, 102, 115
 Днепроовское Правобережье 116, 118
 Днепропетровская обл. 102
 Днестр, р. 99, 116, 121, 132, 136, 142, 148
 Днестровка, с. 117
 Днестровский лиман 117
 Днестровско-Дунайское междуречье 144
 Днестровско-Прутское междуречье 146
 Добжешув, св. 78
 Добрыновцы, с. 90
 Долиняны, с. 121, 149
 Домландсмоор, бол. 61
 Дон Нижний 122, 148
 Дон, р. 143, 146
 Дон, Средний 133
 Дунай, Верхний 20
 Дунай, Нижний 148
 Дунай, р. 12, 16, 20-21, 116, 125, 143-144, 147, 150

Е

Евпатория 139
 Европа 11-12, 19, 40, 45-46, 68, 97-98, 107, 125-126, 137

Сокращения, принятые в приложении: бол. - болото; г. - гора; гор. - городище; губ. - губерния; ист. - источник; кург. - курган; мог. - могильник; о. - остров; обл. - область; оз. - озеро; оп. - оппидум; п. - пещера; п-ов - полуостров; пос. - поселение; р. - река; с. - село; св. - святилище; сел. - селище; хут. - хутор.

- Европа, Восточная 10, 11
 Европа, Средняя 93
 Европа, Центральная 10
 Ейсбель, св. 59
 Екатеринославская губ. 102
- Ж**
- Жабенцы, мог. 96
 Жаботин, пос. 123-125, 132, 134-135, 142
 Животинное гор. 146
 Жовтневе, мог. 119
- З**
- Заале, р. 64
 Зааринген, св. 91
 Завист, св. 32-33, 41, 126
 Закарпатье 12
 Зальцбург 20
 Западное Бельское городище 109-116, 124, 133, 139, 142
 Запорожская обл. 100, 121
 Запорожье 102
 Збраслав 41
 Збруч, р. 10, 78, 88, 98-99, 116, 141
 Звенигород, св. 79, 97-98, 141
 Зеландия, о. 59
 Зелёная Липа, св. 79, 98
 Зильберлох, п. 43
 Злота Пинчовска, сел. 71
 Злота Сандомерская, мог. 71
 Змеиная, п. 130
 Золотая Балка 112, 124-126, 134-135, 142, 148
 Золотобалковский, мог. 128
 Зофиполь, пос. 79
 Зюдербаруп 58
- И**
- Ивано-Франковская обл. 116
 Иванэ-Пустэ, с. 108, 112, 117
 Иголомия, пос. 79
 Избицк, мог. 90, 96
 Издебно Косьцельно, пос. 79
 Иллирия 29
 Илурат, св. 108, ПО, 134
 Ильичевка, пос. 124, 131, 141
 Индия 101
 Иновроцлав, св. 83-85, 86, 88, 91, 96, 98
 Иновроцлавек, пос. 79
 Ирландия 12, 14, 43, 54, 61
 Ирмизуль, св. 66
 Ирпень, р. 99
 Исландия 66-67, 69
 Испания 12
 Истрия 20
 Италия 12, 95
- Й**
- Йонциг, св. 20
 Йорлеса, пос. 60
- К**
- Каблов, пос. 66
 Кавказ 118
- Кавказ Северный 122
 Кавказ, Северный 118
 Каланча 122
 Калиновице, ист. 78
 Калитва, р. 103
 Каменское гор. 100, 102, 109, 117, 132, 142
 Канев 128
 Караван, гор. ПО, 113, 116, 122, 126, 140, 142
 Карлсхоле, п. 29
 Карпаты 20
 Кастелиер, св. 20
 Квостед Мосе, св. 54-55
 Келермес, кург. 101
Кепы 126
 Керингшён 51, 53, 55
 Кетж, мог. 90, 96
 Кженцине, мог. 71
 Киев 124
 Киевская губ. 104
 Кировоградская обл. 100, 104
 Кировское, гор. 122
 Кирххайм, св. 51
 Киселёв, мог. 147
 Кифхеузер, г. 29
 Клепин, бол. 93, 96
 Клокоцка, бол. 93
 Клучево, бол. 93, 96
 Кнохенхоле, п. 29
 Кобенер Вальд, гор. 22
 Ковалиха, мог. 119
Козырское, гор. 139
 Колодец Дев 128
 Колодец Цветов 128
 Коломийщина, пос. 131
 Конде, гор. 22
 Конд-сур-Рисль, св. 28
 Копанево, бол. 93, 96
 Копенгаген 43
 Копля, бол. 93, 96
 Корбейль, св. 59
 Корпач, с. 144
 Костюшко, г. 76-77, 96
 Крагехюльмосе, бол. 59
 Красное Знамя, хут. 101
 Крешатик, с. 139
 Крит, о. 126, 149
 Круша Замкова, св. 80-89, 96, 125
 Крушвице, пос. 71
 Круша Подлотова, мог. 86
Крыловка, с. 102
 Крым 102, 118-117, 121, 128, 130, 139, 141-143, 148
Крыспинув, мог. 90, 92, 96
 Куземинское, гор. 114-115
 Курчатов 147
 Кучмовка, с. 112
Куявы 12, 14, 70, 74, 80-81, 86, 88
 Кэмалодунум, храм 36
- Л**
- Ла Рок, св. 42, 125
 Лагов, гор. 98
 Лагошть, ист. 45
 Лака Веление, св. 21
 Ландакер, св. 20
- Ла-Тен, пос. 20
 Лашин, бол. 93
 Лебедевский, мог. 145
 Лебус, гор. 74, 96
 Левобережье 99, 117
 Левобережье Вислы 93
 Левобережье Днепра 116-117, 141-142, 148
Лемны, пос. 79
 Ленчица, гор. 98
 Либенице, св. 14, 26, 41, 45, 85
 Либковице, св. 20
Ликейская гора 107
Лиляче, св. 149
 Липецкая обл. 146
Липовка, с. 144
 Липтовска Мара, гор. 21-22, 45
Лихачевка, с. 135, 142
 Лончки, сел. 71
 Лосов, гор. 73, 96
 Лоэшке, пос. 66
 Лубшево, св. 88, 90
 Лубомия, св. 88
 Лувен, св. 66
 Лука Врублевецкая, пос. 132
 Лупергхоле, п. 29-30
 Лысая Гора 78, 96
Люезанд-на-Эльбе 61
 Львовская обл. 132
- М**
- Магала, с. 116
 Магдалененберг, кург. 17
 Магдаленсберг, гор. 33, 35
 Майн, р. 22
 Малая Азия 12, 14
 Малая Польша 12, 70, 80, 90
 Малое Скифское городище 128
 Манерсдорф, мог. 38
 Манхинг, оп. 36, 45
 Мариесминнэ, пос. 125
 Маркватице, пос. 35, 45
 Масломенце, мог. 86
Матронинское, гор. 110, 121-122, 123, 126, 134, 142
 Мачуха, пос. 116
 Маяк, мог. 147
Медоборы 78
Межановицы, пос. 79
 Мельно, бол. 91
 Менил-Аннеле, мог. 39
 Мидлсекс 36
 Микены 134, 142
Никульчицы, св. 91
 Мирагард 47, 61
 Мирмикий, св. 108, 110
 Михайловка, с. 100, 102
 Могилянка, р. 93
 Молдавия 99, 117, 131, 143, 147
 Молдова 146
 Молога, мог. 128, 147
 Монбуи, св. 32
 Монтана, св. 150
Моравия 12, 70
 Московское, гор. 139
 Мумдзилар, кург. 125

- Мухово, пос. 126
 Мшецке Жехровице 32, 40
 Мюльхаузен 50
 Мюнхен 66
- Н**
- Нагловице, мог. 71
 Нагорное, с. 147
 Надлиманное, с. 117
 Неаполь Скифский 108-109, 111-113, 118, 121-122, 124, 126, 133-134, 139, 141-142
 Немировское, гор. 115, 117
 Непорогово, с. 121, 132, 142
 Нере Фянд, пос. 66
 Нидердорля, св. 54
 Нидерланды 61
 Николаевка, с. 117, 128
 Нимфей 113, 125-126, 128
 Новая Церква, ист. 78
 Нове Страшеци 40
 Ново-Николаевский, мог. 146
 Новосилка, с. 120-121
 Норвегия 46, 61, 66
 Нормандия 22, 28
 Нотец, р. 80
 Ньюдам, бол. 58
- О**
- Обервершен, мог. 65
 Обердоля, св. 50-52, 58, 93, 96
 Обереслинген, св. 35
 Обермархталь, с. 24
 Одер, р. 73-74, 93
 Одесса 143
 Олефирщина, гор. 110, 126
 Ольвия 100, 108-109, 113, 124-126, 128, 142, 148
 Ольнэ-на-Марне, св. 20
 Опатув, мог. 90, 96
 Орель, р. 99, 102, 104, 116
 Оренбургская обл. 144
 Оселивка, с. 136-138, 142
 Осинки, пос. 79
 Осняги, ур. 111-112
 Островерховка, с. 112-113, 116, 139
 Островец, с. 116
 Оталенжка 93-96
- П**
- Паланга 93
 Паларикове, св. 21
 Паннония 12
 Паргынице, мог. 71
 Пастырское, гор. 108, 115, 117, 122-124, 128, 139
 Пелопоннес, п-ов 107, 128
 Первомаевка, с. 101-102
 Пергам 107
 Перебыковцы, с. 119-121
 Перешепино, с. 104
 Перынь, мог. 91
 Пирятин 103
 Писаревский, мог. 146
 Побужье 70
 Повисленье 70
- Поднепровье 125-126, 148
 Поднепровье Нижнее 130, 142, 148
 Поднепровье Среднее 121, 142-143
 Поднестровье 117, 149
 Поднестровье Верхнее 117, 143
 Подолия Западная 117
 Подонье 104
 Подонье, Верхнее 146
 Подунавье 104, 116, 126, 141, 149
 Подунавье, Верхнее 18
 Пожарная Балка, хут. 106-107, 109-113, 116, 136, 142
 Полтавская обл. 136
 Полтавская, губ. 102, 106
 Польша 10, 12, 40, 70, 73, 75, 79-80, 90, 93, 96-98, 125
 Поморье 93, 97
 Попешты, св. 125
 Посвентне, св. 88
 Посеймье 104
 Посендорф, с. 52
 Посюэр, св. 27
 Правобережье Днепра 99, 115-116, 139, 141-142, 148
 Правобережье Украины 117
 Прага 14, 18, 41
 Предкавказье 118
 Приаралье 145
 Приднепровский, совхоз 100
 Приднестровье 148
 Придунавье 125
 Прикубанье 100, 102
 Приуралье Южное 145
 Причерноморье 102, 139, 142
 Причерноморье Северное 11, 99, 108, 124-125, 143, 148
 Просна, св. 20
 Прут, р. 116, 144, 147-148
 Прут-Днестровское междуречье 147, 149
 Псёл, р. 102
 Псков 91
 Пустынка, с. 122-123, 128, 130, 132, 135-137, 142
- Р**
- Радзеев, св. 79
 Радловице-Гостково, пос. 79
 Радомице, ист. 78
 Радуница, гор. 96
 Радуня, г. 76-77, 79
 Раппендам, св. 52, 55
 Ревно, гор. 90
 Ревовка, с. 104
 Реекиллурна, ист. 60
 Рейн Нижний 61
 Рейн, р. 12, 16, 20, 35, 61
 Рекниш, р. 61
 Реут, р. 149
 Рибемоне, св. 28, 41, 44
 Рим 12, 35, 128, 143
 Римская империя 25, 46, 58
 Рислеф, св. 59
 Рокепертус, оп. 40
 Росава, р. 143
 Росбьергад, св. 64
 Росбьергор, св. 52
- Россия 91
 Рось, р. 99, 139, 143
 Румыния 125, 149-150
 Рур 61
 Рэмс-Мур-Крайс, св. 32
- С**
- Сабатиновка, с. 130, 139
 Самос, о. 128
 Саранчево, с. 103-104
 Сармизетгуса, св. 149
 Св. Ильи, г. 107
 Свентокшицкие горы 78
 Святое, оз. 50-51
 Святой источник 58, 72
 Себол, св. 66
 Северное море 60
 Северский Донец, р. 112, 124, 139
 Севтополь, св. 125, 150
 Седлемин, пос. 79
 Сена, р. 24
 Сибирь 11
 Силезия 12, 70, 76, 80, 90
 Силезская возвышенность 75
 Симферополь 130
 Скаевинг, бол. 54
 Скандинавия 46-47, 55, 60, 69, 97
 Скандинавские страны 46, 68
 Скедемоссе, св. 57-59, 96
 Скифия 99-102, 117, 141-142, 147
 Скороборе 103-104
 Славута 117
 Словакия 12, 20-22, 70, 98
 Слопанув, пос. 91, 93, 96
 Смела 103
 Собковка, с. 116, 122, 135, 142
 Солончены, пос. 131-132
 Сорто Мульд, пос. 66
 Средиземноморье 128, 137
 Средиземноморье Восточное 126, 142
 Средняя Азия 145
 Ставрополье 101, 118
 Ставропольская губ. 106
 Станиславчик, с. 118
 Старые Коконешты, мог. 146
 Стенгабэ Мосе, св. 55
 Стжельце, пос. 71, 83-84, 86, 96
 Стоунхендж, св. 18, 90
 Страдонице, оп. 34
 Сула, р. 102, 116
 Супой, р. 102
 Суходул, мог. 80
 Сыпнево, гор. 98
 Сьлэнжа (Шлэнжа), г. 75
- Т**
- Тагискен, плато 145
 Тальхау, кург. 16
 Тжебятув, св. 91
 Тира 148
 Тиса, р. 143
 Томердинген, св. 30
 Торсберг, оз. 55, 58
 Трахтемировское, гор. 124, 134
 Трахтемиряки, гор. 122
 Трэфенсбух, св. 17-18

Тржебушице, мог. 38
Тройшице, мог. 90, 96
Трубеш, р. 102
Тулуза 32, 45
Туркмения 146
Тушемля, св. 91
Тюбинген-Кильхберг, кург. 15
Тюрингия 20, 23, 29, 43, 64, 66
Тясмин, р. 99, 124, 132, 134, 143
Тясминское, гор. 126

У

Удай, р. 102
Украина 11, 98, 108, 117, 125, 147
Украина Западная 70, 99, 142
Украина Левобережная 117-118
Украина Правобережная 117
Уляпские курганы 100
Ульдун Каер, св. 54
Ульский аул 101
Умань 117, 135
Упсала 47, 66-69
Усово, оз. 122, 128, 139
Усть-Альминский мог. 128
Усть-Альминское гор. 110, 126
Усть-Лабинское, пос. 118

Ф

Фанагория 128
Федерсен Верде, пос. 66
Фельбах-Шмиден, св. 30-32, 44
Фельдберг, св. 98
Финляндия 60
Флюгенхоэ, п. 29
Франция 16, 20, 24, 33-35, 37, 40, 42, 44, 46, 90, 125
Фраснэ-ле-Бюссенал 43
Фрилфорд, св. 20
Фьяльтринг, св. 54

Х

Хайденхайм, св. 18

Хайлигкройцтал, св. 23
Хардхейм, св. 35
Харьков 148
Харьковская обл. 102, 136
Хацьки, св. 72
Хейденхейм, св. 28
Хельмска, г. 98
Херсон 121
Херсонес 113
Херсонская обл. 100, 102
Хиршланден 16-17, 40
Хитроу 36
Ходосовичи, св. 91
Холмское, мог. 146-147
Хольцхаузен, св. 25-26, 28, 30, 32-33, 35
Хорезм 145
Хофстардир, пос. 67, 69
Хохдорф, кург. 15-16
Хоэндорф, св. 60
Хундерзинген, кург. 17

Ц

Цветна, с. 100, 104
Цедау, пос. 64, 69

Ч

Чайка, гор. 128, 139
Чаковице, св. 18
Черепин, с. 117, 126, 132-133, 142
Черниговская губ. 102
Черниговщина 135
Черновицкая обл. 116-117, 119, 136
Чернолесское, гор. 117
Чертовицкий, мог. 146
Чехия 12, 14, 16, 20, 23-24, 26, 33-34, 38, 45, 70, 85, 90-91, 147
Чехословакия 125
Чигиринский уезд 104

Ш

Шараповское, гор. 122

Шатомелан, св. 32-33
Швейцария 16, 20, 35
Швеция 48-49, 57-58, 60-62, 66-67
Шёлковая, станица 109-110, 112-113, 116, 122, 136, 142
Сиханы, мог. 144-145
Шлезвиг-Гольштейн 62, 64
Шлёнга, г. 75-78, 96
Шлёнский массив 76
Шондау, св. 64
Шотландия 12, 61
Штейнбергсшахт, п. 30
Штосен, мог. 65

Щ

Щане Здруй, пос. 78

Э

Эйвбери, св. 19
Эксампей, св. 100, 104
Экюри-ле-Репо, св. 35, 38
Эланд, о. 57-58
Эллада 107
Эльба, р. 64-65, 70
Эльбауе, мог. 65
Энтремон, оп. 40
Эта, г. 107

Ю

Юденау 28
Юнгфернхоле, св. 29
Ютландия 43, 64

Я

Яниково, пос. 83-86, 125
Янково, пос. 73, 96
Ясиновка, с. 103-104

Holzgerlingen 41

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абаев В. И. 100, 143-144
Адам Бремениский 47-48, 63, 66
Адонис 54
Алки 48
Аммиан Марцеллин 143
Андерсон И. 63, 67
Андриенко В. П. 103, 121-122, 124
Антонин Пий 34
Антонович В. Б. 103
Аполлон 124
Арей 100, 121
Арес 100, 102, 113
Артамонов М. И. 99, 101, 106
Артур 12
Аун 43
Афродита 108

Б

Байбурин А. К. 112, 113
Балагурі € А. 116
Беккер 49
Бем-Бланке Г. 45, 49, 51
Березанская С. С. 11, 99, 106, 116-117, 121-123, 128, 130-132, 135-136, 138, 140, 148
Бессонова С. С. 100-101, 110-112, 119, 121-122, 126, 128, 134
Бибиков С. Н. 124, 132
Битель К. С. 24
Блаватский В. Д. 148
Бобринский А. А. 103-104
Богдасевич В. А. 122-123, 128
Бублиев Н. 103
Будда 40, 60

Бураков А. В. 139
Буребиста 148

В

Вакуленко Л. В. 147
Вар 64
Венедиктов И. 149
Винокур И. С. 147
Водан 67
Волков В. В. 11
Вотан 60, 62
Вулкан 47
Высотская Т. Н. 108-111, 113, 118, 121-122, 124, 126, 128, 133-134, 139, 141
Вязьмитина М. И. 112, 124, 126, 134, 148

- 60-61, 86, 93-96, 109, 118, 121, 139
 жертвенное помещение 20
 жертвенное сооружение 120, 137
 жертвенный 32
 жертвенный комплекс 116, 121
 жертвенный котел 60
 жертвенный центр 104, 143
 жертвоприношение 10, 13-15, 20, 22-23, 26, 30, 33, 43-45, 47-50, 54, 58, 59-63, 65-66, 69, 71-75, 88, 93-94, 96-98, 100-101, 104, 107-110, 113-114, 118, 121, 126, 128, 130, 132-139
 жилище 16, 45, 74, 79, 106, 107, 112-113, 115-116, 122, 124, 128, 130-132, 135, 137-139, 144
 жребий 56
 жрец 48-49, 55-56, 56, 58, 67-69, 75, 107
 жрица 60, 62, 144
- З**
- загробная жизнь 45
 загробный мир 112
 замок 113
 зарубинецкая, к-ра 10, 143
 зарубинецкий 10, 12, 143
 захоронение 82-83, 85-86, 101, 109-110, 118-119, 121, 126, 128, 130, 139, 141
 захоронение собак 83
 заяц 34
 звоночки 149
 земледелие 12
 земледельцы 12, 28
 земледельческий 45-46, 99
 землянка 111, 112, 115, 116, 132, 134, 137, 138, 139
 зеркало 113, 120, 144
 зёрна, зерно 35, 45, 50, 66, 104, 112-114, 124, 126, 128, 130, 134-135, 139-142
 зернотёрка 113, 117, 130, 134-135, 138
 зола 103, 106, 107, 108, 109, 113, 116, 117, 118, 124, 126, 130, 136, 139, 140, 145, 147
 зола 28, 67, 85, 103, 106, 108, 112-113, 116, 124, 128, 132, 135, 136, 146
 золотого, золотой 16, 20, 29, 41, 44-45, 58-60, 66-67, 93, 100
 зольник 11, 20, 100, 102, 104, 106-119, 121-122, 126, 128, 130, 132-137, 139-142, 144, 147, 149
 зольные холмы 107
 зубы 26, 30, 104
- И**
- игры 44
 идол 10-11, 18, 26, 28-29, 35, 49-52, 55-56, 64, 66, 69, 72, 75, 83, 85-86, 88, 90-91, 98, 101
 изваяние 101-102, 142
 изображение 15, 35, 48, 50, 72, 75, 101
 изображение, антропоморфное 101
 иллирийский 70
 иллирийцы 148
 ингумация 80
 индоевропейский 13, 47, 54, 70, 68
 ираноязычный 70, 143
 иранский 100-101
 иранцы 99, 144
 ирландский 13, 44
 источник 11, 14, 34, 44, 58, 60-61, 72, 76, 78-79, 98, 106
 источник, святой 44
 источник, священный 98
- К**
- кабан 41, 44, 75, 119
 казаки-запорожцы 103
 календарные праздники 25
 каменное ограждение 87
 каменные бабы 11
 каменные заграждения 113
 каменные ограждения 14
 каменный круг 71, 77, 82, 94, 96
 канавка 109, 132-133, 144, 146
 канибализм 75
 капище 10, 11, 18, 55, 91, 98, 124
 каравай 45
карнуты 14
 карпатских курганов, к-ра 10, 149
 катакомбная, к-ра 104
квяды 23
кельты, кельтский 10, 12-20, 22, 28-29, 33, 35-36, 40-41, 43-47, 49-50, 60, 64-70, 74-76, 78-81, 84-86, 88, 90-91, 93, 97-98, 116, 126, 135, 147, 149
 кенотаф 119, 120-121
 киевская, к-ра 10
кимвры 60, 62
 кипарис 34
 кирка 59
 клад 45, 60-61
 клиент 12, 43
 ключ 45, 113
 кобанская, к-ра 118
 коза 34, 83, 84, 85, 91, 98
 козел 32, 34, 41, 58
 козы 34, 54, 58, 79, 83, 86, 108
 колесница 17, 58, 71
 колесо 17, 52, 70-71, 77, 93-94
 колечко 135
 колодец 15-16, 21, 24, 28-34, 36, 44-45, 66, 69, 72-75, 78, 79, 83-86, 96-98, 103-104, 128, 130
 колодец бытовой 34
 колодец жертвенный 72-73, 75, 98, 104
 колодец культовый 73, 74, 78, 84, 96, 98
 колодец священный 15-16, 21, 24, 28-30, 33-34, 36, 45, 74
 колодец-шахта 69, 79
 колчан 16
 кольцо 44, 58, 67, 117, 121, 144
 кольцо из камней 18
 кольцо, височное 113, 117
 континна 22, 88
 конунг 43, 47
 конус 139
 конь 20, 34, 44, 52, 58, 79, 84, 93, 100-101, 112-113, 121, 126, 128, 130, 136, 144, 148
 копыё 29, 44, 51, 58-61, 64-65, 78, 107, 119
 корова 20, 41, 50, 55, 59, 64, 79, 112, 126, 144
 король 12-13, 15, 44-45, 67
 корчага 134, 141
 костел 23, 75
 костёр 61, 113, 134, 143-144
 кости 11, 18-23, 25-30, 32, 34-35, 41, 43-45, 49-52, 54, 56, 58-61, 64, 66, 71-75, 79, 81, 83-84, 86-88, 91, 93-95, 98-104, 106-109, 111-113, 116-122, 124, 126, 128, 130, 132-139, 141, 144-145, 147, 149
 косточки 90, 135, 145
 кострище 87, 90, 94, 102, 109-110, 121, 144
 костяк 11, 21, 28, 103, 116, 126, 128
 котёл 16, 17, 44-45, 60, 67, 100
 котелок 43
 кратер 60
 крепида 147
 крест 70, 75, 84
 крест крестом 70, 75, 84
 кромлех 101, 121
 круг из камней 20, 29, 77
 круглая постройка 136
 круговое ограждение 18
 крючок 20
 кубок 61, 85
 культ 10, 13-14, 16-17, 41, 44-45, 48, 62, 64, 66, 70, 73, 75, 78, 83, 86, 94, 95, 97, 98, 101, 106, 107, 109, 111, 112, 128, 134, 139, 142, 144-145, 147-148
 культ домашнего очага 106, 112
 культ мертвых 14, 70
 культ огня 14, 109
 культпредков 17, 45, 101, 142, 145, 147
 культ священных деревьев 14
 культовая постройка 14, 72, 86, 88, 110, 117, 124, 130, 132, 135-137, 142
 культовое здание 118, 124, 126, 133-134
 культовое место 10, 14, 16, 49-51, 58, 64, 69, 77-79, 84, 86, 89, 93, 95, 100, 102-103, 110, 116, 121, 124, 128, 140-141, 149
 культовое сооружение 10-12, 14, 23, 41, 45-46, 49, 64, 68-70, 75, 79-81, 86, 97-100, 109, 102, 104, 106, 111-113, 118, 126, 132, 134, 136, 141-144, 146, 149
 культовый дом 134
 культовый комплекс 108, 113, 133
 культовый костёр 106
 культовый объект 11, 14, 16, 22, 24, 49-50, 95, 149
 культовый памятник 10, 14, 100, 104, 142
 культовый центр 10-11, 23, 58, 77, 116, 121, 139, 141, 142
 курган 15-21, 23-24, 37, 40, 44-45, 83, 90, 93-94, 100-104, 107, 110-112, 118-121, 125, 142, 144, 145-147, 149
 курильница 143
 курица 134, 141
- Л**
- ладья 49

лангобарды 55
 латен, латенский 14-15, 20-23, 28-30, 35-37, 43, 45-46, 49-50, 52, 54, 58, 60, 66, 72, 74-75, 77-79, 83-84, 86, 90-91, 147, 149
латенизированный 12
 лемех 54
 лён 50
 липицкая, к-ра 10, 149
 лодка 50, 55, 58-60
 лодка-долблѣнка 52
 лопата 95
 лось 34
 лошадиный 119
 лошадь 11, 20, 28, 34, 49-52, 54, 56, 58-60, 63-67, 69, 71, 73-74, 96, 98, 101, 103-104, 112, 116, 126, 132, 136, 144-145, 147
 лужицкая, к-ра 10, 22, 70, 72-73, 77, 96, 116
 лужицкий 33, 72, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 90, 96, 97, 98
 лужичане 75, 77, 78, 97
 лук 59, 111
 луна 47, 70
 людоедство 75
 льячка 113, 116, 140

М
 майдан 100, 102, 103, 104
 мандала 104
 марка 46
 маска 70
 массагеты 143
 матрица 116
 меандр 79, 124, 125, 134
 мегарон 109, 118, 122, 134, 137, 142
 медведь 20, 44, 75, 119
 медный 60
 менгир 14, 109
 менгировалля 14
Меотские племена 118
 меровинги 66
 меч 14, 17, 29, 32, 35, 36, 40, 41, 44, 50, 58, 59, 60, 61, 100, 121, 143
 Мирагард 47, 61
 миссионер 46
 миф 13-14, 43, 44, 45, 47, 54, 60, 61
 мифология 12, 54, 60, 68, 69, 70, 80, 97
 могила 12, 15, 90, 96, 101, 119, 144
 могильник 11, 16, 18-20, 24, 30, 37-39, 58, 64-66, 69-72, 74-75, 79-82, 84, 86, 89-91, 93, 112-113, 119, 121, 126, 128, 130, 139-140, 142, 144-147
 могильник биритуальный 84
 могильник курганный 146
 молельный дом 125, 134, 142
 молельня 11, 81, 83, 104, 134-135, 141
 моления 78
 молитвенная постройка 142
 молитвенное помещение 141
 молитвенный дом 100, 102, 134
 молния 67
 молот 60, 67, 117
 монастырь 75
 монета 20, 22, 34, 45, 51, 58-60, 78, 91,

93, 107-109, 149
 мотыга 94

Н
нагайцы 118
наганарвалы 48
 надгробие 14
 наковальня 60, 107
 небесный мир 101
 невод 52
 неолит 30, 49, 60, 61, 70-71, 84, 97
 Ноа, к-ра 116, 117, 148, 149
 нож 17, 22, 28-29, 34, 59-60, 64-65, 94, 107, 111, 113, 134, 139-140, 149
 ножницы 149
 ножны мечей 29

О
 обелиск 19
 оберег 113
 обряд 10-11, 14, 21-22, 25, 44, 48-50, 65-68, 70, 75, 78-80, 88, 90, 94, 97, 111-112, 117, 128, 131, 144-145, 149
 обряд погребальный 70, 79-80, 97, 142, 143-145
 обрядность 15-17
 обрядность погребальная 15, 17
 общественное здание 121
 обычай 13, 20, 71, 97, 118, 128
 овца 20, 34, 52, 58-60, 71-74, 81-82, 86, 98, 112, 125-126, 131, 136, 144-145
 огни 14, 28, 107
 огнище 71, 117, 136
 огонь 10-11, 14, 16, 19-20, 23, 28, 30, 35, 45, 47, 49, 55, 58, 67, 69, 70, 72, 79, 97, 101, 107, 109, 112, 114, 117, 121-122, 132, 135-136, 141-146, 148
 ограда 19, 35-39, 45, 50-51, 67, 69, 78, 81, 83-84, 90-91, 93, 96, 110, 121, 141, 144-145, 148
 ограда каменная 35, 82-83
 ограда квадратная 36
 ограда священная 21
 оградка 93, 139
 ограждение 26, 81, 86, 97, 139
 ожерелье 60
 озеро 50-51, 55, 58-61, 73
 олень 20, 32, 34, 44, 71, 73, 74, 139
 оппидум 13, 16, 23-24, 33-36, 38, 40, 45, 125
 орех 124
 орнамент, орнаментированный 12, 16, 40, 58, 70, 83, 121, 124-126, 131, 134-135, 137, 141-142, 144, 148-150
 оружие 14, 21, 30, 49, 55, 58-59, 80, 97, 113, 142-143
 освящённое место 14
 оселок 78-79, 95, 113
 осетины 143
 остров 14
 очаг 10-11, 16, 22, 63-64, 66, 71-72, 79, 83, 85-86, 88, 91, 94-95, 104, 106, 108-109, 112-116, 121-122, 124, 130-132, 134, 136-139, 142, 148
 очажок 134

П
 палисад 26, 28
 памятник 11, 23
 памятник, античный 11
 памятник, культовый 11
 памятник, погребальный 45, 121
 пепел 25, 104, 107, 112, 116, 119-121, 126, 133
 перепел 141
 перстень 28, 50, 93
 персы 100, 101
 пес 71, 84
 пестик 141
 печь 66-67, 71, 79, 90, 103, 109, 112, 115, 116, 130, 132, 133, 136, 139
 пещера 29, 30, 128, 130, 149
 пир 13, 84, 95, 96
 планиграфия 49
 пластика мелкая 14
 пленные 14, 60, 62
 площадка 11, 14, 15, 18-26, 28-30, 35-36, 44-45, 49, 50-54, 57-60, 64-66, 69, 73-75, 81, 83, 90-91, 96-97, 100, 102, 104, 121-123, 134, 139, 141-142, 144-146, 149
 площадка жертвенная 11, 14, 20, 44-45, 50-54, 56-60, 64, 66, 69, 81, 96, 100, 102
 площадка круглая 18
 площадка культовая 18, 64
 плуг 52, 54, 60
 повозка 17, 52, 55, 60, 71, 77, 93
 погребальное сооружение 11, 17, 113
 погребение 15, 17-18, 21, 28, 30, 37-38, 46, 55, 65, 69, 71, 75, 80, 83-87, 90, 92, 104, 120-121, 125, 128, 134, 138-139, 144, 146-148
 погремушка 141
 подвеска 111, 140
 подвеска, луновидная 140
 подземелье 149
 подземные воды 61
 подземный мир 14, 20, 29, 44, 61, 74, 101, 128
 подклешевая, к-ра 70, 72, 90
подклешевый 80
 полей погребальных урн, к-ра 80
 поморская, к-ра 70
 поморско-подклешевая, к-ра 10, 70, 79
 поморцы 71
 поросёнок 28, 30, 34
 портик 40, 109
 поселение 11, 20-22, 35, 58, 66-67, 71, 73-74, 79, 81-83, 90-91, 93, 99-100, 102, 106, 108, 111-113, 115-116, 118, 121-122, 124-126, 128, 130-132, 134-137, 139, 140-142, 147-149
 посёлок 91, 106
 потусторонний мир 14, 44
 потусторонняя жизнь 14
 поянешти-лукашевская, к-ра 10, 12, 149
 пояс 16, 40-41, 60, 101
 пражская, к-ра - 70
 праздник, 1 мая 44
 праздник, Быка 44

- праславяне 99
 предки 10, 14, 17, 18, 29, 45-46, 62
 приношения 18
 проколка 111
 просо 22, 45, 112, 134, 141
 пряжка 29, 51, 59, 61
 прыслице 20, 74, 78, 83, 95, 111, 113, 119, 128, 134, 136, 138, 139, 140
 псалий 111, 113, 134
 птицы 20, 40, 70-71, 79, 103, 107, 134
 пуговица 59, 104, 111, 134
 пуховская, к-ра 22
 пшеворская, к-ра 10, 12, 70, 79-81, 88, 90, 93, 96
 пшеница 14, 22, 45, 113, 124, 134
- Р**
- рабы 12, 14, 55
 радиоуглеродный анализ 52, 58, 74
 раковины Каури 111
 рало 20, 94
 растения 41
 растиральники каменные 83
 расчленение 44
 расщелина 29, 33, 43, 74
 расщелина-шахта 33
 рёбра 21, 29, 50, 112
 резьба по камню 40
 река 14, 60, 73, 93
 религиозный центр 100
 религия 14, 47, 54, 68, 70, 143, 148
 рельефные изображения 35, 106
 рельефные рисунки птиц 110
 ремесло 12
 Ригведа 100, 101
 римляне 14, 46, 48-49, 60, 148
 римский 12, 14, 16, 20, 22-23, 25, 29, 35-36, 46, 48-49, 52, 54, 58-61, 64, 66, 67, 72, 74, 78-79, 83-84, 90-91, 93, 97, 107, 126, 148-150
 ритон 100-101
 ритуал 15, 30, 43, 49, 114
 ров 15-19, 21-26, 28, 30, 32, 34-38, 49, 54, 59, 64-66, 69, 90-91, 93, 97, 117, 139, 145-146, 148
 ров кольцевой 15, 18, 19
 ров круговой 17
 ровик 18, 83, 85, 90-92, 98, 110, 113, 117, 120-121, 135, 144-147
 ровик 90-93, 98, 113, 117, 120-121, 144-146
 ровик квадратный 15
 ровик кольцевой 15, 18
 рог 64
 рога 16-17, 20, 64, 111, 132, 139
 родник 14, 72, 78
 рожь 113, 141
 роща 47-48, 55, 58, 63
 роща священная 14, 47, 49, 55, 63
 рыба 41, 50, 75
 ряды камней 19
- С**
- сага 13, 43-44, 46-47
 сажа 144
 сако-массагетские племена 145
 сако-массагетский мир 143
 сакральный 12-13, 15, 26, 36, 44, 73, 93, 113
 саксы 65
 сапропит 32
 сарматы, сарматский 10, 99, 143-149
 свастика 17, 70, 79
 свебы 62, 65
 светильник 107-108, 133
 свинья 20, 34, 49, 54, 56, 58, 60, 66, 69, 71, 73-74, 79, 81-84, 86, 93, 98, 112-113, 147
 святилище 10, 14-21, 23, 26-30, 33-38, 40-41, 44-45, 47, 49-51, 55-56, 58, 65-66, 69, 73, 75-81, 84-88, 90-91, 93, 96-98, 100-102, 104, 108, 110, 112-113, 116, 121, 125, 128, 130, 140-141, 144, 149-150
 святилище славянское 10
 святое место 26
 священное место 14, 18, 21, 45, 73, 107, 110
 священный центр 141
 седло 41
 секира 17, 113
 селитра 103
 селище 71, 106, 109-110, 112, 115
 семиноны 47
 серебро 29, 44, 60, 66, 67
 серебряный 59, 60, 66, 93, 100, 140
 серп 22, 107, 113, 114, 116-117, 135
 символ 44
 символический 32
 синкретизм 109, 118, 125, 139, 143, 149
 ситиула 32, 52, 58
 скелет 20-21, 26, 30, 32, 41, 43-44, 49-50, 52, 54, 58-59, 64, 71-74, 79, 82-84, 91, 100, 112-113, 117, 126, 128, 132-133, 136, 139
 скипетр 67
 скифы, скифский 10, 40, 99-102, 104, 106, 108-109, 113-114, 117-118, 121, 128, 130, 132, 134-135, 138, 139, 141-144, 147-149
 скифы-земледельцы 99
 скифы-кочевники 100
 скифы-пахари 99
 склеп 101
 сколоты 99
 скот 14, 19, 24, 50, 54, 56, 67, 71-74, 84, 93, 96, 98
 скотоводство 12
 скульптура 12, 17, 35, 40, 44, 75, 76, 78
 скульптурный 100
 славяне, западные 22
 славяне, славянский 10, 18, 21-23, 33, 35, 45, 60, 67, 69, 70, 75, 76, 78, 79, 88, 91, 93, 97, 98, ПО, 112, 139, 148
 сланец 111
 собака 11, 21, 26, 28, 34, 44, 49-52, 54, 56, 58-60, 63-64, 66, 69, 71, 79, 81-87, 91, 96, 98, 104, 110, 112, 119, 122, 124-126, 128, 130, 132, 136-139
 собор 41
 сожжение 17, 18
 солнечный 17, 71, 94
 солнце 17, 41, 47, 67, 70, 71, 112, 135, 144, 148
 солярный 44
 спираль 50, 71, 124-125, 134
 средиземноморский 12
 средневековые, средневековый 12, 15, 22, 30, 35, 36, 49, 61, 66, 70, 72, 75, 78, 97-98, 124, 130, 139
 срубная, к-ра 100, 116, 121, 124
 статуэтка 32, 108-109, 111, 126, 128, 130, 133-134, 140, 141
 статуя 14, 16, 32, 34, 40, 100-101
 стекло, стеклянный 20, 28, 61, 93, 94, 111
 стела 14, 17-18, 21, 26, 40
 стратиграфии 49
 стрела 16, 20, 22, 29, 58-59, 61, 100, 103, 104, 111, 113, 117, 119, 120, 126, 128, 134, 138, 140, 145, 149
 ступка 141
- Т**
- тевтоны 60
 Тей, к-ра 149
 телоположение 87
 телята 84
 теменос 126
 тёрочник 144
 тесло 116
 тинг 67
 тис 34
 топор 29, 32, 41, 60-61, 101, 107
 торквес 17, 26, 40-41, 43-44
 торф 49-50, 52, 54, 56, 59, 61, 62, 64, 93, 95
 торфяник 43, 49, 61
 точильный брусок 139
 точильный камень 111
 трапеза 108, 145
 тризна 101
 трипольская, к-ра 124, 126, 130, 142
 трипольский 137, 141-142,
 трон 13
 труп 55, 60-63, 75
 труположение 21, 26, 80, 84-85, 121, 128, 146
 трупосожжение 17-18, 28, 35, 71, 74, 84-85, 87, 106, 121, 143
 тур 20, 28
 тшинецкая, к-ра 71
- У**
- убежище 15, 23, 73, 75
 угли 34, 91, 101, 106, 118, 120, 146
 уголь 20, 22, 28, 25, 30, 32, 34, 50, 64, 67, 71, 73, 83, 85, 104, 109, 119, 124, 126, 128, 130, 135-136, 114-147
 угольки 144
 удила 117
 узда 17
 уздечка 59, 111, 134
 украшения 12, 29, 30, 59, 60, 113
 умбоны 58
 урны 71
 утка 94

- Ф**
 фависса 128
 фибула 14, 16, 22, 28-29, 32, 35, 44-45, 51-52, 58-61, 65, 78, 80, 93-95, ИЗ, 149
 фигура, фигурка 17-18, 20, 31-32, 40-41, 44, 47, 49, 52-53, 55, 69-71, 75, 83, 86, 98, 113, 117-118, 125, 128, 130-131, 134, 136-138, 140-142
 финны 10
 фракийский 10, 99, 112, 116, 117, 118, 125, 126, 141, 142, 143, 148, 149, 150
 фракийский гальштат 99, 117, 148
 франки 46, 48, 65
 фрески 134
- Х**
 хель 47
 хлеб 29, 45
 хлебцы, глиняные 113-114, 116, 117, 122, 124, 128, 133-134, 138-142
 холм 73
 холмах 22, 23, 34, 73
 хора 125
 храм 10-11, 16, 24, 28-29, 33, 35-38, 40, 45, 47-49, 63, 66-69, 81-83, 85-86, 88, 90, 96-98, 100-101, 104, 107, 109-110, 118, 124, 126, 128, 132, 134, 142-144, 146, 149-150
 храм, галло-романский 37
 храм, католический 36
 храм, романо-кельтский 36
 храмово-погребальный комплекс 101
 храмовый комплекс 36, 110
- христиане 63, 67
 христианский 46, 69
 христианство 46, 48, 66-68, 97
 хтонический 21, 49, 71, 108, 147
- Ц**
 церемония 35
 церковь 67, 84
 церковь 84
- Ч**
 чаша 29, 113, 122, 126, 134, 139-141
 чаша Грааля 45
 челюсть 11, 19-20, 29-30, 52, 58, 71, 84, 93, 104, 112-113, 119, 132, 136
 череп 11, 19-21, 29-30, 32, 34, 36, 40-41, 43-45, 50-51, 54, 58-61, 64-66, 71-75, 78-79, 81, 84, 93, 97-98, 102, 104, 111-113, 117, 119, 121-122, 124, 126, 128, 131-132, 134, 136, 138-141, 144
 черепная коробка 30, 41, 113
 черепная крышка 20, 74
 черепная чашка 29
 чернолесская, к-ра 99, 116, 117, 122, 132, 141, 148
 чернолесский 99, 116, 117, 139, 148
 Черняховский 10, 86, 88, 143, 147
 чехи 12
 чучело 43
- Ш**
 шаровидных амфор, к-ра 84
 шахта 15, 21-22, 24, 28-30, 32-33, 43-45, 49, 73
- шильце 104
 шилья 59, 113, 119
 шлем 29, 61
 шпоры 20, 22, 59
- Щ**
 щит 58
- Э**
 эсхар 107, 108
 этруски 12
- Я**
 яблоня 134
 ягнята 139
 языческий 46, 66-68, 98
 язычество 47, 69-70, 97-98
 язычники 63, 66, 97-98
 якорь 61
 яма И, 14-15, 18, 20-24, 26, 28-29, 35-36, 43-45, 52, 54, 61, 64-67, 69, 71-72, 74-75, 78-79, 83-91, 97-98, 100, 102, 104, 109-110, 112, 116-122, 126, 128, 130-149
 яма жертвенная 14, 20-23, 28, 45, 54, 69, 71, 78, 79, 83, 89, 97, 102, 104, 109, 110, 116, 122, 126, 128, 132, 134, 140, 141, 149
 яма-колодец жертвенная 74
 янтарные бусины 60
 янтарный 60, 80, 93
 ясторфская, к-ра 64
 ячмень 22, 112, 113, 141

Научное издание

РУСАНОВА Ирина Петровна

**Истоки славянского язычества: Культовые сооружения Центральной
и Восточной Европы в I тыс. до н.э. - I тыс. н.э.**

Компьютерная верстка Б. Т. Ридуш

Здано до складання 15.06.2002. Підписано до друку 15.05.2002. Формат 60 x 84/8.
Папір офсетний. Гарнітура Times New Roman. Друк офсетний. Умов. друк. арк. 20,45.
Умов. фарб.-відб. 20,68. Обл.-вид. арк. 18,87. Тираж 500 прим. Вид. № 85. Зам. 1837.

Видавництво «Прут». 58000, Чернівці, Шептицького, 23.
Віддруковано поліграфічним підприємством «АНТ Лтд.».
58003 Чернівці, вул. Зелена, 5.